ОДИН НА ОДИН С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УБИЙЦЕЙ

Спаситель

Ю НЕСБЁ

Книги Ю Несбё переведены на 50 языков

Спаситель
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Спаситель
Часть первая. Адвент
Глава 1. Август 1991 года. Звезды
Глава 2. Воскресенье, 13 декабря 2003 года. Визит
Глава 3. Воскресенье, 13 декабря. Укус
Глава 4. Понедельник, 14 декабря. Прощание
Глава 5. Понедельник, 14 декабря. «Маяк»
Глава 6. Понедельник, 14 декабря. Халворсен
Глава 7. Вторник, 15 декабря. Анонимность
Глава 8. Среда, 16 декабря. Ужин
Часть вторая. Спаситель
Глава 9. Среда, 16 декабря. Снег
Глава 10. Четверг, 17 декабря. Скептик
Глава 11. Четверг, 17 декабря. Хорват
Глава 12. Четверг, 17 декабря. Больница и пепел
Глава 13. Четверг, 17 декабря. Тиканье
Глава 14. Ночь на пятницу, 18 декабря. Темнота
Глава 15. Ночь на пятницу, 18 декабря. Покушение

Глава 16. Пятница, 18 декабря. Беженец
Глава 17. Пятница, 18 декабря. Лицо
Глава 18. Пятница, 18 декабря. Шахта
Глава 19. Пятница, 18 декабря. Контейнер
Часть третья. Распятие
Глава 20. Пятница, 18 декабря. Храм
Глава 21. Суббота, 19 декабря. Загреб
Глава 22. Суббота, 19 декабря. Мелкота
Глава 23. Ночь на воскресенье, 20 декабря. Собаки
Глава 24. Воскресенье, 20 декабря. Обещание
Глава 25. Воскресенье, 20 декабря. Прощение
Глава 26. Воскресенье, 20 декабря. Фокус
Глава 27. Понедельник, 21 декабря. Ученик
Глава 28. Понедельник, 21 декабря. Поцелуй
Часть четвертая. Милость
Глава 29. Вторник, 22 декабря. Командир
Глава 30. Вторник, 22 декабря. Молчание
Глава 31. Вторник, 22 декабря. Воскресение
Глава 32. Вторник, 22 декабря. Исход
Глава 33. Вторник, 22 декабря. Самый короткий день
Глава 34. Вторник, 22 декабря. Распятие
Часть пятая. Эпилог
Глава 35. Вина

Аннотация

Пытаясь заглушить тоску по Ракели, Харри Холе с головой погружается в работу. Теперь он совсем один – коллеги его не любят, старый начальник ушел, а новый выше всего ставит дисциплину. В этом Харри не силен, зато он здорово расследует убийства. В Осло появился международный киллер, на благотворительном концерте застрелен солдат Армии спасения… Чтобы разобраться в невероятно запутанном преступлении и по-своему восстановить справедливость, Харри предстоит раскрыть немало зловещих тайн.

Ю Несбё
Спаситель

Jo Nesbø
FRELSEREN

Copyright © Jo Nesbø 2005
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия Звезды мирового детектива»

© Н. Федорова, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столько величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасать».

Исаия, 63: 1

Часть первая
Адвент

Глава 1
Август 1991 года. Звезды

Ей было четырнадцать, и она твердо верила, что если зажмурить глаза и сосредоточиться, то прямо сквозь потолок увидишь звезды.

Вокруг дышали женщины. Ровное, глубокое, сонное дыхание. Только одна храпела — тетя Сара, которой отвели место на матрасе под открытым окном.

Она закрыла глаза, попробовала дышать как другие. Не спится, особенно потому, что все вокруг внезапно стало новым и совершенно иным. Звуки ночи и леса за окном здесь, в Эстгоре, совсем другие. И люди, хорошо знакомые по собраниям в Храме и по летним лагерям, словно бы изменились. Как и она сама. Нынешним летом лицо и тело в зеркале над умывальником были новые. И ощущения, эти волны жара и холода, что пронизывали ее, когда кто-нибудь из мальчиков на нее смотрел. В особенности один из них. Роберт. Он тоже стал другим в этом году.

Она опять открыла глаза, уставилась в пространство. Бог властен вершить дивные дела, в

том числе и позволить ей увидеть звезды сквозь потолок. Если только пожелает.

День выдался долгий, суматошный. Сухой летний ветер шумел в луговых травах, листья деревьев плясали как в лихорадке, и свет дождем сеялся на дачников во дворе. Они слушали курсанта Офицерского училища Армии спасения, который рассказывал, как работал проповедником на Фарерах. Славный парень, и говорил он с большим чувством и увлеченностью. Но ее больше занимало другое: она отгоняла жужжащего над головой шмеля, а когда он вдруг улетел, ее разморило от жары и она задремала. Курсант закончил, все взгляды устремились на командира, Давида Экхоффа, а он смотрел на них улыбчивыми молодыми глазами, хотя было ему за шестьдесят. Приветственным жестом Армии спасения командир поднял правую руку над плечом, направив указательный палец в небеса, и звучно произнес «аллилуйя!». Затем предложил благословить работу курсанта среди бедных и отверженных и напомнил всем Евангелие от Матфея, где сказано, что Иисус Спаситель может незнакомцем бродить по улицам, может быть узником в тюрьме, голодным и нагим. И что в судный день праведники, помогавшие малым сим,

пойдут в жизнь вечную. Похоже, намечалась продолжительная речь, но тут ему что-то шепнули, он рассмеялся и сказал, что в программе, конечно же, стоит Молодежная смена и что сегодня черед Рикарда Нильсена.

Она слышала, как Рикард заговорил взрослым голосом, не таким, каким благодарил командира. По обыкновению, Рикард все заранее записал и выучил наизусть. И теперь без запинки рассуждал о борьбе, которой решил посвятить свою жизнь, об Иисусовой борьбе за Царство Божие на земле. Говорил взволнованно и все же монотонно, усыпляюще. Исподлобья устремив на нее задумчивый взгляд. Она поморгала глазами, наблюдая, как его потная верхняя губа шевелится, формирует знакомые, солидные, скучные фразы. И поэтому не сразу сообразила, что чья-то рука тронула ее спину. Только когда кончики пальцев пробежались по позвоночнику до поясницы и ниже, она оцепенела под тонким летним платьем.

Обернувшись, она увидела перед собой смеющиеся карие глаза Роберта. И пожалела, что не такая смуглая, как он, ведь лучше бы ему не видеть, что она залилась румянцем.

— Тсс! — прошептал Юн.

Роберт и Юн — братья. Хотя Юн на год старше,

многие, бывало, принимали их за близнецов. Но теперь Роберту уже семнадцать, братское сходство по-прежнему заметно, однако и различия проступили ярче. Роберт — веселый, беззаботный, любит позубоскалить и хорошо играет на гитаре, а вот на богослужениях в Храме не очень-то сосредоточен, да и в зубоскальстве иной раз заходит далековато, особенно если замечает, что рассмешил окружающих. В таких случаях Юн нередко одергивает брата. Юн — парень порядочный, исполнительный, большинство рассчитывало, что он пойдет в Офицерское училище и — вслух об этом не говорили — найдет себе девушку в Армии спасения. Что до Роберта, то насчет последнего пункта многие питали сомнения. Ростом Юн был на два сантиметра выше Роберта, но, как ни странно, именно Роберт казался выше. Дело в том, что Юн лет с двенадцати начал сутулиться, будто все тяготы мира легли на его плечи. Оба смуглые, с красивыми правильными чертами лица, только выражение глаз совершенно разное. В глазах Роберта сквозило что-то мрачное, загадочное. Ей и хотелось, и не хотелось выяснить, что это такое.

Рикард все говорил, а она скользила взглядом по знакомым лицам собравшихся. Однажды она

выйдет замуж за какого-нибудь парня из Армии спасения, возможно, их пошлют тогда в другой город, в другую часть страны. Но они всегда будут возвращаться сюда, в Эстгор, ведь Армия недавно купила это имение именно затем, чтобы оно стало для всех местом летнего отдыха.

Чуть поодаль, на крыльце дома, сидел светловолосый парнишка, гладил кошку, устроившуюся у него на коленях. Она заметила, что он только что смотрел на нее, но успел отвести глаза, прежде чем она перехватила его взгляд. С ним она не была знакома, хотя знала, что это Мадс Гильструп, внук бывших хозяев Эстгора, что он на несколько лет старше ее и что Гильструпы — семейство богатое. Вообще-то, он симпатичный, только одинокий какой-то. Кстати, что он тут делает? Приехал накануне вечером, ходил вокруг с хмурой складкой на лбу, ни с кем не разговаривал. Но несколько раз она чувствовала на себе его взгляд. Все в этом году смотрели на нее. Это тоже было непривычно.

Она резко вышла из задумчивости, когда Роберт схватил ее за руку, сунул что-то в ладонь и сказал:

— Приходи в сенной сарай, когда генеральский отпрыск закруглится. Хочу кое-что тебе

показать.

Он встал и ушел, а она глянула на свою ладонь и чуть не вскрикнула. Прижав другую руку к губам, бросила в траву — шмеля. Он еще шевелился, но и ножки, и крылья были оторваны.

Рикард наконец закруглился, а она все сидела, глядя, как ее родители вместе с родителями Юна и Роберта прошли к столам с кофе. Те и другие считались в своих ословских приходах «крепкими семьями», как принято говорить в Армии, и она знала, что за ней присматривают.

Она пошла в сторону уборной. А за углом, когда никто уже не мог ее видеть, быстро метнулась в сенной сарай.

— Знаешь, что это за штука? — спросил Роберт.

Глаза у него смеялись, а голос звучал басовито, не так, как прошлым летом.

Лежа на сене, он обстругивал корешок складным ножом, который всегда носил с собой. Сейчас он поднял корешок вверх, и она разглядела, что это. Видела уже на картинках. Вся надежда, что в сарае темно и он не заметит, как она покраснела.

— Нет, — соврала она и села рядом на сено.

Роберт смотрел на нее насмешливым взглядом, будто знал про нее что-то такое, чего она и сама не

знала. Она тоже смотрела на него, откинувшись назад и опершись на локти.

— Его место вот тут.

Рука Роберта неожиданно оказалась у нее под платьем. Она почувствовала деревяшку на внутренней стороне бедра, и, прежде чем успела сдвинуть ноги, та ткнулась в трусы. Роберт горячо дышал ей в шею.

— Нет, Роберт, — прошептала она.

— Я вырезал это специально для тебя, — шепнул он в ответ.

— Перестань, я не хочу.

— Ты говоришь «нет»? Мне?

У нее дух перехватило, она не могла ни ответить, ни закричать, но тут от двери послышался голос Юна:

— Роберт! Прекрати!

Она почувствовала, как он расслабился, отпустил ее, убрал руку, а деревяшка так и осталась зажата у нее между бедер.

— Поди сюда! — скомандовал Юн, словно подзывая непослушную собаку.

Роберт встал с коротким смешком, подмигнул ей и вышел к брату, на солнце.

Она села и принялась отряхивать с себя травинки, чувствуя одновременно и облегчение, и стыд.

Облегчение оттого, что Юн прекратил эту дикую игру. А стыд оттого, что он, кажется, решил, будто здесь больше чем игра.

Позднее, во время молитвы перед ужином, она подняла голову и тотчас встретилась взглядом с Робертом: он шевелил губами, произнося какое-то слово, она не поняла какое, но хихикнула. Вот сумасшедший! А она… да, а она? Тоже сумасшедшая. Но совсем не так, как в двенадцать лет или в тринадцать. Сейчас ей четырнадцать, и это куда серьезнее. Важнее. И интереснее.

Она чувствовала, как внутри закипает смех, но по-прежнему лежала, буравя взглядом потолок.

Тетя Сара под окном хрюкнула и перестала храпеть. На улице послышалось уханье. Филин, что ли?

Надо в уборную, по-маленькому.

Не хочется вставать, но надо. Придется идти по мокрой от росы траве мимо сенного сарая, темного и совсем чужого посреди ночи. Она закрыла глаза — нет, без толку. Вылезла из спального мешка, сунула ноги в сандалии и на цыпочках пробралась к двери.

На небе кое-где виднелись звезды, но они скоро исчезнут, ведь уже через час начнет рассветать. Прохладный воздух обвевал кожу, пока она спе-

шила по тропинке, слушая непонятные ночные звуки. Какие-то насекомые, которых днем не видно и не слышно. Звери на охоте. Рикард говорил, что видел в роще лисиц. А может, звери и насекомые те же, что и днем, просто звуки ночью другие. Меняются. Преображаются.

Уборная одиноко стояла на пригорке за сенным сараем. И по мере приближения как бы выростала. Чудной, кособокий домишко, сколоченный из некрашеных досок, кривых, растрескавшихся, серых от непогоды. Без окон, только в двери прорезь сердечком. А хуже всего, что никогда не знаешь, есть там кто или нет.

Почему-то ей казалось, что там определенно кто-то сидит.

Она покашляла — если в кабинке кто-то есть, он может подать знак.

Сорока взлетела с ветки на опушке. И всё, тишина.

Она шагнула на каменную ступеньку. Взялась за чурочку, которая служила дверной ручкой. Потянула на себя. Внутри было темно и пусто.

Она перевела дух. Возле сиденья стоял карманный фонарик, но включать его незачем. Она подняла крышку сиденья, закрыла дверь и накинула крючок. Подобрала ночную рубашку, сняла

трусы, села. В наступившей тишине словно бы послышались какие-то звуки. Явно не зверек, не сорока, не насекомое. Что-то быстро двигалось в высокой траве за уборной. Потом все заглушило журчание. Но сердце у нее уже стучало как молот.

Ну вот, она быстро натянула трусы и замерла в темноте, напрягая слух. Но услышала только легкий шорох листьев да гулкие удары собственного сердца. Подождала, чтобы сердцебиение унялось, подняла крючок, открыла дверь. Темная фигура заслоняла почти весь проем. Должно быть, он тихонько караулил на ступеньках. Секунду спустя она лежала на сиденье, а он, стоя над ней, закрыл дверь.

— Ты? — вырвалось у нее.

— Я, — отозвался он чужим, дрожащим, сиплым голосом.

Он навалился на нее. Глаза поблескивали в темноте, когда он до крови прокусил ей губу и одной рукой сорвал с нее трусы. А она лежала как агнец под ножом, который жег ей шею, меж тем как он судорожно расстегивал брюки и прижимался к ней, словно течная собака.

— Только пикни — на куски изрежу! — прошипел он.

И она не пикнула. Ведь ей было всего четырнадцать, и она твердо верила, что если сосредоточиться и зажмурить глаза, то сквозь крышу увидишь звезды. Бог властен совершать такие вещи. Если пожелает.

Глава 2
Воскресенье, 13 декабря 2003 года. Визит

Он присматривался к своему отражению в вагонном окне. Пытался понять, в чем секрет. Но не видел в лице над красной шейной косынкой ничего особенного — обыкновенное, невыразительное лицо, глаза, волосы, на фоне стен туннеля между станциями «Курсель» и «Терн» такие же темные, как вечная ночь метро. На коленях у него лежала «Монд», обещала снег, но парижские улицы там, наверху, под сплошными низкими тучами по-прежнему холодны и голы. Ноздри его расширились, втянули слабый, но вполне отчетливый запах сырого цемента, человеческого пота, жженого металла, одеколона, табака, влажной шерсти и желчной кислоты — совершенно неистребимый запах вагонов метро.

Под напором воздуха от встречного поезда стекло завибрировало, в темноте за окном промелькнули тусклые прямоугольники света. Он сдвинул рукав пальто, взглянул на часы «Сейко SQ50», полученные от одного из клиентов в счет

оплаты. На стекле уже появились царапины, так что, может, они вовсе и не настоящие, а подделка. Четверть восьмого. Воскресный вечер, вагон заполнен лишь наполовину. Он огляделся. Люди в метро спали, всегда. Особенно по будням. Отключались, закрывали глаза, превращая каждодневную поездку в лишенный сновидений пустой промежуток, а красный или синий отрезок на схеме метро — в этакий темный прочерк меж работой и свободой. Он читал про человека, который вот так, с закрытыми глазами, просидел в метро целый день, ездил туда и обратно, и только когда ночью перед отправлением в парк осматривали вагоны, обнаружилось, что он мертв. Может статься, он и спустился в здешние катакомбы нарочно, чтобы в этом светло-желтом гробу без помех соединить синим прочерком жизнь и потусторонность.

Сам он держал путь в другую сторону. К жизни. Ему оставалось сегодня вечером выполнить работу здесь, а потом еще одну, в Осло. Последнюю. И он покинет катакомбы навсегда.

Резкий звонок — станция «Терн», двери захлопнулись. Поезд снова пришел в движение.

Он закрыл глаза, попробовал представить себе другой запах. Запах шариков дезодоранта и

свежей теплой мочи. Запах свободы. Но наверно, его мать, учительница, говорила правду: человеческий мозг способен до мельчайших деталей воспроизвести увиденное или услышанное, только не запах, даже самый обычный и сильный.

Запах. Перед внутренним взором замелькали картины. Ему пятнадцать, он сидит в коридоре вуковарской больницы, слушает, как мать тихонько молится апостолу Фоме, святому покровителю строительных рабочих, просит заступиться перед Господом за мужа. От реки доносится грохот сербской артиллерии, а из детской палаты — крики тех, кого там оперируют, ведь младенцев в детской палате больше нет, женщины перестали рожать, с тех пор как началась осада. Он работал в больнице посыльным и привык отключаться от звуков — и от криков, и от канонады. Но не от запахов. Особенно от одного. При ампутации хирурги сначала резали мышцы до самой кости и, чтобы пациент не истек кровью, чем-то вроде паяльника прижигали сосуды, тем самым останавливая кровотечение. А запах горелой плоти и крови ни с чем не спутаешь.

Врач вышел в коридор, жестом предложил им с матерью зайти в палату. Когда они подошли к койке, он не рискнул посмотреть на отца, уперся

взглядом в его большой загорелый кулак, стиснувший матрас словно в попытке порвать его. Вообще-то, отец вполне мог это сделать, ведь руки у него самые сильные во всем городе. Отец работал арматурщиком; когда стены были возведены, наставал его черед: он брался руками за торчащие из бетона прутья и быстрым сноровистым движением крепко скручивал их концы. Он видел отца за работой — казалось, тот скручивал тряпку. Никто пока не придумал машину, которая бы лучше справлялась с этой задачей.

Он опять зажмурился, услышав отцовский крик, полный боли и отчаяния:

«Пусть мальчик уйдет!»

«Он сам попросил…»

«Пусть уйдет!»

Голос врача: «Кровотечение остановлено, сейчас начнем!»

Кто-то подхватил его под мышки, поднял. Он упирался, но был такой маленький, такой легкий. Вот тогда-то он и почуял этот запах. Запах горелой плоти и крови.

Последнее, что он услышал, был голос врача:

«Пилу!»

Дверь за ним захлопнулась, он рухнул на колени и продолжил материну молитву с того места,

где она остановилась. Спаси его. Пусть он останется калекой, только спаси. Бог властен совершить такое. Если пожелает.

Он ощутил на себе чей-то взгляд, открыл глаза, вернулся в метро. На скамейке напротив сидела женщина — суровое, напряженное лицо, усталые, отрешенные глаза, которые она поспешно отвела в сторону. Секундная стрелка на часах рывками двигалась по кругу, пока он в уме повторял адрес. Проверил пульс. Нормальный. Голова легкая, но не слишком. Он не мерз и не потел, не испытывал ни страха, ни радости, ни досады, ни удовольствия. Поезд замедлил ход. «Шарль-де-Голль — Этуаль». Напоследок он еще раз взглянул на женщину. Она пристально смотрела на него, однако, доведись им встретиться вновь, хоть сегодня же вечером, наверняка его не узнает.

Он встал, подошел к двери. Негромко скрипнули тормоза. Дезодорант и моча. И свобода. Которую все ж таки невозможно представить себе как запах. Двери скользнули в стороны.

Харри вышел на платформу, остановился, вдохнул теплый затхлый воздух, взглянул на листок с адресом. Двери за спиной закрылись, легкое дуновение подсказало, что поезд снова тронулся. Харри зашагал к выходу. Рекламный плакат над

эскалатором сообщал, что есть средства избежать простуды. Как бы в ответ он закашлялся, подумал: «Черта с два!» — сунул руку в глубокий внутренний карман шерстяного пальто, нащупал под фляжкой сигареты и пачку молочных пастилок.

С сигаретой в зубах он миновал стеклянную дверь, оставил позади неестественное сырое тепло ословской подземки и по лестнице поднялся на совершено естественный для Осло мороз, в декабрьские потемки. Машинально съежился. Эгерторг. Маленькая открытая площадь, перекресток пешеходных улиц в самом сердце столицы, если в эту пору года у нее вообще было сердце. Торговые киоски, несмотря на воскресенье, открыты, ведь до Рождества без малого две недели, и площадь кишела людьми, сновавшими в желтых отсветах из окон незатейливых четырехэтажных магазинов, которые окаймляли площадь. Глядя на пакеты с подарками, Харри напомнил себе, что надо купить что-нибудь Бьярне Мёллеру, — завтра у него последний рабочий день в Полицейском управлении. Многолетний начальник и главный защитник Харри в полиции наконец-то осуществил свой план отступления и со следующей недели займет в Управлении полиции Бергена должность так называемого

старшего следователя по особым делам. Фактически это означало, что Бьярне Мёллер впредь до пенсии сможет делать что хочет. Неплохо, но Берген? Дождь и сырые, холодные горы. Мёллер и родом вовсе не оттуда. Харри всегда относился к Бьярне Мёллеру с большой симпатией, хотя не всегда его понимал.

Какой-то мужчина в комбинезоне-дутике вперевалку, точно астронавт, прошел мимо, выпуская из круглых розовых щек морозный пар. Сутулые спины и замкнутые зимние лица. У стены возле часовой мастерской Харри заметил бледную женщину в тонкой черной кожаной куртке с дырой на локте: переминаясь с ноги на ногу, она оглядывалась по сторонам в надежде найти дилера. Попрошайка, длинноволосый, небритый, но вполне хорошо одетый в теплые и модные молодежные шмотки, сидел на газоне в позе йога, прислонясь к фонарному столбу, склонив голову и как бы медитируя, рядом стояла картонная кружка из-под капучино. В последний год Харри замечал все больше попрошаек и удивлялся, до чего они похожи один на другого. Даже картонные кружки и те одинаковые, словно некий тайный знак. Может, это инопланетяне украдкой захватывают его город, его улицы. А

что? Да пожалуйста.

Харри вошел в часовую мастерскую.

— Можете починить? — спросил он молодого человека за прилавком, протягивая ему дедовские часы, в прямом смысле дедовские.

Харри получил их еще ребенком, в Ондалснесе, в тот день, когда хоронили маму. И сначала даже испугался, но дед успокоил его, сказал, что часы всегда передают из рук в руки и что в свое время Харри тоже должен их передарить: «Пока не поздно».

Харри начисто забыл про эти часы и не вспоминал до нынешней осени, когда Олег гостил у него на Софиес-гате и, разыскивая игровую приставку, обнаружил в ящике стола серебряный хронометр. Девятилетний мальчуган, давно превзошедший Харри в их любимой игре, а именно в несколько устарелом «тетрисе», тотчас забыл про состязание, которое предвкушал с таким восторгом, и занялся часами — вертел, крутил, встряхивал, пытаясь заставить их ходить.

«Они сломаны», — сказал Харри.

«Ерунда, — ответил Олег. — Все можно починить».

В глубине души Харри надеялся, что так оно и есть, но в иные дни его одолевали большие

сомнения. Все же он неуверенно подумывал, не познакомить ли Олега с группой «Юкке и валентинки», с их альбомом «Все можно починить». Но по зрелом размышлении пришел к выводу, что мать Олега, Ракель, вряд ли одобрит, что бывший ее возлюбленный и алкоголик подсовывает сыну песни о пьянстве, написанные и исполненные покойным наркоманом.

— Можно починить? — спросил он молодого человека за прилавком.

Проворные, умелые пальцы быстро открыли механизм.

— А стоит ли?

— В каком смысле?

— У антиквара можно купить часы получше, причем исправные, и обойдутся они дешевле, чем ремонт вот этих.

— Все-таки попробуйте, — сказал Харри.

— Ладно. — Молодой человек уже принялся изучать механизм и, похоже, был вполне доволен решением клиента. — Приходите в среду.

Выйдя на улицу, Харри услышал хрупкий звук гитарной струны, донесшийся из усилителя. Громкость возросла, когда гитарист, парень со скудной растительностью на лице, в напульсниках, подкрутил один из колков. Скоро здесь,

на Эгерторг, состоится традиционный предрождественский концерт в пользу Армии спасения с участием известных артистов. Народ уже потихоньку собирался возле группы музыкантов, которые расположились посредине площади, за треногой с черной кружкой Армии спасения.

— Это ты?

Харри обернулся. Бабенка, та, со взглядом наркоманки.

— Ты, да? Вместо Снупи? Мне срочно нужна доза, я…

— Извини, — перебил Харри, — не по адресу.

Она уставилась на него. Склонила голову набок, прищурилась, словно прикидывая, не смеется ли он над ней.

— Но я же видела тебя раньше!

— Я из полиции.

Она осеклась. Харри вздохнул. Реакция у нее заторможенная, его слова будто пробирались в обход сгоревших нервных волокон и разрушенных синапсов. Но вот в глазах тускло затлела ненависть, как он и ожидал.

— Легавый?

— По-моему, у нас уговор, чтобы вы держались на Плате, а? — Харри смотрел мимо нее, на вокалиста.

— Да ладно, — буркнула бабенка и встала у Харри прямо перед носом. — Ты не из наркоотдела. Тебя по телику казали, из-за убийства…

— Убойный отдел. — Харри легонько взял ее за локоть. — Послушай. То, что тебе нужно, найдешь на Плате. Не вынуждай меня тащиться с тобой в участок.

— Нельзя мне туда! — Она вырвала руку.

Харри пожалел, что связался с ней, и поднял руки:

— Скажи хотя бы, что не станешь тут покупать, и я уйду. Согласна?

Она опять склонила голову к плечу. Тонкие бескровные губы чуточку дрогнули, точно она усмотрела в ситуации что-то забавное.

— Сказать тебе, почему я не могу пойти на Плату?

Харри молчал, ожидая продолжения.

— Мальчонка мой там, вот почему.

Он ощутил ком под ложечкой.

— Не хочу, чтобы он видел меня такой. Понятно тебе, легавый?

Харри смотрел в ее строптивое лицо, соображая, что сказать в ответ.

— Счастливого Рождества! — бросила она, поворачиваясь к нему спиной.

Харри швырнул сигарету в бурую снежную пыль, зашагал прочь. Скорей бы покончить с этим делом. Он не смотрел на встречных прохожих, и они тоже на него не смотрели, буравили взглядом ледяную корку под ногами, будто совесть у них нечиста, будто они, граждане самой щедрой на свете социал-демократии, все-таки стыдились. «Мальчонка мой там, вот почему».

На Фреденсборгвейен, рядом с Дайкманской библиотекой, Харри остановился: вот он, адрес, указанный на конверте. Запрокинул голову. Серый с черным фасад, свежеоштукатуренный. Сырая мечта граффитиста. В окнах кое-где уже развешены рождественские украшения — силуэты на фоне мягкого желтого света, наводящего на мысль о теплом семейном уюте. «Возможно, так оно и есть», — подумал Харри. Через силу, потому что, прослужив двенадцать лет в полиции, поневоле заражаешься презрением к людям, которое неизбежно сопутствует этой службе. Но он этому противился, надо отдать ему должное.

Отыскав звонок с нужной фамилией, Харри закрыл глаза, постарался прикинуть, как повести разговор, сформулировать вопрос. Без толку. По-прежнему мешал ее голос: «Не хочу, чтобы он видел меня такой».

Он махнул рукой. Есть ли вообще способ сформулировать невозможное?

Большим пальцем он надавил на холодную кнопку, и где-то в доме зазвенел звонок.

Капитан Юн Карлсен отпустил кнопку звонка, поставил на тротуар тяжелые пластиковые пакеты, глянул вверх, на фасад. Дом словно подвергся обстрелу легкой артиллерии. Штукатурка во многих местах обвалилась, окна пострадавшей от пожара квартиры на втором этаже заколочены досками. Сначала он прошел мимо голубого фредриксеновского дома — казалось, мороз высосал краски и сделал все фасады на Хаусманнс-гате совершенно одинаковыми. Только заметив захваченный бомжами дом, на стене которого было намалевано «Западный рубеж», он сообразил, что проскочил нужный адрес. Трещина в стекле двери походила на букву «V». На знак победы.

Юн поежился в своей непромокаемой куртке: хорошо еще, что форма Армии спасения сшита из добротной чистой шерсти. По окончании Офицерского училища, когда пришел черед новой формы, ни один из готовых мундиров на складе Армии ему по размеру не подошел, поэтому он получил отрез и отправился к портному, который дымил ему в лицо и ни с того ни с сего объявил,

что не считает Иисуса своим персональным спасителем. Но дело свое он знал, и Юн тепло поблагодарил его, поскольку не привык к одежде, хорошо на нем сидящей. Должно быть, всему виной сутулая спина. Те, кто сегодня вечером видел, как он шагает по Хаусманнс-гате, думали, наверно, что парень сутулится от ледяного декабрьского ветра, который швырял в лицо колючую снежную крупу и гнал застывшие в камень отбросы по тротуарам улиц, где громыхали тяжелые машины. Однако те, кто знал Юна Карлсена, говорили, что он горбит спину, чтобы убавить себе рост и нагнуться к тем, кто ниже его. Вот как нагнулся сейчас возле подъезда, чтобы двадцатикроновая монета попала в коричневую картонную кружку, зажатую в грязной трясущейся руке.

— Как дела? — спросил он у бесформенной фигуры, которая, скрестив ноги, сидела на куске картона прямо на тротуаре, в снежной поземке.

— Жду очереди на курс метадона, — произнес горемыка монотонно, с запинкой, точно плохо затверженный псалом, не сводя глаз с колен черных Юновых брюк.

— Ты бы зашел в наше кафе на Уртегата, — сказал Юн. — Погреешься, поешь и…

Конец фразы утонул в реве машин, на светофоре у них за спиной вспыхнул зеленый.

— Времени нету, — отозвался попрошайка. — Полсотни у тебя не найдется?

Вечный наркоманский фокус, как всегда, застал Юна врасплох. Он вздохнул и сунул в кружку сотенную купюру.

— Посмотри себе что-нибудь во «Фретексе». Если там нету, приходи в «Маяк», мы завезли туда новые зимние куртки. Замерзнешь ведь в своей тоненькой джинсовке.

Юн сказал это со смирением человека, который знает, что милостыня его пойдет на покупку наркотиков, а куда податься? Всегдашний припев, одна из невыносимых моральных дилемм.

Он еще раз нажал кнопку звонка. Глянул на свое отражение в грязном стекле витрины рядом с подъездом. Теа говорит, он большой, высокий. А на самом деле ничего подобного. Он маленький. Маленький солдат. Однако затем маленький солдат двинет в «Думпу» на Мёллервейен за Акером, где начинаются восточная окраина и Грюнерлёкка, через Софиенберг-парк на Гётеборггата, 4, к дому, который принадлежал Армии спасения и сдавался ее сотрудникам, войдет в подъезд В, возможно, кивнет легонько другим жильцам, а

они, вероятно, решат, что он направляется к себе, на четвертый этаж. Но он поднимется лифтом на пятый, перейдет через чердак в подъезд А, прислушается, свободен ли путь, поспешит к квартире Теа и постучит условным стуком. А она откроет дверь и заключит его в объятия, где он снова оживет.

Вибрация.

Сначала он почему-то подумал, что дрожит земля, город, фундамент. Потом поставил один пакет на асфальт, сунул руку в карман брюк. Мобильник вибрировал в ладони. На дисплее номер Рагнхильд. Только сегодня уже третий раз. Он понимал, откладывать больше нельзя, надо ей рассказать. Что они с Теа решили обручиться. Правда, прежде необходимо найти правильные слова. Он убрал телефон в карман и постарался не смотреть на свое отражение. Но решение принял. Хватит праздновать труса. Наберись смелости. Стань большим солдатом. Ради Теа с Гётеборггата. Ради отца в Таиланде. Ради Господа на небесах.

— Чего надо? — тявкнул динамик домофона.

— Привет. Это Юн.

— Кто?

— Юн. Из Армии спасения.

Он ждал.

— Чего тебе надо? — просипел голос.

— Я принес еду. Вам, наверно, пригодится…

— Сигареты есть?

Юн сглотнул, потопал ногами в снегу.

— Нет, на этот раз денег хватило только на продукты.

— Черт.

Снова тишина.

— Алло? — окликнул Юн.

— Чего? Думаю я.

— Если хочешь, могу зайти попозже.

Зажужжал механизм замка, и Юн поспешно толкнул дверь.

Помойка, а не подъезд: брошенные газеты, пустые бутылки, желтые наледи мочи. Хорошо еще, что мороз избавил его от необходимости вдыхать едкую, тошнотворную вонь, наполнявшую дом в теплую погоду.

Он старался не шуметь, но все равно топал. Женщина, поджидавшая в дверях, смотрела на пакеты. «Чтобы не смотреть на меня», — подумал Юн. Лицо у нее оплывшее, отечное, что неудивительно после стольких лет пьянства, и сама поперек себя шире, в халате, под которым виднеется замызганная майка. Из квартиры тянуло каким-то смрадом.

Юн остановился на площадке, поставил пакеты на пол.

— Муж твой тоже дома?

— Да, он дома, — сказала она с мягким французским выговором.

Красивая. Высокие скулы, большие миндалевидные глаза. Узкие бледные губы. И одета хорошо. Во всяком случае, насколько он мог видеть в приоткрытую дверь.

Машинально он поправил красную косынку на шее.

Дверь тяжелая, дубовая, без таблички, замок солидный, из латуни. Еще стоя в подъезде на авеню Карно и дожидаясь, когда консьержка откроет входную дверь, он отметил, что все здесь выглядит новым и дорогим: и дверная рама, и домофон, и замки. А то, что светло-желтый фасад и белые жалюзи покрыты налетом уличной сажи, только подчеркивало почтенную солидность этого парижского квартала. В подъезде развешены оригинальные живописные полотна.

— А в чем дело?

И взгляд, и интонация совершенно безучастны, хотя, возможно, скрывают легкую недоверчивость, вызванную его скверным французским.

— У меня сообщение, мадам.

Она помедлила. Но в итоге поступила так, как он и ожидал.

— Ну что ж. Подождите здесь, я его позову.

Она закрыла дверь, хорошо смазанный замок мягко вошел в гнездо. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу. Да, французский надо бы подучить. Вечерами мать заставляла его долбить английский, но во французском так и не навела порядок. Он смотрел на дверь. Французский проем. Французский визит. Красиво.

Ему вспомнился Джорджи. Белозубый улыбчивый Джорджи был на год старше, значит, сейчас ему двадцать четыре. Он все такой же красивый? Белокурый, маленький, пригожий, как девушка? Он был влюблен в Джорджи без предрассудков и оговорок, как могут влюбляться только дети.

За дверью послышались шаги. Мужские. Сейчас дверь откроется. Синий прочерк меж работой и свободой, отсюда до мыла и мочи. Скоро пойдет снег. Он приготовился.

В дверном проеме возникла физиономия мужчины.

— Какого черта тебе тут надо?

Юн поднял пакеты, изобразил улыбку.

— Свежий хлеб. Хорошо пахнет, верно?

Фредриксен положил загорелую ручищу жене

на плечо, задвинул ее в квартиру.

— Я чую только одно: христианскую кровь…

Он произнес это четко, трезвым голосом, но водянистые глаза на бородатом лице говорили о другом. Пытались сосредоточиться на пакетах. Мужик с виду крупный, сильный, но вроде как усохший изнутри. Весь костяк, даже череп, сократился, отчего кожа стала велика этак размера на три и обвисла тяжелыми складками, особенно на злобной физиономии. Грязным пальцем Фредриксен провел по свежим царапинам на переносице.

— Проповедь читать будешь? — спросил Фредриксен.

— Нет, я только хотел…

— Да ладно тебе, солдат. Вы же рассчитываете получить кой-чего взамен, верно? Душу мою, к примеру.

Юн пожал плечами:

— Я душами не занимаюсь, Фредриксен. Мое дело продукты…

— Ну давай маленько попроповедуй!

— Я же сказал…

— Проповедуй!

Юн стоял и смотрел на Фредриксена.

— Открывай варежку и проповедуй! — рявкнул

тот. — Проповедуй, чтоб мы ели с чистой совестью, христианин хренов! Давай, не тяни резину! Каково нынче послание Господне?

Юн открыл рот и снова закрыл. Сглотнул. Попробовал снова, на этот раз получилось:

— Ныне сказано: и отдал Он сына Своего, чтобы тот принял смерть… за наши грехи.

— Врешь!

— Нет, к сожалению, не могу. — Харри смотрел в испуганное лицо мужчины, стоявшего в дверях.

Из квартиры пахло обедом, слышался звон столовых приборов. Семейный человек. Отец. До этой минуты. Мужчина почесывал предплечье, глядя куда-то поверх головы Харри, словно кто-то стоял там, наклонясь над ним. Звук от почесывания был шуршащий, неприятный.

Звон приборов стих. Шаркающие шаги замерли за спиной мужчины, маленькая рука легла ему на плечо, из-за которого выглянуло женское лицо с большими боязливыми глазами.

— Что случилось, Биргер?

— Полицейский хочет что-то сообщить, — тихо сказал Биргер Хольмен.

— Что случилось? — Женщина посмотрела на Харри. — Что-то с нашим мальчиком? С Пером?

— Да, госпожа Хольмен, — сказал Харри, уви-

дел, как ее глаза наполнились страхом, и снова попытался найти невозможные слова. — Мы нашли его два часа назад. Ваш сын мертв.

Он поневоле отвел взгляд.

— Но он… он… где?.. — Теперь она смотрела на мужа, который все почесывал руку.

«Ведь до крови расчешет», — подумал Харри и откашлялся.

— В контейнере, в Бьёрвике. Как мы и опасались. Он умер задолго до нашего появления.

Казалось, Биргер Хольмен внезапно потерял равновесие, он попятился в освещенную прихожую, схватился за стоячую вешалку. Женщина шагнула в дверной проем, и Харри увидел, как муж у нее за спиной рухнул на колени.

Харри вздохнул, сунул руку во внутренний карман пальто. Холодный металл фляжки обжег пальцы. Он вытащил конверт. Письмо он не читал, и без того слишком хорошо знал его содержание. Короткое официальное извещение о смерти, сухие слова, ничего лишнего. Бюрократическая процедура.

— Я очень сожалею, но должен передать вам это, дело есть дело.

— В чем состоит ваше дело? — спросил по-французски средних лет коротышка.

Выговор у него был преувеличенно чистый, характерный не для высшего общества, но для тех, кто стремился туда попасть. Визитер посмотрел на него. Все точь-в-точь как на фото в конверте, даже тугой узел галстука и просторная красная домашняя куртка.

Он не знал, что натворил этот человек. Вряд ли нанес кому-то физический ущерб, потому что, несмотря на досадливую мину, явно занял оборонительную позицию, держался прямо-таки испуганно, а ведь стоял в дверях собственной квартиры. Может, украл деньги или растратил? Судя по его виду, он вполне мог работать с цифрами. Но едва ли речь шла о крупных суммах. Жена у него, конечно, красавица, однако он не похож на такого, кто ворует по-крупному. Может, завел интрижку на стороне, переспал с чужой женой, а муж оказался… Да нет. Низкорослые мужчины с возможностями чуть выше средних, имеющие жен, которые куда привлекательнее их самих, как правило, больше озабочены тем, не изменяет ли им жена. Этот человек раздражал его. Может, в этом все дело. Может, он просто кого-то раздражал. Он сунул руку за пазуху.

— Дело мое состоит… — сказал он, положив на крепкую латунную дверную цепочку ствол «лья-

ма минимакс», купленного всего за три сотни долларов, — вот в этом.

Он прицелился поверх глушителя, простой металлической трубки, навинченной на ствол, резьбу сделал загребский слесарь. Черная обмотка из изоленты только обеспечивала герметичность. Он, конечно, мог купить настоящий глушитель за сто с лишним евро, но зачем? Все равно ведь он не заглушит визг пули, преодолевающей звуковой барьер, грохот горячего газа, сталкивающегося с холодным воздухом, лязг металлических деталей пистолета, бьющихся друг о друга. Только в голливудских фильмах выстрелы через глушители звучат как хлопки лопающегося попкорна.

Выстрел — как удар бича, он припал лицом к узкой щели.

Мужчина с фотографии упал навзничь, не издав ни звука. В холле царил полумрак, но в золоченом зеркале на стене он видел свет, падавший из приоткрытой двери, и собственный глаз. Убитый лежал на толстом винно-красном ковре. Персидском? Может, у него и впрямь были деньги.

А сейчас всего-навсего маленькая дырочка во лбу.

Он поднял голову и встретился глазами с его

женой. Если это жена. Она стояла на пороге комнаты. За ее спиной висела лампа в большом желтом соломенном абажуре. Она прижимала руку к губам и смотрела на него. Он коротко кивнул ей. Потом осторожно закрыл дверь, сунул пистолет в плечевую кобуру и пошел вниз по лестнице. На обратном пути он никогда лифтом не пользовался. Как не пользовался ни прокатными машинами, ни мотоциклами, ни иными вещами, которые могут застрять. И не бежал. Не разговаривал и не кричал, ведь голос — лишняя примета для ориентировки.

Отход — самая критическая часть работы, но именно это он любил больше всего. Словно парение, ничто без сновидений.

На первом этаже у дверей своей квартиры стояла консьержка и растерянно смотрела на него. Он шепнул «до свидания», но она только молча смотрела, и все. Через час полиция будет допрашивать ее, попросит описать его. И она опишет. Среднего роста мужчина, обыкновенной наружности. Лет двадцати. Или, может, тридцати. Но не сорока, во всяком случае. Так ей кажется.

Он вышел на улицу. Париж тихонько рокотал, словно гроза, которая ближе не подступала, но никогда не кончалась. Пистолет он бросил в

мусорный контейнер, примеченный заранее. Два совершенно новых пистолета той же марки ждали в Загребе. Он купил сразу несколько, со скидкой.

Когда полчаса спустя автобус, направлявшийся из Парижа в аэропорт Шарль-де-Голль, проезжал Порт-де-ла-Шапель, в воздухе замельтешили снежинки, выбелили землю между мерзлыми желтыми былинками, торчащими кое-где под серым небом.

Пройдя регистрацию и контроль безопасности, он двинул прямиком в мужской туалет. Стал в конце длинного ряда писсуаров, расстегнул ширинку — струя ударила прямо по белым таблеткам дезодоранта на дне. Закрыл глаза и сосредоточился на сладковатом запахе парадихлорбензола и лимонной отдушки фирмы «Джей & Джей кемиклз». Синий прочерк к свободе прервался. Он на пробу произнес название: «Ос-ло».

Глава 3
Воскресенье, 13 декабря. Укус

Откинувшись на спинку стула, Харри сидел в комнате 605 в красной зоне на шестом этаже Полицейского управления Осло, громады из бетона и стекла с самым многочисленным в Норвегии штатом сотрудников. Эту комнату Халворсен — молодой полицейский, с которым Харри делил десять квадратных метров, — прозвал просветконторой, а сам Харри, чтобы охладить пыл Халворсена, именовал учебкой.

Но сейчас Харри в одиночестве буравил взглядом стену, где наверняка было бы окно, будь здесь в самом деле просветконтора.

Воскресенье. Он составил отчет и мог пойти домой. Так почему же не шел? За воображаемым окном он видел огороженный пустырь у залива Бьёрвика, где снежинки, точно конфетти, падали на зеленые, красные, синие контейнеры. Дело закрыто. Перу Хольмену, молодому героинщику, надоело жить, он залез в контейнер и принял последнюю дозу. Свинцовую. Из пистолета. Никаких признаков внешнего насилия, пистолет

лежал рядом. Как выяснила агентура, долгов Пер Хольмен не имел. Да и наркоторговцы, разделываясь со своими должниками, не стремятся маскировать расстрел, выдавать его, скажем, за самоубийство. И зачем в таком случае попусту тратить вечер, обыскивая на продувном ветру неприютный контейнерный склад, где найдешь разве только еще больше горя и безнадежности?

Харри глянул на шерстяное пальто, висящее на стоячей вешалке. Фляжечка в кармане полнехонька. И он не притрагивался к ней с тех пор, как в октябре купил бутылку «Джима Бима», злейшего своего врага, наполнил фляжку, а остатки вылил в раковину. Вот с октября и носил в кармане отраву, как нацистские вожди — таблетки цианида в подметках. К чему эта дурацкая блажь? Он не знал. Да это и не важно. Главное, она действует.

Харри посмотрел на часы. Без малого одиннадцать. Дома есть хорошая подержанная кофеварка-эспрессо и непросмотренный DVD, который он приберег как раз на такой вот вечер. «Все о Еве», снятый в 1950 году шедевр Манкевича, с Бетт Дэвис и Джорджем Сандерсом.

Прикинул. Зная, что выбор падет на контейнерный склад.

Подняв воротник пальто, Харри стоял спиной к северному ветру, продувающему высокий забор впереди и наметающему сугробы вокруг контейнеров. Портовая зона с ее огромными безлюдными пространствами ночью вообще казалась пустыней.

Огороженная территория была освещена, но фонарные столбы раскачивались под могучими порывами ветра, и по проходам между металлическими контейнерами, водруженными по два, по три друг на друга, метались тени. Контейнер, на который смотрел Харри, был красный и цветом плохо сочетался с оранжевой полицейской лентой. Однако в декабрьском Осло он представлял собой неплохое убежище, поскольку ни размером, ни комфортом не уступал голым камерам КПЗ в Полицейском управлении.

В отчете группы, работавшей на месте происшествия, — собственно, сотрудников было всего двое: дознаватель и техник-криминалист — указано, что контейнер некоторое время пустовал. И стоял незапертый. Охранник заявил, что запирать пустые контейнеры нет нужды, ведь территория обнесена забором, а к тому же охраняется. Тем не менее наркоман туда пробрался. По всей вероятности, Пер Хольмен один из мно-

гих, что обретались возле Бьёрвики, откуда рукой подать до наркоманского «супермаркета» на Плате. Вполне возможно, охранник сознательно смотрел сквозь пальцы на то, что его контейнеры временами служили ночлегом, вполне возможно, он понимал, что иной раз они спасали жизнь?

Контейнер не заперт, а вот на воротах в заборе висит здоровенный амбарный замок. Надо было позвонить из Полицейского управления, предупредить, с досадой подумал Харри. Если тут вообще есть охрана, он что-то никого не видит.

Харри опять посмотрел на часы. Поразмыслил, прикидывая высоту забора. Он в хорошей форме. В очень даже хорошей. К спиртному после рокового летнего срыва не притрагивался, регулярно тренировался в гимнастическом зале Полицейского управления. Более чем регулярно. Перед тем как выпал снег, побил на стадионе давний рекорд Тома Волера в беге с препятствиями. Спустя несколько дней Халворсен осторожно поинтересовался, не связаны ли его усиленные тренировки с Ракелью. У него-де сложилось впечатление, что они больше не встречаются. Харри коротко, но без обиняков объяснил молодому коллеге, что, хотя они делят кабинет, это вовсе не означает, что они делят и частную жизнь.

Халворсен только пожал плечами, спросил, с кем Харри в таком случае намерен разговаривать, и получил подтверждение своей догадки, поскольку Харри встал и вышел из комнаты 605.

Три метра. Без колючей проволоки наверху. Проще простого. Харри как можно выше ухватился руками за сетку, уперся ногами в столб ограды и подтянулся, снова перехватил сетку повыше, секунду висел на вытянутых руках, пока снова не оперся ногами о забор. Точно гусеница. Ну вот, он перебросил тело на другую сторону.

Подняв засов, он открыл дверцу контейнера, достал большой солидный армейский фонарь, поднырнул под ленту полицейского ограждения и влез внутрь.

Странная тишина, будто и звуки застыли.

Харри включил фонарь, направил луч в глубь контейнера. На полу меловой контур — там, где найдено тело Пера Хольмена. Беата Лённ, руководитель криминалистического отдела, показывала ему фотографии. Пер Хольмен сидел, прислонясь спиной к стене, с дыркой в правом виске, и опять-таки справа от него лежал пистолет. Крови мало. При выстреле в голову это единственный плюс. Пистолет скромного калибра, так что входное отверстие маленькое, а

выходное вообще отсутствует. Стало быть, судебный медик найдет пулю внутри черепа, куда она вошла как шарик от настольного футбола, превратив в кашу то, чем Пер Хольмен думал. И принял свое решение. А в конце концов и приказал пальцу нажать на спуск.

«Уму непостижимо», — обыкновенно говорили его коллеги, в очередной раз обнаружив молодого самоубийцу. Скорей всего, думал Харри, они говорили так, чтобы защитить себя, отмести саму мысль об этом. Иного объяснения их «уму непостижимо» он найти не мог.

Однако именно эти слова пришли ему сегодня на ум, когда он стоял на лестничной площадке и смотрел в темную прихожую, где отец Пера Хольмена рухнул на колени, смотрел на его сгорбленную спину, содрогающуюся от рыданий. И поскольку он не знал утешительных слов о смерти, Боге, спасении, загробной жизни и не видел во всем этом смысла, то беспомощно пробормотал: «Уму непостижимо».

Харри погасил фонарь, сунул его в карман, и вокруг сомкнулась темнота.

Ему вспомнился отец. Улав Холе. Преподаватель на пенсии, живший в доме в Уппсале. Вспомнилось, как у него загорались глаза, ко-

гда раз в месяц Харри или дочка, Сестрёныш, приезжали навестить его, и как огонек в глазах потихоньку угасал, пока они пили кофе и разговаривали о всяких пустяках. Ведь то единственное, что имело значение, осталось лишь на фотографии, стоявшей на пианино, на котором она когда-то играла. Он, Улав Холе, теперь в общем-то ничего не делал. Только читал свои книги. О дальних странах, какие ему уже не доведется увидеть, да он туда и не стремится, ведь ее рядом не будет. «Величайшая утрата», — говорил отец в те считаные разы, когда о ней заходила речь. И сейчас Харри подумал: что скажет отец в тот день, когда ему сообщат о смерти сына?

Харри выбрался из контейнера, подошел к забору. Взялся за него руками. И тут вдруг на мгновение воцарилась полнейшая тишина, словно ветер затаил дыхание, не то прислушиваясь, не то задумавшись о своем, и в ночном мраке был слышен только спокойный гул города. Да еще шелест бумаги, которую ветер гонит по асфальту. Стоп. Ветер-то утих. Это не бумага, это шаги. Быстрые, легкие шаги.

Лапы животного.

Сердце у Харри забилось как безумное, он молниеносно подтянул колени, полез вверх. Лишь

задним числом он поймет, что нагнало на него такой страх. Тишина, полная тишина — ни рычания, ни иных признаков враждебности. Словно находившийся за спиной зверь не хотел его спугнуть. Бесшумно подкрадывался. Охотился на него. Если б Харри разбирался в собаках, то, вероятно, знал бы, что только одна-единственная никогда не рычит — ни от страха, ни нападая. Кобель породы черный метцнер. Харри перехватил сетку повыше, подобрал ноги — шаги смолкли, он понял, что собака прыгнула, и наотмашь лягнул ногой.

Утверждение, что, когда испуг до отказа насыщает кровь адреналином, человек не чувствует боли, в лучшем случае слишком уж обобщенно. Харри взвыл, когда зубы крупного, гибкого пса вонзились в правую голень и прокусили ее до самой надкостницы. Забор гудел, тяжесть тянула обоих вниз, но Харри отчаянно цеплялся за сетку, не выпускал ее из рук. В иной ситуации тут бы все и кончилось. Любая другая собака такого веса, как взрослый метцнер, наверняка бы разжала хватку. Однако у черного метцнера зубы и челюстные мышцы рассчитаны на то, чтобы дробить кости, недаром в народе говорят, будто он в родстве с пятнистой гиеной, пожирательницей костей.

Поэтому пес так и висел у Харри на ноге, вцепившись в нее двумя верхними клыками, слегка загнутыми внутрь, и одним нижним, который стабилизировал захват. Второй нижний клык он в трехмесячном возрасте сломал о стальной протез.

Харри сумел водрузить левый локоть на верхний край забора и попробовал подтянуться вместе с собакой. Но та застряла одной лапой в сетке. Правой рукой Харри старался нащупать карман, нашел, ладонь сомкнулась вокруг резиновой рукоятки фонаря. Он глянул вниз и впервые увидел пса. Тусклый блеск черных глаз на черной же морде. Харри размахнулся — фонарь с силой угодил прямо меж ушей, аж треск раздался. Снова размахнулся, ударил еще раз. Попал по чувствительному носу. Бил еще и еще, метил по глазам, которые ни разу не моргнули. Потом фонарь выскользнул из пальцев, упал на землю. Пес хватку не разжимал. Из последних сил Харри цеплялся за сетку. Ему не хотелось думать о том, что может случиться дальше, но отмахнуться от этих мыслей не удавалось.

— Помогите!

Растерянный крик утонул в шуме вновь налетевшего ветра. Он ухватился за сетку другой

рукой и вдруг расхохотался. Быть не может, чтобы все кончилось вот так! Что его найдут на контейнерном складе, загрызенного сторожевой собакой! Он набрал воздуху. Острые концы сетки впивались под мышку, пальцы онемели. Еще несколько секунд — и он не удержится. Будь у него оружие. Хотя бы бутылка вместо карманной фляжки, он бы разбил ее и использовал для обороны.

Фляжка!

Последним усилием Харри запустил руку во внутренний карман и вытащил фляжку. Сунул горлышко в рот, ухватил крышку зубами и повернул. Крышка снялась, бренди плеснуло в рот. По телу толчком прошла дрожь. Господи. Он припал лицом к сетке, зажмурил глаза — далекие огни «Плазы» и «Оперы» стали белыми черточками среди черноты. Правой рукой он наклонил фляжку, так что она оказалась прямо над красной пастью собаки. Выплюнул изо рта крышку и бренди, пробормотал: «Твое здоровье!» — и опрокинул фляжку. Две долгие секунды черные собачьи глаза в полном замешательстве смотрели на Харри, меж тем как коричневая жидкость, булькая, лилась в пасть. И челюсти разжались. Харри услышал, как собака шлепнулась на голый

асфальт. Затем донесся хрип и тихий скулеж, когти царапнули по асфальту, и собака исчезла во мраке.

Харри подобрал ноги, перелез через забор. Закатал штанину и даже без фонаря понял, что сегодня надо идти в травмопункт. Посмотреть «Все о Еве» не удастся.

Положив голову на колени Теа и закрыв глаза, Юн слушал тихое бормотание телевизора. Шел сериал из тех, какие она любит. «Король Бронкса». Или Куинса?

— Ты спросил у брата, подежурит ли он на Эгерторг? — поинтересовалась Теа.

Рукой она прикрыла ему глаза. Он чуял сладковатый запах ее кожи: она только что сделала себе укол инсулина.

— Ты о чем? — переспросил Юн.

Она убрала руку и недоверчиво посмотрела на него.

Юн засмеялся:

— Не волнуйся. Я давным-давно с ним договорился. Он согласен.

Теа удрученно вздохнула. Юн взял ее руку, снова положил себе на глаза.

— Только я не сказал ему, что это твой день рождения. Наверно, тогда бы он не согласился.

— Почему?

— Потому что он с ума по тебе сходит, ты же знаешь.

— Это ты так считаешь.

— А ты его недолюбливаешь.

— Неправда!

— Почему же ты всегда напрягаешься, стоит мне упомянуть его имя?

Она громко рассмеялась. Вероятно, чему-то в Бронксе. Или в Куинсе.

— Ты заказал столик в ресторане? — спросила она.

— Да.

С улыбкой она сжала его руку. Потом нахмурилась:

— Я вот подумала. Вдруг кто-нибудь нас увидит?

— Из Армии? Исключено.

— Ну а вдруг все-таки?

Юн не ответил.

— Может, пора сказать об этом?

— Не знаю. Не лучше ли все-таки повременить, пока мы не убедимся…

— А ты не убедился, Юн?

Он отодвинул ее руку и с удивлением посмотрел на Теа:

— Слушай, ты ведь прекрасно знаешь, я люблю тебя больше всего на свете. Дело не в этом.

— А в чем?

Юн вздохнул, поднялся с ее колен, сел рядом.

— Ты не знаешь Роберта, Теа.

Она криво улыбнулась:

— Я знаю его с самого детства, Юн.

Он отвернулся.

— Да, только одного не знаешь. Не знаешь, каков он в ярости. Совершенно другой человек, сладу нет. Это у него от отца. Он опасен, Теа.

Она прислонилась головой к стене, молча глядя в пространство перед собой.

— Предлагаю немного повременить. — Юн потер руки. — Ведь надо считаться и с твоим братом.

— С Рикардом?

— Да. Что он скажет, если ты, его родная сестра, объявишь, что обручилась именно со мной и именно сейчас?

— Ах вот ты о чем. Раз вы соперники, оба претендуете на должность управляющего?

— Ты хорошо знаешь, что для Руководящего комитета очень важно, чтобы офицеры на ведущих постах имели солидного преемника. И совершенно ясно, что для меня тактически пра-

вильно объявить о предстоящей женитьбе на Теа Нильсен, дочери Франка Нильсена, правой руки командира. Но правильно ли это этически?

Теа прикусила верхнюю губу.

— А чем, собственно, эта работа так важна для тебя и для Рикарда?

Юн пожал плечами:

— Армия оплатила нам обоим учебу в Офицерском училище, а затем еще четырехлетний курс экономики в Коммерческом институте. Рикард наверняка думает так же, как я: мы обязаны выдвинуть свои кандидатуры, когда в Армии есть работа, для которой подходит наша квалификация.

— А может, ни один из вас ее не получит? Папа говорит, в Армии никогда еще не было главного управляющего моложе тридцати пяти.

— Знаю. — Юн вздохнул. — Никому не говори, но вообще-то мне же легче, если должность достанется Рикарду.

— Легче? Но ведь ты больше года отвечал за все сдаваемое внаем ословское имущество?

— Верно. Только ведь главный управляющий отвечает за всю Норвегию, Исландию и Фареры. Тебе известно, что Армия только в Норвегии владеет двумястами пятьюдесятью земельны-

ми участками с тремя сотнями зданий? — Юн легонько хлопнул себя по животу и с привычно озабоченной миной уставился в потолок. — Нынче я случайно глянул на свое отражение в стекле витрины и поразился собственной малости.

Последнюю реплику Теа пропустила мимо ушей.

— Рикард слышал от кого-то, что тот из вас, кто получит эту должность, станет следующим командиром.

— Командиром? — Юн негромко рассмеялся. — Ну, это мне вовсе ни к чему.

— Не говори глупости, Юн.

— Я и не говорю, Теа. Мы с тобой куда важнее. Скажу, что не рвусь на должность управляющего, и мы объявим о помолвке. Я могу заняться другой важной работой. Экономисты Армии тоже нужны.

— Нет, Юн, — испуганно сказала Теа. — Ты у нас самый лучший и должен работать там, где принесешь максимум пользы. Рикард мой брат, но ему недостает… твоего ума. Все-таки с объявлением о помолвке можно пока повременить.

Юн пожал плечами.

Теа взглянула на часы:

— Сегодня тебе надо уйти до полуночи. А то

Эмма вчера в лифте сказала, что встревожилась, когда у меня среди ночи хлопнула дверь.

Юн спустил ноги на пол.

— Не пойму, как мы только можем тут жить.

Она посмотрела на него с укоризной:

— Здесь мы, по крайней мере, заботимся друг о друге.

— Н-да, — вздохнул он. — Заботимся. Ладно, тогда спокойной ночи.

Она придвинулась к нему, скользнула ладонью под рубашку, и он с удивлением почувствовал, что рука у нее влажная от пота, будто она только что разжала кулак. Она прильнула к нему, ее дыхание участилось.

— Теа, мы не должны…

Она замерла, потом со вздохом убрала руку.

Юн недоумевал. До сих пор Теа не делала попыток приласкаться, наоборот, словно бы побаивалась физического контакта. И он ценил эту ее стыдливость. А она вроде как успокоилась, когда после первого свидания он сказал, что в уставе написано: «Армия спасения считает воздержание до брака христианским образцом». И хотя кое-кто полагал, что слово «образец» и слово «предписание», которое в уставах используется применительно к табаку и алкоголю, все ж таки

неравнозначны, он не видел причин из-за такого рода тонкостей нарушать данный Богу обет.

Он обнял ее, встал, вышел в туалет. Запер за собой дверь и открыл кран. Подставил руки под струю воды, глядя в зеркало, где отражалось лицо человека, которому, вообще-то, полагалось быть счастливым. Надо позвонить Рагнхильд. Покончить с этим. Юн глубоко вдохнул воздух. Он вправду счастлив. Просто иные дни несколько напряженнее, чем другие.

Он утер лицо и вернулся к Теа.

Приемная травмопункта на Стургата, 40, залитая резким белым светом, в это время суток, как обычно, здорово напоминала человеческий зверинец. Какой-то трясущийся наркоман встал и ушел через двадцать минут после появления Харри. Как правило, они и десяти минут не могли высидеть. Харри хорошо его понимал. Во рту он по-прежнему ощущал вкус спиртного, пробудивший давних его недругов, которые отчаянно закопошились внутри. Нога жутко болела. А поход на контейнерный склад — как девяносто процентов всех следственных действий полиции — ничего не дал. «Ладно, свидание с Бетт Дэвис отложим до следующего раза», — пообещал он себе.

— Харри Холе?

Харри поднял голову — перед ним стоял мужчина в белом халате.

— Да.

— Идемте со мной.

— Спасибо, но, по-моему, сейчас ее очередь. — Харри кивнул на девчонку, которая сидела, закрыв лицо руками.

Врач наклонился к нему:

— Она тут уже второй раз за вечер. Подождет.

Прихрамывая, Харри зашагал за белым халатом по коридору, вошел в тесный кабинет с письменным столом и простеньким книжным шкафом. Никаких личных вещей.

— Я думал, в полиции свои врачи, — заметил доктор.

— Отнюдь. Обычно нас даже без очереди не пропускают. А откуда вы знаете, что я полицейский?

— Извините. Я Матиас. Просто шел по коридору и увидел вас.

Врач с улыбкой протянул руку. Зубы ровные, один к одному. До того ровные, что напрашивается мысль о вставной челюсти, но только на миг, потому что все лицо такое же симметричное, чистое, с правильными чертами. Глаза голубые, со смешливыми морщинками, ладонь сухая,

пожатие крепкое. Прямо как в романе из жизни врачей, подумал Харри. Врач с теплыми руками.

— Матиас Лунн-Хельгесен, — сказал тот, испытующе глядя на Харри.

— Понятно. Вы имеете в виду, я должен знать, кто вы.

— Мы встречались. Минувшим летом. На садовой вечеринке, у Ракели.

Харри прямо оцепенел, услышав из чужих уст ее имя.

— Вот как?

— В общем, это я… — быстро и тихо сказал Матиас Лунн-Хельгесен.

Харри хмыкнул, медленно кивнул.

— Больно мне очень.

— Понимаю. — Лицо Лунн-Хельгесена приняло серьезное и сочувственное выражение.

Харри закатал штанину.

— Вот здесь.

— Ах вот вы о чем… — Матиас Лунн-Хельгесен улыбнулся в легком замешательстве. — Что случилось?

— Собака укусила. Можете обработать?

— Ничего страшного нет. Кровотечение остановится. Я промою раны и наложу повязку с лекарством. — Он наклонился ближе. — Н-да, три

раны от зубов. Сделаем укольчик от столбняка.

— До кости прокусила.

— Обычное ощущение.

— Нет, я имею в виду, собака вправду…

Харри осекся и задышал носом. До него дошло, что Матиас Лунн-Хельгесен думает, будто он выпивши. Да в общем-то, вполне обоснованно. Полицейский в порванном пальто, покусанный собакой, с подмоченной репутацией, и выпивкой от него разит за километр. Наверно, вот так он его изобразит, рассказывая Ракели, что ее бывший опять сорвался.

— …Вправду здорово прокусила.

Глава 4
Понедельник, 14 декабря. Прощание

— Trka!

Он рывком сел в постели, слыша эхо собственного голоса меж пустых белых стен гостиничного номера. Телефон на ночном столике трезвонил вовсю. Он схватил трубку.

— This is your wake-up call…[1]

— Hvala, — поблагодарил он, хотя прекрасно знал, что голос записан на пленку.

Он в Загребе. И сегодня летит в Осло. Чтобы выполнить важнейший заказ. Последний.

Он закрыл глаза. Опять видел сон. Не про Париж и не про другие заказы, они ему никогда не снились. Снился всегда Вуковар, та осень, осада.

Сегодня ему снилось, как он бежал. Снова бежал под дождем, снова в тот вечер, когда отцу отняли руку. А четыре часа спустя отец умер, хотя врачи сказали, что операция прошла удачно. Сердце просто остановилось. И тогда он убежал от матери, убежал в темноту, под дождь, к реке, сжимая в руках отцовский пистолет, к позициям сербов,

---

[1] Примечания: 1

Это ваш звонок-будильник… *(англ.)*

а они запустили осветительную ракету и стали стрелять по нему, но он не обращал внимания, только слышал хлюпанье, с каким пули врезались в склон, а склон вдруг исчез, и он упал в громадную бомбовую воронку. И вода поглотила его, поглотила все звуки, стало тихо, он пытался бежать под водой, но не двигался с места. Чувствуя, как руки-ноги цепенеют и наваливается сон, увидел в беспросветной черноте что-то красное — словно птица, взмахивающая крыльями в замедленном фильме. А когда очнулся, лежал закутанный в шерстяное одеяло, над головой раскачивалась голая лампочка, и от стрельбы сербской артиллерии в глаза и в рот сыпались крошки земли и штукатурки. Он их выплюнул, и кто-то, наклонясь к нему, сказал, что из воронки с водой его вытащил сам капитан Бобо. И показал на лысого мужчину возле лестницы, ведущей из бункера наверх. Мужчина был в форме, с красной косынкой на шее.

Он снова открыл глаза, взглянул на термометр, который положил на ночной столик. С ноября температура в комнате не превышала шестнадцати градусов, хотя администрация гостиницы уверяла, что отопление работает на полную мощность. Он встал. Надо спешить, автобус в

аэропорт будет у входа через полчаса.

Глядя в зеркало над умывальником, он попробовал представить себе лицо Бобо. Но оно, словно сполохи северного сияния, растаяло под его взглядом. Снова зазвонил телефон.

— Da, majka[2].

Он побрился, промокнул лицо и быстро оделся. Достал из сейфа одну из двух металлических коробок, открыл ее. «Льяма минимакс субкомпакт», семизарядный, шесть пуль в обойме, седьмая в стволе. Он разобрал оружие, распределил детали по четырем специальным кармашкам под угловыми креплениями чемодана. Если на таможне чемодан вздумают просвечивать, металл креплений скроет детали оружия. Перед уходом он проверил, на месте ли паспорт и конверт с полученным от нее билетом, фотографией объекта и сведениями о времени и месте. Все произойдет завтра вечером, в семь, в общедоступном месте. Она сказала, что это дело рискованнее предыдущего. Однако он не боялся. Временами думал, что потерял эту способность, что в тот вечер ее ампутировали вместе с отцовской рукой. А Бобо говорил, что, если не боишься, долго не прожи-

---

[2] Примечания: 2
Да, мама *(сербскохорв.).*

вешь.

Загреб за окном проснулся, бесснежный, туманно-серый, помятый. Он стоял у подъезда и думал, что через несколько дней они поедут на Адриатику, в маленький городок, в маленькую недорогую гостиницу, на солнышко. И потолкуют насчет нового дома.

Автобусу пора бы уже подъехать. Он всмотрелся в туман. Как всматривался той осенью, съежившись подле Бобо и тщетно стараясь углядеть что-нибудь за белой завесой. В ту пору он бегал посыльным, носил депеши, потому что держать связь по радио они не могли: сербы прослушивали весь диапазон частот. А он, маленький, юркий, мог, даже не пригибаясь, пробежать между окопами. Но сказал Бобо, что хочет уничтожать танки.

Бобо покачал головой: «Ты — связной. Передаешь важные сообщения, сынок. Танками у меня занимаются другие».

«Но они боятся. А я нет».

Бобо вскинул бровь: «Мал ты еще».

«Оттого, что пули найдут меня здесь, я старше не стану. И ты сам говорил, что, если не остановить танки, они захватят город».

Бобо долго смотрел на него, потом наконец сказал: «Дай мне подумать». Они молча сидели,

смотрели в белую пелену, не различая, что́ здесь осенний туман, а что — дым от развалин горящего города. «Ночью я послал Мирко и Франьо к проходу меж холмов, откуда идут танки, — кашлянув, обронил Бобо. — Они должны были спрятаться и прикрепить мины к проходящим мимо танкам. Знаешь, что произошло?»

Он кивнул. Видел в бинокль трупы Франьо и Мирко.

«Будь они меньше, наверно, сумели бы спрятаться в ложбинах на склоне», — сказал Бобо.

Мальчик утер рукой сопливый нос. «А как мины крепятся к танку?»

Наутро он чуть свет вернулся к своим, дрожащий от холода, весь в грязи. За спиной у него, на холме, стояли два подорванных сербских танка, из открытых люков валил дым. Бобо подхватил его, поставил на дно окопа и победоносно воскликнул: «У нас родился маленький спаситель!»

В тот же день, когда Бобо продиктовал депешу, которую по радио передадут в Ставку, в центр, он получил кодовое имя, и это имя останется за ним, пока сербы не займут и не превратят в руины его родной город, не убьют Бобо, не уничтожат врачей и пациентов больницы, не перехватают и не замучают всех, кто оказывал сопротивление.

Горький парадокс имени, какое дали ему те, кого он не сумел спасти. Mali spasitelj. Маленький Спаситель.

Красный автобус вынырнул из тумана.

Комната для совещаний в красной зоне на шестом этаже гудела от негромких разговоров и приглушенных смешков, когда Харри вошел и удовлетворенно констатировал, что рассчитал правильно. Первоначальная суета, пироги, обмен дружескими колкостями и шуточками, к которым люди склонны, прощаясь с чем-то для себя важным, уже позади. Самое время вручать подарки и произносить несколько многословные и выспренние речи, к каким люди опять же склонны на публике, а не с глазу на глаз.

Харри обвел взглядом собравшихся и обнаружил всего три по-настоящему дружелюбных лица: своего уходящего шефа Бьярне Мёллера, полицейского Халворсена и Беаты Лённ, молодой начальницы криминалистического отдела. Остальные на него не смотрели, как и он на них. Для него не секрет, что в убойном отделе его недолюбливают. Мёллер однажды сказал, что еще сильнее, чем ворчливых алкашей, народ не любит только больших ворчливых алкашей. Харри, ворчливый алкаш ростом метр девяносто

три, был вдобавок блестящим следователем, но это почти не улучшало ситуацию. Все знали, что, если бы не Бьярне Мёллер, Харри давно бы уволили из полиции. Теперь Мёллера не будет, и все опять-таки прекрасно понимали, что руководство только и ждет, чтобы он оступился. Как ни парадоксально, защитой Харри сейчас служило именно то, что навсегда сделало его аутсайдером: он прикончил одного из своих. Принца. Тома Волера, инспектора из убойного, который последние восемь лет был в Осло одним из закулисных главарей широкой контрабандной торговли оружием. Том Волер кончил свои дни в луже крови в подвале доходного дома на Кампене, и три недели спустя на короткой церемонии в столовой начальник уголовной полиции, стиснув зубы, отметил Харри поощрением за этот вклад в очистку собственных рядов. И Харри поблагодарил.

«Спасибо», — сказал он и посмотрел на собравшихся, только чтобы убедиться, что все отводят глаза. Вообще-то, он хотел ограничиться одним этим словом, но глядящие в сторону лица и кривые усмешки внезапно вызвали злость, и он добавил: «Теперь, пожалуй, потруднее будет катить на меня бочку. Ведь пресса подумает, что нападки идут от страха, что я и кого другого

выведу на чистую воду».

Тогда они наконец посмотрели на него. С недоверием. Тем не менее он продолжил: «Нет причин таращить глаза, парни. Том Волер был инспектором в убойном отделе и использовал служебное положение для противозаконной деятельности. Он называл себя Принцем, а как вам известно… — Тут Харри сделал паузу, обвел взглядом присутствующих, потом, глядя прямо на начальника уголовной полиции, договорил: — Где есть принц, там, как правило, есть и король».

— Ну что, старина. Задумался?

Харри поднял голову. Халворсен.

— О королях думаю, — пробормотал Харри, забирая чашку кофе, которую протягивал ему молодой коллега.

— Кстати, вон наш новый шеф, — сказал Халворсен.

У стола с подарками стоял мужчина в синем костюме, разговаривал с начальником уголовной полиции и с Бьярне Мёллером.

— Это и есть Гуннар Хаген? — Харри отхлебнул кофе. — Новый шеф?

— Ага. Комиссар Хаген. Такое у него звание.

— Да ну?

— Комиссар полиции. Четыре с лишним месяца

назад звания изменили.

— Правда? Я, наверно, тогда болел. А ты по-прежнему просто полицейский?

Халворсен улыбнулся.

Новый комиссар выглядел энергичнее и моложе своих пятидесяти трех лет, указанных в информационном циркуляре. Высоким его не назовешь, скорее среднего роста, подумал Харри. И худой. Четко обозначенные мускулы вокруг рта и на шее говорили об аскетическом образе жизни. Рот прямой, решительный, подбородок выдвинут вперед — можно назвать его волевым или просто выступающим. Черные волосы венчиком обрамляли лысину, но были до того густыми, что напрашивалась мысль, уж не выбрал ли новый комиссар всего лишь несколько эксцентричную стрижку. Косматые мефистофельские брови, по крайней мере, свидетельствовали, что волосы у него растут превосходно.

— Прямиком из армии, — сказал Харри. — Возможно, введет у нас утреннюю поверку.

— Он вроде был хорошим полицейским, прежде чем сменил стезю.

— Ты имеешь в виду то, что он сам о себе написал в циркуляре?

— Отрадно слышать, что ты настроен позитив-

но, Харри.

— Я-то? Конечно. Всегда готов дать новичкам шанс. Без обмана.

— Один шанс. — К ним подошла Беата. Отбросила набок короткие светлые волосы. — Мне показалось, ты хромаешь, Харри?

— Вчера вечером на контейнерном складе нарвался на зубастого сторожевого пса.

— Что ты там делал?

Прежде чем ответить, Харри взглянул на Беату. Руководящая работа пошла ей на пользу. Как и криминалистическому отделу в целом. Беата всегда отличалась толковостью и профессионализмом, хотя он не усматривал явных задатков лидера в старательной, но застенчивой девушке, когда она по окончании академии пришла в отдел грабежей.

— Просто хотел взглянуть на контейнер, где нашли Пера Хольмена. Скажи-ка мне, как он попал на склад?

— Клещами перекусил замок. Они лежали с ним рядом. А ты как туда попал?

— Что еще вы нашли, кроме клещей?

— Харри, нет ничего, что бы свидетельствовало…

— Я тоже этого не говорю. Но что еще?

— А ты как думаешь? Всякую мелочь, дозу героина, пластиковый пакет с табаком. Знаешь, они собирают табак из подобранных окурков. Ну и примерно крону денег, ясное дело.

— А «беретта»?

— Серийный номер спилен, но спилы знакомые. Оружие контрабандное, времен Принца.

Харри заметил, что Беата избегает называть имя Тома Волера.

— Гм. Анализ крови уже готов?

— Угу. — Беата кивнула. — Парень был чист, во всяком случае не после дозы. То есть в полном рассудке, способный совершить самоубийство. Почему ты спрашиваешь?

— Мне выпало счастье сообщить эту новость родителям.

— О-о-ох! — хором выдохнули Лённ и Халворсен.

Такое с ними случалось все чаще, хотя роман их длился всего полтора года.

Начальник уголовной полиции кашлянул, все обернулись к столу с подарками и замолчали.

— Бьярне просит слова, — сказал начальник, качнулся на каблуках и, выдержав паузу, добавил: — И мы его охотно предоставим.

Народ захихикал. Бьярне Мёллер осторожно

улыбнулся начальнику:

— Благодарю, Турлейф. И спасибо тебе и начальнику полиции за прощальный подарок. И особое спасибо вам всем — за роскошную картину.

Он кивнул на стол с подарками.

— Это от всех? — шепнул Харри Беате.

— Да. Скарре и еще кто-то собирали деньги.

— А я и не слыхал.

— Наверно, они про тебя забыли.

— А теперь я сам вручу подарки, — сказал Мёллер. — Как говорится, из наследства. Во-первых, вот эту лупу. — Он поднес ее к лицу, и все засмеялись при виде оптически искаженных черт бывшего комиссара. — Ее получит девушка, которая стала таким же хорошим следователем и полицейским, как ее отец. Почестей за свою работу она не получает, но именно благодаря ей наш отдел действует быстро и оперативно. Как вам известно, ее изучали специалисты, так как она редкий случай так называемой fusiform gyrus, а это значит, что она запоминает любое лицо, какое когда-либо видела.

Харри заметил, что Беата покраснела. Она не любила обращать на себя внимание, особенно этой своей редкой способностью, в силу которой ее постоянно привлекали к опознанию рецидиви-

стов на скверных видеопленках с мест грабежей.

— Надеюсь, — продолжал Мёллер, — ты не забудешь это лицо, хоть и не увидишь его какое-то время. А если вдруг усомнишься, можешь воспользоваться вот этой штукой.

Халворсен легонько подтолкнул Беату в спину. А когда Мёллер, вручив лупу, еще и обнял ее, грянули аплодисменты, и у Беаты даже лоб залился краской.

— Далее, мое рабочее кресло. Ведь насколько я понял, мой преемник Гуннар Хаген затребовал новое, из черной кожи, с высокой спинкой и всем прочим. — Мёллер улыбнулся Гуннару Хагену, но тот в ответ лишь кивнул, без улыбки. — Кресло переходит к полицейскому из Стейнхьера, которого посадили в один кабинет с нашим самым главным скандалистом. На сломанный стул. Думаю, Младший, это тебе кстати.

— Ура! — сказал Халворсен.

Все засмеялись, повернулись к нему, Халворсен тоже засмеялся.

— И наконец, в помощь тому, к кому у меня совершенно особенное отношение. Моему лучшему следователю и самому страшному кошмару. Человеку, который всегда руководствуется собственным чутьем, собственным планом и — к

сожалению для нас, пытающихся собрать вас утром на совещание в точно определенное время, — собственными часами. — Мёллер вынул из кармана наручные часы. — Надеюсь, они помогут тебе жить в том же времени, что и все остальные. По крайней мере, синхронно со всем отделом. И, Харри, многое тут заключено между строк.

Жидкие аплодисменты. Харри вышел вперед, принял подарок — часы незнакомой марки на простеньком черном кожаном ремешке.

— Спасибо, — сказал он.

Они обнялись.

— Я поставил их на две минуты вперед, чтобы ты не опаздывал, — шепнул Мёллер. — Больше никаких увещеваний, поступай, как считаешь нужным.

— Спасибо, — повторил Харри.

Ему показалось, что Мёллер обнимал его слишком крепко и долго. Он напомнил себе выложить на стол собственный подарок, прихваченный из дома. К счастью, он не вскрыл пластиковую обертку с диском «Все о Еве».

Глава 5
Понедельник, 14 декабря. «Маяк»

Юн отыскал Роберта на Хиркевейен, на заднем дворе «Фретекса».

Прислонясь к дверному косяку и скрестив руки на груди, Роберт наблюдал за грузчиками, которые таскали из машины на склад черные пластиковые мешки. Грузчики выпускали изо рта белые облака пара и брань на разных языках и диалектах.

— Хороший улов? — спросил Юн.

Роберт пожал плечами:

— Народ рад расстаться со всем летним гардеробом, чтобы на будущий год закупить новый. А нам-то сейчас нужны зимние вещи.

— Парни у тебя сущие варвары на язык. Что, параграф двенадцатый?

— Я вчера прикинул. Тех, кто отбывает тут наказание, вдвое больше, чем таких, что приняли Иисуса.

Юн улыбнулся:

— Целина для миссионера. Надо бы ее поднять.

Роберт окликнул одного из грузчиков, и тот

поднес ему пачку сигарет. Роберт сунул в зубы гвоздик без фильтра.

— Вынь сигарету, — сказал Юн. — Солдатский обет. Нагоняй ведь заработаешь.

— А я закуривать не собирался, братишка. Ты чего пришел-то?

Юн пожал плечами:

— Да так, поболтать.

— О чем?

Юн коротко хохотнул:

— По-моему, обычное дело для братьев иной раз поговорить.

Роберт кивнул, выплюнул табачную крошку.

— Твое «поговорить», как правило, сводится к наставлениям о том, как мне жить.

— Да ладно тебе.

— А что же тогда?

— Ничего! Просто узнать хотел, как твои дела.

Роберт вынул сигарету изо рта, сплюнул в снег. Потом поднял голову, прищурясь взглянул на облачную пелену, белую и высокую.

— Мне до чертиков надоела эта работа. До чертиков надоела квартира. До чертиков надоела эта сухарь и ханжа капрал, которая тут заправляет. Не будь она такая противная, я бы… — Роберт ехидно ухмыльнулся, — трахнул эту каргу в на-

казание.

— Холодно, — сказал Юн. — Может, зайдем внутрь?

Роберт провел брата в крохотную контору, сел в жесткое кресло, кое-как поместившееся между заваленным бумагами столом, узеньким окошком с видом на задний двор и красно-желтым флагом с эмблемой Армии спасения и девизом «Огонь и кровь». Юн снял со стула кипу бумаг, частью пожелтевших от старости; стул этот, как он знал, Роберт умыкнул в студенческой корпорации «Майорстуа», расположенной за стеной.

— Она говорит, ты прогуливаешь, — заметил Юн.

— Кто?

— Капрал Руэ. — Юн кисло усмехнулся. — Карга.

— Господи, она, стало быть, звонила тебе, да? — Роберт поковырял складным ножом стол, потом воскликнул: — Ой, я же совсем забыл, ты ведь у нас новый управляющий, шеф всей лавочки!

— Пока никого не выбрали. С тем же успехом могут назначить Рикарда.

— Whatever[3]. — Роберт прокорябал на столе

---

[3] Примечания: 3
Все равно *(англ.)*.

два полукружья, изобразив подобие сердечка. — Все, что хотел, ты сказал. Но прежде чем уйдешь, может, заплатишь мне пять сотен за послезавтрашнее дежурство?

Юн достал бумажник, отсчитал деньги, положил перед братом на стол. Роберт провел ножом по подбородку. Черная щетина зашуршала.

— И еще хочу напомнить тебе одну вещь.

Юн сглотнул, зная, что сейчас последует.

— Какую же?

В окне за спиной Роберта он видел, что пошел снег, но в тепле, поднимающемся от строений вокруг заднего двора, легкие белые снежинки как бы замерли в воздухе, словно прислушиваясь.

Роберт воткнул острие ножа в центр сердечка.

— Если я замечу, что ты крутишься поблизости от той девчонки… — Он обхватил ладонью рукоять, наклонился вперед. Под его тяжестью лезвие с треском вошло в глубь сухой древесины. — Я тебя уничтожу, Юн. Клянусь.

— Не помешаю? — послышалось от двери.

— Нет, конечно, госпожа Руэ, — приторным голосом сказал Роберт. — Брат как раз собирается уходить.

Начальник уголовной полиции и новый комиссар полиции Гуннар Хаген умолкли, когда

Бьярне Мёллер вошел в свой кабинет. То есть уже не свой.

— Ну, как тебе вид? — спросил Мёллер, надеясь, что произнес эту фразу бодрым тоном. И добавил: — Гуннар. — Странное ощущение — выговаривать это имя.

— Н-да, в декабре Осло всегда выглядит уныло, — сказал Гуннар Хаген. — Посмотрим, может, и это поправимо.

Мёллер хотел спросить, что еще он имеет в виду, но осекся, увидев, что начальник уголовной полиции согласно кивнул.

— Я как раз сообщил Гуннару кой-какие подробности насчет наших сотрудников. Конфиденциально, так сказать между нами.

— Да, вы ведь давно знаете друг друга.

— Конечно, — сказал начальник. — Мы с Гуннаром знакомы еще по Полицейской школе.

— В резюме написано, ты каждый год участвуешь в Гонке биркебейнеров[4], — сказал Мёллер Гуннару Хагену. — А известно тебе, что начальник наш тоже всегда участвует?

---

[4] Примечания: 4

Гонка биркебейнеров — ежегодная лыжная гонка между городами Рена и Лиллехаммер, дистанция 58 км, участники бегут с грузом 3,5 кг; устраивается в память о двух биркебейнерах (воинах гражданской войны в Норвегии в конце XII в.), которые, по преданию, в 1206 г. перенесли по этому маршруту двухгодовалого принца Хокона.

— Разумеется. — Хаген с улыбкой покосился на начальника уголовной полиции. — Иной раз мы вместе участвуем. И пытаемся одолеть друг друга на финишном рывке.

— Вон как, — весело заметил Мёллер. — Выходит, если б шеф заседал в кадровой комиссии, можно было бы заподозрить, что ты попал сюда по знакомству.

Начальник уголовной полиции сухо хохотнул, бросив на Бьярне Мёллера предостерегающий взгляд.

— Я как раз говорил Гуннару о человеке, которому ты сделал весьма щедрый подарок.

— О Харри Холе?

— Да, — кивнул Гуннар Хаген. — Помнится, он отправил на тот свет некоего полицейского инспектора в связи с неприятным делом о контрабанде. Как я слыхал, в лифте оторвал ему руку. А кроме того, позднее подозревали, что именно через него информация об этом деле просочилась в прессу. Нехорошо.

— Во-первых, в «неприятном деле о контрабанде» речь идет о профессиональной преступной организации, которая пустила корни и в полиции и не один год заваливала Осло дешевым стрелковым оружием, — сказал Бьярне Мёллер, тщетно

стараясь скрыть раздражение. — И вопреки сопротивлению здесь, в Полицейском управлении, Харри Холе в одиночку раскрыл это дело после нескольких лет кропотливой полицейской работы. Во-вторых, он убил Волера, защищая свою жизнь, а руку Волеру оторвало лифтом. И в-третьих, мы вообще понятия не имеем, кто и о чем проболтался прессе.

Гуннар Хаген и начальник уголовной полиции переглянулись.

— Тем не менее, — сказал начальник, — держи с ним ухо востро, Гуннар. Насколько я знаю, недавно от него ушла подруга. А нам известно, что у людей вроде Харри такие истории нередко приводят к рецидивам скверных привычек. С этим мы, понятно, мириться не станем, хоть он и раскрыл множество серьезных дел.

— Что ж, постараюсь держать его в узде, — сказал Хаген.

— Он инспектор. — Мёллер зажмурил глаза. — Не рядовой. И в узде ходить не любит.

Гуннар Хаген медленно кивнул, приглаживая рукой густой венчик волос на затылке.

— Ты когда приступаешь в Бергене… Бьярне? — Хаген опустил руку.

Мёллер мог бы поручиться, что и ему тоже было

странно произносить его имя.

Харри шагал по Уртегата и по обуви встречных прохожих видел, что приближается к «Маяку». Ребята из отдела наркотиков не зря говорили, что армейские склады обмундирования вносят огромный вклад в опознание наркоманов. Потому что через Армию спасения военная обувь рано или поздно попадает на ноги наркомана. Летом — голубые кроссовки, зимой — высокие черные башмаки, которые вкупе с зеленым пластиковым пакетом с пайком Армии спасения служили униформой уличных наркоманов.

Харри толкнул дверь и кивнул охраннику Армии, одетому в свитер с капюшоном.

— Ничего нет? — спросил охранник.

Харри хлопнул себя по карманам.

— Ничего.

Табличка на стене предупреждала, что алкоголь надо оставить у дверей, а перед уходом можно забрать. Харри знал, они не требовали сдавать наркоту, ведь никто из наркоманов с этим добром никогда не расстанется.

Харри вошел, налил себе чашку кофе и сел на лавку у стены. «Маяк» — кафе Армии спасения, современный вариант пункта питания, где все нуждающиеся бесплатно получали бутерброды

и кофе. Светлое, уютное помещение, отличающееся от обычных кофеен только клиентурой. Девяносто процентов — наркоманы-мужчины, остальные — женщины. Посетители ели хлеб с коричневым и белым сыром, читали газеты, вели спокойные разговоры. Здесь была зона отдыха, возможность отогреться и перевести дух, на время прервав поиски дневной дозы. Полицейские агенты время от времени наведывались сюда, но по негласному уговору аресты в кафе никогда не производились.

Человек за столиком поблизости от Харри замер, свесив голову к столу, черные пальцы сжимали папиросную бумагу, рядом валялись пустые окурки.

Харри смотрел на спину миниатюрной женщины в форме. Она стояла возле столика с четырьмя фотографиями в рамках, меняла сгоревшие стеариновые свечи. В трех рамках — снимки каких-то людей, в четвертой — крест и имя на белом фоне. Харри встал, подошел к женщине.

— Что это? — спросил он.

То ли стройная шейка и мягкость движений, то ли гладкие, черные как ночь, прямо-таки неестественно блестящие волосы навели Харри на мысль о кошке, еще прежде чем девушка

обернулась. Когда же он увидел личико с непропорционально широким ртом и маленьким, точь-в-точь как в японских комиксах, носиком, это впечатление еще усилилось. Но в первую очередь глаза. Он не мог сказать, в чем именно тут дело, однако в них явно сквозила сумасшедшинка.

— Ноябрь, — сказала девушка.

Голос был спокойный, глубокий, мягкий, и Харри невольно подумал, таков ли он от природы или она просто усвоила эту манеру говорить. Он знавал женщин, которые меняли голос, как другие меняют наряды. Один голос для дома, другой — для первого впечатления и общественных поводов, третий — для ночи и близости.

— В каком смысле? — опять спросил он.

— Те, что умерли в ноябре.

Харри взглянул на снимки и наконец сообразил, что к чему.

— Четверо? — тихо сказал он.

Перед одной из фотографий лежала записка, корявые карандашные буквы.

— В среднем умирает один клиент в неделю. Четверо — вполне нормально. Поминовение в первую среду каждого месяца. У тебя кто-то…

Харри помотал головой. «Мой любимый

Одд…» — так начиналась записка. Никаких цветов.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила девушка.

Наверно, у нее в репертуаре все ж таки один этот голос, глубокий, приятный, подумал Харри.

— Пер Хольмен… — начал он и осекся, не зная, что сказать дальше.

— Н-да, бедняга Пер. Поминовение будет в январе.

Харри кивнул:

— В первую среду.

— Точно. Приходите, брат, мы будем рады.

Слово «брат» слетело с ее губ легко и естественно, словно нечто само собой разумеющееся, этакий полумеханический придаток. И Харри чуть было ей не поверил.

— Я полицейский дознаватель, — сказал он.

Разница в росте была так велика, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Кажется, я уже видела вас, правда давно.

Харри кивнул:

— Возможно. Я сюда заходил, но вас не видел.

— Я здесь только полдня. В остальное время сижу в штаб-квартире Армии спасения. А вы

работаете в отделе наркотиков?

Харри покачал головой:

— Нет, в убойном.

— В убойном? Но ведь Пера не…

— Может, присядем?

Она нерешительно огляделась.

— Работы много? — спросил Харри.

— Наоборот, против обыкновения спокойно. Обычно мы отпускаем до тысячи восьмисот бутербродов в день. Но сегодня выплачивают пособие.

Девушка окликнула одного из парней за стойкой, тот ответил, что в случае чего подменит ее. Заодно Харри узнал и ее имя: Мартина. У человека с папиросной бумагой голова свесилась еще ниже.

— Есть кой-какие неясности, — пояснил Харри, когда они сели. — Что он был за человек?

— Трудно сказать. — Она вздохнула, глядя на вопросительную мину Харри. — У наркоманов с таким многолетним стажем, как у Пера, мозг уже настолько разрушен, что о личности вообще говорить сложно. Тяга к наркотикам затмевает все.

— Понимаю, но я имею в виду… для людей, которые хорошо знали его…

— Увы. Спросите у его отца, во что превратился

его сын как личность. Он много раз приходил сюда, забирал Пера. Но в конце концов отступился. Пер начал вести себя дома крайне агрессивно, потому что они запирали от него все ценности. Он просил меня присматривать за парнем. Я сказала, мы сделаем все, что в наших силах, но чудес обещать не можем. Так оно и вышло…

Харри посмотрел на девушку. На ее лице отразилось обычное для социальных работников печальное смирение.

— Сущий ад… — Харри почесал лодыжку.

— Наверно, надо самому быть наркоманом, чтобы понять это до конца.

— Я имею в виду жизнь его родителей.

Мартина промолчала. К соседнему столику подошел парень в драной куртке-дутике. Открыл прозрачный пластиковый пакет и вытряхнул из него кучку сухого табаку, видимо извлеченного из сотен окурков. Табак засыпал и папиросную бумагу, и черные пальцы сидевшей там неподвижной фигуры.

— Счастливого Рождества, — буркнул парень и побрел прочь старческой походкой наркомана.

— Какие же у вас неясности? — спросила Мартина.

— Анализ крови показал, что он не был под

кайфом.

— Ну и что?

Харри смотрел на соседний столик. Сидящий там человек отчаянно пытался свернуть сигарету, но пальцы не слушались. По бурой щеке скатилась слеза.

— Я знаю, что такое быть под кайфом, — сказал Харри. — Вы не слыхали, денег он никому не задолжал?

— Нет, — коротко и решительно ответила девушка. Так коротко и решительно, что Харри догадался, каков будет ответ на следующий вопрос.

— Но вы, наверно, могли бы…

— Нет, — перебила она. — Не могу я выпытывать. До этих людей никому нет дела, и я здесь затем, чтобы им помогать, а не преследовать.

Харри долго смотрел на нее.

— Вы правы. Извините, что спросил, больше не повторится.

— Спасибо.

— Только еще один, последний, вопрос.

— Ладно.

— Вы… — Харри помедлил, в голове мелькнуло: «Зря я, это ошибка». — Вы поверите, если я скажу, что мне есть до них дело?

— А стоит?

— Ну, я расследую обстоятельства смерти человека, которого все считают явным самоубийцей и до которого никому нет дела.

Она молчала.

— Вкусный кофе. — Харри поднялся.

— На здоровье. Бог вас благослови.

— Спасибо, — сказал Харри и, к своему удивлению, почувствовал, что у него горят уши.

По дороге к выходу Харри задержался возле охранника, оглянулся, но ее уже не было. Охранник в свитере с капюшоном предложил ему зеленый пакет с пайком Армии спасения, но он поблагодарил и отказался. Поплотнее запахнул пальто, вышел на улицу, где алое закатное солнце уже погружалось в воды Осло-фьорда, и зашагал к Акеру. Возле «Эйки» прямо в сугробе стоял парень в драной куртке-дутике, один рукав он закатал, из вены в предплечье торчал шприц. Он улыбался, глядя сквозь Харри и морозную дымку над Грёнланном.

Глава 6
Понедельник, 14 декабря. Халворсен

Пернилла Хольмен казалась еще меньше, когда сидела в кресле на Фреденсборгвейен и большими заплаканными глазами глядела на Харри. На коленях у нее лежала рамка с фотографией сына.

— Здесь ему девять лет, — сказала она.

Харри невольно сглотнул комок в горле. Отчасти потому, что при взгляде на улыбающегося ребенка в спасательном жилете никому в голову не придет, что он кончит свои дни в контейнере, с пулей в виске. А отчасти потому, что снимок напомнил ему об Олеге, который иной раз забывался и звал его папой. Много ли времени ему понадобится, чтобы звать папой Матиаса Лунн-Хельгесена?

— Биргер, мой муж, обычно ходил искать Пера, когда тот пропадал по нескольку дней, — продолжала Пернилла Хольмен. — Хотя я просила его прекратить поиски, не могла больше выдержать присутствие Пера.

— Почему? — быстро спросил Харри. Остальное подождет.

Биргер Хольмен уехал в похоронное бюро, сообщила она, когда Харри без предупреждения позвонил в дверь.

Она всхлипнула:

— Вам когда-нибудь случалось находиться в одной квартире с наркоманом?

Харри не ответил.

— Он крал все, что попадалось под руку. Мы молчали. То есть Биргер молчал, из нас двоих он самый любящий родитель. — Она скривила дрожащие губы, стараясь изобразить улыбку. — Он всегда и во всем защищал Пера. Вплоть до того дня нынешней осенью, когда Пер стал мне угрожать.

— Угрожать?

— Да. Чуть не убил меня. — Пернилла Хольмен смотрела на снимок и терла стекло, словно оно запачкалось. — Утром Пер позвонил в дверь, я не хотела впускать его, потому что была дома одна. Он плакал и умолял, но я уже знала эти его игры и не открыла. Ушла на кухню, села там. Понятия не имею, как Пер сумел войти, но неожиданно он очутился передо мной с пистолетом в руке.

— С тем же, который…

— Да. Думаю, с тем же.

— Продолжайте.

— Он велел мне отпереть шкаф, где лежали мои драгоценности. В смысле, то немногое, что оставалось, бóльшую часть он к тому времени уже унес. Потом он ушел.

— А вы?

— Я? У меня нервы не выдержали. Вернулся Биргер, отвез меня в больницу. — Она опять всхлипнула. — Там даже таблетки мне давать отказались. Мол, и так уже достаточно.

— Что за таблетки?

— А вы как думаете? Транквилизаторы. Достаточно! Если из-за сына каждую ночь лежишь без сна, боишься, что он вернется… — Она не договорила, прижала руку к губам. На глазах выступили слезы. Потом прошептала так тихо, что Харри едва расслышал: — Иной раз жить не хочется…

Харри бросил взгляд на свой блокнот — он не записал ни слова, но поблагодарил:

— Спасибо.

— One night, is that correct, Sir?[5]

Девушка-администратор за стойкой гостиницы «Скандия», что возле Центрального вокзала Осло, задала вопрос, не поднимая глаз от заказа на экране компьютера.

---

[5] Примечания: 5
Одни сутки, правильно, сэр? *(англ.)*

— Yes, — ответил мужчина.

Она отметила, что на нем бежевое пальто. Верблюжья шерсть. Или имитация.

Длинные красные ногти, точно перепуганные тараканы, пробежали по клавиатуре. Имитация верблюжьей шерсти в зимней Норвегии. Почему бы и нет? Она видела на фото верблюдов в Афганистане, а ее друг и в письмах писал, и говорил, что морозы там не слабее здешних.

— Will you pay by VISA or cash, Sir?[6]

— Cash.

Она выложила на стойку регистрационный бланк и ручку, попросила паспорт.

— No need, — сказал он. — I will pay now[7].

По-английски он говорил почти как британец, хотя кое-что в выговоре согласных наводило на мысль о Восточной Европе.

— Тем не менее попрошу ваш паспорт, сэр. Международные правила.

Он согласно кивнул, протягивая ей тысячную купюру и паспорт. Republika Hrvatska. Наверняка одно из новых государств на Востоке. Администратор отсчитала сдачу, положила тысячу

---

[6] Примечания: 6
Платить будете карточкой или наличными, сэр? *(англ.)*

[7] Примечания: 7
Нет необходимости. Я заплачу прямо сейчас *(англ.)*.

в кассу, напомнив себе проверить купюру на просвет, когда постоялец уйдет. Она старалась придерживаться определенного стиля, хотя и работала пока в гостинице средней руки. Вдобавок этот человек не похож на мошенника, скорее уж выглядит как… как кто? Она вручила ему пластиковую карточку-ключ, назвала этаж, показала, где лифт, сообщила, когда можно позавтракать и когда надо освободить номер.

— Will there be anything else, Sir?[8] — прощебетала она, прекрасно зная, что ее английский и манеры слишком хороши для этой гостиницы. И вскоре она перейдет в отель получше. А если не удастся, поубавит услужливости.

Он кашлянул и спросил, где тут ближайшая phone booth.

Она объяснила, что позвонить можно прямо из номера, но он покачал головой.

Администратор задумалась. Мобильная связь практически ликвидировала большинство телефонов-автоматов в Осло, однако неподалеку, на Йернбанеторг, таксофон точно сохранился. Действительно рукой подать, тем не менее она достала маленькую карту, нарисовала марш-

---

[8] Примечания: 8
Еще что-нибудь, сэр? *(англ.)*

рут, объяснила. Точь-в-точь как это делается в «Рэдиссоне» и в других отелях высокого класса. Подняв голову и взглянув на него — понял ли? — она вдруг на мгновение смешалась, непонятно отчего.

— Пробьемся, Халворсен!

Выкрикнув обычное утреннее приветствие, Харри влетел в их общий кабинет.

— Два сообщения, — сказал Халворсен. — Тебя вызывает новый комиссар. А еще тебе звонила какая-то женщина. С весьма приятным голосом.

— Да?

Харри швырнул пальто на вешалку. Оно упало на пол.

— Господи, — вырвалось у Халворсена. — Неужто справился наконец?

— О чем ты?

— Ты опять бросаешь одежду на вешалку. И твердишь насчет «пробьемся». А ведь не делал этого с тех пор, как Ракель… — Халворсен осекся, заметив на лице Харри предостережение.

— Чего хотела женщина?

— Дать тебе информацию. Ее зовут… — Халворсен покопался в желтых листочках на столе. — Мартина Экхофф.

— Не знаю такой.

— Из «Маяка».

— А-а!

— Она сказала, что навела справки. Никто не слыхал, чтобы Пер Хольмен кому-либо задолжал деньги.

— Вот как? Хм. Пожалуй, надо позвонить ей, проверить, не выяснилось ли что-нибудь еще.

— Я тоже об этом подумал, спросил телефон, но она сказала, что добавить ей больше нечего.

— Ну что ж. Ладно. Замечательно.

— Да? А чего это ты так разволновался?

Харри нагнулся, поднял пальто, однако на вешалку не повесил, снова надел.

— А как же комиссар…

— Подождет.

Ворота контейнерного склада были открыты, но табличка на заборе однозначно предупреждала, что въезд воспрещен и что автостоянка находится за пределами складской территории. Харри почесал укушенную лодыжку, взглянул на длинное открытое пространство между контейнерами и зарулил в ворота. Контора смотрителя располагалась в низкой постройке казарменного вида, которую за последние три десятка лет регулярно достраивали. И это было недалеко от истины. Оставив машину у входа, Харри быстры-

ми шагами одолел последние метры.

Пока он объяснял причину своего прихода и рассказывал о вчерашнем вечернем происшествии, смотритель сидел молча, откинувшись на спинку кресла, заложив руки за голову, и жевал спичку.

Спичка — единственное, что двигалось на лице охранника, но Харри показалось, будто по его губам скользнула улыбка, когда он услышал о поединке с собакой.

— Черный метцнер, — сказал охранник. — Родич родезийского риджбека. В Норвегии только у меня. Превосходная сторожевая собака. К тому же молчаливая.

— Это я заметил.

Спичка весело подпрыгнула.

— Метцнер — охотник, он подкрадывается к добыче. Чтобы не спугнуть.

— Вы имеете в виду, она собиралась… съесть меня?

— Ну, так уж прямо и съесть.

Охранник не стал вдаваться в подробности, без всякого выражения смотрел на Харри, обхватив затылок сплетенными ладонями, и Харри подумал, что либо руки у него очень большие, либо голова маленькая.

— Значит, в то время, когда, по нашим предположениям, застрелили Пера Хольмена, вы ничего не видели и не слышали?

— Застрелили?

— Когда он застрелился. Ничего не видели и не слышали?

— Зимой охрана сидит в помещении. А метцнер, как я уже говорил, собака молчаливая.

— Удобно ли это? Ну, что собака не поднимает тревогу?

Охранник пожал плечами:

— Она делает свое дело. А мы сидим себе в тепле.

— Но собака не обнаружила Пера Хольмена, когда он пробрался на склад.

— Территория-то большая.

— А позднее?

— Вы имеете в виду труп? Ну, тело ведь замерзло в камень. К тому же мертвецы метцнера не привлекают, он хватает живую добычу.

Харри вздрогнул.

— В полицейском отчете написано, что, по вашим словам, Пера Хольмена вы здесь никогда раньше не видели.

— Так и есть.

— Я заходил к его матери и взял у нее семейную

фотографию. — Харри положил снимок на стол перед охранником. — Взгляните внимательно и скажите мне, вполне ли вы уверены, что никогда раньше не видели вот этого человека.

Охранник опустил взгляд. Перегнал спичку в уголок рта, хотел ответить, но вдруг замер. Вынул руки из-за головы, взял снимок. Долго вглядывался.

— Н-да, ошибочка вышла. Видел я его. Он был тут летом. Трудно признать… того, что лежал в контейнере.

— Вполне вас понимаю.

Несколько минут спустя, собираясь уходить, Харри сначала приоткрыл дверь и выглянул наружу. Охранник засмеялся:

— Днем собака сидит под замком. К тому же зубы у метцнера узкие, рана быстро заживает. Сперва-то я подумывал купить кентуккского терьера. У того клыки как пила. В куски рвут. Повезло вам, инспектор.

— Ладно, — сказал Харри. — Приготовьтесь, скоро сюда придет наша сотрудница, и вашему полкану придется покусать кое-что другое.

— Ну и что? — спросил Халворсен, осторожно объезжая снегоочиститель.

— Псу дадут куснуть такую мягкую штуку вро-

де глины, — сказал Харри. — Потом Беата и ее сотрудники поместят оттиск в гипс, он застынет, и получится модель собачьей челюсти.

— Вон как… И этого будет достаточно для доказательства, что Пера Хольмена убили?

— Нет.

— По-моему, ты говорил…

— Я говорил, что именно это мне нужно, чтобы доказать убийство. The missing link[9] в цепочке доказательств.

— Та-ак. И каковы же остальные звенья?

— Обычные. Мотив, орудие убийства и повод. Здесь сверни направо.

— Не понимаю. Ты сказал, подозрение основано на том, что Пер Хольмен использовал клещи, чтобы проникнуть на склад?

— Я сказал, что меня это удивило. Точнее говоря: законченный героинщик вынужден искать приюта в контейнере, но одновременно мыслит настолько четко и ясно, что заранее запасается клещами для взлома ворот. Вот я и решил вникнуть поглубже. Паркуйся здесь.

— Не понимаю, как ты можешь утверждать, будто знаешь, кто виновен?

---

[9] Примечания: 9
Недостающее звено *(англ.)*.

— Сам подумай, Халворсен. Это несложно, ведь все факты тебе известны.

— Терпеть не могу эти твои штучки.

— Я просто хочу, чтобы ты стал хорошим полицейским.

Халворсен покосился на старшего коллегу — не насмехается ли? Оба вышли из машины.

— Запирать не будешь? — спросил Харри.

— Замок ночью замерз. И утром я сломал ключ. Ты давно знаешь, кто виновный?

— Некоторое время.

Они пересекли улицу.

— Знать кто — самое простое. Подозреваемый очевиден. Муж. Лучший друг. Малый с послужным списком. Но ни в коем случае не дворецкий. Проблема не в этом, проблема в другом — доказать то, что чутьем знаешь давным-давно. — Харри нажал кнопку домофона рядом с фамилией «Хольмен». — Вот чем мы сейчас займемся. Добудем кусочек мозаики, который превратит на первый взгляд разрозненную информацию в прочную цепь доказательств.

Из динамика послышалось «да».

— Харри Холе из полиции. Можно нам?..

Замок зажужжал.

— И действовать надо быстро, — продолжил

Харри. — Большинство убийств либо раскрываются в первые двадцать четыре часа, либо не раскрываются вообще.

— Спасибо, это я уже слыхал, — сказал Халворсен.

Биргер Хольмен ждал их на лестничной площадке.

— Заходите, — сказал он и первым прошел в гостиную.

У двери на лоджию стояла елка, пока ненаряженная.

— Жена отдыхает, — сообщил Биргер Хольмен, предупреждая вопрос Харри.

— Мы тихо, — сказал Харри.

Биргер Хольмен печально улыбнулся:

— Да она не проснется.

Халворсен быстро взглянул на Харри. Тот хмыкнул.

— Наверно, приняла успокоительное?

Биргер Хольмен кивнул:

— Завтра похороны.

— Да, тяжелое испытание. Ну что ж, спасибо за фото.

Харри положил на стол снимок: Пер Хольмен сидит, родители стоят по бокам. Защищают. Или, если посмотреть иначе, держат под конвоем. В

комнате повисла тишина. Биргер Хольмен почесал предплечье под рукавом рубашки. Халворсен наклонился в кресле вперед, потом откинулся назад.

— Вы много знаете о наркозависимости, Хольмен? — спросил Харри, не глядя на него.

Биргер Хольмен наморщил лоб.

— Моя жена всего-навсего приняла снотворное. Это не означает, что…

— Я говорю не о вашей жене. Возможно, ее вы сумеете спасти. Я о вашем сыне.

— Ну, кое-что знаю, конечно. Он сидел на героине. И это была его беда. — Он хотел сказать что-то еще, но раздумал. Не сводил глаз с фотографии на столе. — Наша общая беда.

— Не сомневаюсь. Но если бы вы хорошо знали, что такое наркозависимость, то вам наверняка было бы известно, что она подавляет все остальное.

Голос Биргера Хольмена вмиг задрожал от возмущения:

— Вы полагаете, инспектор, что мне это неизвестно? Полагаете… что моей жене… он… — Слезы душили его. — Родной матери…

— Я знаю, — тихо сказал Харри. — Но наркотик важнее матери, важнее отца. Важнее жизни. —

Харри вздохнул. — И важнее смерти.

— У меня нет сил, инспектор. Куда вы клоните?

— Анализ крови показывает, что ваш сын умер не после дозы. То есть он был в плохом состоянии. А когда героинщику плохо, потребность в «спасительной» дозе настолько сильна, что он может угрожать пистолетом родной матери, лишь бы добыть наркотик. Именно наркотик, не пулю в висок, а иглу в предплечье, в шею, в пах или в другое место, где есть чистая вена. Вашего сына нашли со шприцем и пакетиком героина в кармане, Хольмен. Он не мог застрелиться. Потому что главным для него был наркотик. Превыше всего… в том числе превыше…

— …смерти. — Биргер Хольмен сидел, обхватив голову руками, но голос звучал совершенно отчетливо: — Значит, вы считаете, моего сына убили. Почему?

— Надеюсь, вы нам объясните.

Биргер Хольмен не ответил.

— Потому что он угрожал ей? — спросил Харри. — Потому что надо обеспечить жене покой?

Хольмен поднял голову.

— О чем вы?

— Уверен, вы слонялись вокруг Платы, ждали. А

когда он появился и купил дозу, пошли за ним. На контейнерный склад. Ведь он ходил туда, когда не имел другого пристанища.

— Я ничего об этом не знаю! Это неслыханно, я…

— Да знали вы, знали. Я показывал фото охраннику, и он опознал человека, о котором я его спросил.

— Пера?

— Нет, вас. Вы были там летом, спрашивали, можно ли поискать сына в пустых контейнерах.

Хольмен смотрел на Харри, а тот продолжал:

— Вы неплохо все спланировали. Клещи, чтобы пройти на территорию, пустой контейнер — вполне подходящее место для наркомана, чтобы свести счеты с жизнью, причем никто не увидит и не услышит вашего выстрела. Из пистолета, который, как может засвидетельствовать мать Пера, находился у него.

Халворсен пристально смотрел на Биргера Хольмена, держался наготове, но тот даже не пытался что-либо предпринять. Только шумно дышал носом и, глядя в пространство, почесывал предплечье.

— Вы ничего не докажете, — сказал Хольмен, словно бы с сожалением.

Харри развел руками. В наступившей тишине с улицы донесся веселый звон бубенчиков.

— Что, чешется? Терпежу нет? — спросил Харри.

Хольмен мгновенно отдернул руку.

— Можно взглянуть, что у вас так чешется?

— Не стоит. Пустяки.

— Можно посмотреть здесь, а можно и в участке. Выбирайте, Хольмен.

Бубенчики трезвонили все громче. Сани? Здесь, в центре города? Халворсена не оставляло ощущение, что вот-вот грянет взрыв.

— Ладно, — прошептал Хольмен, расстегнул манжету и закатал рукав.

На белом волосатом предплечье виднелись две подсохшие ранки. Кожа вокруг была ярко-красная.

— Поверните руку, — скомандовал Харри.

Точно такая же ранка, но одна, была и на внутренней стороне предплечья.

— Жутко чешутся, собачьи-то укусы, верно? — сказал Харри. — Особенно дней через десять — четырнадцать, когда начинают зарастать. Так мне сказал врач из травмопункта и предупредил, чтобы я не расчесывал болячки. Вам бы тоже не стоило чесать, Хольмен.

Хольмен пустым взглядом смотрел на свою руку.

— В самом деле?

— Три ранки от зубов. С помощью макета челюстей мы докажем, что вас, Хольмен, укусила вполне определенная собака на контейнерном складе. Надеюсь, вы легко сумели отбиться.

Хольмен покачал головой:

— Я не хотел… я хотел только избавить ее.

Бубенцы на улице разом умолкли.

— Вы признаете свою вину? — спросил Харри, делая знак Халворсену.

Тот полез во внутренний карман, однако ни ручки, ни бумаги там не нашел. Харри закатил глаза и положил на стол собственный блокнот.

— Он говорил, что вконец измучился. Что ему невмоготу. Что он вправду хочет с этим покончить. Я нашел ему место в Приюте. Койку и трехразовое питание за тысячу двести крон в месяц. И его обещали включить в метадоновый проект всего через месяц-другой. Потом он опять исчез, а когда я позвонил в Приют, мне сказали, что он скрылся, не заплатив за жилье, а потом… потом он заявился сюда. С пистолетом.

— И тогда вы решились?

— С ним все было кончено. Я потерял сына. И

не мог допустить, чтобы он забрал с собой и ее.

— Как вы его отыскали?

— Не на Плате. Я нашел его возле «Эйки», сказал, что хочу купить у него пистолет. Оружие было при нем, он показал мне его, хотел сразу же получить деньги. Но я сказал, что у меня нет с собой денег, мы, мол, встретимся у задних ворот контейнерного склада на следующий вечер. Знаете, вообще-то я рад, что вы… что я…

— Сколько? — спросил Харри.

— Простите?

— Сколько вы собирались заплатить?

— Пятнадцать тысяч крон.

— И…

— Он пришел. Оказалось, патронов у него нет, вообще не было, как он признался.

— Но вы явно это предвидели, к тому же калибр стандартный, достать патроны не составило труда, верно?

— Да.

— Сначала вы заплатили ему?

— Что?

— Ничего, забудьте.

— Поймите, страдали не только мы с Пернилой. Для Пера каждый день был мукой. Мой сын уже умер и только ждал… чтобы кто-нибудь оста-

новил его сердце, которое упорно билось. Ждал…

— Спасителя.

— Да. Именно так. Спасителя.

— Но это ведь не ваша работа, Хольмен.

— Да. Это дело Господа. — Хольмен опустил голову и что-то пробормотал.

— Что вы сказали?

Хольмен поднял голову, его взгляд блуждал в пространстве, ни на чем не останавливаясь.

— Но если Господь не делает свою работу, ее должен сделать кто-то другой.

На улице лишь желтые фонари да бурый сумрак. Когда выпадал снег, в Осло даже ночью было светло. Звуки казались укутанными в вату, а снег под ногами похрустывал, как далекий фейерверк.

— Почему мы не забрали его? — спросил Халворсен.

— Бежать он не собирается и должен кое-что рассказать своей жене. Через час-другой пришлем за ним машину.

— А он прямо артист.

— Да?

— Ну, обрыдался ведь, когда ты сообщил о смерти сына, верно?

Харри задумчиво покачал головой:

— Тебе еще многому предстоит научиться, Младший.

Халворсен с досадой пнул снег.

— Так просвети меня, о мудрейший.

— Убийство — поступок настолько из ряда вон выходящий, что люди вытесняют его, воспринимают как полузабытый кошмар. Я много раз видел такое. Только когда кто-то другой скажет об этом вслух, до них доходит, что это существует не просто у них в голове, а случилось на самом деле.

— Н-да. Все равно хладнокровный субъект.

— Ты что, не разглядел, что он совершенно в кусках? Пернилла Хольмен, пожалуй, права: он из них двоих самый любящий.

— Любящий? Убийца? — Голос у Халворсена чуть не сорвался от возмущения.

Харри положил руку ему на плечо:

— Сам подумай. Разве это не поступок огромной любви? Пожертвовать родным сыном?

— Но…

— Я знаю, о чем ты думаешь, Халворсен. Привыкай, парень, подобные моральные парадоксы будут встречаться тебе на каждом шагу.

Халворсен взялся за незапертую дверцу, но она намертво примерзла. С неожиданной злостью

он дернул ручку, дверца с треском распахнулась — резиновая прокладка осталась в проеме.

Они сели в машину, Харри смотрел, как Халворсен поворачивает ключ зажигания, а другой рукой щелкает себя по лбу, довольно сильно. Мотор взревел.

— Халворсен… — начал Харри.

— Так или иначе, дело раскрыто, комиссар обрадуется, — громко сказал Халворсен, выруливая на дорогу прямо перед сигналящим грузовиком. Потом наставил замерзший средний палец в зеркало. — Стало быть, давай маленько повеселимся. — Он опустил руку и опять щелкнул себя по лбу.

— Халворсен…

— Что? — буркнул тот.

— Прижмись-ка к тротуару.

— Чего?

— Давай.

Халворсен затормозил у бровки тротуара, отпустил руль и устремил решительный взгляд в переднее стекло. Пока они были у Хольменов, стекло успело покрыться морозными узорами. Халворсен шумно дышал, грудь бурно поднималась и опускалась.

— В иные дни хочется послать эту работу к чер-

товой матери, — сказал Харри. — Не переживай.

— Не буду, — отозвался Халворсен, но дышал по-прежнему тяжело.

— Ты сам по себе, они сами по себе.

— Да.

Харри положил ладонь на спину Халворсена, подождал. Через некоторое время почувствовал, что коллега дышит спокойнее.

— Молодец, — сказал Харри.

Оба молчали, меж тем как машина, лавируя в потоке послеобеденного транспорта, катила в Грёнланн.

Глава 7
Вторник, 15 декабря. Анонимность

Он стоял на самом высоком месте самой оживленной пешеходной улицы Осло, которая носила имя шведско-норвежского короля Карла Юхана. Он запомнил план города, который взял в гостинице, и знал, что здание, чей контур виднеется на западе, — это королевский дворец, а в восточной стороне расположен Центральный вокзал.

Он поежился.

Высоко на стене красным неоном светился термометр, сообщая о морозе, и малейшее движение воздуха ощущалось как ледяная стужа, проникающая сквозь верблюжье пальто, которым он до сих пор был вполне доволен, особенно потому, что купил его в Лондоне по весьма низкой цене.

На часах возле термометра было 19.00. Он зашагал на восток. Все складывается как будто бы удачно. Темно, масса людей, видеокамеры только возле двух банков и направлены на их банкоматы. Метро как путь отступления он уже исключил, там наверняка прорва камер наблюдения и мало народу. Осло оказался меньше, чем

он думал.

Он зашел в магазин готового платья, где подыскал голубую шапку за сорок девять крон и шерстяную куртку за две сотни, но передумал, когда заметил тонкую штормовку за сто двадцать. Примеряя ее в кабинке, обнаружил, что таблетки дезодоранта из Парижа так и остались лежать в кармане пиджака, поломанные, отчасти растертые в пыль.

Ресторан располагался сотней метров дальше по улице, на левой стороне. Первым делом он убедился, что в гардеробе самообслуживание. Вот и хорошо, тем проще. Прошел в зал. Заполнен наполовину. Обозримый. С того места, где он стоял, видно все столики. Рядом вырос официант, и он заказал на завтра, на шесть часов, столик у окна.

Перед уходом проверил туалет. Помещение без окон. То есть единственный второй выход — через кухню. Неплохо. Идеальных мест не бывает, да и очень маловероятно, что ему потребуется другой путь отхода.

Выйдя из ресторана, он взглянул на часы и по пешеходной улице направился к вокзалу. Народ смотрел себе под ноги и в сторону. Маленький город, а все же с холодной отстраненностью мегаполиса. Хорошо.

На перроне экспресса, идущего в аэропорт, он снова глянул на часы. От ресторана шесть минут. Поезда отправлялись с интервалом в десять минут и через девятнадцать минут уже прибывали в аэропорт. Значит, можно сесть на поезд в 19.20 и уже в 19.40 очутиться в аэропорту. Прямой рейс до Загреба в 20.10. Билет лежал у него в кармане. Купленный непосредственно в авиакомпании CAC.

Вполне довольный, он вышел из нового вокзального терминала, спустился по лестнице под стеклянную крышу, где раньше явно был старый дебаркадер, а теперь размещались магазины, и выбрался на площадь. Йернбанеторг — так значилось на карте. Посредине площади красовался огромный, втрое больше натуральной величины, тигр, замерший на ходу, меж трамвайных рельсов, автомобилей и людской толчеи. Но телефонов-автоматов нигде не видно, вопреки заверениям администраторши. В конце площади, у навеса, стояла кучка людей. Он подошел ближе. Некоторые разговаривали между собой, наклонив друг к другу головы в капюшонах. Возможно, живут в одном районе, по соседству, и ждут одного автобуса. Правда, они напомнили ему и кое-что другое. Он заметил, как тощие фигуры

что-то передают из рук в руки и спешат прочь, сутулясь от ледяного ветра. И понял в чем дело. Видел ведь, как торгуют героином — и в Загребе, и в других городах Европы, хотя нигде так открыто, как здесь. И сообразил, что́ это ему напомнило. Кучки народу, в которых он сам стоял, когда ушли сербы. Беженцев.

Потом все же подъехал автобус. Белый. Остановился чуть поодаль от навеса. Двери открылись, но садиться в автобус никто не стал. Оттуда вышла девушка в форме, которую он сразу узнал. Армия спасения. Он замедлил шаги.

Девушка подошла к одной из женщин, помогла ей подняться в автобус. Двое мужчин последовали за ними.

Он остановился, глядя на них. Случайность, подумалось ему. Не более того. Он отвернулся. И на стене небольшой башенки с часами увидел три таксофона.

Пять минут спустя он уже сообщил ей в Загреб, что у него все хорошо.

— Последний заказ, — повторила она.

А Фред рассказал, что на стадионе «Максимар» голубые львы, загребское «Динамо», в матче против «Риеки» ушли на перерыв со счетом 1:0 в свою пользу.

Разговор обошелся в пятнадцать крон. Часы на башенке показывали 19.25. Обратный отсчет начался.

Группа расположилась в приходском доме при церкви Вестре-Акер.

Высокие сугробы окаймляли щебенчатую дорожку, ведущую к кирпичному домику на склоне возле кладбища. В голом помещении с пластиковыми стульями по стенам и длинным столом в центре сидело четырнадцать человек. На первый взгляд могло, пожалуй, показаться, что здесь идет общее собрание жилищного кооператива, ведь по лицам, возрасту, полу и одежде никак нельзя было заключить, что это за компания. Резкий свет отражался от оконных стекол и линолеума на полу. Собравшиеся тихонько переговаривались, вертели в руках картонные стаканчики. Громко фыркнула откупоренная бутылка «фарриса».

Ровно в 19.00 чья-то рука позвонила в колокольчик, и разговоры умолкли. Все взгляды обратились на женщину лет тридцати пяти. Она тоже смотрела на собравшихся, прямо, без опаски. Тонкие губы подкрашены помадой, отчего казались мягче, густые и длинные белокурые волосы сколоты простенькой заколкой, большие руки спокойно, уверенно лежали на столе. Пред-

ставительная женщина, как говорят в Норвегии, имея в виду, что черты лица красивы, но их обладательнице недостает шарма, позволяющего назвать ее обаятельной. От нее веяло сдержанностью и силой, а твердый авторитетный голос, секунду спустя наполнивший помещение, еще усилил это впечатление.

— Здравствуйте, меня зовут Астрид, я алкоголик.

— Привет, Астрид! — хором ответили остальные.

Астрид наклонилась к книге, лежащей перед ней на столе, и начала читать:

— «Единственным условием членства в Обществе анонимных алкоголиков является желание бросить пить».

Она продолжала, а те, что сидели за столом и знали наизусть Двенадцать заповедей, шевелили губами. В паузах, когда она переводила дух, с верхнего этажа доносилось пение — там репетировал церковный хор.

— Сегодняшняя тема — Первая ступень, — сказала Астрид. — А звучит она так: «Мы признаём, что были бессильны перед алкоголем и не могли более справиться со своей жизнью». Я могу начать и буду краткой, поскольку считаю, что

закончила с первой ступенью.

Она вздохнула и криво улыбнулась.

— Я не пью уже семь лет и каждый день, проснувшись, первым делом говорю себе, что я алкоголик. Мои дети об этом не знают, думают, мама просто очень легко пьянела и перестала пить, потому что, когда пила, делалась очень злая. В моей жизни для равновесия необходима некоторая доля правды и некоторая доля лжи. Все может идти к черту, но я живу одним днем, избегаю первой выпивки и работаю сейчас над одиннадцатой ступенью. Спасибо вам.

— Спасибо, Астрид, — грянуло собрание и зааплодировало, меж тем как хор наверху славил Господа.

Она кивнула высокому мужчине с коротко-стрижеными светлыми волосами, слева от себя.

— Привет. Меня зовут Харри, — сказал он хрипловатым голосом. Тонкая сеточка красных жилок на крупном носу свидетельствовала о долгих годах отнюдь не трезвой жизни. — Я алкоголик.

— Привет, Харри.

— Я здесь новичок, для меня это шестая встреча. Или седьмая. И я пока на первой ступени. Иными словами, знаю, что я алкоголик, но полагаю, что держу себя под контролем. Поэтому мое присут-

ствие здесь — своего рода самоопровержение. Но я дал слово психологу, другу, который желает мне добра. Он утверждает, что если я первые недели сумею выдержать рассуждения о Боге и о духовном, то обнаружу, что это помогает. Ну, я не знаю, способны ли анонимные алкоголики помочь сами себе, но готов попытаться. Почему бы и нет?

Он повернулся налево, показывая, что закончил. Послышались было аплодисменты, но Астрид их перебила:

— Ты, конечно, впервые взял слово на нашем собрании, Харри. И это замечательно. Но раз уж начал, может, расскажешь побольше?

Харри посмотрел на нее. Остальные тоже. Методика запрещала давить на участников. Астрид смотрела ему в глаза. Он и в прошлые разы чувствовал на себе ее взгляд, но ответил всего один раз. Смерил ее наглым «лифтовым» взглядом, с ног до головы, и не единожды. В общем-то, увиденное ему понравилось, но больше всего понравилось, что, когда он снова посмотрел ей в лицо, она заметно покраснела. И на следующем собрании глядела на него как на пустое место.

— Нет, спасибо, — сказал Харри.

Нерешительные аплодисменты.

Харри искоса поглядывал на нее, пока говорил следующий.

После собрания она спросила, где Харри живет, и сказала, что может его подвезти. Харри помедлил, а хор выше этажом тем временем настойчиво славил Господа.

Полтора часа спустя оба молча курили, глядя на дым, который окрашивал синевой темноту спальни. Сырая простыня на узкой кровати Харри еще хранила тепло, но холод в комнате заставил Астрид до подбородка натянуть тонкое белое одеяло.

— Было замечательно, — сказала она.

Харри не ответил. Подумал, что это, в общем-то, не вопрос.

— Я испытала оргазм. В первый же раз. Это не…

— Стало быть, муж у тебя врач?

— Ты уже спрашивал. Ответ тот же: да.

Харри кивнул:

— Ты слышишь этот звук?

— Какой звук?

— Тиканье. Это твои часы?

— У меня часов нет. Наверно, твои.

— Они электронные. Не тикают.

Она положила руку ему на бедро. Харри вы-

брался из постели. Ледяной линолеум обжег подошвы.

— Принести тебе воды?

— Ммм.

Харри прошел в ванную, открыл кран, посмотрел в зеркало. Что она говорила насчет одиночества в его глазах? Он наклонился вперед, но увидел только голубую радужку вокруг маленьких зрачков да тонкую сетку жилок на белках. Халворсен, когда смекнул, что у них с Ракелью все кончено, сказал, что Харри надо искать утешения у других женщин. Или, как он выразился, «вытрахнуть» из себя меланхолию. Но Харри не мог и не хотел. Знал, что любая женщина, к которой он прикоснется, станет Ракелью. Ему необходимо забыть, вытеснить ее из своей крови, а не лечиться этаким любовным метадоном.

Хотя, возможно, он ошибается, а Халворсен прав. Потому что ему было приятно. На самом деле приятно. Вместо ощущения пустоты, оттого что пытался утолить одно желание посредством удовлетворения другого, он чувствовал себя полным жизни. И одновременно обессилевшим. Она изнурила его. И ему понравилось, как она это сделала. Может, и вправду все просто, для него тоже?

Харри отступил на шаг, оглядел в зеркале свое тело. Похудел за последний год. Меньше жира, но и меньше мышц. Стал похож на отца. Судя по всему.

В комнату он вернулся с большим полулитровым стаканом воды, который они осушили вдвоем. Потом Астрид снова прижалась к нему. Поначалу ее кожа казалась влажной и холодной, но немного погодя он ощутил ее тепло.

— А теперь рассказывай, — сказала она.

— О чем? — Харри следил за дымом, который завивался какой-то буквой.

— Как ее зовут? Ведь все дело в «ней», верно?

Буква растаяла.

— Может быть.

Харри смотрел, как огонь пожирает сигарету, и рассказывал. Сначала скупо. Женщина рядом совсем чужая, в спальне темно, слова слетали с губ и растворялись, а он думал, что, наверно, примерно так происходит в исповедальне. Выплескиваешь все из себя. Или «отпускаешь», как говорят у Анонимных алкоголиков. И он продолжил рассказ. О Ракели, которая год назад выставила его за дверь, решив, что он одержим погоней за этим «кротом» в полиции, за Принцем. И об Олеге, ее сынишке, которого похитили из его детской и держали

заложником, когда Харри наконец подошел на расстояние выстрела. Олег справился, причем хорошо, если учесть обстоятельства похищения и то, что Харри у него на глазах убил похитителя в лифте на Кампене. Хуже было с Ракелью. Через две недели после похищения, узнав подробности, она объявила, что не может терпеть его в своей жизни. Вернее, в жизни Олега.

Астрид кивнула:

— Она оставила тебя из-за ущерба, который ты им причинил?

Харри покачал головой:

— Из-за ущерба, которого я *не* причинил. Пока.

— Вот как?

— Я сказал, что дело закрыто, но она твердила, что я одержим, что все это так и не кончится, пока преступники гуляют на свободе. — Харри затушил сигарету в пепельнице на ночном столике. — Не одни, так другие. Я вечно буду кого-нибудь ловить. И этот кто-нибудь будет для них вечной угрозой. Для нее это чересчур.

— Одержимостью скорее уж страдает она.

— Да нет. — Харри улыбнулся. — Она права.

— Неужели? Объясни.

Харри пожал плечами.

— Подводная лодка… — начал он, но не догово-

рил, закашлялся.

— Подводная лодка?

— Она так сказала. Я как подводная лодка. Погружаюсь туда, где темно, холодно и невозможно дышать, а на поверхность всплываю раз в два месяца. Она не хочет нырять со мной туда. Вполне логично.

— Ты по-прежнему ее любишь?

Харри не был уверен, что ему по душе оборот, какой принял разговор. Он глубоко вздохнул. В голове прокручивалась последняя стычка с Ракелью. Его собственный голос, тихий, как обычно, когда он сердился или боялся: «Подводная лодка?»

И голос Ракели: «Знаю, сравнение не самое удачное, но ты понимаешь…»

Харри вскидывает руки: «Нет, почему же. Блестящий образ. А этот твой… врач? Он кто — авианосец?»

Она, с досадой: «Он тут совершенно ни при чем, Харри. Речь о нас с тобой, о нас двоих. И об Олеге».

«Будь добра, не прикрывайся Олегом».

«Не прикрывайся…»

«Ты используешь его как заложника, Ракель…»

«Я? Использую его как заложника? Я похитила

Олега? Я приставила ему к виску пистолет, когда тебе позарез надо было удовлетворить свою жажду мести?»

Жилы у нее на шее напрягаются, она кричит, голос становится чужим, противным, голосовые связки не выдерживают такой ярости. Харри уходит, тихо, почти бесшумно закрывает за собой дверь.

Он повернулся к Астрид:

— Да, я ее люблю. Ты любишь своего мужа-врача?

— Да.

— Тогда почему?

— Он меня не любит.

— Гм. Значит, ты мстишь ему.

Она посмотрела на него с удивлением:

— Нет. Просто я одинока. А ты мне нравишься. Наверно, причины те же, что и у тебя. Ты бы предпочел что-нибудь более сложное?

Харри рассмеялся:

— Нет-нет. Все хорошо.

— Как ты его убил?

— Кого?

— Их много? Похитителя.

— Это не важно.

— Может, и не важно, но я хотела бы услы-

шать… — Она положила ладонь ему между ног, прижалась, прошептала: — Подробности.

— Ни к чему это.

— Ошибаешься.

— Ладно, но мне не нравится…

— Да брось ты! — раздраженно воскликнула она, резко стиснув его член. Харри взглянул на нее. Голубые глаза жестко блеснули в темноте. Она поспешила улыбнуться и медовым голосом добавила: — Ну пожалуйста.

Мороз за окном спальни крепчал, кровли района Бишлет потрескивали и звенели, меж тем как Харри рассказывал подробности, чувствуя, как она сначала оцепенела, потом убрала руку и наконец сказала: «Хватит».

После ее ухода Харри постоял в спальне, прислушиваясь к потрескиванию. И к тиканью.

Потом наклонился поднять пиджак, брошенный на пол вместе с остальной одеждой, когда оба, охваченные страстью, стремительно ворвались в спальню. И в кармане нашел источник. Прощальный подарок Бьярне Мёллера. Стекло часов поблескивало.

Он сунул их в ящик ночного столика, но тиканье преследовало его на всем пути в страну снов.

Белым гостиничным полотенцем он стер с ору-

жейных деталей лишнюю смазку.

Движение за окном проникало внутрь как ровный гул, заглушая в углу маленький телевизор, у которого было всего три канала с зернистым изображением, видимо норвежские. Девушка-портье забрала у него пиджак и обещала, что его почистят к завтрашнему утру. Он разложил детали на газете, одну возле другой. Когда все они просохли, он собрал пистолет, прицелился в зеркало и нажал на спуск. Механизм сработал мягко, он почувствовал, как движение стали передается по руке и плечу. Сухой щелчок, в обойме пусто. Мнимая казнь.

Так они пытались расколоть Бобо.

В ноябре 91-го, после трех месяцев осады и бомбежек, Вуковар наконец капитулировал. Лил дождь, когда сербы вошли в город. Вместе с остатками подразделения Бобо — примерно восемью десятками смертельно усталых, изголодавшихся хорватских военнопленных — он стоял в строю перед развалинами, там, где когда-то была центральная улица. Сербы приказали им стать по стойке «смирно», а сами укрылись в теплых палатках. Дождь поливал как из ведра, вспенивая глину. Через два часа люди начали падать. Лейтенант из подразделения Бобо вышел

из строя, хотел помочь одному из упавших, и сербский рядовой, совсем мальчишка, вышел из палатки и выстрелил лейтенанту в живот. После никто уже не двигался с места, все смотрели на потоки дождя, затуманившие окрестные холмы, и надеялись, что лейтенант скоро перестанет кричать. Сам он заплакал, но тотчас услыхал за спиной голос Бобо: «Не реви». И он замолк.

Под вечер, уже в сумерках, подъехал открытый джип. Сербы высыпали из палаток, взяли на караул. Он понял, что мужчина на пассажирском сиденье не иначе как командир, «кремень с мягким голосом» — так его называли. На заднем сиденье джипа, опустив голову, сидел какой-то штатский. Джип остановился прямо перед строем пленных, и он, поскольку стоял в первом ряду, услышал, как командир предложил штатскому взглянуть на пленных. Как только тот нехотя поднял голову, он сразу его узнал. Местный, из Вуковара, отец мальчика из их школы. Взгляд этого человека скользнул по строю, дошел до него, но без тени узнавания скользнул дальше. Командир вздохнул, встал в джипе и отнюдь не мягким голосом крикнул: «Кто из вас проходит под кодовым именем Маленький Спаситель?»

В строю никто не пошевелился.

«Не смеешь выйти вперед, Mali spasitelj? Взорвал двенадцать наших танков, оставил наших женщин вдовами, а сербских детей сиротами!»

Он ждал.

«Ну-ну. А кто из вас Бобо?»

И на сей раз никто не пошевелился.

Командир посмотрел на штатского, который дрожащим пальцем указал на Бобо, стоявшего во второй шеренге.

«Подойди сюда».

Бобо подошел к джипу и шоферу, стоявшему подле машины. Когда Бобо стал по стойке «смирно» и козырнул, шофер сбил с него фуражку, прямо в грязь.

«Как мы поняли из радиопереговоров, Маленький Спаситель находится под твоей командой, — сказал комендант. — Будь добр, покажи его мне».

«Никогда не слыхал ни о каком спасителе», — ответил Бобо.

Командир ударил его рукоятью пистолета. Струя крови потекла у Бобо из носа.

«Быстро! Не хочу торчать под дождем, к тому же меня ждет обед».

«Я Бобо, капитан хорватской ар…»

Командир кивнул шоферу, тот за волосы запрокинул Бобо голову, так что ливень смыл кровь,

стекавшую изо рта и носа на красную шейную косынку.

«Болван! — сказал командир. — Нет никакой хорватской армии, есть только изменники! Выбирай: либо мы расстреляем тебя прямо здесь и сейчас, либо ты покуда избавишь нас от этого. Мы ведь все равно найдем его».

«А ты все равно нас расстреляешь», — простонал Бобо.

«Конечно».

«Почему?»

Командир передернул затвор пистолета. С рукояти капали дождевые капли. Он приставил дуло к виску Бобо: «Потому что я сербский офицер. А мужчина должен уважать свою работу. Ты готов умереть?»

Бобо зажмурился, на ресницах висели капли дождя.

«Где Маленький Спаситель? Считаю до трех, потом стреляю. Раз…»

«Я Бобо…»

«Два!»

«…капитан хорватской армии, я…»

«Три!»

Даже в громком шуме дождя сухой щелчок прозвучал оглушительно.

«Извини, забыл вставить обойму», — сказал серб.

Шофер подал ему обойму. Он вставил ее в рукоять, дослал патрон и снова прицелился.

«Последний шанс! Один!»

«Я… мое подразделение…»

«Два!»

«…первый пехотный батальон…»

«Три!»

Снова сухой щелчок. Вуковарец в джипе всхлипнул.

«Вот черт! Пустая обойма. Что, попробуем еще разок, с хорошими боевыми патронами?»

Он вынул обойму, вставил новую, передернул затвор.

«Где Маленький Спаситель? Раз!»

Бобо пробормотал: «Oče naš… Отче наш…»

«Два!»

Небеса разверзлись, дождь лил стеной, словно в отчаянной попытке остановить происходящее среди людей, и, глядя на Бобо, он не выдержал, открыл рот, хотел крикнуть, что Маленький Спаситель — это он, он им нужен, а не Бобо, он один, пусть берут его. Но в этот миг взгляд Бобо скользнул по нему и ушел в сторону, и в его глазах он прочел яростный приказ, увидел, как

Бобо помотал головой. Потом Бобо вздрогнул, пуля пробила соединение души и тела, взгляд его погас, стал безжизнен и пуст.

В эту минуту подбежал молоденький серб, тот, что ранил лейтенанта.

«Перестрелка у больницы!» — выпалил он.

Командир выругался, сделал знак шоферу. Секунду спустя мотор взревел, и джип исчез в сумраке. Он мог бы сказать сербам, что у них нет причин для беспокойства. В больнице нет хорватов, которые могли бы стрелять. Они безоружны.

Бобо остался лежать лицом в грязной черной жиже. Когда совсем стемнело и сербы из палатки не могли никого увидеть, он вышел из строя, наклонился к убитому капитану, развязал узел красной косынки и взял ее себе.

Глава 8
Среда, 16 декабря. Ужин

Восемь утра, 16 декабря, день, которому суждено стать самым холодным за двадцать четыре года, еще тонул в ночном мраке. Харри вышел из Полицейского управления, забрав у Герд под расписку ключ от квартиры Тома Волера. Шагал, подняв воротник пальто, а когда кашлял, звук словно уходил в вату, как будто воздух от холода загустел, стал тяжелым.

Утренний час пик, люди шаркали по тротуарам, спешили поскорей очутиться в помещении, но Харри шел размеренным широким шагом, слегка пружиня в коленях, на случай если резиновые подошвы мартенсов вдруг поедут по льду.

Когда он вошел в расположенную в центре холостяцкую квартиру Тома Волера, небо за холмами Экеберга посветлело. После смерти Волера квартира не одну неделю была опечатана, однако обыск не дал ни малейшей зацепки, которая привела бы к возможным соучастникам в контрабанде оружия. Во всяком случае, так сказал начальник уголовной полиции, когда инфор-

мировал о том, что это дело не первоочередное по причине «других неотложных следственных задач».

Харри зажег свет в гостиной и снова отметил совершенно особенную тишину в жилище покойного. На стене перед диваном из блестящей черной кожи висел изысканный плазменный телевизор с большими, примерно в метр высотой, динамиками по обе стороны, которые явно были частью стереосистемы. Несколько картин с синими кубическими монстрами, Ракель называла их линейно-циркульным искусством.

Он прошел в спальню. Серый свет сочился в окно. Все прибрано. На письменном столе — монитор. Но системного блока нет. Наверно, забрали на проверку. Однако среди улик в Полицейском управлении он его не видел. Самого Харри от этого дела отстранили. Официально потому, что из-за гибели Волера он находился под следствием отдела внутренней безопасности. Но его не оставляло ощущение, что кому-то из коллег совсем не выгодно, так сказать, переворачивать все камни.

Собираясь выйти из спальни, Харри вдруг что-то услышал.

В квартире уже не было мертвой тишины.

Далекое тиканье щекотало кожу, заставля-

ло волоски на руках стать дыбом. Звук шел из платяного шкафа. Он помедлил. Потом открыл дверцу. Прямо за нею стояла открытая коробка, и он тотчас узнал куртку, которая в ту ночь была на Томе Волере. А поверх куртки лежали и тикали наручные часы. Тикали точно так же, как тогда, когда Том Волер просунул руку в дверное оконце лифта, к ним, а лифт поехал и отрубил ему руку. После они сидели в лифте, на полу между ними лежала эта рука, восковая, мертвая, словно оторванная от манекена, только с пустяковым отличием — при часах. И часы эти тикали, не желали останавливаться, жили, как в той истории, которую отец читал ему в детстве, о бьющемся сердце убитого: оно неумолчно стучало и в конце концов довело убийцу до безумия.

Отчетливое тиканье, энергичное, настойчивое. Из тех, что запоминаются. Часы «Ролекс». Тяжелые и наверняка жутко дорогие.

Харри захлопнул шкаф. Гулко топая, прошел к выходу. Загремел ключами, запирая дверь, и лихорадочно напевал, пока не очутился на улице, где благословенный транспорт заглушил все.

В три часа длинные тени уже падали на дом № 4 по Коммандёр-Т. И. Эгримс-плас, и в окнах штаб-квартиры Армии спасения загорались лам-

пы. В пять совсем стемнело, ртуть в термометрах опустилась ниже минус пятнадцати. Редкие заблудшие снежинки ложились на крышу смешного автомобильчика, в котором ждала Мартина Экхофф.

— Ну выходи же, папа, — бормотала она, опасливо поглядывая на шкалу аккумулятора.

Неизвестно, как электромобиль — подарок королевской семьи — поведет себя на морозе. Она перебрала в памяти все, что сделала перед уходом из конторы: выложила в Сети сообщения о новых и отмененных служебных собраниях, уточнила графики дежурств в автобусе-столовой и возле кружки на Эгерторг, прочла корректуру ответного письма в канцелярию премьер-министра по поводу ежегодного рождественского концерта в Концертном зале.

Дверца автомобиля открылась, впустив холод и мужчину с густой седой шевелюрой под форменным кепи, с самыми ясными голубыми глазами, какие знала Мартина. Во всяком случае, у людей старше шестидесяти. С некоторым усилием он разместил ноги в тесном пространстве между приборной панелью и сиденьем.

— Можно ехать, — сказал он, смахивая снег с командирских знаков различия, свидетель-

ствовавших, что он главный командир Армии спасения в Норвегии.

Свою короткую реплику он произнес бодро, с непринужденной авторитетностью, естественной для людей, привыкших, что их распоряжения всегда выполняются.

— Поздно ты, — сказала Мартина.

— А ты просто ангел. — Отец потрепал ее по щеке, в голубых глазах поблескивали энергия и веселье. — Теперь надо поспешить.

— Папа…

— Минутку. — Он опустил стекло. — Рикард!

У входа в Храм, расположенный рядом, под одной крышей со штаб-квартирой, стоял молодой парень. Он встрепенулся и поспешил к ним, косолапо загребая ногами и прижав локти к телу. Поскользнулся, чуть не упал, но сумел удержать равновесие. Подошел к автомобилю, перевел дух.

— Да, командир?

— Зови меня Давидом, как все, Рикард.

— Слушаюсь, Давид.

— Только не с каждой фразой, будь добр.

Взгляд Рикарда перебегал с командира Давида Экхоффа на его дочь Мартину и обратно. Двумя пальцами он смахнул пот с верхней губы.

Мартина часто думала, как это получается, что у человека потеет одно место, независимо от погоды и ветра. Особенно когда он во время богослужения или в других случаях оказывался рядом с ней и что-нибудь ей шептал, якобы забавное, а может, она и вправду сочла бы его слова забавными, если б не плохо скрытая нервозность и слишком навязчивое присутствие. Ну а еще пот на верхней губе. Иной раз, когда Рикард сидел поблизости и кругом было тихо, она слышала шуршание, когда он проводил пальцами по верхней губе. Ведь Рикард не только потел, вдобавок у него очень быстро отрастала необычайно густая щетина. Утром он приходил в штаб-квартиру свежевыбритый, гладкий как младенец, но уже к полудню его белая кожа приобретала сизый оттенок, и вечером он появлялся на собраниях после нового бритья.

— Я пошутил, Рикард, — улыбнулся Давид Экхофф.

Мартина знала, что шутил отец совершенно беззлобно. Просто иногда был не способен понять, что командует людьми.

— Конечно. — Рикард делано засмеялся. Наклонился к окну. — Привет, Мартина.

— Привет, Рикард, — поздоровалась она, сделав

вид, что изучает шкалу аккумулятора.

— Думаю, ты мог бы оказать мне услугу, — сказал командир. — За последние дни дороги сильно обледенели, а на моей машине резина хоть и зимняя, но нешипованная. Я бы сам поменял, но мне надо в «Маяк»…

— Знаю, — быстро сказал Рикард. — У тебя ужин с министром социального обеспечения. Мы надеемся, что соберется много журналистов. Я говорил с шефом пресс-службы.

Давид Экхофф сдержанно улыбнулся:

— Рад, что ты в курсе происходящего. Но дело в том, что моя машина стоит здесь, в гараже, и хорошо бы поставить шипованные колеса к моему возвращению. Понимаешь?

— Они где? В багажнике?

— Да. Но только если у тебя нет дел поважнее. Я как раз собирался позвонить Юну, он говорил, что сможет…

— Нет-нет, — тряхнул головой Рикард. — Я все сделаю. Не сомневайся, э-э… Давид.

— Точно?

Рикард растерянно взглянул на командира:

— В смысле?

— У тебя правда нет дел поважнее?

— Правда. Я с удовольствием. Люблю возиться

с машинами и…

— Менять резину?

В ответ на широкую улыбку командира Рикард только молча кивнул.

Стекло поднялось, машина тронулась, и Мартина сказала отцу, что, по ее мнению, нехорошо использовать так Рикардово служебное рвение.

— Ты, наверно, имеешь в виду покорность, — отозвался отец. — Не волнуйся, милая, это всего-навсего проверка.

— Проверка? Самоотверженности? Или страха перед авторитетом?

— Последнего. — Командир фыркнул. — Я говорил с Теа, сестрой Рикарда, и она ненароком обронила, что Рикарду очень хочется до завтра закончить бюджет. Если так, ему бы следовало оставить дело с резиной Юну.

— Ну и что? Рикард просто покладистый.

— Да, покладистый и расторопный. Трудолюбивый и серьезный. Я лишь хочу убедиться, что у него достаточно твердости и мужества, необходимых для важной руководящей должности.

— Все говорят, что должность получит Юн.

Давид Экхофф едва заметно усмехнулся, глядя на свои руки.

— Вот как? Вообще-то я ценю, что ты защища-

ешь Рикарда.

Мартина смотрела на дорогу, но чувствовала на себе взгляд отца, когда он продолжил:

— Ты же знаешь, наши семьи связывает многолетняя дружба. Они хорошие люди. С прочными корнями в Армии.

Мартина шумно вздохнула, подавляя досаду.

Для этой работы нужна всего одна пуля.

Тем не менее он снарядил обойму полностью. Во-первых, при полной обойме оружие идеально сбалансировано. А во-вторых, вероятность осечки сводится к минимуму. Шесть пуль в обойме, одна — в патроннике.

Он надел плечевую кобуру. Купил подержанную, кожа была мягкая, пахла солью и горечью пота и ружейного масла. Пистолет лежал как надо. Став перед зеркалом, он надел пиджак. Ничего не заметно. Крупнокалиберные пистолеты стреляют прицельнее, но ведь он занимается не снайперской стрельбой. Штормовка. Затем пальто. Шапку он сунул в карман, проверил, не забыл ли положить во внутренний карман красную шейную косынку.

Посмотрел на часы.

— Твердость, — сказал Гуннар Хаген. — И

мужество. Эти два качества я считаю самыми главными для моих инспекторов.

Харри не ответил. Решил, что это, пожалуй, не вопрос. Обвел взглядом кабинет, где часто сидел вот как сейчас. Не считая фразы о том, что комиссар говорит инспектору, как обстоит на самом деле, все здесь теперь по-другому. Исчезли кипы мёллеровских бумаг, альбомы с Утенком Дональдом и К°, засунутые на полку среди кодексов и полицейских инструкций, большая фотография семьи и еще бóльшая — золотистого ретривера, которого дети когда-то получили в подарок и давно забыли, потому что девять лет назад он умер, но Бьярне Мёллер до сих пор горевал о нем.

Чистый стол с компьютерным монитором и клавиатурой, маленькая серебряная подставка с обломком белой косточки и локти Гуннара Хагена, на которые тот как раз оперся, устремив на Харри взгляд из-под навесов бровей.

— Есть, однако, и третье качество, на мой взгляд еще более важное, Холе. Отгадайте какое.

— Не знаю, — безучастным тоном отозвался Харри.

— Дисциплина. Дис-цип-ли-на.

Комиссар произнес это слово с нажимом, по слогам, и Харри ожидал чуть ли не лекции о его

этимологии. Но Хаген встал и с важным видом, заложив руки за спину, прошелся по кабинету, вроде как метил территорию, что Харри показалось смешноватым.

— Я говорю об этом с каждым в подразделении, лицом к лицу, чтоб было ясно, чего я ожидаю.

— В отделе.

— Простите?

— Нас тут никогда не называли подразделением. Хотя должность раньше именовалась «начальник полицейского подразделения». Это так, для информации.

— Спасибо, я учту, инспектор. На чем я остановился?

— На дис-цип-ли-не.

Хаген пробуравил Харри взглядом. Тот и бровью не повел, и Хаген снова прошелся по комнате.

— Последние десять лет я читал лекции в Высшем военном училище. Моя специальность, в частности, Бирманская операция. Полагаю, Холе, вы удивлены и спрашиваете себя, как это может быть связано с моей здешней работой.

— Верно. — Харри почесал ногу. — Вы читаете во мне как в открытой книге, шеф.

Хаген провел пальцем по подоконнику и недовольно поморщился.

— В тысяча девятьсот сорок втором году без малого сто тысяч японских солдат завоевали Бирму. А Бирма вдвое больше Японии и в то время была оккупирована британскими войсками, намного превосходящими японцев в живой силе и технике. — Хаген поднял вверх запачканный палец. — Но в одном японцы обладали превосходством, и это одно позволило им одолеть англичан и индийских наемников. Дисциплина. Японцы шли на Рангун, сорок пять минут марша, пятнадцать минут сна. Ложились прямо на дорогу, не снимая вещмешков, ногами в направлении марша. Чтобы, проснувшись, не очутиться в канаве и не двинуть в другую сторону. Направление очень важно, Холе. Понимаете?

Харри догадался, что последует дальше:

— Думаю, в итоге они дошли до Рангуна, шеф.

— Именно. Все. Потому что действовали, как приказано. Мне вот как раз сообщили, что вы брали ключи от квартиры Тома Волера. Это верно, Холе?

— Заглянул на минутку, шеф. Из чисто терапевтических соображений.

— Надеюсь. Дело закрыто. Вынюхивать в квартире Волера — напрасная трата времени, а кроме того, это идет вразрез с приказом, который вы ра-

нее получили от начальника уголовной полиции, а теперь и от меня. Полагаю, мне незачем расписывать последствия неподчинения приказу, замечу только, что японские офицеры расстреливали солдат, которые пили воду в неурочное время. Не из садизма, а потому, что дисциплина есть оперативное удаление раковой опухоли. Ясно, Холе?

— Ясно… ну то есть абсолютно ясно, шеф.

— У меня пока все, Холе. — Хаген сел в кресло, достал из ящика какой-то документ, начал внимательно читать, словно Харри уже вышел из кабинета, и, подняв голову, с удивлением обнаружил, что тот по-прежнему стоит перед ним. — Есть вопросы, Холе?

— Гм, я просто подумал… Разве японцы не проиграли войну?

После ухода Харри Гуннар Хаген еще долго сидел, устремив невидящий взгляд в свои бумаги.

Ресторан был заполнен наполовину. Как и накануне. В дверях его встретил красивый молодой официант, голубоглазый, с белокурыми кудрями. До того похожий на Джорджи, что он на мгновение замер, не сводя с него глаз. И сообразил, что выдал себя, когда на губах официанта заиграла широкая улыбка. Вешая пальто и штормовку на

крючок в гардеробе, он чувствовал на себе взгляд официанта.

— Your name?[10] — спросил официант.

Он невнятно ответил.

Длинным тонким пальцем официант провел по странице блокнота с заказами.

— I got my finger on you now[11], — сказал официант, сверля его голубыми глазами, пока он не покраснел.

На вид ресторан не особенно изысканный, но если он в уме прикинул правильно, то цены в меню вполне приемлемые. Заказал пасту и стакан воды. Проголодался. А сердце стучало ровно и спокойно. Остальные посетители разговаривали между собой, улыбались, смеялись, будто с ними ничего не может случиться. Его всегда удивляло, что ничего не заметно, что вокруг него нет черного ореола, что от него не веет ни холодом, ни запахом тлена.

Точнее, другим ничего не заметно.

Снаружи часы на ратуше шесть раз вызвонили свои три ноты.

---

[10] Примечания: 10
Ваше имя? *(англ.)*

[11] Примечания: 11
Здесь: нашел *(англ.)*.

— Уютное место, — сказала Теа, оглядываясь по сторонам.

Ресторан был вполне обозримый, столик стоял у окна, выходящего на улицу. Из скрытых динамиков доносилась едва внятная медитативная музыка в стиле нью-эйдж.

— Я хотел поужинать в особенной обстановке, — сказал Юн, открыв меню. — Что ты будешь?

Взгляд Теа нерешительно скользил по строчкам меню.

— Прежде всего закажу воду.

Теа пила много воды. Юн знал, что это каким-то образом связано с диабетом и почками.

— Вправду нелегко выбрать, — сказала она. — Все выглядит заманчиво.

— Но ведь все меню не съешь.

— Да…

Юн сглотнул. Реплика вырвалась у него нечаянно. Он украдкой посмотрел на Теа. Она явно ничего не заметила.

Внезапно она подняла голову:

— Собственно, что ты имел в виду?

— О чем ты?

— Ну, насчет всего меню. Ты пытался что-то сказать, Юн. Я же знаю тебя. Что именно?

Он пожал плечами:

— Мы ведь договорились, что еще до помолвки все друг другу расскажем, верно?

— И что?

— Ты на самом деле рассказала мне… все?

Она с досадой вздохнула:

— Конечно, Юн. У меня ни с кем ничего не было. В *таком* смысле.

Однако в ее взгляде, в ее лице он заметил что-то, чего прежде не видел. Маленькая мышца у рта напряглась, глаза потемнели, словно закрылась бленда. И он не сдержался:

— И с Робертом тоже?

— Что?

— С Робертом. Я помню, как вы флиртовали в то первое лето в Эстгоре.

— Мне было четырнадцать, Юн!

— Ну и что?

Сначала в ее взгляде сквозило недоверие. Потом он как бы ушел вовнутрь, погас, она отдалилась от него. Юн взял ее руку в свои, наклонился к ней, прошептал:

— Прости меня, прости, Теа. Сам не знаю, что на меня нашло. Я… Давай забудем мой вопрос, ладно?

— Что будете заказывать?

Оба посмотрели на официанта.

— На закуску свежую спаржу, — сказала Теа, отдавая ему карточку. — И шатобриан с белыми грибами.

— Прекрасный выбор. Можно порекомендовать вам отличное и подходящее красное вино, которое мы только что получили?

— Порекомендовать можно, но я предпочитаю воду, — лучезарно улыбнулась Теа. — Много воды.

Юн взглянул на нее. Восхищаясь ее способностью скрывать свои чувства.

Когда официант ушел, она устремила взгляд на Юна:

— Если ты закончил допрос, то как насчет тебя самого?

Юн криво усмехнулся, покачал головой.

— У тебя никогда не было подружки. Даже в Эстгоре.

— А знаешь почему? — Юн накрыл ее руку ладонью.

Она мотнула головой.

— Потому что тем летом я влюбился в одну девочку. — Юн посмотрел ей в глаза. — Ей было всего четырнадцать. С тех пор я ее и люблю.

Он улыбнулся, Теа тоже улыбнулась и снова

вышла из своего убежища, к нему.

— Вкусный суп, — сказал министр социального обеспечения командиру Давиду Экхоффу. Но достаточно громко, чтобы услышали журналисты.

— Наш собственный рецепт, — заметил командир. — Несколько лет назад мы выпустили поваренную книгу и подумали, что вы, господин министр, вероятно… — он сделал знак Мартине, та подошла и положила книгу возле тарелки министра, — найдете ей применение, если захотите дома приготовить вкусный и питательный обед.

Немногие журналисты и фотографы, присутствующие в кафе «Маяк», зашушукались. В остальном народу было мало, несколько пожилых мужчин из приюта, заплаканная дама в пальто да наркоман с кровоточащей ссадиной на лбу, дрожавший как осиновый лист, потому что боялся подняться на второй этаж, в армейский медпункт. Малолюдность не вызывала удивления. Обычно «Маяк» в эту пору закрыт. Поскольку же утренний визит не вписался в распорядок дня министра, он не увидел, как многолюдно здесь бывает обычно. Все это командир ему объяснил. Добавив, насколько эффективно ведутся дела и сколько это стоит. Министр только кивал, не забывая исправно орудовать ложкой.

Мартина взглянула на часы. Без четверти семь. Секретарь министра сказал, что в 19.00 они должны уйти.

— Спасибо за вкусный ужин, — поблагодарил министр. — Мы успеем познакомиться с кем-нибудь из посетителей?

Пресс-секретарь кивнула.

Кокетство, подумала Мартина. Конечно же они успеют поздороваться с посетителями, ведь затем и пришли. Не затем, чтобы выделить деньги. Это можно сделать и по телефону. Но чтобы пригласить прессу и представить общественности министра, который общается с нуждающимися, ест суп, за руку здоровается с наркоманами и слушает их с сочувствием и вниманием.

Пресс-секретарь знаком показала фотографам, что можно снимать. Точнее, проследила, чтобы они сделали фото.

Министр встал, застегнул пиджак и обвел взглядом помещение. Мартина догадывалась, что он прикидывает три возможности выбора. Двое пожилых мужчин выглядели как обычные обитатели приюта для престарелых и вряд ли годятся для фотографии в газете: министр здоровается с таким-то наркоманом или с такой-то проституткой. Наркоман со ссадиной, похоже, не в себе,

да и вообще это уже перебор. А вот женщина… С виду обычная гражданка, из тех, с кем каждый может себя отождествить и кому хочется помочь, тем более узнав ее душераздирающую историю.

— Вы цените возможность приходить сюда? — спросил министр, протягивая руку.

Женщина подняла на него глаза. Министр назвал свое имя.

— Пернилла… — в свою очередь начала женщина, но министр перебил:

— Достаточно одного имени, Пернилла. Здесь присутствуют журналисты, знаете ли. Они нас сфотографируют, вы не против?

— Хольмен, — сказала женщина и деликатно высморкалась в платок. — Пернилла Хольмен. — Она показала на стол, где у одной из фотографий горела свеча. — Я здесь из-за моего сына. Вы не могли бы оставить меня в покое?

Мартина задержалась возле женщины, меж тем как министр со свитой поспешно ретировался. Она заметила, что он все же отошел к двум старикам.

— Мне жаль, что с Пером так случилось, — тихо сказала Мартина.

Женщина подняла к ней лицо, опухшее от слез. И от таблеток, подумала Мартина.

— Ты знала Пера? — прошептала она.

Мартина предпочитала правду. Даже неудобную. Не по причине воспитания, а потому, что обнаружила: по большому счету так легче жить. Но в дрожащем от слез голосе сквозила мольба. Мольба о том, чтобы кто-нибудь сказал, что ее сын был не только роботом-героинщиком, бременем, от которого общество наконец избавилось, но и человеком, которого кто-то знал, с которым дружил и которого, может быть, даже любил.

— Госпожа Хольмен, — помедлив, сказала Мартина, — я его знала. Он был хороший парень.

Пернилла Хольмен дважды мигнула, не говоря ни слова. Попыталась улыбнуться, но получались только гримасы. Сумела прошептать «спасибо», и по щекам вновь покатились слезы.

Мартина увидела, что командир машет ей, но села рядом с Перниллой Хольмен.

— Они… они забрали моего мужа, — выдавила та сквозь рыдания.

— Что?

— Полиция. Они говорят, это он сделал.

Когда Мартина отошла от Перниллы Хольмен, она думала о долговязом светловолосом полицейском. Он казался таким искренним, когда говорил, что ему есть дело до Пера. Ее охватил

гнев. И замешательство. Поскольку она не совсем понимала, почему так злится на человека, которого совершенно не знает. Глянула на часы. Без пяти семь.

Харри сварил рыбный суп. К пакетику «Фундуса» добавил молоко и кусочки рыбной запеканки. Плюс багет. Все куплено в «Ниязи», магазинчике, который держали сосед снизу, Али, и его брат. На столе рядом с большущей тарелкой стоял полулитровый стакан воды.

Харри поставил диск, прибавил громкость. Выбросил из головы все мысли, сосредоточился на музыке и супе. Звуки и вкус. Больше ничего.

Он наполовину опустошил тарелку и слушал третью запись, когда зазвонил телефон. Пускай звонит. Однако на восьмом звонке встал, выключил музыку.

Звонила Астрид.

— Харри, что поделываешь?

Она говорила тихо, тем не менее голос отдавался эхом. Должно быть, она дома, закрылась в ванной.

— Ем. И слушаю музыку.

— Я собираюсь выйти из дома. Есть дело по соседству с тобой. Что-то планируешь на остаток вечера?

— Да.

— Что же именно?

— Слушать музыку.

— Хм. Судя по всему, компания тебе не требуется.

— Верно.

Пауза. Астрид вздохнула.

— Дай знать, если вдруг передумаешь.

— Астрид.

— Да?

— Дело не в тебе. Понимаешь? Дело во мне.

— Не надо извиняться, Харри. В смысле, если ты воображаешь, будто для одного из нас это жизненно важно. Я просто подумала, что было бы здорово.

— Может, в другой раз.

— Когда?

— В другой раз.

— Совсем в другой?

— Скажем, так.

— Ладно. Но ты мне нравишься, Харри. Не забывай.

Разговор кончился. Харри постоял, даже не прислушиваясь к внезапной тишине. Слишком был озадачен. Когда Астрид позвонила, ему привиделось лицо. Удивил его не сам этот факт, а то,

что лицо не принадлежало ни Ракели, ни Астрид. Он плюхнулся в кресло, решив пока об этом не думать. Ведь если это означало, что время сделало свое дело и Ракель уходит, значит, симптом и без того хороший. А стало быть, незачем усложнять процесс.

Он снова включил стереоустановку и выбросил мысли из головы.

Он заплатил по счету. Бросил в пепельницу зубочистку, посмотрел на часы. Без трех минут семь. Кобура терла под мышкой. Достал из внутреннего кармана фото, присмотрелся. Пора.

Никто из посетителей ресторана — в том числе парочка за соседним столом — не обратил внимания, когда он встал и направился в туалет. Закрылся в одной из кабинок, выждал минуту, сумел устоять перед искушением проверить, что пистолет заряжен. Этому он научился у Бобо. Реакция замедлится, если привыкнешь к роскоши всегдашней двойной проверки.

Минута истекла. Он вышел в гардероб, надел штормовку, повязал на шею красную косынку, надвинул на уши шапку. Открыл дверь и очутился на Карл-Юханс-гате.

Быстро зашагал к самой верхней точке. Не потому, что спешил, а потому, что, как он заме-

тил, в таком темпе здесь двигались все, такой темп делал тебя незаметным. Миновал урну на фонарном столбе, куда накануне решил бросить пистолет на обратном пути. Прямо посреди оживленной пешеходной улицы. Полиция его найдет, но это не важно. Главное, чтобы пистолет не нашли на нем.

Музыку он услышал еще издалека.

Несколько сотен людей полукругом стояли перед музыкантами, которые, когда он подошел, как раз допели песню. Пока звучали аплодисменты, часы сообщили, что он пришел минута в минуту. Внутри полукруга, сбоку и перед группой висела на деревянной подставке черная кружка, а рядом стоял человек с фотографии. Правда, освещали его только уличные фонари да два факела, но это, без сомнения, он. Тем более что на нем форма и кепи Армии спасения.

Вокалист что-то крикнул в микрофон, народ заликовал, захлопал в ладоши. Музыканты заиграли, блеснула фотовспышка. Играли громко. Ударник поднимал правую руку высоко в воздух, после чего выбивал резкую дробь.

Он протолкался сквозь толпу, остановился метрах в трех от человека из Армии спасения и проверил, свободен ли путь отхода. Перед ним

стояли две девочки-подростка, от них пахло жевательной резинкой, изо рта вырывались клубы пара. Обе ниже его. Он ни о чем особо не думал, не торопился, просто без церемоний сделал то, зачем пришел: вытащил пистолет, вытянул руку, сократив дистанцию до двух метров. Прицелился. Человек у кружки раздвоился. Он перестал целиться, и две фигуры опять слились в одну.

— Твое здоровье, — сказал Юн.

Музыка, точно вязкая начинка из пирога, текла из динамиков.

— И твое! — Теа послушно чокнулась с ним.

Оба выпили, посмотрели друг на друга, и он беззвучно произнес: «Я тебя люблю».

Она покраснела, опустила глаза, но улыбнулась.

— У меня есть для тебя маленький подарок.

— О! — Тон был игривый, кокетливый.

Юн сунул руку в карман. Нащупал под мобильником твердый пластик коробочки от ювелира. Сердце учащенно забилось. Господи, как же он радовался этому вечеру, этой минуте, а одновременно изнывал от страха.

Мобильник завибрировал.

— Что-то случилось?

— Нет-нет, я… Извини. Сейчас вернусь.

В туалете он достал телефон, глянул на дисплей. Вздохнул, нажал кнопку приема.

— Привет, милый, как ты?

Голос ласковый, веселый, словно она только что услышала что-то смешное, что-то побудившее ее подумать о нем, совершенно импульсивно. Но мобильник сообщил о шести неотвеченных вызовах.

— Привет, Рагнхильд.

— Странный звук. Ты…

— Стою в туалете. В ресторане. Мы с Теа ужинаем. Давай поговорим в другой раз.

— Когда?

— Ну… в другой раз.

Пауза.

— О да.

— Мне следовало позвонить, Рагнхильд. Я должен кое-что тебе сказать. Ты, конечно, догадываешься что. — Юн вздохнул. — Ты и я, мы не можем…

— Юн? Я толком не могу разобрать, что ты говоришь.

Юн сомневался, что это правда.

— Может, я зайду к тебе завтра вечером? — сказала Рагнхильд. — И ты все объяснишь.

— Завтра вечером я буду не один. И в другие

вечера…

— Тогда давай встретимся в «Гранде», пообедаем. Я сообщу эсэмэской номер комнаты…

— Рагнхильд, я не…

— Не слышу. Позвони мне завтра, Юн. Хотя у меня целый день встречи. Я сама тебе позвоню. Не выключай телефон. Желаю хорошо повеселиться, милый.

— Рагнхильд?

Юн посмотрел на дисплей. Отключилась. Можно выйти на улицу и позвонить. Объясниться в конце концов. Прямо сейчас, раз уж на то пошло. Это единственно правильное. И разумное. Разрубить узел, чтобы не мешал.

Они стояли друг против друга, но человек в форме Армии спасения вроде бы его не видел. Он дышал спокойно, палец медленно нажимал на спуск, вдавливал его. Потом их взгляды встретились. И он подумал, что солдат не выказал ни удивления, ни шока, ни испуга. Наоборот, его лицо как бы просветлело, словно вид пистолета стал ответом на его мысли. Грянул выстрел.

Если б он совпал с барабанной дробью, музыка, вероятно, полностью бы его заглушила, но сейчас несколько человек обернулись, уставились на парня в штормовке. На пистолет. И на

солдата Армии спасения, у которого прямо под козырьком форменного кепи возникло отверстие и он упал навзничь, выбросив руки вперед, как марионетка.

Харри вздрогнул в кресле. Надо же, заснул. В комнате царила тишина. Что же его разбудило? Он прислушался, но услыхал только ровный, негромкий, умиротворяющий шум города. Хотя нет, примешивался еще какой-то звук. Он напряг слух. В самом деле. Звук едва внятный, однако, когда Харри сообразил, что это, он проступил явственнее. Негромкое тиканье.

Сидя в кресле, Харри закрыл глаза.

И внезапно в нем вскипела злость, он вскочил, прошел в спальню, открыл ящик ночного столика, схватил мёллеровские часы, распахнул окно и, не задумываясь, с размаху вышвырнул их на улицу. Услышал, как они ударились о стену соседнего дома, а потом упали на обледенелый асфальт. Он захлопнул окно, запер на шпингалеты, вернулся в гостиную и прибавил громкость. Да так, что мембраны динамиков поплыли перед глазами, высокие частоты приятно щекотали барабанные перепонки, а басы дрожали во рту.

Собравшиеся на площади смотрели уже не на

музыкантов, а на человека в снегу. Форменное кепи откатилось в сторону и упало возле микрофона вокалиста, группа еще не осознала, что произошло, и продолжала играть.

Девушки-подростки, стоявшие ближе всех к упавшему, обе отпрянули назад. Одна закричала.

Вокалист, который пел с закрытыми глазами, открыл их и обнаружил, что внимание публики сосредоточено вовсе не на нем. Повернулся и увидел человека на снегу. Поискал взглядом охранника, организатора, руководителя — кого-нибудь, кто мог бы взять ситуацию под контроль, но концерт был уличный, каждый мысленно кивал на других, музыка продолжалась.

Потом по толпе прошло движение, народ расступился перед женщиной, которая с криком «Роберт!» проталкивалась вперед.

Голос ее хрипел и срывался. Бледная, одетая в тонкую куртку из черной кожи, с дырой на локте. Она доковыляла до упавшего, рухнула рядом на колени.

— Роберт!

Костлявой рукой она тронула его шею. Потом дрожащим пальцем ткнула в сторону музыкантов.

— Замолчите, черт побери!

Один за другим они перестали играть.

— Парень умирает. Врача сюда. Скорее!

Она снова коснулась его шеи. Пульса нет. Сколько раз она бывала в такой ситуации. Иногда все кончалось благополучно. Как правило же, скверно. Она находилась в замешательстве. Ведь тут явно не передозировка, парень из Армии спасения не сидит на игле! Пошел снег, снежинки таяли на его щеках, закрытых веках, приоткрытых губах. Красивый парень. Черты разгладились, и он стал похож на ее сына, когда тот спал. И тут она заметила тонкую струйку крови, стекающую из маленького черного отверстия в голове наискось к виску и в ухо.

Чьи-то руки подхватили ее, оттащили в сторону, над парнем склонился мужчина. Она успела еще раз взглянуть на лицо парня, на отверстие и вдруг с необычайной ясностью поняла, что такая судьба ждет и ее мальчика.

Он шел быстро. Но не слишком, не бежал. Смотрел на спины впереди, углядел спешащего человека, пристроился за ним. Никто не попытался его остановить. Кто бы сомневался. Гром выстрела заставляет людей пятиться назад. Зрелище побуждает бежать. А в этом случае большинство даже не успело понять, что случилось.

Последний заказ.

Группа все еще играет.

Начался снегопад. Отлично, народ поневоле будет смотреть под ноги, чтобы защитить глаза.

В нескольких сотнях метров виднелось желтое вокзальное здание. У него, как бывало временами, возникло ощущение, что все вокруг плывет, что с ним ничего не случится, что сербский танк «Т-55» просто-напросто инертная громада, слепая и глухая, и что, когда он вернется домой, родной город будет стоять целый-невредимый.

Кто-то торчит возле урны, куда он хотел бросить пистолет.

Человек в новой, вполне модной одежде, только на ногах голубые кроссовки. А лицо загрубелое, темное, словно обожженное, как у кузнеца. И похоже, этот мужчина или парень намерен задержаться здесь на некоторое время, потому что правую руку он запустил в зеленую урну.

Не замедляя шага, он взглянул на часы. Две минуты назад он выстрелил, через одиннадцать минут отойдет поезд. А оружие еще при нем. Он миновал урну, направился к ресторану.

Встречный прохожий посмотрел на него. Но он не отвернулся, когда они поравнялись.

Подошел к ресторану, открыл дверь.

В гардеробе какая-то мамаша возилась с молнией на куртке своего чада. На него они не обратили внимания. Верблюжье пальто висело на прежнем месте. Под ним стоял чемодан. Забрав то и другое, он прошел в мужской туалет, заперся в одной из двух кабинок, снял штормовку, шапку сунул в карман, надел пальто. Хотя окон здесь не было, он слышал вой сирен на улице. Огляделся. Надо избавиться от пистолета. Выбирать особо не из чего. Он влез на сиденье унитаза, дотянулся до белого вентиляционного люка, попробовал засунуть туда пистолет, но внутри оказалась решетка.

Он слез на пол. Дышал тяжело, взмок под рубашкой. До поезда восемь минут. Можно, конечно, уехать на следующем, это не проблема. Проблема в другом: девять минут прошло, а он не избавился от пистолета, хотя она говорила, что промедление свыше четырех минут всегда создает неприемлемый риск.

Разумеется, можно просто оставить пистолет на полу, но один из принципов, какими они руководствовались в работе, гласил, что оружие должны обнаружить не раньше, чем он сам окажется в безопасности.

Он вышел из кабинки, прошел к умывальнику.

Вымыл руки, обшаривая взглядом помещение. Upomoc! Взгляд остановился над раковиной, на контейнере с мылом.

Юн и Теа, обнявшись, вышли из ресторана на Торггата.

Теа вскрикнула от неожиданности и засмеялась, поскользнувшись на предательском свежем снегу пешеходной улицы. Она потянула за собой и Юна, но в последнюю секунду он сумел удержать равновесие и спас ее от падения. Смех Теа колокольчиком звенел в его ушах.

— Ты сказала «да»! — крикнул он в небо, чувствуя, как снежинки тают на лице. — Ты сказала «да»!

В темноте завыла сирена. Еще одна и еще. Звук доносился со стороны Карл-Юханс-гате.

— Пошли посмотрим, что там такое? — спросил Юн и взял ее за руку.

— Нет, Юн. — Теа нахмурилась.

— Да ладно тебе, пойдем!

Теа уперлась ногами в тротуар, но гладкие подметки упорно скользили.

— Нет, Юн.

Он засмеялся и потянул ее за собой, точно санки.

— Я сказала «нет»!

Тон ее голоса заставил Юна остановиться. Он с удивлением посмотрел на девушку.

Она вздохнула:

— Не хочу именно сейчас смотреть на какой-нибудь пожар. Хочу домой. Хочу лечь с тобой.

Юн долго смотрел на нее.

— Я счастлив, Теа. Ты сделала меня ужасно счастливым.

Он не слышал, ответила Теа или нет. Она уткнулась лицом в его куртку.

Часть вторая
Спаситель

Глава 9
Среда, 16 декабря. Снег

Снег, засыпавший Эгерторг, казался желтым от света полицейских прожекторов.

Харри и Халворсен стояли у входа в пивную «Три брата», смотрели на зевак и репортеров, теснившихся за ограждением. Харри вынул изо рта сигарету, закашлялся.

— Много репортеров, — сказал он.

— Быстро сбежались, — кивнул Халворсен. — От редакций-то рукой подать.

— Горячий материал для газет. Убийство в разгар предрождественских хлопот на самой знаменитой улице Норвегии. Жертву видели все: парень стоял возле кружки Армии спасения. Во время выступления известной группы. Чего еще желать?

— Интервью со знаменитым следователем Харри Холе?

— Мы пока побудем тут, — сказал Харри. — Ты установил время убийства?

— Сразу после семи.

Харри посмотрел на часы:

— Почти час назад. Почему никто не позвонил мне раньше?

— Не знаю. Комиссар позвонил мне около половины восьмого. Я подумал, что к моему приходу ты будешь здесь…

— Значит, ты позвонил мне по собственной инициативе?

— Так ведь ты вроде инспектор.

— Вроде, — буркнул Харри, бросил сигарету в снег.

Она провалилась в пушистую порошу и исчезла.

— Скоро все технические следы окажутся под полуметровым слоем снега, — сказал Халворсен. — Типичная история.

— Нет тут никаких технических следов, — сказал Харри.

К ним подошла Беата со снежинками в светлых волосах. Между пальцами у нее был пластиковый пакетик с пустой гильзой.

— Ошибочка! — победоносно улыбнулся Халворсен.

— Девять миллиметров. — Беата состроила гримаску. — Самая что ни на есть заурядная. И это все, что у нас есть.

— Забудь, что у вас есть и чего нет, — сказал

Харри. — Каково твое первое впечатление? Не думай, говори, и все.

Беата улыбнулась. Харри в своей стихии. Сначала интуиция, потом факты. Потому что интуиция тоже факты, совокупная информация с места преступления, которую мозг не сразу способен облечь в слова.

— Много не скажу. Эгерторг — место, где огромное количество пешеходов, поэтому все жутко затоптали, хотя мы приехали уже через двадцать минут после убийства. Однако ясно, что работал профессионал. Медик сейчас осматривает труп, но, видимо, выстрел был всего один. Прямо в лоб. Профи. Вот такие ощущения.

— Работаем на основе ощущений, инспектор?

Все трое обернулись. Гуннар Хаген. В зеленой армейской куртке и черной шерстяной шапке. В уголках рта чуть заметная улыбка.

— Мы используем все средства, шеф, — сказал Харри. — А вас что сюда привело?

— Разве события происходят не здесь?

— В известном смысле.

— Я слыхал, Бьярне Мёллер предпочитал кабинет. Но лично я считаю, руководитель должен находиться в поле. Сколько было выстрелов? Один или больше? Халворсен!

— По словам свидетелей, один, — поспешно доложил тот.

Хаген пошевелил пальцами в перчатках.

— Приметы?

— Мужчина. — Взгляд Халворсена метался между комиссаром и Харри. — Больше мы пока ничего не знаем. Народ смотрел на музыкантов, а случилось все чертовски быстро.

Хаген тяжело вздохнул.

— В такой массе народу кто-то ведь должен был видеть стрелка, верно?

— Возможно, — сказал Халворсен. — Но мы в точности не знаем, где в толпе стоял убийца.

— Понимаю. — Снова едва заметная усмешка.

— Он стоял прямо перед убитым, — сказал Харри. — Максимальное расстояние — два метра.

— Вот как? — Хаген и коллеги повернулись к Харри.

— Киллер знал, что, если хочешь убить человека из малокалиберного оружия, надо стрелять в голову, — продолжал Харри. — Поскольку же выстрел был всего один, он в результате не сомневался. А значит, стоял так близко, что видел дырку во лбу либо знал, что промахнуться невозможно. На одежде жертвы наверняка обнаружатся следы пороха, подтверждающие мой вывод. Максимум

два метра.

— Полтора, — сказала Беата. — Большинство пистолетов выбрасывают гильзу вправо, причем не особенно далеко. Эту мы нашли втоптанной в снег в ста сорока шести сантиметрах от трупа. На отворотах шинели убитого нити шерсти обгорели.

Харри взглянул на Беату. Он ценил в первую очередь не ее природную способность запоминать лица, а ее ум, старательность и дурацкую веру, которая объединяла их обоих, — веру в важность их работы.

Хаген притопывал в снегу.

— Отлично, Лённ. Но кому, скажите на милость, понадобилось убивать офицера Армии спасения?

— Он не офицер, — сказал Халворсен. — Просто солдат. Офицеры у них в штате, солдаты — добровольцы или контрактники. — Он открыл блокнот. — Роберт Карлсен. Двадцать девять лет. Холост, детей нет.

— Зато есть враги, — заметил Хаген. — А вы что скажете, Лённ?

Отвечая, Беата смотрела не на Хагена, а на Харри:

— Может, стреляли вообще не в конкретное

лицо.

— Да? — улыбнулся Хаген. — А в кого же?

— Возможно, в Армию спасения.

— Почему вы так решили?

Беата пожала плечами.

— Спорные взгляды, — вставил Халворсен. — Гомосексуалисты. Женщины-священники. Фанатик какой-нибудь…

— Эту версию я возьму на заметку, — сказал Хаген. — Покажите мне тело.

Беата и Халворсен вопросительно посмотрели на Харри. Тот кивнул Беате.

— Господи, — сказал Халворсен, когда Хаген с Беатой ушли. — Комиссар собрался возглавить дознание?

Харри задумчиво помял подбородок, глядя в сторону ограждения, где в зимней темноте то и дело взблескивали репортерские фотовспышки. Потом обронил:

— Профи.

— Что?

— Беата считает, что стрелял профи. Вот с этого и начнем. Что профессионал делает сразу после убийства?

— Смывается?

— Необязательно. Но избавляется от всего, что

может связать его с убийством.

— От орудия убийства.

— Именно. Надо проверить все урны, контейнеры, баки и задние дворы в радиусе пяти кварталов от Эгерторг. Немедля. В случае чего мобилизуй народ из оперчасти уголовной полиции.

— Хорошо.

— И собери видеокассеты со всех магазинных камер наблюдения за время непосредственно до и после девятнадцати ноль-ноль.

— Попрошу Скарре взять это на себя.

— И еще. «Дагбладет» участвует в организации уличных концертов и делает о них репортажи. Проверь, снимал ли фотограф публику.

— Конечно. Как же я об этом не подумал?!

— Потом отошли снимки Беате, пускай посмотрит. Завтра в десять утра совещание группы. В красной зоне. Передашь?

— Yes.

— Где Ли и Ли?

— Опрашивают свидетелей в управлении. Несколько девчонок стояли рядом со стрелком.

— Хорошо. Попроси Улу составить список родственников и друзей убитого. Для начала посмотрим, нет ли там очевидных мотивов.

— Ты вроде только что говорил, что действовал

профи.

— Попробуем прикинуть сразу несколько версий, Халворсен. И начать там, где светло. Семью и друзей разыскать, как правило, легче всего. А в восьми случаях из десяти убийства совершаются…

— …знакомыми жертвы, — вздохнул Халворсен.

Кто-то окликнул Харри, и разговор оборвался. Он оглянулся и увидел отряд журналистов, спешащих к ним сквозь метель.

— Шоу набирает обороты, — заметил Харри. — Переадресуй их к Хагену. Я буду в управлении.

Пройдя регистрацию и сдав чемодан в багаж, он направился к контролю безопасности. В приподнятом настроении. Последний заказ выполнен. На радостях решил проделать тест с билетом. Женщина-контролер покачала головой, когда он достал из внутреннего кармана конверт и хотел предъявить билет.

— Мобильный телефон? — спросила она по-норвежски.

— No.

Он положил конверт с билетом между рентгеновским боксом и аркой металлоискателя, стал снимать пальто и тут заметил, что косынка

по-прежнему на шее, развязал ее, сунул в карман, опустил пальто в подставленный контейнер и прошел под аркой, чувствуя на себе бдительные взгляды двух охранников. Вместе с женщиной, которая неотрывно смотрела на экран, где просвечивалось его пальто, и охранником у другого конца транспортера он насчитал пять сотрудников, которые следили только за тем, чтобы он не пронес на борт ничего, что можно использовать как оружие. По ту сторону арки он надел пальто, вернулся, забрал со стола билет. Никто его не остановил, и он прошел мимо охраны. Значит, вот как легко украдкой пронести в конверте с билетом лезвие ножа. Первое, что бросилось ему в глаза, было панорамное окно прямо напротив. Ничего не видно. Снег, словно белая штора, закрыл стекло.

Мартина сидела, наклонясь к лобовому стеклу, с которого дворники методично сметали снег.

— Министр настроен позитивно, — с удовлетворением сказал Давид Экхофф. — Весьма позитивно.

— Это ты понимал с самого начала, — сказала Мартина. — Такие люди не приходят на ужин и не приглашают прессу, если намерены ответить отказом. Им ведь надо победить на выборах.

— Да, — вздохнул Экхофф. — Победить на выборах. — Он посмотрел в окно. — Симпатичный парнишка этот Рикард, верно?

— Ты сам себе противоречишь, папа.

— Его нужно слегка направить, тогда он станет для нас превосходным сотрудником.

Мартина подрулила к гаражу под штаб-квартирой, нажала на дистанционный пульт — стальная дверь поползла вверх. Машина заехала внутрь, шипованная резина зашуршала по каменному полу пустого помещения.

Под одной из потолочных ламп возле синего командирского «вольво» стоял Рикард в комбинезоне и перчатках. Но Мартина смотрела не на него, а на высокого блондина рядом с Рикардом, она сразу его узнала.

Девушка припарковалась подле «вольво», но осталась в машине, принялась что-то искать в сумке, меж тем как отец вышел, оставив дверцу открытой, и она услышала голос полицейского:

— Экхофф?

Между голыми стенами гулко прокатилось эхо.

— Он самый. Чем могу помочь, молодой человек?

Дочь хорошо знала этот отцовский тон. Добро-

желательный, но властный.

— Харри Холе, инспектор Полицейского управления Осло. Речь идет о вашем сотруднике. Роберте…

Мартина, выходя из машины, чувствовала на себе взгляд полицейского.

— …Карлсене, — продолжал Холе, снова повернувшись к командиру.

— О брате, — сказал Давид Экхофф.

— Простите?

— Мы предпочитаем относиться к своим коллегам как к членам семьи.

— Понимаю. В таком случае должен, к сожалению, уведомить вас о смерти в семье, Экхофф.

Мартина почувствовала, как внутри все сжалось. Полицейский помолчал, словно давая им время осознать известие, потом продолжил:

— Роберт Карлсен застрелен сегодня в семь вечера на Эгерторг.

— Боже милостивый! — вырвалось у командира. — То есть как?

— Пока мы знаем только, что неизвестное лицо из толпы застрелило его и скрылось.

Отец Мартины недоуменно покачал головой:

— Но… вы говорите, в семь? Почему… почему мне не сообщили раньше?

— Потому что в подобных случаях мы в первую очередь информируем ближайших родственников. Правда, нам, увы, пока не удалось с ними связаться.

Полицейский отвечал деловитым, терпеливым тоном, и Мартина поняла: он привык, что на сообщения о смерти люди реагируют нелепыми вопросами.

— Да-да, понимаю, — сказал Экхофф, надул щеки и выпустил воздух через рот. — Родители Роберта живут сейчас не в Норвегии. Но вы могли связаться с его братом, Юном.

— Его нет дома, а мобильник отключен. Мне сказали, что, возможно, он задержался здесь, в штаб-квартире. Но встретил я только вот этого молодого человека. — Он кивком показал на Рикарда, который стоял точно печальная горилла: остекленелый взгляд, руки в больших рабочих перчатках безвольно опущены, на сизой верхней губе капли пота.

— Как думаете, где мне найти брата? — спросил полицейский.

Мартина с отцом переглянулись, покачали головой.

— Есть соображения насчет того, кто мог желать смерти Роберту Карлсену?

Оба опять покачали головой.

— Ладно. В общем, теперь вы все знаете. Мне пора, но завтра придется задать вам несколько вопросов.

— Разумеется, инспектор, — сказал командир и выпрямился. — Но пока вы здесь, не откажите в любезности, сообщите подробности случившегося.

— Посмотрите ТВ-текст. Я спешу.

Мартина заметила, как отец потемнел лицом. Повернулась к полицейскому, встретилась с ним взглядом.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Время — важнейший фактор на этом этапе дознания.

— Попробуйте… поискать его у моей сестры, Теа Нильсен.

Все трое обернулись к Рикарду. Он сглотнул.

— Она живет на Гётеборггата, в доме Армии.

Полицейский кивнул. Собрался уходить, но еще раз обратился к Экхоффу:

— Почему родители не живут в Норвегии?

— Это долгая история. Они отпали.

— Отпали?

— Утратили веру. Людям, выросшим в Армии, обычно приходится нелегко, если они избирают иной путь.

Мартина пристально смотрела на отца. Но даже она, его дочь, не заметила ни следа фальши на его каменном лице. Полицейский пошел прочь, а у нее на глаза набежали первые слезы. Когда шаги инспектора затихли, Рикард, кашлянув, сказал:

— Летнюю резину я положил в багажник.

Он давным-давно все понял, когда информационная служба аэропорта наконец сообщила:

— Due to weather conditions, the airport has been temporarily closed[12].

Ничего страшного, сказал он себе. Как говорил еще час назад, после первого сообщения о том, что ввиду снегопада рейс задерживается.

Они ждали, а снег между тем мохнатым ковром ложился на самолеты. Невольно он поискал глазами людей в форме. На летном поле они должны быть в форме, почему-то казалось ему. А когда женщина в синем за стойкой у выхода 42 поднесла к губам микрофон, он все понял по выражению ее лица. Она сожалела: посадка состоится завтра утром в 10.40. Пассажиры приглушенно, но внятно застонали. Она прощебетала, что авиакомпания оплачивает проезд поездом обратно в Осло и номера в гостинице «САС» для транзитни-

---

[12] Примечания: 12

В связи с погодными условиями аэропорт временно закрыт *(англ.)*.

ков и пассажиров с обратным билетом.

Ничего страшного, повторял он, когда поезд мчался сквозь темный ночной ландшафт. До Осло поезд остановился всего один раз, у кучки домов среди белизны. Под скамейкой на платформе сидела дрожащая собака, в свете фонаря виднелись летящие хлопья снега. Собака похожа на Тинто, бездомного игривого пса, который бродил по округе в Вуковаре, когда он был маленьким. Джорджи и другие ребята постарше надели на него кожаный ошейник с надписью: «Кличка — Тинто, владелец — все». Никто не обижал Тинто. Но порой этого было мало.

Поезд протяжно застонал и снова скользнул в снежную круговерть.

Когда Теа пошла открывать, Юн отошел в дальний конец комнаты, где его не увидят от входной двери. Эмма, соседка:

— Ты уж извини, Теа, но этому человеку очень важно поговорить с Юном Карлсеном.

— С Юном?

Мужской голос:

— Мне сообщили, что, вероятно, я найду его у некой Теа Нильсен по этому адресу. Возле домофона фамилии не указаны, но эта дама любезно помогла.

— Юн? Здесь? Не знаю, как…

— Я из полиции. Мое имя Харри Холе. Дело касается брата Юна.

— Роберта?

Юн шагнул к двери. С порога на него смотрел человек такого же роста, как он сам, со светло-голубыми глазами.

— Роберт что-то натворил? — спросил он, стараясь игнорировать соседку, которая выглядывала из-за плеча полицейского.

— Мы не знаем. Можно войти?

— Пожалуйста, — сказала Теа.

Полицейский вошел и закрыл дверь перед носом у разочарованной соседки.

— Боюсь, у меня скверные новости. Может быть, присядете?

Все трое уселись вокруг журнального столика. Прямо как удар под дых — Юн машинально наклонился вперед, когда полицейский сообщил, что произошло.

— Мертв? — прошептала Теа. — Роберт?

Полицейский кашлянул, заговорил снова. Слова доносились до Юна как темные, загадочные, почти непостижимые звуки. Все время, пока полицейский рассказывал об обстоятельствах, он смотрел в одну точку. На приоткрытый рот Теа,

на поблескивающие губы, влажные, красные. Дышала она часто и поверхностно. Юн заметил, что полицейский умолк, только когда услышал голос Теа:

— Юн! Он спросил тебя кое о чем.

— Знаю, вам сейчас очень тяжело, но я подумал, может, вам известно, кто желал смерти вашему брату.

— Роберту?

Все вокруг Юна происходило как в замедленном фильме, даже то, как он покачал головой.

— Ладно. — Полицейский держал в руке блокнот, ничего не записывая. — Чем-нибудь на работе или в частной жизни он мог нажить себе врагов?

Юн услыхал собственный неуместный смешок.

— Роберт служит в Армии спасения, — сказал он. — У нас один враг — бедность. Материальная и духовная. Из-за этого у нас редко когда отнимают жизнь.

— Хм. Это работа, а как насчет частной жизни?

— То, что я сказал, справедливо и для работы, и для частной жизни.

Полицейский ждал.

— Роберт был хороший парень. — Юн чувствовал, что голос ему изменяет. — Порядочный. Все

его любили. Он… — Голос сорвался на всхлип.

Взгляд полицейского скользнул по комнате. Ситуация не очень-то приятная, но он ждал. Долго.

Юн старался унять слезы.

— Временами он бывал несдержан. Несколько… импульсивен. Возможно, кое-кто считал его циником, на язык. Но это ведь просто манера поведения. В глубине души он был безобидный.

Полицейский повернулся к Теа, глянул в блокнот.

— Вы — Теа Нильсен, сестра Рикарда Нильсена, как я понимаю. У вас такое же мнение о Роберте Карлсене?

Теа пожала плечами.

— Я не слишком хорошо знала Роберта. Он… — Она скрестила руки на груди, избегая смотреть на Юна. — Насколько мне известно, он никогда и никому ничего плохого не делал.

— Роберт не говорил ничего такого, что бы указывало на конфликт с кем-то?

Юн резко мотнул головой, словно там внутри было что-то, от чего он хотел избавиться. Роберт мертв. Мертв.

— Роберт задолжал деньги?

— Нет. Ну, немножко. Мне.

— Вы уверены, что он больше никому не дол-

жен?

— Что вы имеете в виду?

— Роберт употреблял наркотики?

Юн недоуменно посмотрел на полицейского, потом ответил:

— Нет, никоим образом.

— Вы так уверены? Не всегда…

— Мы работаем с наркоманами. Знаем симптомы. Роберт наркоту не употреблял. Ясно?

Полицейский кивнул, что-то пометил в блокноте.

— Сожалею, но мы обязаны задавать такие вопросы. Конечно, не исключено, что стрелял душевнобольной и Роберт стал жертвой случайно. Или же, поскольку солдат Армии спасения возле рождественской кружки на Эгерторг стал едва ли не символом, убийство метило в вашу организацию. Вам известны какие-либо факты, подкрепляющие эту версию?

Оба разом покачали головой.

— Спасибо за помощь. — Полицейский сунул блокнот в карман пальто и встал. — Мы так и не получили ни телефона, ни адреса ваших родителей…

— Я сам свяжусь с ними, — сказал Юн, пустым взглядом уставясь в пространство. — Вы совер-

шенно уверены?

— В чем?

— Что это Роберт.

— Увы, боюсь, что так.

— Но это и все, в чем вы уверены, — неожиданно сказала Теа. — Больше вы ничего не знаете.

Полицейский остановился в дверях, помедлил, потом сказал:

— Да, вы вполне точно подытожили ситуацию.

В два часа ночи снег перестал. Тучи, тяжелым черным пологом висевшие над городом, разошлись, выпустив большую желтую луну. Под ясным небом температура опять начала падать, стены домов потрескивали от мороза.

Глава 10
Четверг, 17 декабря. Скептик

Седьмой предрождественский день дышал холодом, который словно железная рукавица хватал людей, быстро и молча спешивших по улицам Осло туда, где можно спастись от стужи.

Харри сидел в красной зоне управления, слушал удручающее заключение Беаты Лённ, стараясь игнорировать газеты на столе. Везде на первой полосе — убийство, везде — зернистая фотография по-зимнему темной площади Эгерторг. С отсылом к той или иной внутренней странице. «Верденс ганг» и «Дагбладет» сварганили материал, который с натяжкой мог сойти за портрет Роберта Карлсена, основанный на скоропалительных беседах с друзьями и знакомыми. «Хороший парень». «Всегда готов помочь». «Трагедия». Харри все внимательно прочитал, не найдя ничего мало-мальски полезного. С родителями никто связаться не сумел, и только «Афтенпостен» цитировала Юна: «Уму непостижимо». Эта короткая реплика была воспроизведена под фотографией парня с недоуменным выражением на лице

и взлохмаченными волосами, у дома на Гётеборггата. Подписана заметка старым знакомцем — Рогером Йендемом.

Сквозь прореху в джинсах Харри почесал ногу и подумал, что зря не надел кальсоны. На работу он пришел в половине восьмого и первым делом заглянул к Хагену, спросил, кто возглавит дознание. Хаген посмотрел на него и ответил, что они с начальником уголовной полиции посовещались и решили пока поручить дело ему. Харри не стал допытываться, что значит это «пока», кивнул и ушел.

С десяти часов двенадцать сотрудников убойного отдела плюс Беата Лённ и Гуннар Хаген (он решил просто «поприсутствовать») сидели на совещании.

И итог, подведенный вчера вечером Теа Нильсен, по-прежнему оставался в силе.

Во-первых, нет очевидцев. Ни один из тех, кто находился на Эгерторг, не видел ничего примечательного. Пленки с окрестных камер наблюдения еще изучались, но толку от них, похоже, не будет. Беседы с персоналом магазинов и ресторанов на Карл-Юханс-гате тоже ничего не дали, никакие другие свидетели о себе не заявляли. Беата, которой накануне вечером переслали из «Дагбладет»

фотографии публики, доложила, что на отснятых кадрах либо достаточно крупные планы улыбающихся девчонок, либо это вообще обзорные снимки, слишком крупнозернистые, чтобы разглядеть лица. Она увеличила фрагменты с публикой, стоящей перед Робертом Карлсеном, но не заметила ни оружия, ни чего-либо другого, что помогло бы идентифицировать искомого киллера.

Во-вторых, кроме гильзы, никаких вещественных улик нет, и эксперт-баллистик из криминалистического отдела пришел к выводу, что найденная пустая гильза соответствует пуле, пробившей голову Роберта Карлсена.

А в-третьих, отсутствует мотив.

Беата Лённ закончила, Харри предоставил слово Магнусу Скарре.

— Утром я беседовал с начальницей магазина «Фретекс» на Хиркевейен, где работал Роберт Карлсен, — сказал Скарре, которого судьба, склонная к плохому юмору, наделила слегка скрипучим голосом[13]. — Она была потрясена, сказала, что Роберта все любили, обаятельный парень, всегда в хорошем настроении. Иной раз, правда, опро-

[13] Примечания: 13
Skarre *(норв.)* — грассировать.

метчивый. Вдруг возьмет и не придет. Но она не припоминала, чтобы у него были враги.

— Те, с кем беседовал я, дали такую же характеристику, — вставил Халворсен.

Все это время Гуннар Хаген сидел, заложив руки за голову, и смотрел на Харри с легкой выжидательной улыбкой, словно на иллюзиониста, который вот-вот вытащит из шляпы кролика. Увы. Никаких чудес. Только версии.

— Предположения? — сказал Харри. — Валяйте выкладывайте, после совещания будет поздно.

— Застрелен средь бела дня при всем честном народе, — сказал Скарре. — Так действует только одна лавочка. Это казнь, осуществленная профессионально, для острастки и в назидание другим, у кого долги за наркоту.

— Та-ак, — сказал Харри. — В отделе наркотиков никто слыхом не слыхал про Роберта Карлсена и в глаза его не видал. Он чист, судимостей не имеет, по нашим базам данных нигде не проходит. Кто-нибудь из вас слышал о безденежных наркоманах, которые ни разу ни на чем не попались?

— Судмедэкспертиза не нашла в анализах крови никаких следов противозаконных веществ, — сказала Беата. — Следов от инъекций и прочих улик также не обнаружено.

Хаген кашлянул, все повернулись к нему.

— Солдат Армии спасения, конечно же, не замешан в подобных вещах. Продолжайте.

Харри заметил, что на лбу у Магнуса Скарре выступили красные пятна. Скарре — невысокий крепыш, в прошлом гимнаст, гладкие каштановые волосы зачесаны на косой пробор. Один из самых молодых в отделе, заносчивый, амбициозный, себе на уме, он во многом напоминал молодого Тома Волера. Только без особой волеровской смекалки и способностей к полицейской работе. Правда, за последний год самоуверенности у Скарре несколько поубавилось, и Харри решил, что со временем он, возможно, все-таки станет вполне приличным полицейским.

— С другой стороны, Роберт Карлсен, похоже, по натуре был экспериментатор, — сказал Харри. — И нам известно, что в магазинах «Фретекс» работают наркоманы с условным сроком. Любопытство и доступность — скверная комбинация.

— Вот именно, — кивнул Скарре. — А когда я спросил фретексовскую начальницу, была ли у Роберта подружка, она ответила: «Думаю, нет». Хотя несколько раз туда заходила девушка-иностранка, спрашивала его, но слишком уж молоденькая. Откуда-то из бывшей Югославии.

Готов поспорить, косовская албанка.

— Почему это? — спросил Харри.

— Косовские албанцы. Наркота, верно?

— Ну-ну, — буркнул Хаген, покачиваясь на стуле. — Все это смахивает на большую предвзятость, молодой человек.

— Правильно, — сказал Харри. — Но наша предвзятость раскрывает дела. Так как основана не на нехватке знания, а на сухих фактах и опыте. И здесь мы, стало быть, оставляем за собой право дискриминировать всех, независимо от расы, вероисповедания и пола. А оправдывает нас только одно: мы дискриминируем отнюдь не исключительно самых слабых с точки зрения общественной позиции.

Халворсен хихикнул. Он это уже слыхал.

— Голубые, религиозно активные люди и женщины, по статистике, более законопослушны, чем гетеросексуальные мужчины от восемнадцати до шестидесяти. Но если ты женщина, лесбиянка да еще, как говорят, косовская албанка, шансы, что ты употребляешь наркоту, выше, чем у говорящей по-норвежски толстухи-рокерши с татуировкой на лбу. Так что если отдавать кому-то предпочтение — а нам иначе нельзя, — то первым делом мы допросим эту албанку. Нес-

праведливо по отношению к законопослушным косовским албанцам? Конечно. Но мы работаем с вероятностями и при ограниченных ресурсах, а потому нам непозволительно отказываться от любой возможной информации. Если опыт покажет, что среди тех, кого мы взяли на таможне в Гардермуэне, непропорционально много инвалидов-колясочников, которые провозят наркоту в телесных отверстиях, то мы поднимем их из кресел, наденем резиновые перчатки и прощупаем каждого. Только в разговорах с прессой об этом умолчим.

— Любопытная философия, Холе. — Хаген огляделся по сторонам, проверяя реакцию остальных, но не смог ничего прочесть на замкнутых лицах. — Давайте вернемся к делу.

— О'кей, — сказал Харри. — Мы продолжим искать орудие убийства, но расширим радиус поисков до шести кварталов. Продолжим также опрос свидетелей и обойдем магазины, которые вчера вечером были закрыты. А пока у нас на руках нет ничего конкретного, не будем тратить время на просмотр видеозаписей с камер наблюдения. Ли и Ли, вы получили адрес и разрешение на обыск квартиры Роберта Карлсена. Гёрбиц-гате, верно?

Ли и Ли кивнули.

— Проверьте также его контору, может, там обнаружится что-нибудь полезное. Изымите всю корреспонденцию и жесткие диски, посмотрим, с кем он поддерживал связь. Я потолковал с Управлением уголовной полиции, они сегодня свяжутся с Интерполом, выяснят, не было ли аналогичных дел в Европе. Халворсен, поедешь со мной в штаб-квартиру Армии спасения. А с тобой, Беата, мне бы надо потолковать после совещания. За дело!

Шарканье стульев и ног.

— Минутку, господа!

Тишина. Все смотрели на Гуннара Хагена.

— Я вижу, кое-кто из вас является на работу в дырявых джинсах и в футболках, которые, как я полагаю, рекламируют футбольный клуб «Волерэнген». Возможно, мой предшественник это одобрял, но я — нет. Пресса будет следить за нами, как стоглазый Аргус. С завтрашнего дня я хочу видеть одежду без дыр и без рекламы чего бы то ни было. На нас смотрят люди, и мы должны выглядеть как серьезные, нейтральные служащие. Сотрудников в ранге инспектора и выше попрошу остаться.

Комната опустела, остались только Харри и

Беата.

— Я намерен издать распоряжение, чтобы все инспекторы отдела со следующего понедельника имели при себе оружие, — сказал Хаген.

Харри и Беата недоверчиво уставились на него.

— Война ужесточается, — сказал Хаген, вздернув подбородок. — Нам необходимо осознать, что в будущем без оружия не обойтись. И руководство должно показывать пример. Оружие — это не чуждый элемент, а естественный рабочий инструмент вроде мобильного телефона или компьютера. Согласны?

— Ну, у меня нет разрешения на ношение оружия, — сказал Харри.

— Это что, шутка? — спросил Хаген.

— Осенью я пропустил стрельбы. Пришлось сдать пистолет.

— Я выдам вам разрешение, это в моей власти. Соответствующую бумагу найдете в почте и получите оружие. Увильнуть никому не удастся. За дело.

Хаген ушел.

— Совсем сбрендил, — сказал Харри. — На кой черт нам оружие?

— Что ж, придется теперь латать джинсы и по-

купать портупею? — обронила Беата, в ее глазах искрился смех.

— Хм. Я, вообще-то, хотел бы взглянуть на газетные фото с Эгерторг.

— Пожалуйста. — Она протянула ему желтую папку. — Можно спросить у тебя одну вещь, Харри?

— Конечно.

— Зачем ты так делаешь?

— Что делаю?

— Зачем ты защищал Магнуса Скарре? Ты же знаешь, он расист, и сам ты не веришь ни единому слову из того, что говорил про дискриминацию. Просто хотел позлить нового комиссара? Решил с первого дня вызвать к себе неприязнь?

Харри открыл папку.

— Попозже верну.

Он стоял у окна в гостинице «Рэдиссон-САС» на Хольбергс-гате, смотрел на белый закоченевший город в рассветных сумерках. Дома низкие, хлипкие, странно думать, что это столица одной из богатейших в мире стран. Королевский дворец — безликая желтая постройка, этакий компромисс между пиетистской демократией и безденежной монархией. Сквозь ветви голых деревьев виден большой балкон. Оттуда король

обращается к своим подданным. Он вскинул на плечо воображаемую винтовку, зажмурил один глаз, прицелился. Балкон немедля раздвоился.

Во сне он видел Джорджи.

Когда они встретились в первый раз, Джорджи сидел на корточках возле скулящей собаки. Собака была знакомая, Тинто, но кто этот парнишка, голубоглазый, со светлыми курчавыми волосами? Вместе они уложили собаку в деревянный ящик и отнесли к городскому ветеринару, который жил у реки в сером двухкомнатном домике среди одичавшего яблоневого сада. Ветеринар выяснил, что у собаки болит зуб, только ведь он зубы не лечит. Вдобавок кто ему заплатит за старую больную собаку, которая скоро и остальные зубы растеряет? Лучше усыпить ее, и дело с концом, ни от боли страдать не придется, ни от голода. И тут Джорджи расплакался. Громко, с надрывом, прямо-таки мелодично. А когда ветеринар спросил, почему он плачет, Джорджи ответил, что собака эта, может, Иисус, так ему говорил отец: мол, Иисус иной раз ходит среди нас как один из малых сих, к примеру как бедная несчастная собака, у которой нет ни приюта, ни еды. Ветеринар покачал головой и позвонил дантисту. После уроков они с Джорджи вернулись

и увидели весело машущего хвостом Тинто, а ветеринар показал у него в пасти новые темные пломбы.

Хотя Джорджи учился классом старше, после этого они иной раз играли вместе. Ближайшие несколько недель. Потом начались летние каникулы. Осенью же, когда опять начались занятия, Джорджи вроде как забыл его. Во всяком случае, не обращал на него внимания, словно не желал больше иметь с ним дела.

Он забыл Тинто, но не Джорджи. А через несколько лет, во время осады, наткнулся в развалинах на южной окраине города на отощавшую собаку. Она подбежала к нему, лизнула в лицо. Ошейника у нее уже не было, и, только увидев пломбы в зубах, он вспомнил Тинто.

Посмотрел на часы. Автобус в аэропорт отходит через десять минут. Он взял чемодан, последний раз обвел взглядом комнату, удостоверился, что ничего не забыл. Когда открывал дверь, что-то зашуршало. В коридоре на полу возле двери лежала газета. Он оглядел коридор, увидел, что такие же газеты лежат у многих дверей. На первой полосе — фото места происшествия. Он нагнулся, поднял толстую газету с нечитабельным названием, набранным готическим шрифтом.

Ожидая лифта, попробовал читать, но, хотя некоторые слова слегка напоминали немецкий, все равно ничего не понял. Однако же перевернул несколько страниц, нашел место, к которому отсылали на первой полосе. Тут дверь лифта открылась, он решил было сунуть толстую неудобную газету в урну возле лифта. Но в лифте было пусто, и он взял газету с собой, нажал на кнопку нулевого этажа и сосредоточился на фотографиях. Текст под одной из них привлек его внимание. Сначала он не поверил своим глазам. Лифт пришел в движение, и в тот же миг до него с ужасающей ясностью дошло случившееся, аж голова закружилась, и он прислонился к стене. Газета выскользнула из рук, он даже не заметил, как дверь лифта скользнула в сторону.

А когда наконец поднял взгляд, впереди был мрак, и он сообразил, что попал в подвал, а не в холл, который по неведомой причине обозначался здесь как первый этаж.

Он вышел из лифта, двери закрылись. В потемках он присел и попробовал все обдумать, поскольку все перевернулось с ног на голову. До отправления автобуса восемь минут. Пока есть время принять решение.

— Я пробую рассмотреть кой-какие снимки, —

задумчиво сказал Харри.

Халворсен поднял голову, он сидел за столом напротив.

— Да пожалуйста.

— Может, кончишь щелкать? Что это такое?

— Вот ты о чем! — Халворсен посмотрел на свои пальцы, быстро выдохнул и слегка смущенно сказал: — Дурацкая привычка.

— Откуда она?

— Мой отец был фанатом Льва Яшина, русского вратаря шестидесятых.

Харри ждал продолжения.

— И ему хотелось, чтобы я стал вратарем в команде Стейнхьера. Когда я был маленький, он вечно щелкал меня меж глаз. Вот так. Закаливал, чтобы я не боялся мяча. Отец Яшина наверняка поступал так же. Если я не моргал, получал сахарок.

После этих слов в комнате воцарилась полная тишина.

— Фуфло травишь, — сказал Харри.

— Не-а. Коричневый такой, вкусный.

— Я про щелчки. Это правда?

— Само собой. Он постоянно раздавал мне щелбаны. За обедом, и у телевизора, и даже когда ко мне приходили ребята. В конце концов я начал

сам себя щелкать. Написал «Яшин» на всех своих школьных сумках, вырезал на парте. До сих пор, если на компьютере или еще где нужен пароль, я использую слово «Яшин». Хотя знаю, что отец мной манипулировал. Понимаешь?

— Нет. Помогли щелбаны-то?

— Мяча я не боюсь.

— Значит, ты…

— Нет. Как выяснилось, футбольным талантом я не обладаю.

Харри прищемил пальцами верхнюю губу.

— Что-нибудь нашел на снимках? — спросил Халворсен.

— Нет, пока ты щелкаешь да разглагольствуешь.

Халворсен медленно покачал головой.

— Мы вроде собирались в штаб-квартиру Армии спасения?

— Вот закончу, тогда и поедем. Халворсен!

— Да?

— Тебе непременно надо так… пыхтеть?

Халворсен захлопнул рот и задержал дыхание. Харри быстро взглянул на него и опять уткнулся в снимки. Халворсену почудилось, что он слегка улыбнулся. Хотя он бы не поручился. Улыбка вмиг исчезла, меж бровей инспектора залегла

глубокая складка.

— Поди-ка сюда, взгляни, Халворсен.

Халворсен подошел. Перед Харри лежало два снимка, на обоих — публика на Эгерторг.

— Видишь вот тут, сбоку, парня в шапке, с шейным платком? — Харри показал на зернистое лицо. — Как бы там ни было, он стоит прямо перед Робертом Карлсеном, сбоку от музыкантов, так?

— Ну…

— А теперь смотри сюда. Вот. Та же шапка, та же косынка, но стоит он посередине, прямо напротив музыкантов.

— И что тут особенного? Протолкался в середину, чтоб лучше видеть и слышать.

— А если все было в обратном порядке?

Халворсен не ответил, и Харри продолжил:

— Никто не станет менять место в центре на боковое, чтоб динамик орал в ухо, а группу было не видно. Разве только для этого есть причина.

— Ты имеешь в виду — выстрел?

— Прекрати треп.

— Ладно. Но ведь ты не знаешь, какой снимок сделан раньше. Спорим, он продвинулся в середину.

— На сколько спорим?

— На две сотни.

— Идет. Взгляни на свет под фонарем на обеих фотографиях. — Харри протянул Халворсену лупу. — Замечаешь разницу?

Халворсен медленно кивнул.

— Снег, — сказал Харри. — На снимке, где он сбоку, идет снег. А кончился снегопад только ночью. Значит, этот снимок сделан последним. Надо позвонить Ведлогу в «Дагбладет». Если камера была цифровая, с часами, возможно, мы узнаем точное время, когда был сделан снимок.

Ханс Ведлог из «Дагбладет» по-прежнему предпочитал зеркалки и кассеты с пленкой. Поэтому, к разочарованию инспектора Холе, точное время съемки он назвать не мог.

— Ладно, — сказал Харри. — А позавчера вы снимали во время концерта?

— Да, мы с Рёдбергом, вся музыка — наша.

— Раз вы пользуетесь пленкой, кадры с публикой у вас, наверно, сохранились?

— Конечно. Снимай я цифровой камерой, давно бы их стер.

— Так я и думал. А еще думал попросить вас об одной услуге.

— Да?

— Можете просмотреть позавчерашние кадры, нет ли там парня в вязаной островерхой шапке

и черной штормовке. С косынкой на шее. У нас есть одна ваша фотография, где он присутствует. Халворсен отсканирует и перешлет вам, если у вас компьютер под рукой.

Харри услышал, что Ведлог медлит в нерешительности.

— Снимки я, разумеется, прислать могу, но проверять вообще-то задача полиции, а мне, репортеру, не больно-то охота с этим валандаться.

— Мы в цейтноте, понимаете? Ну так как? Переслать вам фото, где указан человек, которого ищет полиция, или нет?

— Это что же означает, нам позволено использовать сей факт?

— Угу.

Голос у Ведлога здорово оживился:

— Я сейчас в лаборатории, так что могу сразу же и проверить. Кадров с публикой полно, стало быть, надежда есть. Пять минут.

Халворсен отсканировал и отправил снимок, а Харри сидел, в ожидании барабаня пальцами по столу.

— Почему ты уверен, что он был там накануне вечером? — спросил Халворсен.

— Ни в чем я не уверен. Но если Беата права и он профи, то наверняка предпринял рекогнос-

цировку, причем в такое время, когда условия примерно совпадают с запланированным моментом убийства. А накануне вечером тоже был концерт.

Пять минут миновали. Но телефон зазвонил только через одиннадцать.

— Ведлог. Извините. Ни шерстяной шапки, ни черной штормовки, ни косынки на шее.

— Черт! — громко и отчетливо воскликнул Харри.

— Сожалею. Переслать вам, чтоб вы сами посмотрели? В тот вечер я направил один софит на публику, там лица видны лучше.

Харри колебался. Время надо использовать с предельной эффективностью, особенно сейчас, в критические первые сутки.

— Пришлите, потом посмотрим, — сказал Харри и, собираясь продиктовать Ведлогу свой электронный адрес, добавил: — Кстати, переправьте эти кадры заодно и Лённ в криминалистический отдел. У нее особенная память на лица, может, она что заметит. — Он дал Ведлогу оба адреса. — Но завтра в газете обо мне ни слова, ладно?

— Само собой, «анонимный источник в полиции». Приятно иметь с вами дело.

Харри положил трубку, посмотрел на изумлен-

ного Халворсена:

— О'кей, Младший. Едем в штаб-квартиру Армии спасения.

Халворсен оглянулся на Харри. Инспектор нетерпеливо переминался с ноги на ногу, разглядывая доску объявлений с анонсами приезжих проповедников, расписанием репетиций хора и графиком дежурств. Но вот седовласая женщина в форме закончила телефонный разговор и с улыбкой повернулась к ним.

Харри коротко и быстро изложил суть дела, она согласно кивнула, будто ожидала их визита, и объяснила, куда идти.

Пока дожидались лифта, оба молчали, но Халворсен заметил бисеринки пота на лбу инспектора. Он знал, что Харри недолюбливает лифт. Выйдя из кабинки на пятом этаже, Халворсен чуть не бегом двинулся следом за Харри по желтому коридору, в конце которого виднелась открытая дверь. Харри остановился так резко, что Халворсен едва не налетел на него.

— Привет, — сказал Харри.

— Привет, — отозвался женский голос. — Опять вы?

Высоченная фигура Харри заслоняла дверной проем, и Халворсен не видел, с кем он разговари-

вает, но отметил, что тон голоса изменился.

— Совершенно верно. Командир на месте?

— Да. Он ждет вас. Заходите.

Следом за Харри Халворсен прошел через маленькую приемную и успел кивнуть миниатюрной девушке за письменным столом. Стены в командирском кабинете были увешаны деревянными щитами, масками и копьями. На заставленных книгами полках стояли деревянные статуэтки и фотографии, изображавшие, как решил Халворсен, семью командира.

— Спасибо, что так быстро нашли для нас время, Экхофф, — сказал Харри. — Это полицейский Халворсен.

— Трагическая история. — Экхофф стоял за столом, жестом предлагая им сесть в кресла. — Пресса одолевает нас целый день. Рассказывайте, что вам удалось выяснить.

Харри и Халворсен переглянулись.

— До поры до времени мы предпочитаем не вдаваться в подробности, Экхофф.

Брови командира грозно нахмурились, Халворсен беззвучно вздохнул и приготовился к очередной ожесточенной перепалке. Но лицо командира вновь разгладилось.

— Простите, Холе. Привычка. Сидя в кресле на-

чальника, порой забываешь, что не все обязаны давать отчет. Чем могу служить?

— Коротко говоря, хотелось бы узнать ваши соображения насчет возможных мотивов случившегося.

— Что ж, я, конечно, думал об этом. И затрудняюсь назвать какую-либо причину. Роберт был сорвиголова, но парень хороший. Хотя совершенно не такой, как его брат.

— Юн не хороший?

— Не сорвиголова.

— И в каких же беспорядках Роберт был замешан?

— Замешан? Я ничего такого в виду не имел. Просто жил Роберт как-то сумбурно, не то что Юн. Я ведь хорошо знал их отца. Юсеф Карлсен был одним из лучших наших офицеров. Но утратил веру.

— Вы говорили, это долгая история. Можно услышать краткую версию?

— Хороший вопрос. — Командир тяжело вздохнул, посмотрел в окно. — Юсеф работал в Китае во время наводнения. Там мало кто слышал о Господе, а люди мерли как мухи. Согласно Юсефову толкованию Библии, все те, кто не принял Иисуса, не обретут спасения, будут гореть в аду.

Они работали в провинции Хунань, распределяли лекарства. Из-за наводнения повсюду плавали гадюки Рассела, кусали людей. Хотя Юсеф и его команда имели хороший запас сыворотки, они, как правило, опаздывали, потому что яд этой гадюки быстро разрушает стенки кровеносных сосудов, отчего у укушенных начинается кровотечение из глаз, ушей и прочих телесных отверстий и в течение одного-двух часов они умирают. Я сам видел действие такого яда, когда был миссионером в Танзании и сталкивался с жертвами укусов древесных гадюк. Жуткое зрелище. — На миг Экхофф закрыл глаза. — Короче говоря, Юсеф с медсестрой давали пенициллин двум близнецам, которые хворали воспалением легких. И тут вошел их отец, в воде на рисовом поле его только что укусила гадюка Рассела. У Юсефа Карлсена была с собой одна ампула сыворотки, и он велел медсестре сделать пострадавшему укол. А сам тем временем вышел по нужде, потому что, как и все, мучился поносом и спазмами желудка. Он присел в воде на корточки, и тут гадюка укусила его в яички, он упал навзничь и так закричал, что все поняли, что произошло. Когда он вернулся в дом, медсестра сказала, что язычник китаец не позволяет ей ввести сыворотку. Раз уж так случилось и

Юсеф тоже укушен, он хочет, чтобы укол сделали Юсефу. Ведь, коли Юсеф останется в живых, он спасет еще многих детей, а сам он всего-навсего крестьянин, у которого теперь и хозяйства не осталось. — Экхофф вздохнул. — Юсеф рассказывал мне, что от ужаса даже не подумал отказаться от предложения и позволил медсестре ввести ему сыворотку. А потом заплакал, и китаец-крестьянин пытался его утешить. В конце концов Юсеф взял себя в руки и попросил медсестру спросить у язычника, слышал ли он об Иисусе, но она не успела, штаны крестьянина окрасились кровью, и через секунду он умер.

Экхофф смотрел на них, словно давая им время осмыслить рассказ. Искусная пауза опытного проповедника, подумал Харри.

— Значит, бедный китаец горит в аду?

— Да, согласно Юсефу Карлсену. Вообще-то, теперь он отрекся от Писания.

— По этой причине он утратил веру и уехал из Норвегии?

— Так он мне сказал.

Харри кивнул и, глядя на блокнот, который достал из кармана, сказал:

— Значит, теперь Юсеф Карлсен сам будет гореть в аду, поскольку не смог принять этот… этот

парадокс с верой. Я правильно выразился?

— Вы ступили на почву теологической проблематики, Холе. Вы христианин?

— Нет. Я дознаватель. Я верю в улики.

— То есть?

Харри взглянул на свои часы и, помедлив, быстро безучастным тоном ответил:

— У меня проблемы с религией, которая утверждает, что вера как таковая — входной билет в Царствие Небесное, а стало быть, идеал — это способность манипулировать собственным разумом, заставив его принять неприемлемое для рассудка. По сути, та же модель интеллектуального подчинения, какую использовали все диктатуры во все времена, идея высшего разума, которая не подлежит доказательству.

Командир кивнул.

— Философское замечание, инспектор. И вы, разумеется, не первый сделали такой вывод. Тем не менее люди куда более умные, чем вы или я, веруют. Вам это не кажется парадоксальным?

— Нет, — сказал Харри. — Я встречаю множество людей, которые гораздо умнее меня. Иные из них отнимают человеческие жизни по причинам, непонятным ни мне, ни вам. Как вы думаете, убийство Роберта может быть выпадом против

Армии спасения?

Командир невольно выпрямился в кресле.

— Если вы намекаете на группировки с политическими интересами, то я сомневаюсь. Армия спасения всегда придерживалась политического нейтралитета. Причем весьма и весьма последовательно. Даже во время Второй мировой войны мы не выступали с публичным осуждением немецкой оккупации, но пытались по мере возможности, как и прежде, делать свою работу.

— Поздравляю, — сухо сказал Халворсен и тотчас перехватил предостерегающий взгляд Харри.

— Единственное вторжение, которое мы благословляли, случилось в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом, — невозмутимо продолжал Экхофф. — Шведская Армия спасения решилась тогда оккупировать Норвегию, и в самом бедном рабочем районе Осло, там, где сейчас Полицейское управление, появилась первая бесплатная столовая.

— Ну, это не причина для злобы, по-моему, — сказал Харри. — Мне кажется, Армия спасения сейчас популярна, как никогда.

— Да как сказать, — вздохнул Экхофф. — Население нам доверяет, это мы, конечно, замечаем. Но с пополнением обстоит не ахти. Нынешней осе-

нью в Офицерском училище в Аскере набралось всего одиннадцать курсантов, а казарма там рассчитана на шестьдесят. Поскольку мы неизменно следуем консервативному толкованию Библии, например касательно проблем гомосексуализма, то, понятно, не пользуемся популярностью ни в одном лагере. Запаздываем мы слегка по сравнению с более либеральными церковными организациями. Но знаете что? По-моему, в наше время перемен вовсе не страшно, если кое-что меняется медленнее. — Он улыбнулся Халворсену и Харри, будто они с ним согласились. — Как бы то ни было, на смену приходят молодые. Со свежим взглядом на вещи, я полагаю. Вот как раз сейчас мы будем назначать нового главного управляющего, и кандидаты на этот пост очень молоды. — Он положил ладонь себе на живот.

— Роберт был из их числа? — спросил Харри.

Командир с улыбкой покачал головой:

— Могу твердо заявить: нет. Среди кандидатов его брат, Юн. Управляющему предстоит распоряжаться значительными ценностями, в частности всей нашей недвижимостью, а Роберт не из тех, кто созрел для такой ответственности. Да и Офицерского училища он не кончал.

— Недвижимость расположена на Гётеборг-

гата?

— Не только. На Гётеборггата проживают лишь кадровые сотрудники Армии, в других же местах, например на Якоб-Оллс-гате, мы поселили беженцев из Эритреи, Сомали и Хорватии.

— Ага. — Харри глянул на блокнот, стукнул ручкой по подлокотнику кресла и встал. — Думаю, мы уже отняли у вас много времени, Экхофф.

— Ну что вы. Дело-то важное. — Он проводил их до двери. — Можно задать вам личный вопрос, Холе? Я где-то видел вас раньше. У меня прекрасная память на лица.

— Может, по телевизору или в газете, — сказал Харри. — Вокруг моей персоны была изрядная шумиха в связи с убийством норвежца в Австралии.

— Нет, фотографии я забываю, я где-то видел вас живьем, вот какое дело.

— Спускайся вниз, подгони машину, — сказал Харри Халворсену, а когда тот ушел, обернулся к командиру: — Не знаю, но однажды вы мне помогли. Подобрали меня зимой на улице, пьяного до бесчувствия. Солдат, который меня нашел, хотел сперва позвонить в полицию, полагая, что они лучше обо мне позаботятся. Однако я сумел объяснить, что работаю в полиции и что меня

тогда уволят. Он отвез меня в медпункт, где мне сделали укол и дали проспаться. Так что я у вас в большом долгу.

Давид Экхофф кивнул:

— Я предполагал что-то в этом роде, просто не хотел сам говорить. Что же до вашего «в долгу», то, на мой взгляд, благодарить нас не за что. Это мы будем благодарны, если вы разыщете убийцу Роберта. Бог благослови вас, Холе, и вашу работу.

Харри кивнул, вышел в приемную и на секунду остановился, глядя на закрытую дверь экхоффовского кабинета.

— Вы здорово похожи, — сказал Харри.

— Да? — откликнулся низкий женский голос. — Он был суров?

— Я имею в виду, на фото в кабинете.

— Девять лет, — сказала Мартина Экхофф. — Надо же, сумели меня узнать.

Харри тряхнул головой.

— Вообще-то я собирался с вами связаться. Надо поговорить.

— Вот как?

Харри сообразил, как она истолковала его слова, и поспешил добавить:

— Насчет Пера Хольмена.

— А там есть о чем говорить? — Она равнодуш-

но пожала плечами, но тепла в голосе поубавилось: — Вы делаете свою работу, я — свою.

— Пожалуй, но я… я только хотел сказать, что все было совсем не так, как представлялось на первый взгляд.

— Как же именно?

— Я сказал вам, что мне есть дело до Пера Хольмена. А кончилось тем, что я разрушил остатки его семьи. Такова порой бывает моя работа.

Мартина хотела ответить, но тут зазвонил телефон. Она сняла трубку, выслушала звонившего и сказала:

— Церковь Вестре-Акер. В понедельник, двадцатого, в двенадцать часов. Да. — Она положила трубку, принялась листать бумаги. — Все собираются на похороны. Политики, духовенство, знаменитости. Всем хочется быть с нами. Вчера звонил менеджер нашей новой вокальной звезды, предложил, чтобы она спела на похоронах.

— Ну что ж, — сказал Харри, пытаясь собраться с мыслями. — Я…

Снова зазвонил телефон, и он понял, что пора идти, кивнул и шагнул к двери.

— Я записала Уле на четверг на Эгерторг, — услышал он за спиной. — Да, вместо Роберта. Вопрос в том, сможешь ли ты сегодня вечером

подежурить вместе со мной на раздаче бутербродов, в автобусе.

В лифте он тихонько чертыхнулся, потер ладонями лицо. Потом растерянно засмеялся, как смеются над плохими клоунами.

Контора Роберта казалась сегодня почему-то совсем уж крохотной. И по-прежнему неприбранной. Флаг Армии спасения красовался возле замерзшего окна, карманный нож торчал возле стопки бумаги и невскрытых конвертов на письменном столе. Юн сидел за столом, скользил взглядом по стенам. Остановился на фото: он сам и Роберт. Когда это было? Снято в Эстгоре, конечно, но в какое лето? Роберт словно бы старался держаться серьезно и все равно невольно улыбался. Собственная его улыбка выглядела вымученной, натужной.

Он читал сегодняшние газеты. Уму непостижимо: хотя теперь он знал все подробности, речь шла как бы о ком-то другом, не о Роберте.

Дверь открылась. На пороге стояла высокая блондинка в куртке-косухе защитного цвета. Губы узкие, бескровные, глаза жесткие, безразличные, лицо без всякого выражения. За ее спиной виднелся невысокий рыжеволосый парень с пухлой физиономией и ехидной ухмылкой, которая у

иных людей будто навсегда приклеена к лицу и которой они встречают и хорошие и плохие дни.

— Кто вы?

— Юн Карлсен, — ответил он и добавил, заметив, что взгляд у нее стал еще жестче: — Брат Роберта.

— Примите соболезнования, — ровным голосом сказала блондинка, шагнула в комнату, протянула руку. — Туриль Ли, полицейская, убойный отдел. — Рука у нее была костлявая, жесткая, но теплая. — А это полицейский Ула Ли.

Парень кивнул, Юн тоже.

— Нам очень жаль, что так случилось, — продолжала полицейская. — Но поскольку произошло убийство, нам придется опечатать это помещение.

Юн кивнул, снова устремив взгляд на фото на стене.

— Стало быть, мы должны просить вас…

— А-а, да, конечно, — сказал Юн. — Извините, я немного рассеян.

— Вполне понятно, — улыбнулась Туриль Ли.

Улыбка была не широкая и сердечная, а чуть заметная, любезная, под стать ситуации.

Юн подумал, что они, наверно, не раз сталкивались с подобными вещами, ведь работают с

убийствами и прочим. Прямо как священники. И как отец.

— Вы что-нибудь трогали? — спросила полицейская.

— Трогал? Нет, зачем? Просто сидел в кресле.

Юн встал и, сам не зная почему, выдернул из столешницы нож, сложил и сунул в карман.

— Прошу вас. — С этими словами он вышел, тихонько затворив дверь.

Уже у лестницы до него вдруг дошло, что он сделал глупость — унес с собой складной нож; он решил вернуть его и пошел обратно. Но у закрытой двери замер, услышав смеющийся женский голос:

— Ух я и перепугалась! Он похож на брата как две капли воды, я сперва подумала, что вижу призрак.

— Да не похожи они совсем.

— Видел бы ты фото!

Страшная мысль поразила Юна.

Борт SK-655 на Загреб вылетел из аэропорта Осло ровно в 10.40, над озером Хурдал сделал поворот налево и взял курс на юг, на ольборгский навигационный маяк. Поскольку день выдался необычайно морозный, то холодный атмосферный слой, называемый тропопаузой, опустился

так низко, что MD-81 вошел в него, еще находясь над центром Осло. А поскольку именно в этом слое самолет оставляет инверсионный след, он — если бы посмотрел вверх, когда, дрожа от холода, стоял возле таксофонов на Йернбанеторг, — мог бы увидеть самолет, билет на который лежал в кармане его верблюжьего пальто.

Сумку он оставил в ячейке камеры хранения на Центральном вокзале. Ему нужна комната в гостинице. И необходимо выполнить работу. А значит, требуется оружие. Но где взять оружие в городе, не имея никаких контактов?

Он слушал женщину из телефонной справочной службы, которая на певучем скандинавском английском сообщила, что в Осло зарегистрированы семнадцать Юнов Карлсенов и, к сожалению, она не может дать ему все адреса. Но телефон Армии спасения, разумеется, предоставит.

Дама из штаб-квартиры Армии спасения сказала, что у них есть только один Юн Карлсен, но сегодня у него выходной. Он объяснил, что хочет послать рождественский подарок, и спросил, не даст ли она ему домашний адрес.

— Сейчас посмотрю. Гётеборггата, четыре, почтовый индекс ноль-пять-шесть-шесть. Как мило, что кто-то думает сейчас о нем, о бедняге.

— О бедняге?

— Да, ведь вчера застрелили его брата.

— Брата?

— Да, на Эгерторг. Сегодня все газеты пишут об этом.

Он поблагодарил за помощь и повесил трубку.

Кто-то похлопал его по плечу, он резко обернулся.

Картонная кружка в руках у парня все объяснила. Джинсовая куртка, довольно грязная, зато стрижка вполне модная, свежевыбрит, одет прилично, взгляд живой, открытый. Парень что-то сказал, а когда он пожал плечами, показывая, что по-норвежски не понимает, перешел на превосходный английский:

— I'm Kristoffer. I need money for a room tonight. Or else I'll freeze to death[14].

Все это прозвучало как заученный маркетинговый слоган, короткое, емкое сообщение, которому упоминание имени придавало действенную эмоциональную конкретность. Затем парень широко улыбнулся.

Он покачал головой и хотел уйти, но попрошайка с кружкой заступил дорогу:

---

[14] Примечания: 14

Я Кристоффер. Мне нужны деньги, чтобы снять комнату на ночь. Иначе я насмерть замерзну *(англ.)*.

— Мистер! Вам когда-нибудь приходилось ночевать на улице и от холода всю ночь плакать?

— Yes, actually I have[15]. — На миг у него возникло безумное желание рассказать, как однажды он четверо суток лежал в мокрой лисьей норе, дожидаясь сербского танка.

— Тогда вам известно, о чем я толкую, мистер.

В ответ он медленно кивнул. Сунул руку в карман, вытащил купюру и не глядя протянул Кристофферу.

— Вы же все равно будете ночевать на улице, верно?

Кристоффер поспешно спрятал деньги в карман, потом кивнул и виновато улыбнулся:

— Я вынужден отдавать предпочтение лекарству, мистер.

— А где вы обычно ночуете?

— Вон там, — показал наркоман длинным тонким пальцем с ухоженным ногтем. — На контейнерном складе. Летом там начнут строить оперу. — Кристоффер опять широко улыбнулся. — Я люблю оперу.

— Но ведь сейчас там холодновато, а?

— Сегодня ночью, наверно, пойду в Армию

---

[15] Примечания: 15
Да, приходилось *(англ.)*.

спасения. В Приюте всегда найдется свободная койка.

— Вот как?

Он посмотрел на парня. С виду вполне обеспеченный, ровные зубы сверкали белизной, когда он улыбался. И все же от него веяло тленом. Прислушиваясь, он словно бы слышал чавканье тысяч челюстей, пожиравших изнутри его плоть.

Глава 11
Четверг, 17 декабря. Хорват

Халворсен сидел за рулем, терпеливо дожидаясь, когда отчаянно газующий автомобиль с бергенскими номерами наконец перестанет буксовать на льду. Харри говорил по мобильнику с Беатой.

— Что ты имеешь в виду? — громко спросил Харри, стараясь перекричать рев бергенца.

— Не похоже, что на двух снимках один и тот же человек, — повторила Беата.

— У них одинаковые шапки, одинаковые штормовки, одинаковые косынки на шее. Наверно, все-таки один человек?

Она не ответила.

— Беата?

— Лица нечеткие. Странно как-то, не пойму, в чем дело. Вероятно, в освещении.

— Хм. По-твоему, мы на ложном пути?

— Не знаю. Его позиция прямо перед Карлсеном, в общем-то, совпадает с техническими данными. Что это у вас за шум?

— Корова на льду, буксует. Ладно, пока.

— Погоди!

Харри подождал.

— Вот еще что, — сказала Беата. — Я просмотрела позавчерашние снимки.

— Да?

— Не вижу я там ни одного лица, совпадающего с теми, что находились на площади в момент убийства. Но есть одна деталь. Человек в бежевом пальто, вероятно из верблюжьей шерсти. На нем шарф…

— Гм. Ты имеешь в виду шейную косынку?

— Нет, с виду обыкновенный шерстяной шарф. Но завязан так же, как у парня или парней с шейной косынкой. Правый конец торчит из узла сверху. Ты заметил?

— Нет.

— Раньше я никогда не видела, чтобы шарфы так завязывали, — сказала Беата.

— Перешли электронной почтой, я тоже посмотрю.

В кабинете Харри первым делом запустил распечатку присланных Беатой снимков.

А когда пришел за ними в канцелярию, к принтеру, встретил там Гуннара Хагена.

Харри кивком поздоровался, и некоторое время оба молча стояли, наблюдая, как серый аппарат

выплевывает страницу за страницей.

— Есть новости? — наконец спросил Хаген.

— И да и нет.

— Пресса меня осаждает. Хорошо бы подбросить им хоть малюсенькую косточку.

— Верно, шеф, чуть не забыл. Я намекнул им, что мы ищем вот этого человека. — Харри вынул из распечатки снимок и показал на парня с косынкой на шее.

— Что вы сделали? — переспросил Хаген.

— Дал прессе подсказку. Точнее, репортеру «Дагбладет».

— Через мою голову? В обход?

— Обычное дело, шеф. Мы это называем конструктивной утечкой. Говорим, что информация идет от анонимного источника в полиции, и редакция может сделать вид, будто за всем этим стоит журналистское расследование. Им это нравится, и шапки покрупнее, чем у фотографий, которые они публикуют по нашей просьбе. Возможно, публика поможет нам опознать этого человека. И все будут довольны.

— Только не я, Холе.

— Что ж, мне очень жаль, шеф, — сказал Харри с искренне огорченной миной.

Хаген смотрел на него, двигая челюстями то

вправо, то влево. Будто жвачку жует, подумал Харри.

— А что там с этим человеком? — поинтересовался Хаген, забирая у Харри распечатку.

— Мы пока толком не знаем. Может, их вообще несколько. Беата Лённ считает, что… шейная косынка у них завязана особенным образом.

— Это галстучный узел. — Хаген снова посмотрел на фото. — Ну и что?

— Как вы сказали, шеф?

— Галстучный узел.

— И в чем тут фишка?

— Хорватский узел, инспектор.

— Что?

— Это же элементарная история, разве нет?

— Буду рад, если вы меня просветите, шеф.

Хаген заложил руки за спину.

— Что вы знаете о Тридцатилетней войне?

— Думаю, мало что.

— Во время Тридцатилетней войны король Густав Адольф, собираясь вступить в Германию, пополнил свою дисциплинированную, но малочисленную армию теми, кого считали лучшими солдатами в Европе. Потому что они слыли совершенно бесстрашными. Он нанял хорватов. Вам известно, что норвежское слово «krabat», сиречь

«буян, головорез», пришло из Швеции и изначально означало «хорват», то есть «бесстрашный сорвиголова»?

Харри помотал головой.

— И хотя хорваты сражались в чужой стране и носили мундиры шведской армии, им разрешили в знак отличия от всех прочих носить кавалерийский платок. Шейный платок, который они завязывали особым узлом. Французы заимствовали и модифицировали эту деталь, а назвали в честь хорватов — cravate, галстук.

— Вон как.

— Да.

— Спасибо, шеф. — Харри забрал из принтера последнее фото и посмотрел на человека в шарфе, которого Беата обвела кружком. — Вполне возможно, вы сейчас подкинули нам зацепку.

— Нам незачем благодарить друг друга за то, что мы делаем свою работу, Холе. — Хаген взял остальные листы и вышел.

Халворсен поднял голову, когда Харри стремительно влетел в кабинет.

— Терпение и труд!

Халворсен вздохнул. Эта фраза означала, как правило, массу работы и нулевой результат.

— Я звоню Алексу в Европол, — сказал Харри.

Халворсен знал, что Европол, младший брат Интерпола, размещается в Гааге, учрежден странами Евросоюза после терактов в Мадриде в 1998-м и занимается прежде всего борьбой с международным терроризмом и организованной преступностью. Непонятно только, почему этот Алекс регулярно и охотно помогает Харри, хотя Норвегия не член Евросоюза.

— Алекс? Harry in Oslo. Could you check on a thing for me, please?[16]

Халворсен слушал, как Харри на своем коявом, но эффективном английском просит Алекса пошарить в базе данных насчет преступлений, совершенных предположительно международным преступником в Европе за последние два года. Под рубрикой «Наемное убийство» и «Хорват».

— I'll wait[17], — сказал Харри и стал ждать. Затем с удивлением произнес: — Really? That many?[18] — Он поскреб подбородок, попросил Алекса добавить пистолет и калибр 9 миллиметров. — Двадцать три попадания, Алекс? Двадцать

---

[16] Примечания: 16
Харри из Осло. Можете проверить для меня одну вещь? *(англ.)*

[17] Примечания: 17
Я подожду *(англ.)*.

[18] Примечания: 18
Правда? Такое количество? *(англ.)*

три убийства, возможно совершенные киллером-хорватом? Господи Иисусе! Да, я знаю, войны порождают профессиональных убийц, и все же. Проверьте Скандинавию. Ничего? О'кей, а имена есть, Алекс? Нет? Hang on a sec[19].

Харри посмотрел на Халворсена словно в надежде, что тот скажет что-нибудь спасительное, но Халворсен только пожал плечами.

— Ладно, Алекс, — сказал Харри. — Последняя попытка.

Он попросил Алекса добавить в поиск красную шейную косынку или шарф.

Халворсен услыхал, что Алекс засмеялся.

— Спасибо, Алекс. До связи.

Харри положил трубку.

— Ну что? — спросил Халворсен. — Терпение и труд?

Харри кивнул. Осел в кресле поглубже, потом резко выпрямился.

— Начнем думать снова. Что у нас есть? Ничего? Отлично, я люблю начинать с чистого листа.

Халворсену вспомнилось, как Харри однажды сказал, что хороший и средний дознаватели отличаются друг от друга способностью забывать.

---

[19] Примечания: 19
Погодите секундочку *(англ.)*.

Хороший дознаватель забывает все те случаи, когда чутье подводило его, забывает следы, в которые верил, но которые завели не туда. И, простодушно забыв обо всем, начинает снова с неменьшим энтузиазмом.

Зазвонил телефон. Харри схватил трубку.

— Хар… — Но голос на другом конце линии уже что-то говорил.

Харри встал за столом, костяшки на руке, сжимающей трубку, побелели.

— Погодите, Алекс. Я скажу Халворсену, чтобы записал. — Харри прикрыл трубку ладонью и крикнул Халворсену: — Он для смеху сделал еще одну попытку. Исключил хорвата, и девять миллиметров, и все прочее, искал только «красный шарф». Четыре попадания. Четыре профессионально осуществленных убийства с помощью пистолета, причем свидетели видели возможного киллера с красным шарфом. Запиши: Загреб, двухтысячный и две тысячи первый; Мюнхен, две тысячи второй, и Париж, две тысячи третий. — Харри снова заговорил в трубку: — This is our man, Alex[20]. Нет, я не уверен, но чутье подсказывает — он. А рассудок говорит, что два

---

[20] Примечания: 20

Это наш человек, Алекс *(англ.)*.

убийства в Хорватии не случайность. У вас есть особые приметы, чтобы Халворсен записал?

Халворсен увидел, как Харри открыл рот.

— Как это «никаких особых примет»? Если они запомнили шарф, то наверняка запомнили и что-то еще. Что? Обычный рост? И это все?

Слушая собеседника, Харри качал головой.

— Что он говорит? — шепотом спросил Халворсен.

— Что сведения расходятся, — тоже шепотом ответил Харри.

Халворсен так и записал.

— Да, хорошо бы переслать детали мейлом. Спасибо вам. Если нароете что-нибудь еще, вероятное его местонахождение и прочее, звоните. Ладно? Что? Ха-ха. Конечно, скоро пришлю запись, с женой.

Харри положил трубку и заметил вопросительный взгляд Халворсена.

— Старая шутка, — пояснил Харри. — Алекс думает, что все скандинавские семейные пары снимают частное порно.

Он опять взялся за телефон, а обнаружив, что Халворсен все еще смотрит на него, со вздохом добавил:

— Я даже ни разу не был женат, Халворсен.

Магнусу Скарре пришлось кричать, чтобы перекрыть шум кофеварки, которая кашляла как чахоточный больной:

— Может, это разные киллеры, принадлежащие к неизвестной до сих пор группировке, и красный платок на шее у них вроде как униформа.

— Ерунда, — равнодушно бросила Туриль Ли и встала в кофейную очередь за Скарре.

В руке у нее была пустая кружка с надписью «Лучшая мама на свете».

Ула Ли издал короткий квохчущий смешок. Он сидел за столиком в кухонной нише, которая фактически служила столовой для убойного отдела и отдела нравов.

— Ерунда? — переспросил Скарре. — А вдруг это терроризм? Религиозная война против христиан. Мусульмане. Ведь черт-те что творится. Или эти, как их, ну… испашки, что носят красные шарфы.

— Они предпочитают, чтобы их называли испанцами, — заметила Туриль Ли.

— Баски, — уточнил Халворсен, сидевший за столиком напротив Улы Ли.

— Чего?

— Коррида. Сан-Фермин в Памплоне. Баскония.

— ЭТА! — воскликнул Скарре. — Черт, как же мы о них-то не подумали?

— Тебе впору киносценарии писать, — вставила Туриль.

На сей раз Ула Ли громко рассмеялся, но, по обыкновению, ничего не сказал.

— Сидели бы при своих банковских взломщиках, — буркнул Скарре, намекая, что Туриль Ли и Ула Ли, которые не были женаты и вообще в родстве не состояли, пришли из отдела грабежей.

— Только ведь террористы, как правило, берут на себя ответственность, — заметил Халворсен. — В четырех делах, присланных Европолом, речь идет о hit-and-run[21], а после все глухо, молчок. И у жертвы, как правило, рыльце было в пушку. Загребские жертвы — сербы, с которых сняли обвинения в военных преступлениях, убитый в Мюнхене угрожал гегемонии местного короля торговли людьми, а тот, что в Париже, имел ранее две судимости за педофилию.

Вошел Харри Холе с кружкой в руках. Ли и Ли налили себе кофе и ушли. Халворсен заметил, что иные коллеги именно так реагировали на появление Харри. Инспектор сел, задумчиво наморщив лоб. Халворсен и это заметил.

— Двадцать четыре часа на исходе, — сказал

---

[21] Примечания: 21
Внезапное нападение и бегство *(англ.)*.

Халворсен.

— Да, — кивнул Харри, глядя в свою по-прежнему пустую кружку.

— Что-то не так?

Харри помедлил.

— Не знаю. Я позвонил в Берген Бьярне Мёллеру. Думал, он подскажет что-нибудь конструктивное.

— И что он сказал?

— Да в общем, ничего. Такое впечатление… — Харри поискал слово, — будто он одинок.

— А семья разве не с ним?

— Наверно, позже переедут.

— Неприятности?

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Что же тебя мучает?

— Пьяный он был, вот что.

Халворсен встряхнул кружку, пролил кофе.

— Мёллер пьяный? На работе? Шутишь!

Харри не ответил.

— Может, он плохо себя чувствовал или… — поспешно сказал Халворсен.

— Я по голосу слышу пьяного, Халворсен. Надо ехать в Берген.

— Сейчас? Ты же руководишь дознанием по убийству, Харри.

— За день обернусь туда и обратно. Ты обеспечишь тылы, Халворсен.

Халворсен улыбнулся:

— Никак стареешь, Харри?

— Старею? Ты о чем?

— Стареешь и становишься человечным. Первый раз слышу, чтобы ты предпочитал мертвым живых. — Увидев выражение лица Харри, Халворсен тотчас пожалел о своих словах. — Я не имел в виду…

— Ладно, проехали. — Харри встал. — Добудь списки авиапассажиров всех компаний, совершающих сейчас рейсы в Хорватию и обратно. Спроси у полиции аэропорта, нужен ли запрос полицейского юриста. Если понадобится судебное постановление, съезди в суд и получи. Когда списки будут у тебя, позвони Алексу в Европол, попроси проверить для нас имена. Скажи, что я прошу.

— Ты уверен, что он не откажет?

Харри кивнул.

— А мы с Беатой потолкуем тем временем с Юном Карлсеном.

— Да?

— Пока что нам рассказывали про Роберта Карлсена исключительно трогательные истории.

Думаю, там есть и кое-что другое.

— А почему ты меня с собой не берешь?

— Потому что, не в пример тебе, Беата чует, когда люди врут.

Вздохнув поглубже, он поднялся по лестнице в ресторан «Бисквит».

В отличие от вчерашнего вечера там было почти безлюдно. Но тот же официант стоял, прислонясь к дверному косяку. Похожий на Джорджи, кудрявый, голубоглазый.

— Hello there, — поздоровался официант. — Я не сразу вас узнал.

Он заморгал, обескураженный тем, что все-таки узнан.

— По пальто, — продолжал официант. — Очень элегантное. Верблюжье?

— Надеюсь, — пробормотал он и улыбнулся.

Официант засмеялся, положил руку ему на плечо. Он не заметил в его глазах испуга и сделал вывод, что у официанта нет никаких подозрений. И очень надеялся, что полиция здесь не побывала и оружие еще не нашла.

— Есть не буду, — сказал он. — Просто хотел воспользоваться туалетом.

— Туалетом? — повторил официант, стараясь перехватить его взгляд. — Туалетом пришли

воспользоваться? Правда?

— Я на минутку, — сказал он.

Присутствие официанта вызывало у него неловкость.

— На минутку. I see. Понимаю.

В туалете ни души, пахнет мылом. Но не свободой.

Запах мыла еще усилился, когда он поднял крышку контейнера над раковиной. Засучил рукав, сунул руку в холодную зеленую жижу. На миг в голове мелькнуло: а вдруг они поменяли контейнер? Но тут пальцы нащупали его. Он медленно вытащил оружие; мыло, словно длинные зеленые щупальца, потянулось в раковину. Вымыть, смазать — и пистолет опять будет в полном порядке. В обойме еще шесть патронов. Он заторопился спрятать оружие и как раз готов был сунуть его в карман пальто, когда дверь открылась.

— Hello again, — прошептал официант, широко улыбаясь.

Но при виде пистолета улыбка тотчас застыла.

Он сунул пистолет в карман, буркнул «гуд-бай» и быстро протиснулся мимо официанта через узкий дверной проем. Ощутил на лице его дыхание, прикосновение бедра к бедру.

Только очутившись на морозе, он заметил, что сердце бьется учащенно. Словно от испуга. Кровь бежала по жилам, делала тело горячим и легким.

Юн Карлсен как раз вышел из парадного, когда Харри подъехал на Гётеборггата.

— Прямо сейчас? — спросил Юн, в замешательстве глядя на часы.

— Я приехал рановато, — ответил Харри. — Моя коллега будет с минуты на минуту.

— Я успею купить молока? — На Юне была тонкая куртка. Волосы только что причесаны.

— Наверняка. Конечно.

Ближайший магазин располагался на углу, через дорогу. И пока Юн ходил за литровым пакетом обезжиренного молока, Харри как завороженный смотрел на великое множество елочных игрушек среди туалетной бумаги и пакетов с кукурузными хлопьями. Ни тот ни другой не комментировали газетную стойку возле кассы, где броские шапки на первых полосах сообщали об убийстве на Эгерторг. «Дагбладет» поместила на первой полосе фрагмент зернистого, нечеткого снимка публики, сделанного Ведлогом, с красным кружком вокруг головы человека в шарфе и подписью: «Человек, которого ищет полиция».

Они вышли на улицу. Юн остановился возле рыжего попрошайки с длинными усами по моде семидесятых. Долго рылся в кармане, нашел монетку, бросил в коричневую картонную кружку.

— Мне особо нечего вам предложить, — сказал Юн Харри. — Кофе, честно говоря, уже давно стоит в кофеварке. И на вкус наверняка сущий асфальт.

— Вот и хорошо, я люблю такой.

— Вы тоже? — Юн тускло улыбнулся. — Ой! — Он схватился за голову, обернулся к попрошайке и удивленно спросил: — Ты чего деньгами бросаешься?

Попрошайка сердито запыхтел в усы и звонко крикнул:

— Тут только ходовую монету берут. Спасибочки!

Квартира у Юна Карлсена была точь-в-точь как у Теа Нильсен. Чистенькая, прибранная, но, что до интерьера, явно холостяцкая. Харри быстро сделал три наблюдения. Во-первых, старая, но вполне ухоженная мебель куплена там же, где его собственная. В «Элеваторе» на Уллеволсвейен. Во-вторых, Юн не был на выставке, которую рекламировал одинокий постер на стене гостиной. В-третьих, ел он большей частью за низким

столиком перед телевизором, а не за столом в кухонной нише. На полупустой книжной полке стояла фотография мужчины в форме Армии спасения, он властно смотрел в пространство.

— Ваш отец? — спросил Харри.

— Да, — ответил Юн, достал из шкафа две кружки, налил кофе из закопченной стеклянной колбы.

— Вы с ним похожи.

— Спасибо. Надеюсь, что так.

Юн поставил кружки на журнальный столик, а купленный пакет с молоком поместил на многочисленные круги и разводы, свидетельствовавшие, где именно за столом «вкушались трапезы».

Харри хотел спросить, как родители восприняли известие о смерти Роберта, но передумал.

— Давайте начнем с гипотезы, — сказал Харри. — А именно что вашего брата убили, так как он кому-то насолил. Обманул, не вернул долг, оскорбил, угрожал, навредил, да что угодно. Все говорят, ваш брат был хороший парень. Обычно в начале расследования убийств мы всегда слышим подобные характеристики, люди охотно подчеркивают хорошие стороны. Но у большинства из нас есть и темные стороны. Или?

Юн кивнул, но Харри не уразумел, в знак ли согласия.

— Нам необходимо пролить свет на темные стороны Роберта.

Юн недоуменно воззрился на него.

Харри кашлянул:

— Давайте начнем с денег. У Роберта были финансовые проблемы?

Юн пожал плечами:

— И да и нет. Жил он не на широкую ногу, и я не думаю, чтобы он оказался в больших долгах, если вы об этом. Занимал он, как мне кажется, в основном у меня. Впрочем, займы бывают разные… — Юн печально усмехнулся.

— О каких суммах идет речь?

— О небольших. За исключением займа нынешней осенью.

— Сколько?

— Э-э… тридцать тысяч.

— Для какой цели?

Юн почесал в затылке.

— Был у него какой-то план, но он не говорил, какой именно, знаю только, что в связи с выездом за рубеж. Увидишь, сказал он. Деньги довольно большие, на мой взгляд, но я живу скромно, даже машины не имею. Мне показалось, он был охва-

чен энтузиазмом, а потом… случилось это.

Харри записал.

— Хм. А как насчет темноватых сторон его личности?

Харри ждал. Смотрел на журнальный столик, а Юн тем временем размышлял в вакууме тишины, который рано или поздно всегда вытягивал информацию — ложь, отчаянную реплику не по делу, в лучшем случае правду.

— В юности Роберту… — начал Юн и осекся.

Харри молчал, не шевелился.

— …недоставало тормозов.

Харри кивнул, не поднимая головы. Подбодрил, однако вакуум не нарушил.

— Я все время опасался, как бы он чего не натворил. Он был до ужаса необузданный. В нем жили как бы два человека. Один — сдержанный, хладнокровный исследователь, которого интересовали… как бы это выразиться? Реакции. Чувства. Страсть, пожалуй, и она тоже. Такие вот вещи.

— Можете привести примеры? — спросил Харри.

Юн проглотил комок в горле.

— Однажды прихожу домой, а он говорит, пошли, мол, в подвал, я тебе кое-что покажу. Он

посадил кошку в маленький аквариум, где раньше жили гуппи, просунул под крышку огородный шланг и до отказа отвернул кран. Аквариум наполнился так быстро, что я едва успел сбросить крышку и выловить кошку из воды. Роберт сказал, что просто хотел посмотреть, как она среагирует, но иной раз мне кажется, его куда больше интересовала моя реакция.

— Хм, если он был такой, странно, что никто словом об этом не обмолвился.

— Мало кто знал эту сторону Робертовой натуры. Отчасти это моя заслуга. Еще в детстве я обещал отцу присматривать за Робертом, чтобы он не учинил что-нибудь совсем уж скверное. Словом, я старался как мог. А Роберт, в общем-то, контролировал свои поступки. Он был сразу и холодный, и горячий, понимаете? По большому счету, с его… другими сторонами сталкивалось только ближайшее окружение. Да какие-нибудь лягушки. — Юн улыбнулся. — Он отправлял их в полет на воздушных шарах, наполненных гелием. Когда отец призвал его к ответу, он сказал, что лягушкам скучно сидеть всю жизнь на земле, пусть, мол, увидят мир с птичьего полета. Я… — Юн смотрел в пространство, и Харри заметил у него на глазах слезы. — Я засмеялся. Отец рассви-

репел, а я не мог остановиться. Только Роберт мог заставить меня так хохотать.

— И что же, с годами он это перерос?

Юн пожал плечами:

— Откровенно говоря, я знаю далеко не обо всем, чем Роберт занимался последние годы. После отъезда родителей в Таиланд мы с ним несколько отдалились друг от друга.

— Почему?

— С братьями так часто бывает. Без особой причины.

Харри не отозвался, просто ждал. В подъезде хлопнула дверь.

— Были кой-какие истории с женщинами.

Далекий вой сирены «скорой». Металлический гул лифта. Юн вздохнул, сокрушенно обронил:

— С молоденькими.

— Насколько молоденькими?

— Не знаю. Но если Роберт не врал, очень молоденькими.

— А с какой стати ему врать?

— Я же говорил. Думаю, ему нравилось проверять мою реакцию.

Харри встал, отошел к окну. Какой-то мужчина шел наискосок через Софиенберг-парк по тропинке, похожей на неровную коричневую черту,

проведенную ребенком на белоснежном листе. К северу от церкви виднелось маленькое огороженное кладбище еврейской общины. Столе Эуне, психолог, как-то рассказывал, что лет сто назад весь Софиенберг-парк был кладбищем.

— Он причинил насилие кому-нибудь из этих девочек? — спросил Харри.

— Нет!

Возглас Юна гулко прокатился между голыми стенами.

Харри ничего не сказал. Человек пересек парк и по Хельгесенс-гате направился прямо к дому Юна.

— Он мне не говорил. А если б и рассказал, я бы не поверил.

— Вы знакомы с кем-нибудь из его девушек?

— Нет. Да он и встречался с ними не подолгу. Собственно, насколько я знаю, по-настоящему его интересовала только одна.

— Вот как?

— Да. Теа Нильсен. Он с ума по ней сходил, еще когда мы были совсем юнцами.

— Ваша подруга?

Юн задумчиво смотрел в кофейную кружку.

— Казалось бы, мне следовало отступиться от девушки, которую мой брат выбрал себе, верно?

Господь свидетель, я сам себя спрашивал, почему я не в силах.

— И что?

— Знаю только, что Теа самый замечательный человек, какого я встречал.

Гул лифта резко оборвался.

— Брат знал о вас и о Теа?

— Он выведал, что мы несколько раз встречались. Кое-что заподозрил, но мы с Теа старались сохранить все в тайне.

В дверь постучали.

— Это Беата, моя коллега, — сказал Харри. — Я открою.

Он перевернул блокнот, положил ручку параллельно его краю, прошел несколько шагов к входной двери. Немного замешкался, пока сообразил, что дверь открывается внутрь, открыл. Лицо за дверью выглядело не менее удивленным, чем его собственное, секунду оба молча смотрели друг на друга. Харри уловил сладковатый парфюмерный запах, будто пришелец только что воспользовался весьма пахучим дезодорантом.

— Юн? — полувопросительно произнес посетитель.

— Минутку, — сказал Харри. — Извините, мы ждали кой-кого другого. Сейчас. — Он вернулся в

комнату. — Это к вам.

Усаживаясь на диван, Харри вдруг почуял: что-то происходит, именно сейчас, в эти секунды. Проверил, лежит ли ручка как раньше. Да, никто ее не трогал. Но в мозгу что-то засело, правда непонятно что.

— Добрый вечер, — послышался за спиной голос Юна.

Учтивое, сдержанное приветствие, в котором сквозил вопрос. Так здороваются с теми, кого не знают или не понимают, что им нужно. Вот опять. Что-то происходит, что-то совершенно немыслимое. Посетитель, с ним что-то не так. Он назвал имя Юна, но тот явно с ним незнаком.

— What message?[22] — спросил Юн.

В ту же секунду все встало на свои места. У пришельца что-то было на шее. Косынка. С тем самым узлом. Вставая, Харри толкнул коленом столик, кружки опрокинулись, а он крикнул:

— Закройте дверь!

Но Юн стоял как загипнотизированный, уставясь в проем. Ссутулив спину, словно в попытке помочь.

Харри перескочил через диван, ринулся впе-

---

[22] Примечания: 22
Какое сообщение? *(англ.)*

ред.

— Don't…[23] — сказал Юн.

Харри увидел, бросился к двери. И тут время как бы остановилось. Такое бывало и раньше, когда всплеск адреналина менял ощущение времени. Двигаешься словно в воде. И он знал, что уже поздно. Правым плечом почувствовал дверь, левым — бедро Юна, а в барабанную перепонку ударила воздушная волна от взорвавшегося пороха и от пули, которая как раз вылетела из пистолета.

Потом донесся звук. Пули. Захлопнувшейся двери. И Юна, который ударился о гардероб, а затем об угол кухонного стола. Харри перевернулся на бок, глянул вверх. Ручка двери опустилась.

— Черт! — шепотом буркнул Харри, поднимаясь на колени.

Схватил безжизненного Юна за брючный ремень и поволок по полу в спальню.

За дверью что-то скрежетнуло. Новый выстрел. Посредине дверной панели дыбом поднялись щепки, одна из диванных подушек дернулась, сиротливая серо-черная пушинка взмыла к потолку, пакет с молоком забулькал, белой пара-

---

[23] Примечания: 23
Не надо… *(англ.)*

болой на стол хлынуло молоко.

Люди недооценивают, что способна учинить девятимиллиметровая пуля, подумал Харри, переворачивая Юна на спину. Одна-единственная капля крови вытекла из раны на лбу.

Снова грохот выстрела. Звякнуло стекло.

Харри выудил из кармана мобильник, набрал номер Беаты.

— Да-да, еду, не нервничай, — отозвалась Беата после первого же гудка. — Я уже…

— Слушай меня, — перебил Харри. — Сообщи по рации, чтобы все патрульные машины срочно ехали сюда. У дверей квартиры стоит человек и лупит по нам свинцом. Ты сюда не суйся. Ясно?

— Ясно. Будь на связи.

Харри положил мобильник рядом, на пол. Царапанье по стене. Он их слышит? Харри замер. Шорох приближался. Что у них тут за стены? Пуля, пробившая звуконепроницаемую дверь, без проблем пройдет через гипсолит и изоляционную вату облегченной стены. Все ближе. Звук утих. Харри затаил дыхание. И тут услышал. Юн дышал.

Затем в ровном городском шуме прорезался звук, который в ушах Харри был словно музыка. Одна полицейская сирена, потом еще одна.

Харри прислушался: не скребется ли? Нет. Беги, умолял он. Смывайся. И его мольбу услышали. Быстрые шаги удалились по коридору и затихли на лестнице.

Харри лежал затылком на холодном полу, смотрел в потолок. Из-под двери тянуло сквозняком. Он закрыл глаза. Девятнадцать лет. Господи. До пенсии еще девятнадцать лет.

Глава 12
Четверг, 17 декабря. Больница и пепел

В витрине магазина он увидел отражение полицейской машины, подъезжающей по дороге у него за спиной. Он продолжал идти, приказывая себе не бежать. Всего несколько минут назад он промчался вниз по лестнице от квартиры Юна Карлсена, выбежал на тротуар, едва не сбил с ног молодую женщину с мобильником в руке, рванул через парк, на запад, в сторону людных улиц, где сейчас и находился.

Полицейская машина держала ту же скорость, что и он. Увидев какую-то дверь, он открыл ее и словно попал в фильм. Американский, с «кадиллаками», галстуками-шнурками и молодыми Элвисами. Музыка, доносившаяся из динамиков, напоминала допотопные пластинки, а бармен будто сошел с конверта винилового диска.

Он обвел взглядом крохотный, но на удивление многолюдный бар и не сразу сообразил, что бармен что-то ему сказал.

— Sorry?

— A drink, sir?[24]

— Почему бы и нет? Что у вас есть?

— Ну, скажем, «Slow Comfortable Screw-Up». А вообще-то, по-моему, вам не помешает порция оркнейского виски.

— Спасибо.

За окном выла полицейская сирена. В баре было тепло, и пот свободно хлынул из пор. Он сорвал с шеи косынку, запихнул в карман пальто. Хорошо, что здесь накурено, сигаретный дым заглушает запах пистолета в кармане.

Он взял стакан с выпивкой, сел у стены подле окна.

Кто был второй человек в квартире? Товарищ Юна Карлсена? Родственник? Или они просто вместе снимают квартиру? Он глотнул виски. Вкус больницы и пепла. И зачем задавать себе эти идиотские вопросы? Только полицейский мог реагировать таким образом. Только полицейский мог так быстро вызвать подмогу. И теперь они знают, кто его мишень. Это очень затруднит работу. Может, стоит отступиться? Он сделал еще глоток.

Полицейский видел верблюжье пальто.

---

[24] Примечания: 24
Выпьете что-нибудь, сэр? *(англ.)*

Он вышел в туалет, переложил пистолет, косынку и паспорт в карманы пиджака и затолкал пальто в мусорный контейнер под умывальником. На тротуаре постоял, оглядывая улицу, дрожа от холода и растирая руки.

Последний заказ. Самый важный. От него зависело все.

Спокойно, сказал он себе. Они не знают, кто ты. Вернись к началу. Думай конструктивно.

И все же снова та мысль, он не успел ее остановить: кто был тот человек в квартире?

— Мы не знаем, — сказал Харри. — Знаем только, что киллер, вероятно, тот же, что застрелил Роберта.

Он подобрал ноги, чтобы санитар смог провезти мимо них по узкому коридору пустую каталку.

— В-вероятно? — запинаясь, повторила Теа Нильсен. — Их что, несколько?

Она сидела, наклонясь вперед и вцепившись руками в сиденье жесткого стула, словно боялась упасть.

Беата Лённ нагнулась, успокаивая, положила ладонь на колено Теа.

— Мы не знаем. Главное, все обошлось. Врач говорит, у него только сотрясение мозга.

— По моей вине, — вздохнул Харри. — И по

вине угла кухонной скамейки, ободравшей ему лоб. Пистолетная пуля прошла мимо, мы нашли ее в стене. Вторая попала в пакет с молоком. Подумать только, прямо внутрь. Третья найдена в кухонном шкафу, среди изюма и…

Беата бросила на Харри взгляд, который, как он понял, означал, что Теа сейчас вряд ли занимают причуды баллистики.

— Ладно. С Юном все в порядке, но он терял сознание, поэтому врачи пока подержат его под наблюдением.

— Ясно. Теперь мне можно пройти к нему?

— Конечно, — сказала Беата. — Но сначала взгляните на эти фотографии. Может, вам доводилось раньше видеть кого-нибудь из этих людей?

Она достала из папки три снимка, протянула Теа. Фото с Эгерторг были сильно увеличены, и лица казались мозаикой белых и черных точек.

Теа покачала головой:

— Вряд ли. Они вообще какие-то одинаковые.

— Согласен, — сказал Харри. — Но Беата специалист по опознанию лиц, и она говорит, что это два разных человека.

— Да, я так думаю, — уточнила Беата. — Вдобавок тот, кто выбежал из подъезда на Гётеборггата, чуть не сбил меня с ног. И по-моему, он был со-

всем не похож на эти фото.

Харри удивился, он никогда не слыхал, чтобы Беата сомневалась в таких вещах.

— Господи! — прошептала Теа. — Сколько же их?

— Спокойно, — сказал Харри. — У палаты Юна выставлена охрана.

— Что?

Теа во все глаза воззрилась на него, и Харри сообразил, что у нее и мысли не мелькнуло, что здесь, в Уллеволской больнице, Юну может грозить опасность. Она поняла это только сейчас. Потрясающе.

— Идемте посмотрим, как он, — дружелюбно предложила Беата.

Угу, подумал Харри. А этот болван пускай посидит да подумает маленько, как надо обращаться с людьми.

Он обернулся, услышав быстрые шаги в другом конце коридора.

Халворсен бежал, ловко лавируя между пациентами, посетителями и персоналом в стучащих деревянных башмаках. Запыхавшись, он остановился перед Харри и протянул ему глянцевый лист бумаги с блеклым черным текстом, так что Харри сразу понял: это факс, поступивший

в отдел.

— Страница из списков пассажиров. Я пытался дозвониться.

— Здесь мобильники запрещены, — пояснил Харри. — Что-то интересное?

— Списки я получил без проблем. И переслал их мейлом Алексу, который тотчас ими занялся. Кое-кто замешан в разных мелочах, но в данном случае вне подозрений. Правда, одна вещь показалась довольно странной…

— Вот как?

— Один из пассажиров в списке прилетел в Осло два дня назад и имел обратный билет на рейс, который должен был вылететь вчера. Но рейс задержали, перенесли на сегодня. Христо Станкич. Он не объявился. И это странно, потому что билет у него был дешевый, не подлежащий перерегистрации. В списке пассажиров он значится как гражданин Хорватии, и я попросил Алекса свериться с данными хорватского Управления регистрации населения. Хорватия, конечно, не член Евросоюза, но, поскольку она стремится в ЕС, они охотно сотрудничают, когда…

— Ближе к делу, Халворсен.

— Христо Станкич в природе не существует.

— Любопытно. — Харри потер подбородок. —

Однако этот Христо Станкич вовсе не обязательно имеет отношение к нашему делу.

— Разумеется.

Харри смотрел на имя в списке. Христо Станкич. Всего-навсего имя. Но оно должно стоять в паспорте, который авиакомпания требовала предъявить при регистрации, раз это имя занесено в список. В том же паспорте, который надо предъявлять, регистрируясь в гостинице.

— Надо проверить списки постояльцев всех гостиниц в Осло, — сказал Харри. — Посмотрим, не проживал ли там в последние дни этот Христо Станкич.

— Займусь прямо сейчас.

Харри выпрямился, кивнул Халворсену, надеясь, что вложил в этот кивок все, что хотел сказать. Что он им доволен.

— Тогда я пойду к своему психологу, — сказал он.

Приемная психолога Столе Эуне расположена в той части Спорвейсгата, то бишь Железнодорожной улицы, где никаких рельсов в помине нет, зато на тротуарах можно полюбоваться примечательной смесью походок. Уверенная, пружинистая поступь домохозяек, которые занимались фитнесом в спортцентре «САТС»,

осторожная походка людей с собаками-поводырями из Союза слепых и неосторожная — у истасканной, но неустрашимой клиентуры хосписа для наркоманов.

— Стало быть, этот Роберт Карлсен любил девочек, не достигших установленной законом половой зрелости. — Столе Эуне повесил твидовый пиджак на спинку стула, двойной подбородок съехал до галстука-бабочки. — Этому, конечно, может быть много объяснений, но, насколько я понимаю, он рос в пиетистской среде Армии спасения?

— Да, — ответил Харри, глядя на беспорядочно заставленные книгами полки своего личного и профессионального консультанта. — Но разве не странно, что человек, выросший в закрытой, строго религиозной среде, становится извращенцем?

— Нет, — просто ответил Эуне. — Что касается христианских сект, то в них подобные отклонения встречаются более чем часто.

— Почему?

Эуне сложил руки, соединив кончики пальцев, и довольно причмокнул.

— Если, например, в детстве и юности родители наказывают ребенка или подвергают унижению за проявления естественной сексуальности, то

он вытесняет эту часть своей личности. Поэтому естественное половое созревание останавливается, и сексуальные предпочтения приходят, так сказать, кружными путями. Некоторые уже взрослыми возвращаются к тому этапу, когда им еще позволялось быть естественными, проявлять свою сексуальность.

— Вроде хождения в подгузнике.

— Да. Или игр с экскрементами. Я припоминаю случай в Калифорнии, когда некий сенатор…

Харри кашлянул.

— Или же они взрослыми возвращаются к так называемому core-event[25], — продолжал Эуне. — Обыкновенно это последний раз, когда им удалось исполнить свое сексуальное намерение, то есть когда все функционировало. А это может быть влюбленность или сексуальный контакт в подростковом возрасте, когда их не застукали и не наказали.

— Или некий перегиб, злоупотребление?

— Верно. Ситуация, которую они контролировали, а тем самым чувствовали свою силу, сиречь противоположность унижению. И остаток жизни они тратят на то, чтобы воссоздавать

---

[25] Примечания: 25
Главному событию *(англ.)*.

эту ситуацию.

— Но ведь стать извращенцем не так уж легко?

— Разумеется. Многих избивают до синяков, когда застают в подростковом возрасте с порножурналом, но, повзрослев, они становятся самыми обычными, сексуально здоровыми людьми. Чтобы шансы стать извращенцем максимально возросли, нужно иметь отца, склонного применять грубую силу, или же мать, склонную к сексуальным посягательствам, а также окружение, для которого характерны умалчивание и угрозы, что за похоть чресл будешь гореть в аду.

Мобильник у Харри пискнул один раз. Он достал его, прочитал эсэмэску Халворсена. Некий Христо Станкич провел ночь накануне убийства в гостинице «Скандия» возле Центрального вокзала.

— Как тебе у анонимных алкоголиков? — спросил Эуне. — Воздержанность помогает?

— И да и нет, — ответил Харри, вставая.

Крик заставил его вздрогнуть.

Он обернулся и уперся взглядом в вытаращенные глаза и разинутую черную дыру рта всего в нескольких сантиметрах от своего лица. Ребенок прилип носом к стеклу игровой комнаты «Бургеркинга», а потом повалился навзничь прямо на

ковер из красных, желтых и синих пластиковых шариков.

Он стер с губ остатки кетчупа, высыпал содержимое подноса в урну и поспешно вышел на Карл-Юханс-гате. Попытался съежиться под тонким пиджаком, но мороз не ведал жалости. Надо срочно купить новое пальто, но сначала снять номер в гостинице «Скандия».

Шесть минут спустя он вошел в холл гостиницы и встал за парой, которая, видимо, как раз регистрировалась. Девушка-портье быстро взглянула на него, но без тени узнавания. И снова склонилась над бумагами новых постояльцев, разговаривая с ними по-норвежски. Женщина повернулась к нему. Блондинка, молодая. Улыбнулась. Красивая, подумал он. Нет, просто хорошенькая. Он улыбнулся в ответ. Успел улыбнуться. Потому что сообразил, что видел ее раньше. Несколько часов назад. Возле дома на Гётеборггата.

Не двигаясь с места, он опустил голову, сунул руки в карманы. Рукоять пистолета, жесткая на ощупь, успокаивала. Он осторожно поднял голову, посмотрел в зеркало за стойкой портье. Но изображение расплывалось, двоилось. Он зажмурился, глубоко вздохнул, снова открыл

глаза. Сфокусировал взгляд на высоком мужчине. Короткие волосы, бледная кожа, красный нос, резкие, жесткие черты, контрастирующие с чувственным ртом. Это он. Второй, что был в квартире. Полицейский. Он быстро обвел взглядом холл. Больше никого здесь нет. И словно чтобы развеялись последние сомнения, он услышал в норвежской речи два знакомых слова: Христо Станкич. Силой заставил себя стоять на месте. Как они докопались, он понятия не имел, но начал догадываться, каковы будут последствия.

Блондинка получила ключ, подхватила чемоданчик, видимо с инструментами, и направилась к лифту. Высокий мужчина что-то сказал портье, та записала. Затем полицейский повернулся, на миг встретился с ним взглядом и зашагал к выходу.

Портье улыбнулась, сказала по-норвежски какую-то дружелюбную, стандартную фразу и вопросительно посмотрела на него. Он поинтересовался, нет ли номера для некурящих на первом этаже.

— Сейчас посмотрю, сэр. — Она пробежалась пальцами по клавишам компьютера.

— Excuse me. Человек, с которым вы только что разговаривали, случайно, не полицейский, чье

фото было в газете?

— Не знаю, — улыбнулась она.

— Он же известная персона, как бишь его зовут...

Она заглянула в блокнот.

— Харри Холе. Он правда известный?

— Харри Холе?

— Да.

— Имя не то. Видно, я ошибся.

— Есть один свободный номер. Если берете, то заполните эту карточку и предъявите паспорт. Как будете платить?

— А сколько стоит?

Она назвала цену.

— Увы, — улыбнулся он. — Слишком дорого.

Выйдя из гостиницы, он прошел в здание вокзала, отыскал туалет и заперся в кабинке. Сел, попробовал привести мысли в порядок. Они знают имя. Стало быть, надо найти ночлег, где паспорта не требуют. И Христо Станкичу придется забыть о регистрации на самолет, корабль, поезд, да и вообще о пересечении границы. Что же делать? Надо позвонить ей в Загреб.

Он вышел на Йернбанеторг. Ледяной ветер гулял по открытой площади, когда он, стуча зубами, смотрел на телефоны-автоматы. Посреди

площади, прислонясь к белому вагончику, где продавали сосиски, стоял какой-то мужчина. В своем комбинезоне-дутике вылитый астронавт. Ему мерещится или этот человек вправду наблюдает за таксофонами? Может, они отследили его переговоры и теперь ждут, что он сюда вернется? Да нет, вряд ли. Он помедлил. Если они прослушивают таксофоны, он рискует выдать ее. Решение принято. С телефонным звонком можно повременить, сейчас ему прежде всего нужна комната, с кроватью и отоплением. Но для этого требуются наличные, а он отдал последние за гамбургер.

В высоком зале, среди бутиков и железнодорожных перронов, нашелся банкомат. Он достал карточку VISA, прочел английскую инструкцию, гласившую, что магнитная полоса должна быть справа, и потянулся к прорези. Рука замерла. Карточка ведь тоже выдана на имя Христо Станкича. Банкомат ее зарегистрирует, и всех тут же поднимут по тревоге. Он медлил. Снова сунул карточку в бумажник. Неспешно прошелся по залу. Бутики закрывались. Денег нет, теплую куртку купить не на что. Какой-то охранник проводил его пристальным взглядом. Он опять вышел на площадь. Северный ветер продувал ее насквозь. У вагончика с сосисками никого. Зато

кто-то стоял возле тигра.

— Мне нужно немного денег на ночлег.

Не зная норвежского, он все равно понял, что сказала выросшая перед ним белая фигура. Тот самый наркоман, которому он днем дал немного денег. Эх, сейчас они очень бы ему пригодились! Он покачал головой, перевел взгляд на дрожащую кучку наркоманов в том месте, которое поначалу принял за автобусную остановку. Белый автобус как раз опять подъехал.

Харри чувствовал боль в груди и легких. Приятную боль. Бедра горели. Тоже приятно.

Оказавшись в тупике, он порой поступал как сейчас: шел в гимнастический зал в подвале Полицейского управления и садился на велотренажер. Не потому, что это помогало лучше думать, а потому, что переставал думать.

— Мне сказали, что вы здесь. — Гуннар Хаген взобрался на соседний тренажер. Желтая майка в обтяжку и велосипедные штаны скорее выявляли, чем скрадывали мускулатуру худого, чуть ли не тощего комиссарского тела. — Вы на какой программе тренируетесь?

— На девятой, — пропыхтел Харри.

Приподнявшись на педалях, Хаген подрегулировал высоту седла и быстро нажал нужные

кнопки велокомпьютера.

— Как я понимаю, вы нынче попали в изрядную переделку.

Харри кивнул.

— Я не стану возражать, если вы возьмете бюллетень, — добавил Хаген. — Как-никак в мирное время живем.

— Спасибо, шеф, я в полном порядке.

— Ладно. Я только что говорил с Турлейфом.

— С начальником уголовной?

— Нам бы хотелось знать, как обстоят дела. Были звонки по телефону. Армия спасения пользуется популярностью, и влиятельные люди в нашем городе интересуются, сумеем ли мы раскрыть дело до Рождества. Рождественский мир и все такое.

— В прошлом году в рождественский мир политиков затесалась смерть на почве перебора секса.

— Я спросил, как обстоят дела, Холе.

Харри почувствовал, как от пота свербит кожа на груди.

— Несмотря на сегодняшние фото в «Дагбладет», свидетели не откликнулись. И Беата Лённ считает, что снимки указывают не на одного, а по крайней мере на двух киллеров. Я склонен с ней

согласиться. Человек, явившийся к Юну Карлсену, был в верблюжьем пальто и с косынкой на шее, судя по одежде, он же изображен на фото, снятом на Эгерторг вечером накануне убийства.

— Совпадает только одежда?

— Я не успел толком разглядеть его лицо. И Юн Карлсен мало что помнит. Одна из соседок сказала, что столкнулась во дворе с англичанином, который хотел оставить у дверей Юна Карлсена рождественский подарок.

— Так-так, — сказал Хаген. — Но версию о нескольких киллерах мы разглашать не будем. До поры до времени.

— Пожалуй, это все.

— Вот как?

Харри посмотрел на спидометр, спокойно прибавил скорость до тридцати пяти километров в час.

— Еще у нас есть фальшивый паспорт хорвата, некоего Христо Станкича, который не явился на борт сегодняшнего загребского рейса, хотя значился в списках пассажиров. Мы выяснили, что он проживал в гостинице «Скандия». Лённ проверяет сейчас его номер на предмет следов ДНК. Постояльцев у них не очень много, и мы надеялись, что портье опознает человека с наших

фотографий.

— И что?

— Увы.

— Что конкретно позволяет думать, что Станкич именно тот, кого мы ищем?

— Собственно, только фальшивый паспорт, — сказал Харри, покосившись на спидометр Хагена. Сорок километров в час.

— И как вы рассчитываете найти его?

— Ну, в эпоху информации имена оставляют следы, и мы привели в состояние боеготовности всех наших постоянных осведомителей. Если некий Христо Станкич зарегистрируется в ословской гостинице, купит авиабилет или использует кредитную карту, мы немедля об этом узнаем. По словам портье, он спрашивал про таксофон, и она послала его на Йернбанеторг. «Теленор» пришлет нам список исходящих звонков с тамошних таксофонов за последние двое суток.

— Стало быть, у вас есть только хорват с фальшивым паспортом, не явившийся на свой рейс, — подытожил Хаген. — Фактически тупик, верно?

Харри промолчал.

— Попробуйте альтернативные подходы, — сказал Хаген.

— Да, шеф, — тихо отозвался Харри.

— Всегда есть альтернативы, — сказал Хаген. — Я говорил вам о японских войсках, где разразилась холера?

— Думаю, вряд ли.

— Они находились в джунглях к северу от Рангуна, и все, что они ели-пили, тотчас выходило наружу. Людям грозило обезвоживание, но командир не желал просто ложиться и умирать, а потому приказал всем опорожнить свои шприцы от морфина и впрыскивать самим себе воду из фляжек.

Хаген прибавил скорость, и Харри тщетно вслушивался в его дыхание: начальник ничуть не запыхался.

— Способ подействовал. Однако через несколько дней всей воды осталась одна бочка, кишащая червями. Тогда заместитель командира предложил использовать для впрыскиваний сок фруктов, росших вокруг, ведь теоретически сок на девяносто процентов состоит из воды, да и терять им нечего. Изобретательность и дерзость. Отряд уцелел, Холе. Изобретательность и дерзость.

— Изобретательность и дерзость, — пропыхтел Харри. — Спасибо, шеф.

Он отчаянно нажимал на педали, а собственное

дыхание шумело, как огонь в печной топке. На спидометре сорок. У начальника — сорок семь. А дышит спокойно.

Харри вспомнилась фраза из книги тысячелетней давности — «Искусство войны», которую он получил от одного грабителя: «Выбирай свои битвы». Он понимал, что от этой битвы ему надо отказаться. Все равно ведь его ждет поражение.

Харри сбавил скорость. На спидометре тридцать пять. И, к своему удивлению, почувствовал не фрустрацию, а лишь усталое смирение. Может, повзрослел наконец, покончил с дурацкой манерой выставлять рога и кидаться в атаку, едва кто-нибудь махнет красной тряпкой? Харри глянул на Хагена. Ноги работают как шарниры, лицо покрылось тонкой пленкой пота, поблескивающей в свете ламп.

Харри утер пот. Несколько раз глубоко вздохнул. И снова нажал на педали. Через секунду-другую пришла приятная боль.

Глава 13
Четверг, 17 декабря. Тиканье

Иной раз Мартина думала, что Плата не иначе как лестница в преисподнюю. И все равно испугалась слухов, что муниципальный совет по социальным вопросам намерен к весне отменить распоряжение насчет территории свободного оборота наркотиков. Противники Платы выдвигали очевидный довод: это место служило рынком наркотиков для молодежи. Мартина считала, что у людей, полагавших, будто происходящее на Плате может кому-то казаться заманчивым, либо крыша поехала, либо они никогда там не бывали.

Подспудный же довод сводился к тому, что площадка, ограниченная белой чертой на асфальте со стороны Йернбанеторг, портила облик города. И разве не равнозначно вопиющему банкротству самой успешной — по крайней мере, самой богатой — социал-демократии на свете допускать, чтобы наркотики и деньги открыто переходили из рук в руки прямо в сердце столицы?

Тут Мартина была согласна. Это банкротство.

Фиаско в борьбе за общество без наркотиков. Но если бороться против расширения оборота наркотиков, то лучше разрешить их продажу под неусыпным оком камер наблюдения на Плате, чем под мостами на Акере и в темных дворах на Родхусгата и по южной стороне крепости Акерсхус. И Мартина знала: большинство тех, кто так или иначе имел дело с нарко-Осло, — полиция, социальные работники, наркоманы, уличные проповедники и проститутки, — разделяли эту точку зрения; лучше Плата, чем все прочие альтернативы.

Правда, зрелище весьма неприглядное.

— Лангеманн! — окликнула она мужчину, который стоял в темноте возле автобуса. — Супчику сегодня вечером не желаешь?

Но Лангеманн ретировался. Видно, получил свою дозу и двинул куда-то, чтобы сделать укол.

Она сосредоточенно наливала суп южанину в синей куртке, когда услыхала, как совсем рядом у парня в тонком пиджаке, ждущего своей очереди, стучат зубы.

— Держи! — Она налила супу и ему.

— Привет, милашка! — раздался сиплый голос.

— Венше!

— Иди сюда, обогрей бедолагу! — добродушно

засмеялась стареющая шлюха, обнимая Мартину.

В нос ударила крепкая вонь одеколона и дезодоранта, какой было пропитано платье в обтяжку, с узором под леопарда. Но примешивался еще один запах, хорошо знакомый, она почуяла его прежде, чем залп Веншина амбре заглушил все.

Они сели за один из свободных столиков.

Хотя иные из иностранных шлюх, наводнивших округу за последний год, тоже употребляли дурь, все же среди них этот порок встречался реже, чем среди норвежских конкуренток. Венше — одна из немногих норвежских шлюх, которые не употребляли наркотики. Вдобавок она, по ее словам, начала работать дома, с постоянной клиентурой, и Мартина видела ее все реже.

— Мне тут надо приглядеть за сыном подруги, — пояснила Венше. — За Кристоффером. Говорят, он загулял.

— Кристоффер? Не знаю такого.

— А-а, забудь, — махнула рукой проститутка. — У тебя другое на уме, как я погляжу.

— Да ну?

— Не ври. Я ведь вижу, когда девчонка влюблена. Это он?

Венше кивнула на парня в форме Армии спасе-

ния, с Библией в руке, который как раз сел рядом с человеком в пиджаке.

Мартина покраснела:

— Рикард? Нет, уволь.

— Честно? Он глаз с тебя не сводит, с тех пор как я пришла.

— Рикард — хороший парень, — вздохнула Мартина. — Во всяком случае, он сразу добровольно вызвался подежурить здесь. Ведь того, кто должен был дежурить, убили.

— Роберта Карлсена?

— Ты его знала?

Венше печально кивнула, потом снова оживилась.

— Забудем покойников, лучше расскажи-ка мамочке, в кого ты влюблена. Вообще-то давно пора.

Мартина улыбнулась:

— Я и не знала, что влюблена.

— Да ладно тебе.

— Нет, правда, я…

— Мартина? — послышался другой голос.

Она подняла голову и увидела умоляющие глаза Рикарда.

— Вон тот парень говорит, у него нет ни теплой одежды, ни денег, ни жилья. Не знаешь, в Приюте

есть места?

— Позвони и спроси у них, — сказала Мартина. — Теплые вещи есть наверняка.

— Конечно. — Рикард не сдвинулся с места, хотя Мартина опять обернулась к Венше. Она и не глядя знала, что верхняя губа у него вспотела.

Рикард пробормотал «спасибо» и вернулся к парню в пиджаке.

— Ну, рассказывай, — с жаром прошептала Венше.

Северный ветер снаружи бросал в стену автобуса снежную крупу.

Со спортивной сумкой на плече Харри шел по улице, сощурив глаза от ветра, который больно швырял в лицо мельчайшую колючую ледяную крупу. Когда он поравнялся с «Блицем», занятым бомжами домом на Пилестредет, зазвонил телефон. Халворсен.

— За последние двое суток с таксофонов на Йернбанеторг дважды звонили в Загреб. По одному и тому же номеру. Я туда позвонил и попал на администратора гостиницы. Они не смогли мне ответить, кто звонил из Осло и с кем разговаривал. О Христо Станкиче тоже не слыхали.

Харри хмыкнул.

— Мне продолжать насчет Загреба?

— Не надо, — вздохнул Харри. — Отложим, пока не убедимся, что этот Станкич представляет для нас интерес. Выключи все, когда будешь уходить. Завтра потолкуем.

— Погоди!

— Да тут я, тут.

— Есть еще кое-что. В дежурную часть только что поступил звонок от официанта из «Бисквита». Он сообщил, что утром заходил в туалет и столкнулся там с одним из посетителей.

— Что он там делал?

— В том-то и штука. В руке посетитель держал…

— Я имею в виду официанта. У персонала всегда есть собственный туалет.

— Об этом я не спросил, — нетерпеливо сказал Халворсен. — Слушай. В руках посетитель держал что-то зеленое, мокрое…

— Похоже, ему надо к врачу…

— Очень смешно. Официант клянется, что это был пистолет, перепачканный жидким мылом. Контейнер для мыла был открыт.

— «Бисквит»… — повторил Харри, обдумывая информацию. — Это на Карл-Юханс.

— В двух сотнях метров от места убийства. Спорим на ящик пива, что пистолет тот самый. В

смысле… sorry, спорим…

— Кстати, ты должен мне двести крон. Остаток твой.

— Но фишка в другом. Я спросил приметы. Он не сумел назвать ни одной.

— Прямо припев в этом деле.

— Не считая того, что-де узнал парня по пальто. Жуткое такое пальто, из верблюжки.

— Yes! — выкрикнул Харри. — Малый с шейной косынкой на снимке публики, на Эгерторг вечером накануне убийства Роберта Карлсена.

— Официант, правда, заметил, что верблюжка ненастоящая, имитация. А он, похоже, в этом разбирается.

— То есть?

— Ты же знаешь. У них особая манера говорить.

— У кого «у них»?

— Привет! У гомиков. Короче говоря, парень ушел с пистолетом. Это все, что мы пока знаем. Я еду в «Бисквит», покажу официанту фотографии.

— Хорошо, — сказал Харри.

— О чем ты думаешь?

— Думаю?

— Я успел немножко изучить тебя, Харри.

— Хм. Я думаю о том, почему официант не по-

звонил в дежурную часть сразу же, утром. Спроси его об этом. Ладно?

— Вообще-то, Харри, я и сам подумал об этом.

— Конечно. Извини.

Харри отключился, но через секунду телефон загудел снова.

— О чем забыл? — спросил Харри.

— Что?

— А-а, это ты, Беата. Слушаю.

— Хорошие новости. Я закончила в гостинице «Скандия».

— Нашла следы ДНК?

— Пока не знаю, у меня немного волос, которые с тем же успехом могут принадлежать уборщикам или более раннему постояльцу. Но полчаса назад я получила результаты баллистической экспертизы. Пуля в молочном пакете Юна Карлсена выпущена из того же оружия, что и найденная на Эгерторг.

— Хм. Значит, версия о нескольких киллерах отпадает.

— Да. Больше того. Портье из «Скандии» после твоего ухода кое-что вспомнила. Пальто у этого Христо Станкича было заметное. Имитация…

— Дай угадаю. Вроде как верблюжье?

— Так она сказала.

— Вот оно! — воскликнул Харри так громко, что изрисованная граффити стена «Блица» отбросила гулкое эхо на безлюдную центральную улицу.

Харри отключил связь и перезвонил Халворсену.

— Да, Харри?

— Христо Станкич — наш киллер. Дай в ориентировку верблюжье пальто, пусть разошлют всем патрульным экипажам. И… — Харри улыбнулся пожилой даме, которая семенила ему навстречу, скрежеща «кошками», надетыми на сапоги, — надо установить постоянный контроль за телефонной сетью, чтобы мы знали, если кто позвонит в загребскую гостиницу «Интернациональ» и с какого номера. Поговори с Клаусом Туркильсеном с Ословского регионального узла «Теленор».

— Это же прослушка. Нам нужно получить разрешение, а на это уйдет целый день.

— Это не прослушка, нам нужен лишь адрес звонящего.

— Боюсь, «Теленор» разницы не увидит.

— Ты только скажи Туркильсену, что говорил со мной. О'кей?

— Можно спросить, почему он вдруг согласится рискнуть ради тебя работой?

— Долгая история. Несколько лет назад в СИЗО его чуть не избили до полусмерти, а я его спас. Том Волер и его подручные, ты знаешь, как бывает, когда хватают эксгибициониста и прочих.

— Эксгибиционист, значит.

— Бывший, по крайней мере. Охотно оказывающий услуги в обмен на молчание.

— Понятно.

Харри закончил разговор. Дело пошло, и он больше не чувствовал ни северного ветра, ни колючей снежной крупы. Иной раз работа делала его совершенно счастливым. Он повернул и зашагал обратно в управление.

В одноместной палате Уллеволской больницы Юн почувствовал сквозь простыню вибрацию мобильника и быстро схватил его.

— Да?

— Это я.

— А-а, привет, — сказал он, даже не пытаясь скрыть разочарование.

— Такое впечатление, будто ты ждал другого звонка, — заметила Рагнхильд чуть слишком бодрым тоном, который выдает обиженную женщину.

— Я не могу много разговаривать, — сказал Юн, глянув на дверь.

— Я только хотела сказать, как ужасно то, что случилось с Робертом, и что очень тебе сочувствую.

— Спасибо.

— Тебе, наверно, больно. Где ты, собственно говоря? Я пыталась дозвониться тебе домой.

Юн промолчал.

— Мадс сегодня вернется поздно, так что, если хочешь, я могла бы к тебе заехать.

— Нет, Рагнхильд, спасибо, я сам справлюсь.

— Я думала о тебе. Так темно кругом и холодно. Мне страшно.

— Тебе страшно не бывает, Рагнхильд.

— Иногда бывает. — В ее голосе сквозила притворная обида. — Здесь столько комнат, а людей нет.

— Переезжай в дом поменьше. Я заканчиваю, здесь не разрешено пользоваться мобильниками.

— Погоди, Юн! Ты где?

— У меня легкое сотрясение мозга. Я в больнице.

— В какой больнице? В каком отделении?

Юн помедлил.

— Большинство людей сначала спросили бы, где я получил сотрясение мозга.

— Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты скрываешь, где находишься.

Юн живо представил себе Рагнхильд, как она завтра войдет в палату с большим букетом роз в часы посещений. И вопросительный взгляд Теа — сперва на него, потом на нее.

— Медсестра идет, — прошептал он. — Я отключаюсь.

Он нажал кнопку отбоя и уставился в потолок, меж тем как телефон сыграл прощальную мелодию и дисплей погас. Она права. Темнота кругом. Только вот страшно *ему*.

Рагнхильд Гильструп, закрыв глаза, постояла у окна, прежде посмотрев на часы. Мадс сказал, что у него много дел в связи с подготовкой заседания правления и что вернется он поздно. В последнее время он частенько так говорил. Бывало, всегда называл точный час и приходил минута в минуту, а то и раньше. Она не то чтобы хотела его скорого возвращения, просто странновато как-то. Странновато, и только. Опять-таки странновато и другое: это началось после получения сводки обо всех разговорах по стационарному телефону. А ведь она такой сводки не заказывала. Но сводку прислали, пять страниц формата А4, со слишком подробной информацией. Надо бы перестать

названивать Юну, но она не могла. Из-за его взгляда. Точь-в-точь как у Юханнеса. Этот взгляд не был ни ласковым, ни умным, ни мягким, нет. Однако ж он читал ее мысли, прежде чем они успевали сложиться. Говорил ей, какая она. И все же любил ее.

Она открыла глаза, посмотрела в окно на участок — шесть молов[26] природы. Пейзаж напомнил ей о швейцарском интернате. Снежный блеск заливал светом просторную спальню, голубовато-белые блики ложились на потолок и стены.

Она сама настояла, чтобы дом построили здесь, высоко над городом, по сути в лесу. Возможно, это позволит ей чувствовать себя менее несвободной, не под замком. И ее муж, Мадс Гильструп, полагая, что она имеет в виду несвободу города, охотно согласился вложить часть своих денег в постройку этой виллы. Все удовольствие обошлось в десять миллионов. Когда они переехали сюда, Рагнхильд казалось, будто ее выпустили из камеры-одиночки во двор, под открытое небо. Солнце, воздух, простор. И тем не менее взаперти, как в интернате.

---

[26] Примечания: 26

Мол — норвежская мера площади, 1000 м^2.

Иногда — вот как нынешним вечером — она думала о том, как здесь оказалась. Если суммировать внешние обстоятельства, дело было так. Мадс Гильструп — наследник одного из крупных ословских состояний. Она встретила его в Америке, в кампусе под Чикаго, штат Иллинойс, где оба изучали экономику в средней руки университете, который, однако, обеспечивал больше престижа, чем любой хороший норвежский вуз, а вдобавок учиться там было веселее. Оба они происходили из богатых семей, хотя он побогаче. Его семья владела капиталом, сколоченным пятью поколениями пароходчиков, ее же родители, простые крестьяне, разбогатели недавно, и их деньги по-прежнему пахли типографской краской и рыбой из садков. Жили они на перекрестке сельскохозяйственных субсидий и уязвленной гордости, пока отец и дядя не продали свои трактора и не сделали ставку на маленькое рыбоводческое предприятие во фьорде, прямо под окнами дома на ветреном холме в Вестагдере. Время оказалось как нельзя более удачным, конкуренция минимальная, цены за килограмм астрономические, и за несколько тучных лет они стали мультимиллионерами. Дом на холме снесли, вместо него построили безвкусную виллу размером поболь-

ше гумна, с восемью эркерами и гаражом на две машины.

Рагнхильд аккурат сровнялось шестнадцать, когда мать отправила ее из одних холмов в другие — в частную школу для девочек Арона Шюстера, расположенную на высоте девятисот метров над уровнем моря в швейцарском станционном городке, где имелось шесть церквей и одна пивная. Вслух говорили, что Рагнхильд будет изучать французский, немецкий и историю искусств — дисциплины, которые очень ей пригодятся, если учесть, что цены за килограмм выращенной рыбы ставили все новые рекорды.

Но истинной причиной ее отъезда за границу, конечно же, стал ее возлюбленный Юханнес. Юханнес с мягким голосом и взглядом, который видел, что́ она думает, еще прежде чем мысль успевала оформиться. Деревенский лоботряс Юханнес, которому никуда уезжать не требовалось. После Юханнеса все стало по-другому. И она стала другой после Юханнеса.

В частной школе Арона Шюстера она избавилась от кошмаров, от чувства вины и рыбного запаха и научилась всему необходимому молодой девушке, чтобы найти мужа в своей среде или уровнем повыше. И, руководствуясь унасле-

дованным инстинктом выживания, благодаря которому сумела выжить в норвежских скалах, она медленно, но верно похоронила ту Рагнхильд, какую Юханнес видел насквозь, и стала Рагнхильд, которая стремилась в широкий мир, знала, чего хочет, и никому не позволит себе помешать, во всяком случае не французским воображулям-старшеклассницам и не избалованным датчанкам, которые шушукались по углам о том, что, сколько бы такие, как Рагнхильд, ни старались, они все равно останутся вульгарными провинциалками.

В отместку она соблазнила господина Бреме, молодого учителя немецкого, в которого все они были немножко влюблены. Учителя жили в доме напротив, и она просто перешла через мощенную брусчаткой площадь и постучала в дверь его квартирки. Четыре раза она приходила к нему. И четыре раза ночью возвращалась обратно, цокая каблуками по камням, так что вся площадь гудела эхом.

Поползли слухи, а она, в общем-то, не пыталась положить им конец. Когда разнеслась весть, что господин Бреме уволился и поспешно уехал на новое место, в Цюрих, Рагнхильд победоносно улыбнулась, глядя на огорченные лица одно-

классниц.

По окончании швейцарской школы Рагнхильд уехала домой. Наконец-то дома, думала она. Однако тут снова были глаза Юханнеса. В серебре воды, в тени яркой зелени леса, за блестящими черными окнами молельни или в автомобилях, которые мчались мимо, оставляя за собой тучи пыли, скрипевшей на зубах, горькой на вкус. И когда из Чикаго пришло письмо с предложением места учебы (business administration[27], три года — бакалавр, пять лет — магистр), она попросила отца немедля перечислить необходимую плату за обучение.

Отъезд стал облегчением. Она снова могла стать новой Рагнхильд. Радовалась возможности забыть, но для этого требовался план, проект, цель. В Чикаго такая цель нашлась. Мадс Гильструп.

Она думала, все будет просто, ведь как-никак приобрела теоретический и практический опыт, чтобы соблазнять парней из высшего общества. И вдобавок была красива. Так говорил Юханнес и повторяли все остальные. В первую очередь глаза. Природа подарила ей голубую радужку

---

[27] Примечания: 27
Управление частными компаниями и предприятиями *(англ.)*.

матери и необычайно чистые белки, что, как научно доказано, притягательно действует на противоположный пол, так как свидетельствует о прекрасном здоровье и отличной наследственности. По этой причине Рагнхильд редко надевала темные очки. Разве что когда рассчитывала произвести эффект, сняв их в особенно удобный миг.

Некоторые говорили, что она похожа на Николь Кидман. Красива этакой мрачновато-суровой красотой. Может, в этом и было все дело. В суровости. Ведь когда она пыталась завязать контакт с Мадсом Гильструпом в коридорах или в столовой кампуса, он вел себя как перепуганный мустанг, в глаза не смотрел, нервно встряхивал головой, отбрасывая вихор, и спешил отступить в безопасную зону.

В итоге она поставила все на одну карту.

Вечером накануне одного из ежегодных, якобы традиционных дурацких праздников Рагнхильд дала соседке по комнате денег на новые туфли и гостиничный номер в городе и провела три часа перед зеркалом. В виде исключения на празднике она появилась рано, зная, что Мадс Гильструп приходил на все праздники одним из первых, и желая опередить возможных соперниц.

Он мямлил, и заикался, и едва осмеливался

посмотреть ей в глаза, несмотря на голубые радужки и чистейшие белки. А тем более в вырез платья. И вопреки своему прежнему мнению она обнаружила, что самоуверенность далеко не всегда сопутствует деньгам. Впоследствии она сделает вывод, что в Мадсовом комплексе неполноценности виноват его блестящий, требовательный, ненавидящий слабость отец, который не мог понять, отчего ему не дарован сын, более похожий на него.

Но она не сдалась и крутилась перед Мадсом Гильструпом словно приманка, фактически так явно выказывала доступность, что видела, как они шушукаются, девчонки, которых она звала подругами и vice versa[28], ведь, если на то пошло, они были стадными животными. И в конце концов — после шести банок слабоалкогольного пива и сильного подозрения, что он гомосексуалист, — мустанг отважился выйти на открытое место, а еще через два пива оба покинули праздник.

Она отдалась ему, однако ж в постели соседки по комнате. Туфли-то как-никак стоили недешево. А когда спустя три минуты Рагнхильд стерла его с себя соседкиным покрывалом ручной вязки,

---

[28] Примечания: 28
Наоборот *(лат.)*.

она уже знала, что приручила его. Осталось потихоньку надеть сбрую и оседлать.

После учебы они уехали домой как жених с невестой. Мадс Гильструп будет управлять своей частью фамильного состояния в твердой уверенности, что ему не придется проходить испытания во всяких там крысиных бегах. Его дело — найти хороших советников.

Рагнхильд нашла работу у некоего биржевого маклера, который слыхом не слыхал о средней руки университете, зато слыхал о Чикаго, и то, что слыхал, ему нравилось. И вообще. Он не был блестящим специалистом, однако отличался взыскательностью и в лице Рагнхильд встретил родственную душу. Поэтому довольно скоро она заняла место фондового аналитика, интеллектуально весьма сложное, и поместилась за монитором и телефонами у стола на «кухне», как они называли маклерскую контору. Именно здесь Рагнхильд Гильструп (она поменяла свою девичью фамилию на Гильструп сразу после помолвки: так-де «практичнее») проявила себя с наилучшей стороны. Если было недостаточно *проконсультировать* официальных, предположительно профессиональных инвесторов маклерской конторы насчет покупки «Оптико-

ма», она готова была мурлыкать, флиртовать, манипулировать, лгать и плакать. Рагнхильд Гильструп могла и потереться о мужские — и даже о женские — ноги, и в результате дела с акциями продвигались куда лучше, чем тому способствовали ее фондовые анализы. Но главное ее достоинство заключалось в том, что она превосходно понимала важнейшую мотивировку акционерного рынка — алчность.

В один прекрасный день она неожиданно забеременела. И, к собственному удивлению, поймала себя на мыслях об аборте. До сих пор она искренне верила, что хочет детей, хотя бы одного. Через восемь месяцев родилась Амалия. Рагнхильд была счастлива и напрочь забыла, что подумывала об аборте. Спустя две недели Амалия с высокой температурой попала в больницу. Рагнхильд заметила, что врачи очень встревожены, но они не могли сказать ей, что с малышкой. Однажды ночью Рагнхильд хотела даже помолиться Богу, но отмела эту мысль. Следующим вечером, в двадцать три часа, малютка Амалия умерла от воспаления легких. Рагнхильд заперлась в комнате и проплакала целых четыре дня.

«Кистозный фиброз, — сказал доктор, оставшись с нею наедине. — Болезнь генетическая,

иначе говоря, вы или ваш муж — носители дефектного гена. В вашей семье или в его семье кто-нибудь страдал этим недугом? Он может выражаться, например, в частых приступах астмы и тому подобном».

«Нет, — ответила Рагнхильд. — И я полагаю, вы соблюдаете врачебную тайну».

Скорбь подлечили с помощью профессионалов. Через несколько месяцев она уже снова могла разговаривать с окружающими. Летом они уехали на гильструповскую дачу на западном побережье Швеции и попытались снова зачать ребенка. Но однажды вечером Мадс Гильструп застал жену в слезах перед зеркалом в спальне. Она сказала, что это кара за то, что она думала об аборте. Он утешал ее, но едва его ласки сделались настойчивее и смелее, как она оттолкнула его, сказала, что это был последний раз. Мадс решил, что она имеет в виду рождение детей, и тотчас согласился. Однако, к его разочарованию и отчаянию, она дала понять, что имеет в виду передышку в сексуальных отношениях. Мадс Гильструп как раз вошел во вкус и особенно ценил самоуважение, возникавшее оттого, что он дарил ей небольшие, но явные оргазмы. Тем не менее он счел ее заявление последствием горя и

гормональных изменений после рождения ребенка. А Рагнхильд просто не могла сказать ему, что последние два года занималась с ним сексом исключительно из чувства долга и что остатки страсти, какую она питала к нему, улетучились во время родов, когда она видела его глупое, ошарашенное, перепуганное лицо. А когда он, плача от счастья, уронил ножницы, которыми должен был перерезать пуповину, знак отцовского триумфа, ей хотелось только одного — дать ему по морде. И она вовсе не собиралась рассказывать, что в последний год она и ее отнюдь не блестящий шеф удовлетворяли настоятельные обоюдные потребности по части спаривания.

Единственный брокер в Осло, Рагнхильд перед уходом в отпуск по беременности получила предложение стать полноправным партнером. Но, к всеобщему удивлению, уволилась. Ей предложили новое место — место управляющего фамильным состоянием Мадса Гильструпа.

Прощальным вечером она объявила шефу: пришло время маклерам подлизываться к ней, а не наоборот. Однако словом не обмолвилась о подлинной причине: Мадс Гильструп, увы, не справился со своей единственной задачей, не нашел хороших советников, и фамильные капи-

талы убывали с такой опасной быстротой, что свекор, Алберт Гильструп, и Рагнхильд в конце концов заключили союз. Больше Рагнхильд с прежним своим шефом не встречалась. Только через несколько месяцев услышала, что он слег в больницу после затяжных приступов астмы.

Рагнхильд не нравилось Мадсово окружение, не нравилось оно и самому Мадсу, как она поняла. Тем не менее они ходили на вечеринки, куда их приглашали, ведь альтернатива — очутиться вне круга людей, которые что-то значили и чем-то владели, — была куда хуже. Одно дело — эффектные, самодовольные мужчины, искренне убежденные, что деньги дают им право быть такими. И совсем другое — их жены, «старухи», как мысленно называла их Рагнхильд. Болтливые домохозяйки, шастающие по магазинам и помешанные на здоровье, грудастые. Вполне естественного вида и с действительно натуральным загаром, поскольку только что вернулись с детьми из Сен-Тропе, где отдыхали от своих au pair[29] и шумных, скандальных работяг, которые никак не могли закончить бассейны или новые кухни. С неподдельным огорчением они рассуж-

[29] Примечания: 29

Девушки, работающие нянями за границей для изучения иностранного языка *(фр.)*.

дали, как скверно стало с покупками в Европе в минувшем году, в остальном же их кругозор не простирался далее, чем от Слемдала до Богстада, в крайнем случае летом до Крагерё. Туалеты, подтяжки лица и тренажеры были излюбленными темами, так как служили средствами удержать богатых, эффектных мужчин, что и было, собственно, их единственной задачей в этом мире.

Поймав себя на подобных мыслях, Рагнхильд порой диву давалась. Они что же, так отличаются от нее? Может, вся разница в том, что у нее есть работа? Может, она поэтому терпеть не могла их самодовольные мины в утреннем ресторане на Виндерене, когда они жаловались на все эти злоупотребления со страховкой и увертки в обществе (это слово они произносили с легким презрением)? Или тут что-то другое? Ведь кое-что произошло. Революция. Она начала думать не только о себе, но и о другом человеке. Такого не бывало со времен Амалии. И Юханнеса.

Все началось с плана. Капиталы продолжали убывать по причине неудачных вложений Мадса, и назрела необходимость срочно принять меры. Не только перевести средства в активы с меньшими рисками, но и погасить накопившиеся долги. Им требовалась удачная финансовая операция.

Идея принадлежала свекру. И тут действительно пахло удачной покупкой, вернее, грабежом. Но не грабежом хорошо охраняемых банков, а обычным грабежом старушек. Старушкой была Армия спасения. Рагнхильд ознакомилась с армейским имущественным портфелем, весьма и весьма внушительным. То есть состояние домов, конечно, оставляло желать лучшего, но потенциал и местоположение были выше похвал. Прежде всего жилые дома в центре Осло, особенно в районе Майорстуа. Счета Армии спасения свидетельствовали о двух вещах: Армия срочно нуждалась в деньгах, а в балансе стоимость недвижимости была сильно занижена. Вероятно, они не понимали, на каких ценностях сидят, потому что она очень сомневалась, что те, кому в Армии спасения принадлежит решающее слово, хоть немного в этом разбираются. Вдобавок, по всей видимости, настал самый удобный момент для покупки недвижимости, поскольку цены упали вместе с курсами акций, а теперь наметился новый рост.

Несколько телефонных звонков, и она договорилась о встрече.

Погожим весенним днем она подъехала к штаб-квартире Армии спасения.

Принял ее командир, Давид Экхофф, и за три

секунды Рагнхильд поняла, что за его приветливостью кроется властный вожак из тех, кого она с легкостью приручала, и решила, что все пройдет гладко. Расположились они в одном из кабинетов, где были сервированы вафли и на редкость скверный кофе; кроме их двоих, присутствовали еще трое сотрудников — пожилой и двое молодых. Пожилой имел звание подполковника, занимал пост главного управляющего и вскоре собирался на пенсию. Один из молодых, Рикард Нильсен, застенчивый парень, тотчас же обнаружил сходство с Мадсом Гильструпом. Но это пустяки по сравнению с шоком узнавания, какой она испытала, здороваясь со вторым молодым человеком, который с осторожной улыбкой пожал ей руку и представился как Юн Карлсен. И дело не в высокой сутулой фигуре, не в открытом мальчишеском лице, не в мягком голосе, а во взгляде. Он смотрел прямо на нее. Внутрь ее существа. Именно так. Взгляд как у Юханнеса.

В начале встречи, когда главный управляющий сообщил, что оборот норвежской Армии спасения, по самым скромным оценкам, составляет один миллиард крон и значительная их часть — доходы от двухсот тридцати объектов недвижимости, какими Армия владеет по всей стране,

она сидела словно в трансе, стараясь отвести взгляд от парня. От его волос, от рук, спокойно лежащих на столе. Плечи его вовсе не распирали черный китель, который у Рагнхильд почему-то всегда ассоциировался с пожилыми мужчинами и женщинами, поющими втору в трехголосных песнопениях и улыбающимися, хотя и не верующими в какую-либо жизнь прежде смерти. Она думала — вообще-то не отдавая себе в этом отчета, — что в Армию спасения идут те, кто не нашел другого места, простодушные, не слишком общительные и не слишком смышленые, другие не хотели с ними играть, но они понимали, что Армия — это сообщество, где даже они смогут выполнить необходимые требования, петь втору.

Когда главный управляющий закончил, Рагнхильд поблагодарила, открыла свою папку, достала лист бумаги и пододвинула через стол командиру.

«Вот наше предложение, — сказала она. — Из него вам станет ясно, какая недвижимость нас интересует».

«Благодарю», — проговорил командир и посмотрел на бумагу.

Рагнхильд пыталась прочесть реакцию по его лицу. Но поняла, что это мало что значит. Очки

для чтения так и остались лежать перед ним на столе.

«Наш специалист изучит его и даст свое заключение», — добавил командир, улыбнулся и передвинул бумагу дальше. Юну Карлсену. Рагнхильд заметила, как лицо Рикарда Нильсена непроизвольно дернулось.

Она положила перед Юном Карлсеном свою визитную карточку.

«Звоните, если возникнут вопросы», — сказала она, ощущая его взгляд как физическое прикосновение.

«Спасибо, что пришли, госпожа Гильструп. — Командир Экхофф хлопнул в ладоши. — Обещаем дать ответ в течение… Юн?»

«В течение короткого времени».

Командир с добродушной улыбкой повторил: «В течение короткого времени».

Все четверо проводили ее до лифта. Молча стояли в ожидании кабины. Когда дверь скользнула вбок, она слегка прислонилась к Юну Карлсену и тихонько сказала: «Когда угодно. Звоните на мобильный».

Она попыталась перехватить его взгляд, еще раз ощутить его, но не успела. По дороге вниз, одна в лифте, Рагнхильд Гильструп почувствовала

резкие, болезненные удары пульса и невольно задрожала.

Через три дня он позвонил и сказал «нет». Рассмотрев предложение, они решили не продавать. Рагнхильд с жаром принялась выдвигать доводы в пользу предложенной цены, подчеркнула однобокое позиционирование Армии спасения на рынке недвижимости, а также то, что недвижимость эксплуатировалась непрофессионально, что низкие показатели в отчетах маскировали тот факт, что практически означенные объекты убыточны, с низкой доходностью, и что Армии спасения следует диверсифицировать свои капиталовложения. Юн Карлсен слушал не перебивая.

«Спасибо, — сказал он, когда она закончила, — что вы, госпожа Гильструп, так глубоко вникли в дело. И как экономист я не могу не согласиться с вашими выводами. Однако…»

«В чем же дело? Расчеты однозначно показывают…» — Она шумно дышала в трубку.

«Однако тут есть еще и человеческий аспект».

«Человеческий?»

«Квартиросъемщики. Люди. Старики, которые прожили там всю жизнь, солдаты Армии, ныне пенсионеры, беженцы, люди, нуждающиеся в

защищенности. Вот что я имею в виду. Вы вышвырнете их на улицу, чтобы отремонтировать эти квартиры и сдавать их внаем или выгодно продать. Расчеты, как вы говорите, однозначны. Для вас это первоочередной аспект, и я его принимаю. Но примете ли вы мой?»

Она затаила дыхание, потом начала: «Я…»

«Хотите побывать там, познакомиться с кем-нибудь из этих людей? — перебил он. — Может быть, тогда вы лучше поймете».

Она покачала головой, потом сказала: «Мне хотелось бы прояснить возможные недоразумения в связи с нашими намерениями. Вы свободны вечером в четверг?»

«Да, но…»

«Давайте встретимся в „Лакомке“, в восемь».

«А что это — „Лакомка“?»

Она невольно улыбнулась.

«Ресторан во Фрогнере. Таксисты знают, где это».

«Если речь о Фрогнере, я доберусь на велосипеде».

«Хорошо. Тогда до встречи».

Она пригласила на совещание Мадса и свекра, доложила о результатах.

«Похоже, ключ ко всему — этот их консуль-

тант, — сказал свекор, Алберт Гильструп. — Если мы привлечем его на свою сторону, недвижимость будет нашей».

«Но я же говорю, он вообще не заинтересован в цене, какую мы заплатим».

«Отнюдь», — отрезал свекор.

«Нет!»

«Речь об Армии спасения. Там он может сколько угодно размахивать своим моральным флагом. Надо обратиться к его собственной алчности».

Рагнхильд покачала головой: «С ним это не пройдет, он… он не из таких».

«У всех есть своя цена, — сказал Алберт Гильструп с огорченной улыбкой и помахал у нее перед глазами пальцем, туда-сюда, точно маятник метронома. — Армия спасения выросла из пиетизма, а пиетизм был у людей практичных подходом к религии. Поэтому он приобрел такую популярность здесь, на скудном Севере: сначала хлеб, потом молитва. Предлагаю два миллиона».

«Два миллиона? — Мадс аж задохнулся. — За… за согласие продать?»

«Только если продажа состоится, разумеется. No cure, no pay»[30].

---

[30] Примечания: 30

Английская поговорка: «Нет лечения — нет вознаграждения».

«Все равно сумма безумная», — запротестовал сын.

Не глядя на него, свекор ответил: «Безумие тут только в одном, а именно в том, что оказалось возможно сократить фамильное состояние, когда все было на подъеме».

Мадс Гильструп дважды открыл и закрыл рот, беззвучно, как рыба в аквариуме.

«У этого консультанта не хватит духу торговаться о цене, если он сочтет первое предложение слишком низким, — сказал свекор. — Надо нокаутировать его с первого удара. Два миллиона. Что скажешь, Рагнхильд?»

Рагнхильд медленно кивнула, устремив взгляд в окно, потому что была не в силах смотреть на мужа, который, повесив голову, сидел в тени, куда не достигал свет настольной лампы.

Юн Карлсен уже сидел за столиком и ждал, когда она вошла в ресторан. Выглядел он меньше, чем ей запомнилось, наверно оттого, что был не в форме, а в мешковатом костюме, купленном, скорее всего, во «Фретексе». А может, чувствовал себя неловко в фешенебельном ресторане. Вставая, чтобы поздороваться с нею, он опрокинул вазу с цветами. Сообща они спасли цветы, и оба рассмеялись. Потом поговорили о том о сем.

Когда он спросил, есть ли у нее дети, она только покачала головой.

Есть ли дети у нее? Нет. Так, но, может, у него есть… Нет-нет.

Мало-помалу разговор зашел о недвижимости Армии спасения, но она заметила, что аргументирует без обычного азарта. Он вежливо улыбался, потягивая вино. Она увеличила предложение на десять процентов. Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь, и сделал ей комплимент по поводу ожерелья, которое выгодно оттеняло ее кожу.

«Подарок мамы», — непринужденно солгала она. И подумала, что вообще-то он смотрит на ее глаза. На голубые радужки и чистые белки.

Предложение о личном вознаграждении в размере двух миллионов она сделала между горячим и десертом. Посмотреть ему в глаза ей не удалось, потому что он молча глядел в бокал с вином, только внезапно побелел как мел.

В конце концов он тихо спросил: «Это ваша собственная идея?»

«Моя и моего свекра». Она заметила, что дыхание у нее участилось.

«Алберта Гильструпа?»

«Да. Кроме нас двоих и моего мужа, больше

никто об этом не узнает. Для нас чревато не меньшим ущербом, чем… чем для вас, если информация просочится».

«Я что-то сказал или сделал?»

«Простите?»

«Что дало вам и вашему свекру повод думать, будто я соглашусь на сребреники?»

Он поднял взгляд, и Рагнхильд почувствовала, что краснеет. Впервые за много лет.

«Откажемся от десерта?» Он взял салфетку с колен, положил на стол рядом с тарелками.

«У вас есть время подумать, прежде чем дать ответ, Юн, — пробормотала она. — Подумать о себе. Ведь это шанс осуществить мечты».

Слова фальшью резанули даже ее собственное ухо. Юн сделал официанту знак принести счет.

«И какие же это мечты? Мечты стать коррупционером, мерзким отступником? Разъезжать в шикарном автомобиле, меж тем как все человеческое в тебе лежит в руинах. — Его голос дрожал от гнева. — Такие у вас мечты, Рагнхильд Гильструп?»

Она не сумела ответить.

«Я слепец, — сказал он. — Знаете, когда я вас увидел, я думал, что… что вижу совсем другого человека».

«Вы увидели меня», — прошептала она, чувствуя, что ее охватывает дрожь, та же, что в лифте.

«Что?»

Она продолжала, уже громче: «Вы увидели меня. А сейчас я вас оскорбила. Мне очень жаль».

Повисло молчание, и ей казалось, будто она погружается в воду, где чередуются холодные и горячие слои.

«Давайте забудем все это, — сказала она, когда подошедший официант выхватил карточку у нее из рук. — Это не важно. Для нас с вами. Пойдемте в парк, погуляем».

«Я…»

«Пожалуйста!»

Он с удивлением смотрел на нее.

В самом деле?

Как этот взгляд — он же видел всё — мог удивиться?

Рагнхильд Гильструп глядела в окно хольменколленской виллы на темный прямоугольник далеко внизу. Фрогнер-парк. Там началось это безумие.

Минула полночь, автобус запаркован в гараже, и Мартина чувствовала приятную усталость, но и удовлетворение. Она стояла на тротуаре возле

Приюта, на узкой темной Хеймдалсгата, ждала Рикарда, который пошел за машиной, как вдруг за спиной хрустнул снег.

— Привет.

Она обернулась, сердце замерло — в свете единственного уличного фонаря виднелся силуэт крупной фигуры.

— Не узнаёте?

Сердце стукнуло раз. Другой. Третий, четвертый. Она узнала голос.

— Что вы здесь делаете? — спросила она, надеясь, что по голосу не слышно, как она испугалась.

— Узнал, что сегодня вечером вы работаете в автобусе и что около полуночи его паркуют здесь. В деле, как говорится, произошел сдвиг. Я кое о чем поразмыслил. — Он встал так, чтобы свет падал ему на лицо, которое выглядело жестче и старше, чем ей запомнилось. Странно, как много всего можно забыть за сутки. — И у меня возникли вопросы.

— Не терпящие отлагательства? — спросила она, улыбнулась и заметила, что лицо полицейского смягчилось.

— Вы кого-то ждете? — спросил Харри.

— Да. Рикард отвезет меня домой.

Она взглянула на сумку на плече полицейского. Сбоку надпись «ЙЕТТА», но на вид до того старая и изношенная, что к модному ретро отношения никак не имеет.

— Вам надо купить новые стельки для кроссовок, которые у вас в сумке, — сказала она.

Он недоуменно посмотрел на нее.

— Не надо быть Жаном Батистом Гренуем, чтобы учуять запах, — сказала она.

— Патрик Зюскинд. «Парфюмер».

— Читающий полицейский.

— Солдат Армии спасения, читающий об убийствах. Что, увы, возвращает нас к моему делу.

Перед ними остановился «Сааб-900». Боковое стекло беззвучно скользнуло вниз.

— Едем, Мартина?

— Минутку, Рикард. — Она обернулась к Харри: — Вам куда?

— В Бишлет. Но я…

— Рикард, не возражаешь подбросить Харри до Бишлета? Ты ведь тоже там живешь.

Рикард всмотрелся в темноту и уныло сказал:

— Конечно.

— Идемте. — Мартина протянула Харри руку.

Он с удивлением взглянул на нее.

— Ботинки скользкие, — шепнула девушка,

схватив Харри за руку, и почувствовала, как эта сухая, теплая ладонь стиснула ее руку, словно опасаясь, что она упадет сию же минуту.

Рикард вел машину осторожно, поглядывая поочередно то в боковое зеркало, то в зеркало заднего вида, будто ждал нападения.

— Я вас слушаю, — сказала Мартина, сидевшая впереди.

Харри откашлялся.

— Сегодня стреляли в Юна Карлсена.

— Что? — невольно вырвалось у Мартины.

В зеркале Харри перехватил взгляд Рикарда и спросил:

— Вы уже слышали?

— Нет, — ответил тот.

— Кто… — начала Мартина.

— Мы не знаем.

— Но… и Роберт, и Юн. Это как-то связано с семьей Карлсен?

— Думаю, мишенью все время был только один, — сказал Харри.

— В смысле?

— Киллер отложил отъезд. По-моему, он обнаружил, что застрелил не того. Умереть должен был не Роберт.

— Не Ро…

— Вот почему мне нужно поговорить с вами. Думаю, вы можете дать ответ, правильна ли моя версия.

— Какая версия?

— Что Роберт погиб, так как, на свою беду, подменил Юна на дежурстве на Эгерторг.

Мартина обернулась, ошеломленно воззрилась на Харри.

— Вы занимаетесь графиком дежурств. Когда я был у вас первый раз, то заметил, что график висит на доске внизу. И каждый мог видеть, кому в тот вечер полагалось дежурить на Эгерторг. Там значился Юн Карлсен.

— Как…

— Я зашел после больницы, проверил. Там действительно значится Юн. Но Роберт и Юн поменялись уже после того, как график напечатали, верно?

Рикард свернул со Стенсберггата к Бишлету.

Мартина прикусила нижнюю губу.

— Замены на дежурствах не редкость, и, если они меняются между собой, я далеко не всегда знаю об этом.

Рикард вырулил на Софиес-гате. Глаза у Мартины расширились.

— Вспомнила! Роберт позвонил мне, сказал, что

они с братом поменялись и мне ничего делать не надо. Вот почему я не подумала об этом сразу. Но… но тогда получается…

— Юн и Роберт очень похожи, — сказал Харри. — А в форме…

— Вдобавок вечер и снегопад… — вполголоса проговорила Мартина, как бы обращаясь к самой себе.

— Я хотел спросить, не звонил ли вам кто-нибудь насчет графика дежурств. Особенно по поводу того вечера.

— Не припоминаю, — сказала Мартина.

— Подумайте, постарайтесь вспомнить. А я завтра позвоню.

— Хорошо, — кивнула Мартина.

Харри смотрел ей в глаза и при свете уличного фонаря снова обратил внимание на необычную форму зрачков.

Рикард резко затормозил.

— Откуда вы знаете? — удивился Харри.

— Что знаю? — быстро переспросила Мартина.

— Это я водителю. Откуда вы знаете, что я живу здесь?

— Вы же сами сказали, — отозвался Рикард. — Район мне знаком, я тоже живу в Бишлете.

Харри постоял на тротуаре, глядя вслед авто-

мобилю.

Парень определенно влюблен. И сделал крюк сюда нарочно, чтобы несколько минут побыть наедине с Мартиной. Поболтать с ней. Спокойно, без помех что-нибудь рассказать, показать себя, распахнуть душу, открыть себя и все, что неразрывно связано с молодостью и с чем он сам, к счастью, уже покончил. Лишь бы услышать доброе слово, почувствовать объятие, надеяться на поцелуй перед уходом. Молить о любви, как делают все влюбленные идиоты. Независимо от возраста.

Харри не спеша шагал к подъезду, рука машинально искала в кармане ключи, а мысли искали что-то, что постоянно отметалось прочь всякий раз, когда он приближался. А взгляд искал что-то, что он пока только слышал. Слабый звук, но в эту пору на Софиес-гате царила тишина. Харри всматривался в серые сугробы, которые днем оставил снегоочиститель. Что-то вроде потрескивает. Тает. Нет, быть не может, мороз-то минус восемнадцать.

Харри сунул ключ в замок.

И сообразил, что это за звук. Тиканье.

Он медленно обернулся, уставился на сугробы. Там что-то блестело. Стекло.

Харри вернулся и поднял часы. Стекло мёллеровского подарка как зеркало, без единой царапины. И идут точно. На две минуты вперед по сравнению с его собственными. Что говорил Мёллер? Что он успеет вовремя, если будет думать, что опаздывает.

Глава 14
Ночь на пятницу, 18 декабря. Темнота

Радиатор в комнате потрескивал, словно в него бросали мелкие камешки. Теплый воздух дрожал над бурыми прожженными пятнами на рогожке обоев, от которых несло никотином, клеем и жирным запахом людей, когда-то здесь обитавших. Обивка дивана колола даже сквозь брюки.

Несмотря на сухой трескучий жар радиаторов, он безостановочно дрожал, глядя на экран телевизора, укрепленного на стенном кронштейне. Передавали новости, он узнал кадры с площади, но ничегошеньки не понял. В другом углу сидел в кресле старик, курил плохо набитые самокрутки. Когда окурок начинал обжигать черные кончики пальцев, он быстро доставал из коробка две спички, зажимал ими окурок и курил дальше, пока не обжигал губы. На столе в углу красовалась обрубленная еловая верхушка, украшенная игрушками и пытавшаяся блестеть.

Он думал о рождественском обеде в Дале.

Было это через два года после войны, сербы ушли, оставили то, что некогда называлось Ву-

коваром. Хорватские власти разместили их всех в гостинице «Интернациональ» в Загребе. Он многих спрашивал, не знают ли они, что сталось с семьей Джорджи, и однажды встретил беженца, который рассказал, что мать Джорджи умерла во время осады, а отец и Джорджи перебрались в Даль, маленький пограничный городишко неподалеку от Вуковара. На второй день Рождества он доехал поездом до Осиека, а оттуда — до Даля. Поговорил с кондуктором, и тот подтвердил, что поезд пойдет дальше, в Борово, там конечная станция, и вернется в Даль в половине седьмого. В два часа он сошел с поезда в Дале. Спрашивая дорогу, нашел адрес — невысокий городской дом, серый, как и весь городишко. Вошел в подъезд, отыскал нужную дверь, прежде чем позвонить, помолился, чтобы они были дома. Сердце забилось, когда в квартире послышались легкие шаги.

Открыл Джорджи. Он не слишком изменился. Побледнел, но светлые кудри те же, и светлые глаза, и губы сердечком, которые всегда наводили его на мысль об ангелочке. Только улыбка из глаз исчезла, будто лампа перегорела.

«Не узнаешь меня, Джорджи? — спросил он немного погодя. — Мы жили в одном городе, учи-

лись в одной школе».

Джорджи наморщил лоб.

«Правда? Погоди. Голос. Ты, должно быть, Серж Долач. Конечно, ты так быстро бегал. Господи, как же ты изменился. Н-да, приятно увидеть знакомца по Вуковару. Все ведь разъехались».

«Но не я».

«Да, не ты, Серж».

Джорджи обнял его, долго прижимал к себе, так что он почувствовал, как тепло проникает в замерзшее тело. Потом он втолкнул его в квартиру.

За окном густели ранние зимние сумерки, а они сидели в спартански обставленной комнате и разговаривали обо всем случившемся, о знакомых из Вуковара и их судьбе. Когда он спросил, помнит ли Джорджи Тинто, собаку, Джорджи смущенно улыбнулся.

Потом он сказал, что скоро придет отец. Может, Серж с ними пообедает?

Он посмотрел на часы. Поезд будет здесь через три часа.

Отец очень удивился, что у них гость из Вуковара.

«Это Серж, — сказал Джорджи. — Серж Долач».

«Серж Долач? — переспросил отец, пристально

глядя на него. — Откуда-то я тебя знаю. Хм. Может, знал твоего отца? Нет?»

Стемнело, они сели за стол, и отец дал им большие белые салфетки. Он снял красную косынку, повязал на шею салфетку. Отец прочел короткую молитву, перекрестился, поклонился единственной фотографии в рамке на стене — портрету женщины.

Джорджи с отцом взяли в руки приборы, а он наклонил голову и произнес: «Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столько величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? “Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спасать”».

Отец с удивлением воззрился на него. Потом передал блюдо с большими бледными кусками мяса.

Трапеза прошла в молчании. Только хлипкие окна дребезжали от ветра.

После мяса — десерт. Palačinka, тонкие блинчики с вареньем и шоколадным соусом. Он не пробовал их со времен вуковарского детства.

«Бери еще, дорогой Серж, — сказал отец, — Рождество ведь».

Он взглянул на часы. До поезда полчаса. Пора. Он откашлялся, снял салфетку, встал: «Мы с Джор-

джи говорили обо всех, кого помним по Вуковару. Только об одном человеке еще не говорили».

«Вот как? — удивленно проговорил отец и улыбнулся: — О ком же это, Серж?» Он слегка повернул голову, так что смотрел на него одним глазом. Словно пытался разглядеть что-то, до чего не сможет дотянуться рукой.

«Его звали Бобо».

По глазам отца Джорджи было ясно, что тот все понял. Может, даже ожидал этого. А он услышал звук собственного голоса, гулкое эхо в голых стенах: «Ты сидел в джипе и указал на него сербу-коменданту. — Он сглотнул. — Бобо умер».

В комнате повисла тишина. Отец отложил вилку.

«Была война, Серж. Мы все умрем». Он произнес эти слова спокойно. Почти смиренно.

Отец и Джорджи сидели не шевелясь, а он вытащил из-за пояса пистолет, снял с предохранителя, прицелился через стол и спустил курок. Короткий сухой хлопок — тело отца дернулось, ножки стула царапнули по полу. Отец наклонил голову, устремил взгляд на отверстие в салфетке на груди. Затем на белой салфетке красным цветком проступило пятно крови.

«Посмотри на меня», — сказал он, и отец маши-

нально поднял голову.

Второй выстрел оставил черную дырочку у него во лбу, и он упал головой в тарелку с блинчиками.

Он повернулся к Джорджи: тот сидел открыв рот, по щеке текла красная струйка. Лишь через секунду он сообразил, что это варенье из отцовского блинчика, и снова сунул пистолет за пояс.

«Застрели и меня, Серж».

«К тебе у меня нет претензий». Он вышел в переднюю, взял с вешалки у двери куртку.

Джорджи вышел следом за ним.

«Я отомщу! Найду тебя и убью, если ты сейчас меня не прикончишь».

«А как ты меня найдешь, Джорджи?»

«Тебе не скрыться. Я же знаю, кто ты».

«Правда? По-твоему, я Серж. Но Долач был рыжий и ростом повыше меня. И я не бегаю, Джорджи. Хорошо, что ты меня не узнаёшь. Значит, можно оставить тебя в живых».

Он крепко поцеловал Джорджи в губы, открыл дверь и ушел.

Об убийстве писали в газетах, но в розыск никого не объявили. А три месяца спустя, в воскресенье, мать рассказала, что некий хорват приходил просить о помощи. Много заплатить он

не может, но кой-какую сумму семья собрала. Как выяснилось, серб, в войну до смерти запытавший его брата, живет неподалеку. И тут он от кого-то услыхал о Маленьком Спасителе.

Старикан обжег окурком пальцы и громко выругался.

Он встал, вышел к стойке администратора. За спиной у парня по ту сторону стеклянной перегородки стоял красный флаг Армии спасения.

— Could I please use the phone?[31]

Парень скептически смерил его взглядом:

— Если разговор местный, то пожалуйста.

— Да, местный.

Парень кивнул на тесную контору за спиной, он прошел туда. Сел возле стола, глядя на телефон. Думал о голосе матери. Огорченном, испуганном, а одновременно ласковом и теплом. Как объятие. Встал, закрыл дверь и быстро набрал номер «Интернационаля». Ее не было. Сообщения он не оставил. Дверь открылась.

— Закрывать дверь воспрещается, — сказал парень. — Ясно?

— Ясно. Извини. У тебя есть телефонный справочник?

---

[31] Примечания: 31
Можно мне воспользоваться телефоном? *(англ.)*

Парень закатил глаза, кивнул на пухлый том рядом с телефоном и вышел.

Он отыскал телефон Юна Карлсена по адресу: Гётеборггата, 4, набрал номер.

Теа Нильсен не сводила глаз с трезвонящего телефона.

В квартиру Юна она вошла, воспользовавшись ключом, который получила от него.

Где-то здесь есть дырочка от пули, так они сказали. Она поискала и нашла ее — в дверце шкафа.

Тот человек пытался застрелить Юна. Убить его. От этой мысли она разволновалась. Но не испугалась. Иногда она думала, что никогда больше не сможет испугаться, вот так и вот этого — смерти.

Здесь побывала полиция, но задержалась недолго. Кроме пуль, никаких следов. По их словам.

В больнице она слышала дыхание Юна, видела, как он на нее смотрит. Такой беспомощный в большой больничной кровати. Достаточно закрыть его лицо подушкой — и он умрет. Ей доставило удовольствие видеть его слабым. Может, учитель у Гамсуна в «Виктории» правильно говорил, что у некоторых женщин потребность

испытывать сострадание так велика, что они ненавидят своих здоровых, сильных мужей, что в глубине души предпочли бы мужей-калек, зависящих от их доброты.

Но сейчас она находилась в его квартире, где звонил телефон. Глянула на часы. Ночь. По делам в такое время не звонят. Теа не боялась умереть. А вот звонка испугалась. Наверно, это она, та женщина, о которой ей, как считал Юн, неизвестно?

Она шагнула к телефону. Остановилась. Звонок тренькнул в четвертый раз. После пяти сигналов телефон умолкнет. Она медлила. Пятый звонок. Она быстро сняла трубку:

— Да?

Секунда молчания, потом мужской голос заговорил по-английски:

— Sorry for calling so late[32]. Моя фамилия Едом. Можно Юна?

— Нет. — Она облегченно вздохнула. — Юн в больнице.

— Ах да, я слышал, что сегодня случилось. Я его старый друг, хотел бы навестить его. Он в какой больнице?

— В Уллеволской.

---

[32] Примечания: 32
Простите за поздний звонок *(англ.)*.

— В Уллеволской?

— Да. Не знаю, как отделение называется по-английски, по-нашему — нейрохирургия. Но у дверей там сидит полицейский, и он вас не пропустит. Понимаете?

— Понимаю.

— Английский у меня… не особенно…

— Я все понял. Большое спасибо.

Теа положила трубку и долго смотрела на телефонный аппарат.

А потом опять взялась за поиски. Они сказали, тут несколько пулевых отверстий.

Администратору в Приюте он сказал, что ему надо отлучиться, и протянул ключи.

Парень бросил взгляд на стенные часы, которые показывали без четверти двенадцать, и попросил его взять ключи с собой. Он, мол, скоро запрет дверь и ляжет спать, а ключ универсальный, подходит к входной двери.

Жгучий мороз набросился на него, едва он ступил за порог. Он наклонил голову и быстро, решительно зашагал прочь. Затея рискованная. Безусловно. Но иначе нельзя.

Ула Хенму, начальник отдела эксплуатации компании «Хафслунн энерги», сидел в операци-

онном зале на Монтебелло в Осло, думая о том, что неплохо бы покурить, и глядя на один из сорока мониторов, установленных в зале. Днем здесь работало двенадцать человек, сейчас, ночью, только трое. Обычно каждый сидел на своем месте, но сегодня вечером все, словно от холода, сгрудились у центрального пульта.

Гейр и Эббе, по обыкновению, спорили о лошадях и скачках. Так продолжалось уже восемь лет, и никому из них в голову не приходило, что можно делать ставки каждому за себя.

Самого Улу куда больше тревожила трансформаторная подстанция на Хиркевейен, между Уллеволсвейен и Согнсвейен.

— Тридцать шесть процентов перегрузки на Т-один. Двадцать девять — на остальных, от второго до четвертого, — сказал он.

— Господи, ну народ и топит, — сказал Гейр. — Боится закоченеть? Ночь ведь, под перины пора. Сладостная месть в кубе? У тебя что, легкий инсульт?

— Народ тепло убавлять не станет, — заметил Эббе. — В нашей стране денег у людей куры не клюют.

— Все это плохо кончится, — вздохнул Ула.

— Да брось ты. Подкачаем нефти — и поря-

док, — сказал Эббе.

— Я имею в виду Т-один. — Ула щелкнул по монитору. — Стрелка показывает шестьсот восемьдесят ампер. А емкость рассчитана на пять сотен номинальной нагрузки.

Эббе только успел сказать: «Расслабься!» — и тотчас завыла тревожная сирена.

— Черт! — воскликнул Ула. — Так и есть, полетел. Глянь по списку, вызывай дежурного монтера.

— Смотри, — сказал Гейр. — Т-два тоже накрылся. И Т-три на пределе.

— Бинго! — крикнул Эббе. — Спорим, что Т-четыре…

— Поздно, ему каюк, — сказал Гейр.

Ула взглянул на обзорную карту.

— Ладно, — вздохнул он. — Обесточены нижний Согн, Фагерборг и Бишлет.

— Спорим насчет того, что́ полетело? — сказал Эббе. — Тыщу ставлю, что кабельная муфта.

Гейр прищурил один глаз.

— Измерительный трансформатор. Хватит и пяти сотен.

— Кончай базар! — рявкнул Ула. — Эббе, звони пожарным, спорим, там горит!

— Согласен, — сказал Эббе. — На две сотни?

Когда в палате погас свет, стало так темно, что Юну показалось, будто он ослеп. Наверно, зрительный нерв повредился от удара, а последствия проявились только сейчас. Однако в коридоре сразу же послышались возгласы, в темноте проступили очертания окна, и он сообразил, что просто нет света.

Скрипнул стул, дверь открылась.

— Эй, ты здесь? — сказал кто-то.

— Да, — отозвался Юн неожиданно тонким голосом.

— Я пойду гляну, что стряслось. Не отлучайся, ладно?

— Ладно, только…

— Да?

— У них разве нет аварийного генератора?

— Думаю, есть. В операционных и в интенсивной терапии.

— Понятно…

Слушая удаляющиеся шаги полицейского, Юн смотрел на зеленый сигнал «Выход» над дверью. Это снова вернуло его мысли к Рагнхильд. Тогда все тоже началось в темноте. После ужина они вышли в ночной Фрогнер-парк, остановились на безлюдной площадке перед Монолитом и стали смотреть на восток, в сторону центра. И он

рассказал ей ходячую историю про то, как Густав Вигеланн, чудаковатый скульптор из Мандала, согласился украсить парк своими скульптурами при условии, что парк будет расширен и Монолит будет стоять симметрично окружающим церквам, а главные ворота будут смотреть прямо на Ураниенборгскую церковь. Когда же представитель муниципалитета заявил, что парк не передвинешь, Вигеланн потребовал передвинуть церкви.

Все это время она серьезно смотрела на него, а он думал, какая эта женщина сильная и умная, прямо страшно становится.

«Я замерзла», — сказала она, кутаясь в пальто.

«Может быть, вернем…» — начал он, но тут она положила ладонь ему на затылок и подняла к нему лицо. Никогда он не видел таких удивительных глаз, как у нее. Голубые, почти бирюзовые, с такими яркими, чистыми белками, что бледная кожа казалась смугловатой. И он поступил как всегда — ссутулил спину, нагнулся. И тотчас ее язык скользнул ему в рот, влажный, горячий, настойчивый, мистическая анаконда, извивающаяся вокруг его языка, ищущая нёбо. Он ощутил горячее прикосновение прямо сквозь толстую шерсть фретексовских брюк, когда ее

рука с поразительной точностью легла на определенное место.

«Ну же», — шепнула она ему в ухо, поставив ногу на ограду, он опустил глаза и, прежде чем высвободился, заметил проблеск белой кожи там, где кончался чулок.

«Не могу», — пролепетал он.

«Почему?» — простонала она.

«Я дал обет. Господу».

Она посмотрела на него, поначалу с недоумением. Потом глаза подернулись влагой, и она тихонько заплакала, уткнувшись головой ему в грудь и повторяя, что никогда не думала, что снова найдет его. Он не понял, о чем она, но погладил ее по волосам — вот так все и началось. Встречались они всегда у него на квартире, и всегда по ее инициативе. Первые разы она еще пыталась вынудить его нарушить обет целомудрия, правда не слишком настойчиво, однако затем и ей словно бы понравилось лежать рядом в постели и просто ласкать друг друга. Время от времени, по непонятным ему причинам, она вдруг приходила в отчаяние и твердила, что он должен бросить ее. Говорили они мало, но его не оставляло ощущение, что воздержание лишь крепче привязывает ее к нему. Их свидания резко прекратились, когда

он встретил Теа. Не столько потому, что он не хотел видеться с Рагнхильд, сколько потому, что Теа хотела, чтобы они обменялись запасными ключами от своих квартир. Это, мол, вопрос доверия, и он не нашелся что возразить.

Юн поворочался на больничной кровати, закрыл глаза. Лучше бы заснуть. Заснуть и забыть. Если получится. Он уже погружался в дремоту, когда словно бы почувствовал дуновение. Инстинктивно открыл глаза, повернулся. В тусклом зеленом свете значка «Выход» увидел, что дверь закрыта. Пристально вглядываясь в тени, затаил дыхание и прислушался.

Мартина стояла в темноте у окна своей квартиры на Соргенфригата, где тоже не было света. И все-таки она разглядела внизу машину. Похоже, Рикардова.

Рикард не пытался поцеловать ее, когда она вышла из автомобиля. Только смотрел собачьим взглядом и сказал, что станет новым главным управляющим. Все признаки налицо. Позитивные признаки. Выберут его. Во взгляде читалась странная твердость. А она тоже так думает?

Она сказала, что он наверняка будет хорошим главным управляющим, и взялась за ручку дверцы, ожидая прикосновения. Но ничего не

произошло. И через секунду она уже стояла на тротуаре.

Мартина вздохнула, достала мобильник, набрала номер, который он ей дал.

— Слушаю.

Голос Харри Холе звучал по телефону совсем иначе. А может, он просто был дома и говорил домашним голосом.

— Это Мартина.

— Привет.

Не поймешь, рад он или нет.

— Вы просили подумать, — сказала она. — Не спрашивал ли кто о графике дежурств. О дежурстве Юна.

— Да?

— Я подумала.

— И?

— Никто не спрашивал.

Долгая пауза.

— Вы позвонили, чтобы сообщить об этом? — Голос был теплый, хрипловатый. Словно со сна.

— Да. А что, не надо было?

— Надо. Конечно, надо. Спасибо за помощь.

— Не за что.

Она закрыла глаза, подождала и снова услышала его голос:

— Доехали… хорошо?

— Угу. Света нет.

— Здесь тоже. Скоро дадут, наверно.

— А вдруг нет?

— В смысле?

— Начнется неразбериха?

— Вам часто приходят такие мысли?

— Бывает. Мне кажется, инфраструктура цивилизации куда уязвимее, чем мы привыкли думать. А каково ваше мнение?

Он долго молчал, потом ответил:

— Ну, я думаю, все системы, на какие мы опираемся, в любую минуту может закоротить, и тогда нас вышвырнет во мрак, где нас не защитят ни законы, ни правила, где правят бал стужа и хищное зверье и каждый должен сам спасать свою шкуру.

— Н-да, — сказала она, — не очень-то подходящая фраза для девочек на сон грядущий. По-моему, вы, Харри, слишком мрачно смотрите на жизнь.

— Конечно. Я полицейский. Доброй ночи.

Он повесил трубку прежде, чем она успела ответить.

Харри съежился под одеялом, глядя в стену.

Температура в квартире резко упала.

Размышлял Харри о небе за окном. Об Ондалснесе. О дедушке. И о матери. О похоронах. И о вечерней молитве, которую она шептала мягкимпремягким голосом: «Господь — наша крепость». Но в мимолетное, невесомое мгновение на грани сна подумал о Мартине, о ее голосе, до сих пор звучащем в ушах.

Телевизор в гостиной со стоном пробудился, загудел. В коридоре зажглась лампочка, сквозь открытую дверь спальни свет упал Харри на лицо. Но он уже спал.

Через двадцать минут зазвонил телефон. Он открыл глаза и чертыхнулся. Дрожа от холода, побрел в прихожую, снял трубку:

— Говорите. Только тихо.

— Харри?

— А то кто же? Что там у тебя, Халворсен?

— Кое-что произошло.

— Кое-что или много чего?

— Много чего.

— Черт.

Глава 15
Ночь на пятницу, 18 декабря. Покушение

Сайл трясся от холода, стоя на дорожке, ведущей по берегу Акера. Черт бы побрал этого гада албанца! Невзирая на мороз, река была свободна ото льда, и черная вода делала мрак под чугунным мостом еще гуще. Двенадцатилетним мальчишкой — сейчас ему уже сравнялось шестнадцать — Сайл вместе с матерью приехал сюда из Сомали. В четырнадцать он начал торговать гашишем, а с прошлой весны — героином. Хукс опять его надул, и скорей всего он проторчит тут целую ночь, ничего не продав. Десять чеков. Будь ему восемнадцать, пошел бы на Плату и толкнул их там. Но на Плате дилерам-малолеткам не место, легавые мигом повяжут. Их территория здесь, у реки. В общем и целом именно мальчишки-сомалийцы продавали герыч клиентам, которые либо сами были малолетками, либо имели другие причины не соваться на Плату. Черт бы побрал Хукса, и ведь, как назло, деньги нужны позарез!

На дорожке появился прохожий. Не Хукс, тот

еще хромает, его здорово тогда отметелили за разбавленный амфетамин. Будто есть какой-то другой. Н-да, на легавого не похож. И на наркомана тоже, хоть и одет в такую же, как у них, синюю куртку. Сайл огляделся. Кроме их двоих, никого.

Когда человек приблизился, Сайл вышел из тени под мостом.

— Дозу?

Прохожий коротко улыбнулся, покачал головой, собираясь продолжить путь. Но Сайл заступил дорогу. Он был крупный для своих лет. Вдобавок с ножом. Точь-в-точь таким, как в кино «Рэмбо. Первая кровь», — с гнездом для компаса и рыбачьей лески. Без малого тысяча крон в армейском магазине, а он купил за три сотни, у кореша.

— Купишь или только заплатишь? — спросил Сайл.

Зазубренное лезвие поблескивало в тусклом свете уличного фонаря.

— Excuse me?

По-иностранному шпарит. Тут Сайл слабоват.

— Money. — Сайл услышал, как собственный голос срывается на крик. Когда грабил людей, он

всегда злился, сам не зная почему. — Now![33]

Иностранец кивнул, поднял левую руку — дескать, спокойно! — а правую сунул за пазуху. И мгновенно вытащил. Сайл не успел среагировать, только прошептал «черт!», сообразив, что на него направлен ствол пистолета. Ему хотелось убежать, но черное дуло словно оцепенило его.

— Я… — начал он.

— Run, — сказал иностранец. — Now![34]

И Сайл побежал. Холодный сырой воздух с реки обжигал легкие, огни гостиницы «Плаза» и банка «Постжиро» метались по сетчатке вверх-вниз. Он добежал до того места, где река впадала во фьорд, дальше бежать некуда, и крикнул ограде контейнерного склада, что в один прекрасный день всех убьет.

Через четверть часа после звонка Халворсена, который поднял Харри на ноги, у тротуара на Софиес-гате затормозила патрульная машина, Харри сел на заднее сиденье, рядом с коллегой, и буркнул «добрый вечер» полицейским впереди.

Шофер, рослый мужчина с бесстрастной физио-

---

[33] Примечания: 33
Деньги… Живо! *(англ.)*

[34] Примечания: 34
Беги… Живо! *(англ.)*

номией полицейского, спокойно тронул с места.

— Прибавь газу, — сказал ему бледный и прыщавый молодой напарник.

— Сколько нас? — Харри глянул на часы.

— Две машины плюс эта, — ответил Халворсен.

— Значит, шестеро плюс нас двое. Мигалок не включать, попробуем провернуть все тихо-спокойно. Захват произведем втроем — ты, я и один из вооруженных патрульных; пятеро остальных перекроют возможные пути бегства. Ты сам-то с оружием?

Халворсен хлопнул себя по нагрудному карману.

— Хорошо, потому что я не вооружен, — сказал Харри.

— Ты так и не получил разрешения?

Харри наклонился к переднему сиденью:

— Кто из вас хочет участвовать в аресте профессионального киллера?

— Я! — с жаром выкрикнул напарник шофера.

— Тогда с нами пойдешь ты, — сказал Харри шоферу.

Тот не спеша кивнул.

Шесть минут спустя они припарковались на Хеймдалсгата в Грёнланне, наблюдая за подъез-

дом, где Харри уже стоял сегодня вечером.

— Наш человек из «Теленор» совершенно уверен? — спросил Харри.

— Угу. Туркильсен говорит, что по одному из внутренних номеров Приюта звонили в загребскую гостиницу «Интернациональ» пятьдесят минут назад, — ответил Халворсен.

— Вряд ли случайно. — Харри открыл дверцу машины. — Тут территория Армии спасения. Я быстренько осмотрюсь, сейчас приду.

Когда Харри вернулся, шофер сидел с автоматом MP-5 на коленях, согласно новой инструкции патрульные экипажи держали его в багажнике под замком.

— А менее броского ничего нет? — спросил Харри.

Полицейский покачал головой. Харри повернулся к Халворсену:

— А у тебя что?

— Маленький, хорошенький «смит-вессон тридцать восемь».

— Возьми мой, — предложил молодой патрульный. — «Иерихон девятьсот сорок один». Крутая штука. Израильская полиция разносит из них черепушки арабским свиньям.

— «Иерихон»? — переспросил Харри. Халворсен

видел, что глаза у него сузились. — Я не собирался спрашивать, как ты добыл этот пистолет. Но думаю, с очень большой долей вероятности он контрабандный. Доставлен бывшим твоим коллегой Томом Волером.

Полицейский обернулся. Голубые глаза сверкнули, когда он яростно прошипел:

— Я помню Тома Волера. И знаешь что, инспектор? Большинство из нас считает его хорошим парнем.

Харри промолчал, посмотрел в окно.

— Большинство из вас заблуждается, — сказал Халворсен.

— Дай-ка мне рацию, — сказал Харри.

Быстро и четко он проинструктировал остальные экипажи. Указал, где кому стоять, не называя ни улиц, ни зданий, которые привычная радиоаудитория без труда опознает. Репортеры криминальной хроники, бандиты и просто любопытные прослушивали полицейские частоты и наверняка уже смекнули: что-то происходит.

— Всё, начинаем! — Харри повернулся к полицейскому на переднем сиденье: — Ты остаешься здесь, держишь связь с оперативным центром. В случае чего свяжись по рации с напарником. Ясно?

Парень пожал плечами.

Только когда Харри трижды позвонил у входа в Приют, послышалось шарканье шагов. Парнишка приоткрыл дверь, заспанными глазами посмотрел на них.

— Полиция! — Харри порылся в кармане. — Черт, я опять оставил удостоверение дома. Покажи свое, Халворсен.

— Вам же сюда нельзя, — сказал администратор. — Будто не знаете.

— Речь об убийстве, а не о наркотиках.

— Что?

Парень во все глаза смотрел Харри через плечо, на полицейского, который взял автомат на изготовку. Потом открыл дверь и посторонился, не глядя на удостоверение Халворсена.

— У тебя тут есть некий Христо Станкич? — спросил Харри.

Парень покачал головой.

— Иностранец в верблюжьем пальто? — уточнил Халворсен, меж тем как Харри прошел за стойку и открыл книгу записи постояльцев.

— Единственного здешнего иностранца привезли на «суповом» автобусе, — пролепетал администратор. — Но никакого верблюжьего пальто у него нет. Только пиджак. Рикард Ниль-

сен выдал ему со склада зимнюю куртку.

— Он звонил оттуда? — спросил Харри из-за стойки.

— Да. Телефон в конторе за вашей спиной.

— В какое время?

— Около половины двенадцатого.

— Совпадает со звонком в Загреб, — тихо сказал Халворсен.

— Он здесь? — спросил Харри.

— Не знаю. Он взял с собой ключи, я спал.

— Универсальный ключ есть?

Парень кивнул, отцепил один ключ от связки на поясе и положил Харри на ладонь.

— Комната?

— Двадцать шесть. Выше этажом. В конце коридора.

Харри уже шагал к лестнице. Полицейский в форме, с автоматом наперевес, последовал за ним.

— Сиди у себя в комнате, пока все не кончится, — сказал Халворсен, доставая свой револьвер, подмигнул и хлопнул парня по плечу.

Он отпер дверь и отметил, что за стеклянной перегородкой никого нет. Неудивительно. Как неудивительно и то, что дальше по улице припаркована патрульная машина с полицейским.

Ведь он только что убедился, что район криминальный.

Поднявшись по лестнице, он шагнул за угол и тут услышал характерный трескучий звук, знакомый по вуковарским бункерам, — рация.

Посмотрел в глубь коридора: у двери в его комнату стояли двое штатских и полицейский в форме, с автоматом. Одного из штатских, того, что держался за дверную ручку, он сразу узнал. Полицейский в форме поднес рацию к лицу и с кем-то тихо разговаривал.

Остальные двое повернулись к нему. Отступать поздно.

Он кивнул им, остановился возле комнаты 22, безнадежно покачал головой — дескать, нигде спасу нет от преступников — и сделал вид, будто ищет по карманам ключ. Краем глаза увидел, как полицейский из «Скандии» бесшумно распахнул дверь его комнаты и вошел, двое других последовали за ним.

Как только они скрылись из виду, он пошел обратно, перепрыгивая через две ступеньки. Когда вечером приехал сюда на белом автобусе, он машинально приметил все выходы и сейчас прикинул, не рвануть ли через сад. Но дверь слишком на виду. И можно поспорить, что они по-

ставили там полицейского. Все-таки наилучший вариант — главный вход. На улице он повернул налево. Прямо в сторону патрульной машины, но здесь хотя бы точно известно, что полицейский в машине всего один. Если проскользнуть мимо — считай, доберешься до реки и скроешься во мраке.

— Черт, черт! — крикнул Харри, когда выяснилось, что комната пуста.

— Небось шагает себе по улице, — вздохнул Халворсен.

Оба обернулись к шоферу. Он молчал, но рация на груди тотчас заговорила:

— Тот парень, который входил в дом, снова вышел. Идет в мою сторону.

Харри втянул носом воздух. Специфический парфюмерный запах, чем-то уже знакомый.

— Это он. Обвел нас вокруг пальца, — сказал он.

— Это он, — бросил шофер в микрофон, выбегая в коридор следом за остальными.

— Отлично, он мой! — проскрипела рация. — Конец связи.

— Нет! — на бегу крикнул Харри. — Не пытайся его останавливать, жди нас!

Шофер повторил приказ в микрофон, но в ответ

рация только шипела.

В свете уличного фонаря он увидел, как дверца патрульной машины открылась и на тротуар выскочил молодой полицейский с пистолетом в руке.

— Стой! — крикнул полицейский и, расставив ноги, направил на него пистолет.

Неопытный, подумал он. Их разделяло метров пятьдесят темной улицы, и, не в пример юному грабителю под мостом, этому полицейскому не хватило хладнокровия подождать, когда жертва лишится возможности отступления. Второй раз за вечер он достал свой «льяма минимакс». И вместо того чтобы бежать прочь, помчался прямо к патрульной машине.

— Стой! — снова крикнул полицейский.

Расстояние сократилось метров до тридцати. До двадцати.

Он выстрелил.

Большей частью люди переоценивают возможность подстрелить другого человека из пистолета с дистанции более десяти метров. Но, как правило, недооценивают психологический эффект звука, порохового взрыва в сочетании со свистом и ударом свинцовой пули, когда она вонзается во что-нибудь совсем рядом. И когда пуля проби-

ла ветровое стекло, которое сначала побелело, а затем рассыпалось, с полицейским именно так и случилось. Он побелел и упал на колени, стараясь не выпустить из рук тяжеловатый «Иерихон-941».

Харри с Халворсеном одновременно выбежали на Хеймдалсгата.

— Туда! — сказал Халворсен.

Молодой полицейский по-прежнему стоял на коленях возле машины, с пистолетом, направленным в небо. А дальше по улице маячила спина в синей куртке, которую они видели в коридоре.

— К «Эйке» направляется, — сказал Халворсен.

Харри повернулся к подошедшему шоферу.

— Дай-ка мне автомат.

Полицейский протянул ему оружие.

— Только ведь он не…

Но Харри уже бежал прочь. Слышал за спиной Халворсена, но резиновые подошвы его собственных сапог «Док Мартенс» куда меньше скользили на льду. Парень здорово их опередил, уже обогнул угол Валс-гате, которая шла к парку. Держа в одной руке автомат, Харри сосредоточился на дыхании, старался бежать легко, ровно. Сбавил скорость и, добежав до угла, взял автомат на изготовку. Постарался избавиться от лишних мыслей,

высунул голову, глянул направо.

Никто его не подкарауливал.

Улица вообще безлюдна.

Но такой человек, как Станкич, вряд ли настолько глуп, чтобы забежать в один из домов, это же сущие ловушки с закрытыми дверьми. Харри устремил взгляд в парк, где большие белые пространства отражали огни окружающих построек. Там вроде какое-то движение? Метрах в шестидесяти — семидесяти кто-то осторожно продвигается по снегу. Синяя куртка. Харри рванул через дорогу, прыгнул, перемахнул через сугроб и упал ничком, до пояса утонув в рыхлом свежем снегу.

— Черт!

Он выронил автомат. Фигура впереди оглянулась, потом двинулась дальше. Харри шарил в снегу, искал автомат, глядя, как Станкич судорожно борется с сыпучим снегом, который не дает опоры, сводит на нет все попытки продвинуться вперед. Наконец пальцы нащупали что-то твердое. Харри вытащил из снега оружие, встал на ноги и пошел вперед. Он высоко поднимал одну ногу, выбрасывал ее как можно дальше перед собой, переносил на нее тяжесть тела, подтягивал другую ногу, выбрасывал ее вперед. Через два

десятка метров ляжки горели огнем от молочной кислоты, однако разрыв сокращался. Парень аккурат вот-вот доберется до пешеходной дорожки и вылезет из снежной топи. Харри стиснул зубы и сумел прибавить скорости. Сейчас между ними метров пятнадцать. Достаточно близко. Харри упал на живот в снег, взял автомат на изготовку. Сдул снег с прицела, снял оружие с предохранителя, перевел в режим стрельбы одиночными и стал ждать, когда противник окажется на свету уличного фонаря возле дорожки.

— Police! — Харри не успел подумать, как забавно звучит по-английски команда «стой!», а сам уже крикнул: — Freeze!

Парень продолжал продираться по снегу. Харри прижал пальцем спуск.

— Стой! Стрелять буду!

Еще пять метров — и парень выйдет на дорожку.

— Целюсь в голову! — крикнул Харри. — И не промахнусь!

Станкич ринулся вперед, ухватился обеими руками за фонарный столб и вылез из снега. Харри увидел в перекрестье визира синюю куртку. Глубоко вздохнул и, чтобы пресечь импульс в межуточном мозге, который согласно эволюци-

онной логике запрещает убивать себе подобных, сосредоточился на технике, на мягком нажиме, а не на рывке спуска. Ощутил, как уступает пружина, услышал металлический щелчок, но отдачи в плечо не последовало. Осечка? Он снова нажал на спуск. Опять щелчок.

Парень окончательно выбрался на дорожку, рассыпая вокруг себя снег, и зашагал прочь тяжелой, медленной походкой. Оглянулся, посмотрел на Харри. Тот не пошевелился. На ходу парень мерно размахивал руками. Как лунатик, подумал Харри. Станкич поднял руку. Харри увидел пистолет, понимая, что совершенно беспомощен здесь, в снегу. А Станкич поднес руку к виску, словно бы иронически козырнул. Отвернулся и быстро пошел по дорожке.

Харри закрыл глаза, сердце молотом стучало в груди.

Когда он выбрался на дорожку, парень скрылся давным-давно во мраке. Харри проверил магазин автомата. Так и есть. Во внезапном порыве ярости он отшвырнул оружие — уродливой птицей автомат нарисовался на фоне стены гостиницы «Плаза» и с негромким плеском упал в воду.

Когда подошел Халворсен, Харри стоял в сугробе с сигаретой во рту.

Халворсен наклонился, уперев ладони в ляжки, грудь ходила вверх-вниз.

— Ну ты и мчался! — прохрипел он. — Исчез?

— Утонул, — ответил Харри. — Пошли обратно.

— А где автомат?

— Ты разве не про него спрашивал?

Халворсен взглянул на Харри и решил не уточнять.

Возле Приюта стояли две патрульные машины с синими маячками. Кучка дрожащих людей с длинными объективами на груди толпилась у дверей, судя по всему запертых. Харри с Халворсеном шли вниз по Хеймдалсгата. Халворсен заканчивал разговор по мобильнику.

— Почему я всегда думаю об очереди на порнофильм, когда вижу такое? — сказал Харри.

— Репортеры, — отозвался Халворсен. — Как они пронюхали, что здесь что-то происходит?

— Спроси у молокососа, который сидел на радиосвязи, — сказал Харри. — Спорим, он проболтался. Что говорит оперативный центр?

— Они сразу выслали все доступные патрульные экипажи к реке. Оперчасть высылает десяток пеших сотрудников. Что скажешь?

— Он не дурак. Не найдут они его. Позвони Беате, пусть приедет.

Один из репортеров, заметив их, поспешил навстречу.

— Ну как, Харри?

— Опоздал, Йендем?

— Что происходит?

— Да ничего особенного.

— Неужели? Кто-то прострелил лобовое стекло полицейской машины.

— Кто это сказал? По-моему, его просто выбили, — на ходу бросил Харри, но репортер не отставал.

— Полицейский, который сидел в машине. Он говорит, стекло раздолбали выстрелом.

— Ну-ну, надо с ним потолковать. Извините, господа! — сказал Харри.

Репортеры нехотя расступились, Харри постучал в дверь подъезда. Жужжание камер, блеск фотовспышек.

— Это связано с убийством на Эгерторг? — крикнул один из репортеров. — Здесь замешаны люди из Армии спасения?

Дверь приоткрылась, полицейский шофер выглянул наружу. Чуть посторонился, Харри с Халворсеном протиснулись в дом. Прошли мимо стойки администратора, где, устремив пустой взгляд в пространство, поник на стуле молодой

полицейский, а перед ним на корточках сидел коллега и что-то тихонько говорил.

Дверь номера 26 на втором этаже так и стояла настежь.

— Старайтесь ничего не трогать, — сказал Харри шоферу. — Госпожа Лённ зафиксирует отпечатки пальцев и следы ДНК.

Они осмотрелись, открыли шкафы, заглянули под кровати.

— Господи, — сказал Халворсен, — ничего. Вещей у парня только то, что на нем.

— Чтобы провезти в страну оружие, он наверняка имел чемодан или что-нибудь в этом роде, — заметил Харри. — Стало быть, он где-то его бросил. Или положил в камеру хранения.

— Камер хранения в Осло теперь не больно-то много.

— Думай.

— Н-да. Камера хранения в одной из гостиниц, где он жил? Или автоматическая, на Центральном вокзале.

— Продолжи мысль.

— Какую?

— Что он сейчас, ночью, в городе и где-то у него чемодан.

— Возможно, сейчас он ему понадобится. Я

позвоню в оперативный центр, скажу, чтобы послали людей в «Скандию» и на Центральный вокзал… в каких еще гостиницах Станкич числился в списке постояльцев?

— В «Рэдиссон-САС» на Хольбергс-плас.

— Спасибо.

Харри обернулся к шоферу, спросил, не хочет ли тот покурить. Они спустились вниз, вышли через дверь черного хода. В заснеженном садике на заднем дворе курил какой-то старикан, смотрел в небо, не обращая на них внимания.

— Как там с вашим коллегой? — спросил Харри, поднося зажигалку к сигарете шофера и к своей.

— Ничего, оклемался почти. Репортеров нелегкая принесла.

— Вы не виноваты.

— Виноват. Когда он связался со мной по рации, чтобы сообщить, что какой-то человек вошел в дом, он сказал: «Приют». Мне нужно было получше натренировать его насчет таких вещей.

— Кое в чем другом тоже не помешает.

Шофер быстро посмотрел на Харри. Дважды моргнул.

— Мне жаль. Я пытался предупредить, но вы сразу припустили бегом.

— Ладно. Но почему?

Кончик сигареты ярко вспыхнул, когда шофер глубоко затянулся.

— Большинство сразу сдаются, как только видят дуло автомата, — сказал он.

— Я спросил не об этом.

Мышцы на скулах напряглись и тотчас расслабились.

— Это давняя история.

Харри хмыкнул, посмотрел на полицейского:

— У всех есть давние истории. Но это не означает, что мы подвергаем опасности жизнь коллег и держим оружие с пустым магазином.

— Ваша правда. — Полицейский бросил недокуренную сигарету, которая с шипением исчезла в свежем снегу. Вздохнул поглубже. — Неприятностей у вас не будет, Холе. Я подтвержу ваш отчет.

Харри переступил с ноги на ногу, пристально глядя на свою сигарету. Этому полицейскому лет пятьдесят. Мало кто из таких еще ездит в патруле.

— Давняя история… я ее услышу?

— Да вы уже слышали.

— Хм. Молодой парень?

— Двадцать два года, ранее не судим.

— Смертельный исход?

— Парализован от груди и ниже. Я попал ему в

живот, но пуля прошла навылет.

Старикан закашлялся. Харри взглянул на него. Он держал сигарету, зажав ее двумя спичками.

Молодой полицейский по-прежнему сидел на стуле, коллега утешал его. Харри кивком попросил заботливого утешителя удалиться и сам присел на корточки.

— Кризисная психиатрия не помогает, — сказал Харри бледному парню. — Сам справляйся.

— А?

— Ты сейчас напуган, потому что думаешь, что был на волосок от смерти. Так вот, ничего подобного. Он целился не в тебя, он стрелял по машине.

— А? — повторил юнец, без всякого выражения.

— Этот малый — профи. Знает, что, застрелив полицейского, останется без единого шанса на спасение. Он стрелял, чтобы напугать тебя.

— Откуда вы знаете…

— Он и в меня не стрелял. Скажи себе об этом, и сможешь уснуть. А психолог тебе ни к чему, в нем нуждаются другие. — Коленные суставы противно хрустнули, когда Харри выпрямился. — И помни: люди, которые рангом старше тебя, по определению умнее. Так что в другой раз подчи-

няйся приказу. О’кей?

Сердце у него стучало как у загнанного зверя. Фонари над дорогой, подвешенные на тонких стальных тросах, раскачивались на ветру, и его тень плясала по тротуару. Ему бы хотелось идти широким шагом, но ледяная корка вынуждала чуть ли не семенить.

Должно быть, его звонок в Загреб вывел полицейских на Приют. Да как быстро! Значит, звонить ей больше нельзя. За спиной приближался автомобиль, и он заставил себя не оборачиваться. Только прислушался: машина пока не тормозит. Она проехала мимо, обдав его ветром и снежной пылью, которая осела на той узкой полоске шеи, какую не укрывала синяя куртка. Полицейский видел его в этой куртке, а значит, он уже не незрим. Скинуть ее, что ли? Нет, человек в одной рубашке не только вызовет подозрения, но и закоченеет. Он посмотрел на часы. Город проснется лишь через несколько часов, откроет кафе и магазины, куда можно зайти. Надо где-нибудь отсидеться. Найти укрытие, не замерзнуть и передохнуть, пока не рассветет.

Он шел мимо грязно-желтого фасада, изрисованного граффити. «Западный рубеж». Чуть дальше у подъезда съежившись стоял человек.

Издали казалось, будто он прислонился к двери. Подойдя ближе, он увидел, что человек жмет на кнопку домофона.

Он остановился, подождал. Возможно, это спасение.

Из динамика над домофоном послышался скрипучий голос, мужчина выпрямился, пошатнулся, злобно буркнул что-то в ответ. Физиономия пьяницы, красная, отечная, кожа обвисла, болтается из стороны в сторону, как у китайского шарпея. Потом алкаш вдруг замер, эхо затихло среди безмолвных фасадов ночного города. Электронный замок негромко зажужжал, алкаш, с трудом сохраняя равновесие, толкнул дверь и вошел в подъезд.

Дверь медленно закрывалась, и он стремительно бросился к подъезду. Чересчур стремительно. Подметки поехали по льду, падая, он успел упереться ладонями в обжигающе холодную поверхность тротуара. Неловко поднялся, увидел, что дверь сию минуту захлопнется, ринулся вперед, сунул ногу в щель, почувствовал тяжесть двери на щиколотке, ужом протиснулся внутрь и замер, обратившись в слух. Медленные, шаркающие шаги. Временами почти замирающие и с усилием возобновляющиеся. Стук. Где-то навер-

ху открылась дверь, женский голос выкрикнул что-то на этом странном певучем языке. И тотчас осекся, точно ей перерезали горло. Несколько секунд спустя он услыхал тихий скулящий звук, будто ребенок плачет после драки. Дверь захлопнулась, наверху воцарилась тишина.

Он позволил входной двери закрыться. Под лестницей среди мусора валялись газеты. В Вуковаре они клали газеты в ботинки — и тепло, и влагу впитывает. Дыхание по-прежнему вырывалось изо рта морозными клубами, но пока что он спасен, под крышей.

Харри сидел в конторе Приюта позади стойки администратора и, прижимая к уху телефонную трубку, пытался представить себе квартиру, куда звонил. Видел фото друзей, приклеенные к зеркалу над телефоном. Улыбающиеся, праздничные лица, вероятно снимки из зарубежной поездки. В большинстве подруги. Обстановка простая, но уютная. На дверце холодильника — библейские изречения. В туалете — постер с изображением Че Гевары. Хотя вряд ли.

— Алло? — Сонный мягкий голос.

— Это опять я.

— Папа?

Папа? Харри вздохнул, чувствуя, что покрас-

нел.

— Полицейский.

— А-а. — Тихий смех. Звонкий и одновременно низкий.

— Простите, что разбудил, но мы…

— Ничего страшного.

Повисла пауза, одна из тех, каких Харри хотелось избежать.

— Я в Приюте, — сказал он. — Мы пытались задержать подозреваемого. Администратор говорит, что именно вы с Рикардом Нильсеном привезли его вечером на автобусе.

— Бедолага без пальто?

— Он самый.

— Что он сделал?

— Мы подозреваем его в убийстве Роберта Карлсена.

— Боже милостивый!

Харри отметил, что она произнесла эти слова не скороговоркой, а четко, раздельно.

— Если не возражаете, я пришлю сотрудника, который потолкует с вами. Вспомните пока, что́ тот парень говорил.

— Ладно. Но нельзя ли…

Пауза.

— Алло? — окликнул Харри.

— Он ничего не говорил. Как все военные беженцы. Их сразу узнаёшь по манере двигаться. Вроде лунатиков. Ходят на автопилоте. Словно покойники.

— Хм. А Рикард с ним не говорил?

— Может, и говорил. Дать вам его телефон?

— Да, спасибо.

— Минутку.

Она отошла. А ведь верно подметила, подумал Харри. Как этот парень выбрался из сугробов. Как снег сыпался с него, руки висят, лицо без всякого выражения — точь-в-точь зомби, вылезающий из могилы в «Ночи живых мертвецов».

Услышав покашливание, Харри обернулся. На пороге конторы стояли Гуннар Хаген и Давид Экхофф.

— Не помешаем?

— Заходите.

Они вошли, сели по другую сторону письменного стола.

— Нам хотелось бы услышать рапорт, — сказал Хаген.

Харри не успел спросить, кому это «нам», в трубке снова раздался голос Мартины. Она назвала номер, Харри записал.

— Спасибо. Доброй ночи.

— Я тут подумала…

— Простите, спешу, — сказал Харри.

— А-а, доброй ночи.

Он положил трубку.

— Мы спешили как могли, — сказал отец Мартины. — Ужасно. Что случилось?

Харри взглянул на Хагена.

— Рассказывайте, — кивнул тот.

В кратких словах Харри описал неудавшийся захват, выстрел по автомашине, погоню в парке.

— Но раз вы были так близко, да еще и с автоматом, почему не стреляли? — спросил Хаген.

Харри кашлянул, но молчал, глядя на Экхоффа.

— Ну? — раздраженно бросил Хаген.

— Слишком темно было, — ответил Харри.

Хаген долго смотрел на своего инспектора, потом проговорил:

— Значит, он ушел, пока вы открывали его комнату. Какие соображения насчет того, почему киллер находится на улице Осло, ночью, при минус двадцати? — Комиссар понизил голос: — Я полагаю, Юн Карлсен у вас полностью под контролем?

— Юн? — переспросил Давид Экхофф. — Так ведь он в Уллевольской больнице.

— Я выставил у его палаты полицейского. —

Харри надеялся, что в голосе звучит уверенность, которой на самом деле не было. — Как раз собирался позвонить и проверить, как он там.

Первые четыре ноты «London Calling» группы «Clash» прокатились среди голых стен коридора в нейрохирургическом отделении Уллеволской больницы. Человек в халате, с прилизанными волосами вез куда-то стойку с капельницей и мимоходом укоризненно посмотрел на полицейского, который вопреки строгому запрету разговаривал по мобильнику:

— Странден.

— Холе. Как там у вас?

— В общем, тихо. Какой-то бессонный тип шастает по коридору. Мрачный с виду, но вроде безобидный.

Человек с капельницей, сопя, потащился дальше.

— А раньше как?

— Ну, «Тотнем» получил втык от «Арсенала» на стадионе «Уайт-Харт». А еще света не было.

— А пациент?

— Ни звука.

— Ты проверял? С ним все в порядке?

— Не считая геморроя, все вроде тип-топ.

Странден прислушался к зловещей тишине.

— Шутка. Сейчас зайду и проверю. Погоди.

В палате пахло чем-то сладким. Конфеты, должно быть, подумал он. Свет из коридора осветил помещение, но едва дверь закрылась, стало темно, хотя он успел увидеть лицо на белой подушке. Подошел ближе. Тихо кругом. Слишком тихо. Недостает какого-то звука. Самого обычного.

— Карлсен?

Ответа нет.

Странден кашлянул и повторил погромче:

— Карлсен!

В палате царила такая тишина, что голос Харри в трубке прозвучал громко и отчетливо:

— Что происходит?

Странден поднес телефон к уху:

— Спит как ребенок.

— Точно?

Странден всмотрелся в лицо на подушке. И сообразил, что его мучило. Что Карлсен спал как ребенок. Взрослые мужчины обычно создают больше шума. Он наклонился послушать дыхание.

— Алло! — донесся из телефона голос Харри Холе. — Алло!

Глава 16
Пятница, 18 декабря. Беженец

Солнце согрело его, легкий ветерок зашевелил длинные травинки на песчаных дюнах, они закивали, закачались. Должно быть, он только что искупался, поскольку полотенце под ним отсырело. «Смотри», — сказала мама, показывая на воду. Он козырьком приставил руку к глазам, посмотрел на сверкающую, невероятно синюю Адриатику. И увидел мужчину, выходящего из воды с широкой улыбкой на лице. Отец. За ним следом шел Бобо. И Джорджи. Рядом плыла собачонка, хвост торчком, словно руль. Пока он смотрел на них, из моря выходили другие. Иных он знал хорошо. Как отца Джорджи. Других мельком. Как того человека за дверью в Париже. Черты лица вытянуты до неузнаваемости, гротескные маски, словно ветви, протянутые к нему. Солнце скрылось за тучкой, температура резко упала. Маски принялись кричать.

Проснулся он от резкой боли в боку, открыл глаза. Он в Осло. На полу под лестницей в каком-то подъезде. Над ним кто-то склонялся, кричал

разинутым ртом. Он разобрал одно слово, такое же, как на его родном языке. Наркоман.

Незнакомец — мужик в короткой кожаной куртке — отступил назад, поднял ногу. Пинок пришелся по больному месту в боку, и он со стоном повернулся. За спиной мужика в куртке стоял еще один тип, смеялся, зажимая нос. Тот, что в куртке, указывал на дверь.

Он посмотрел на обоих. Тронул рукой карман — мокрый. Но пистолет на месте. В обойме еще две пули. Только ведь, если пригрозить пистолетом, они немедля вызовут полицию.

Мужик в куртке рявкнул что-то, занес кулак.

Он прикрыл локтем голову, встал на ноги. Тот, что зажимал себе нос, фыркнул, открыл дверь и пинком вышвырнул его на улицу.

Дверь с грохотом захлопнулась, он услышал, как оба затопали вверх по лестнице. Посмотрел на часы. Четыре часа ночи. Все еще кромешная тьма, и он жутко замерз. И промок. Пощупал рукой — куртка на спине отсырела, штанины мокрые. Пахнет мочой. Неужто обмочился? Да нет, просто лежал в луже. В замерзшей моче, которая оттаяла от его тепла.

Сунув руки в карманы, он быстро зашагал по улице. Не обращая внимания на изредка проез-

жающие машины.

Пациент пробормотал «спасибо», Матиас Лунн-Хельгесен закрыл за ним дверь кабинета и рухнул в кресло. Зевнул, глянул на часы. Шесть. До утренней смены еще час. Тогда он пойдет домой. Поспит несколько часов и поедет к Ракели. Она сейчас лежит себе под одеялом в большом бревенчатом доме в Хольменколлене. Он еще не вполне нашел общий язык с мальчиком, но со временем все наладится. У Матиаса Лунн-Хельгесена всегда так бывало. Олег не то чтобы относился к нему с неприязнью, просто слишком привязался к его предшественнику. К полицейскому. Странно вообще-то, как ребенок может без возражений возвысить пьющего и явно ненормального человека до отца и примера.

Ему давно хотелось поговорить с Ракелью об Олеге, но он так и не решился. Ведь только выставишь себя беспомощным дураком. Глядишь, она еще и усомнится, нужен ли он им. А он хочет быть нужным. Хочет быть таким, кто сможет ее удержать. Но чтобы узнать это, нужно спросить. И он спросил. Что было с тем полицейским. Она ответила, что ничего особенного. Просто она любила его. Не сформулируй она это именно так, он, вероятно, вовсе не подумал бы о том, что она

никогда не употребляла это слово по отношению к нему.

Матиас Лунн-Хельгесен отбросил бесполезные мысли, проверил по компьютеру фамилии следующих пациентов и вышел в «предбанник», где их сначала встречали медсестры. Однако сейчас, среди ночи, там было пусто, и он вышел в коридор.

Пять человек с надеждой воззрились на него: мол, вызови меня. Кроме мужчины в углу, который спал, прислонясь головой к стене и открыв рот. Видимо, наркоман, вонь застарелой мочи и синяя куртка однозначно говорили об этом. Наверняка будет жаловаться на боли и клянчить таблетки.

Матиас подошел к нему, сморщил нос. Тряхнул за плечо и быстро отступил. Некоторые наркоманы за долгие годы привыкли, что под кайфом у них норовят украсть наркоту и деньги, и реагируют автоматически — бьют наотмашь или удирают, когда их будят.

Человек открыл глаза и неожиданно ясным взглядом посмотрел на Матиаса.

— Что с вами? — спросил Матиас.

Конечно, по традиции такой вопрос пациенту задавали только наедине, но Матиас чертовски

устал, и ему надоели наркоманы и алкаши, отнимавшие время у других пациентов.

Парень плотнее запахнул куртку и не сказал ни слова.

— Алло! Не мешало бы сказать мне, почему вы здесь.

Тот покачал головой, показал на одного из других, как бы говоря, что на очереди тот.

— Тут не комната отдыха, — сказал Матиас. — Спать тут нельзя. Уходите. Сейчас же.

— I don't understand[35], — сказал парень.

— Leave. Or I'll call the police[36].

К собственному изумлению, Матиас едва сдержался, так ему хотелось сдернуть вонючего наркомана со стула. Остальные ожидающие смотрели на них.

Парень кивнул и медленно встал. Матиас провожал его взглядом, пока стеклянная дверь не закрылась.

— Хорошо, что вы вышвыриваете эту публику, — сказал кто-то за спиной.

Матиас рассеянно кивнул. Наверно, он недостаточно часто говорил, что любит ее. Наверно,

---

[35] Примечания: 35
Не понимаю *(англ.)*.

[36] Примечания: 36
Уходите. Или я вызову полицию *(англ.)*.

все дело в этом.

Половина восьмого, и по-прежнему темно — за окнами неврологического отделения и палаты № 19, где полицейский Странден смотрел на пустую, уже застланную кровать Юна Карлсена. Скоро сюда поместят другого пациента. Странно думать об этом. Но сейчас он найдет кровать себе и ляжет. Надолго. Странден зевнул, проверил, не оставил ли чего на тумбочке, взял со стула газету и повернулся к двери.

На пороге стоял человек. Инспектор. Холе.

— Где он?

— Забрали его, — ответил Странден. — Четверть часа назад. Увезли.

— Да? Кто распорядился?

— Главврач. Незачем ему тут лежать.

— Я имел в виду, кто его увез. И куда.

— Новый начальник убойного звонил.

— Хаген? Лично?

— Ага. Они отвезли Юна Карлсена на квартиру его брата.

Холе медленно покачал головой. И ушел.

Небо на востоке светлело, когда Харри топал вверх по лестнице красного кирпичного дома на Гёрбиц-гате, ухабистой асфальтированной улоч-

ке между Хиркегата и Фагерборггата. Поднялся на второй этаж, как ему сказали по домофону. На голубой пластиковой табличке, прикрепленной к приоткрытой двери, белое тиснение: «Роберт Карлсен».

Харри вошел, огляделся. Маленькая однокомнатная квартира, где царил жуткий тарарам, подтверждавший впечатление, которое оставляла Робертова контора. Конечно, не исключено, что беспорядка тут добавили Ли и Ли, когда искали письма и другие бумаги, какие могли бы помочь следствию. Одна стена украшена цветной литографией Иисуса, и Харри вдруг подумал, что, если заменить терновый венец беретом, получится вылитый Че Гевара.

— Значит, это Гуннар Хаген велел отвезти вас сюда? — спросил Харри, глядя в спину человека, сидевшего за секретером у окна.

— Да. — Юн Карлсен обернулся к нему. — Поскольку киллер знает адрес моей квартиры, он сказал, что здесь будет безопаснее.

Харри хмыкнул.

— Спали хорошо?

— Не особенно. — Юн Карлсен смущенно улыбнулся. — Лежал, прислушиваясь к звукам, которых не было. А когда наконец уснул, при-

шел Странден, ну, охранник, и до смерти меня напугал.

Харри снял со стула стопку комиксов, сел.

— Я понимаю, Юн, вам страшно. Вы не прикинули, кто все-таки может желать вашей смерти?

Юн вздохнул:

— Последние сутки я думал о другом. Но ответ тот же: я правда понятия не имею.

— Вы бывали в Загребе? — спросил Харри. — В Хорватии?

Юн покачал головой:

— За пределами Норвегии я бывал только в Швеции и Дании. И то мальчишкой.

— А знакомые хорваты у вас есть?

— Беженцы, которых мы опекаем, и всё.

— Хм… Полицейские ничего не говорили о том, почему привезли вас именно сюда?

Юн пожал плечами:

— Я сказал, что у меня есть ключ от этой квартиры. Она стоит пустая, ну и…

Харри провел рукой по лицу.

— Здесь был компьютер. — Юн показал на секретер.

— Мы его забрали. — Харри встал.

— Уже уходите?

— Надо успеть на бергенский рейс.

— А-а, — протянул Юн, устремив в пространство пустой взгляд.

Харри захотелось положить руку на узкое плечо долговязого, неуклюжего парня.

Электричка на аэродром опаздывала. Третий раз кряду. «По причине задержек» — коротко и невразумительно объявлял громкоговоритель. Эйстейн Эйкеланн, таксист, единственный приятель Харри с детских лет, говорил, что на поездах установлены простейшие электродвигатели, с ними даже ребенок справится, а если технические штабы САС и Норвежских железных дорог на один день поменяются местами, поезда будут ходить точно по расписанию, а самолеты нет. Харри предпочитал, чтобы все оставалось как есть.

Он позвонил Гуннару Хагену по прямому телефону, когда электричка вышла из туннеля возле Лиллестрёма.

— Это Холе.

— Слышу.

— Я распорядился, чтобы Юна Карлсена взяли под круглосуточную охрану. И не говорил, чтобы его увозили из больницы.

— Насчет последнего решает больница, — ответил Хаген. — А первое — моя прерогатива.

Харри насчитал три дома в белом пространстве

за окном, потом сказал:

— Вы сами назначили меня руководить следствием, Хаген.

— Да, но не забывайте о нашем бюджете на сверхурочные. Он давным-давно перерасходован, и вам бы следовало это знать.

— Парень до смерти напуган. А вы помещаете его в квартиру предыдущей жертвы, его родного брата. Чтоб сэкономить сотню-другую на гостинице.

Динамик объявил следующую остановку.

— Лиллестрём? — удивился Хаген. — Вы в поезде, едете в аэропорт?

Харри мысленно выругал себя.

— Срочный визит в Берген.

— Именно сейчас?

Харри сглотнул.

— После обеда вернусь.

— Вы что, с ума сошли? Это дело в центре внимания. Пресса…

— Мы въезжаем в туннель, — быстро сказал Харри и отключил телефон.

Рагнхильд Гильструп медленно проснулась. В комнате царила темнота. Она поняла, что уже утро, но не могла взять в толк, что это за звук. Будто тикают большие механические часы. Хотя

в спальне никаких часов нет. Она повернулась в постели и испуганно вздрогнула. В полумраке проступила обнаженная фигура — стояла у изножия кровати и смотрела на нее.

— Доброе утро, радость моя, — сказал он.

— Мадс! Ты меня напугал!

— Да?

Видимо, он только что принял душ. Дверь ванной за его спиной была открыта, и вода тяжелыми каплями падала с него на паркет — словно часы тикали.

— Давно тут стоишь? — спросила она, кутаясь в одеяло.

— А что?

Она пожала плечами, но удивилась. Тон у него какой-то странный. Бодрый, чуть ли не поддразнивающий. И усмешка. Обычно он не такой. Рагнхильд потянулась, зевнула. Наигранно, она и сама заметила.

— Ты вчера когда вернулся? — спросила она. — Я не слышала, спала.

— Да, ты спала сном праведника. — Опять эта усмешка.

Она пристально посмотрела на мужа. Он вправду изменился за последние месяцы. Всегда был стройный, однако сейчас выглядел еще более

тренированным, атлетическим. И осанка другая, он как бы распрямился. Конечно, порой она думала, уж не завел ли он любовницу. Хотя это не слишком ее тревожило. Так ей казалось, раньше.

— Где ты был?

— Ужинал с Яном Петтером Сиссенером.

— С биржевым маклером?

— Да. Он считает, перспективы на рынке хорошие. В том числе для недвижимости.

— Разве не моя работа — вести с ним переговоры?

— Я просто хочу быть мало-мальски в курсе.

— А я разве не держу тебя в курсе, дорогой?

Мадс посмотрел на нее. Долго смотрел ей в глаза, пока она не почувствовала то, чего в разговорах с Мадсом никогда не случалось: кровь бросилась в лицо.

— Я уверен, ты информируешь меня о том, что мне нужно знать, радость моя. — Он отвернулся, ушел в ванную, и она услышала, как он открыл кран.

— Я тут посмотрела кой-какие интересные проекты с недвижимостью! — крикнула она, просто чтобы не молчать, нарушить тишину, повисшую после его слов.

— Я тоже, — откликнулся Мадс. — Вчера сходил

посмотреть дом на Гётеборггата. Принадлежащий Армии спасения, ну, ты знаешь.

Она оцепенела. Там квартира Юна.

— Хороший домишко. Правда, одна дверь опечатана полицией. Мне сказали, там была перестрелка. Ты слыхала что-нибудь подобное?

— Нет! — крикнула она. — А зачем полиция опечатывает?

— Так надо, чтоб никто не совался в квартиру, пока они не перевернут там все вверх дном, разыскивая отпечатки пальцев и следы ДНК, и не сделают выводы о том, кто это был. А значит, Армия спасения согласится сбавить цену, раз там случилась стрельба, как по-твоему?

— Они вообще не хотят продавать, я же говорила.

— Не *хотели*, дорогая.

Неожиданно ее поразила одна мысль.

— Зачем полиции обыскивать квартиру? Стреляли-то из коридора, верно?

Она услышала, как Мадс выключил воду, и подняла взгляд. Он стоял на пороге и улыбался сквозь белую пену для бритья, с лезвием в руке. А потом обольется дорогим лосьоном, который она терпеть не могла.

— Ты о чем? — сказал он. — Я про коридор

словом не обмолвился. И почему ты вдруг побледнела, радость моя?

День припозднился, и над Софиенберг-парком еще лежала сквозистая морозная дымка, когда Рагнхильд спешила по Хельгесенс-гате, дыша в бежевый шарф от «Боттега Венета». Шерсть, купленная в Милане за девять тысяч крон, и та не спасала от мороза, но хотя бы укрывала лицо.

Отпечатки пальцев. ДНК. Установят, кто там побывал. Этого нельзя допустить, иначе грянет катастрофа.

Она свернула за угол, на Гётеборггата. Возле дома, во всяком случае, полицейских машин нет.

Ключ скользнул в замок входной двери, она вошла и бросилась к лифту. Давненько сюда не заходила. И впервые явилась без предупреждения.

Сердце едва не выпрыгивало из груди, пока лифт поднимался наверх, она думала о своих волосах в стоке душа, о ниточках одежды на ковре, на одеяле, об отпечатках пальцев повсюду.

В коридоре пусто. Оранжевая лента поперек дверной рамы целехонька, значит, в квартире никого нет. Тем не менее она постучала, подождала. Потом достала ключ, попробовала сунуть в замок. Но он не входил в скважину. Новая попытка — в замок вошел только кончик. Господи, неужели

Юн сменил замок? Она глубоко вздохнула, перевернула ключ другой стороной и мысленно помолилась.

Ключ вошел в скважину, дверь с мягким щелчком отперлась.

Рагнхильд вдохнула знакомый запах квартиры и бросилась к стенному шкафу, где он держал пылесос. Черный сименсовский пылесос, такой же, как у них дома, мощностью 2000 ватт, мощней в продаже нет. Юн любил чистоту. Она сунула вилку в розетку, пылесос хрипло взревел. Десять утра. За час надо пропылесосить все полы, протереть все стены и прочие поверхности. Взглянув на закрытую дверь спальни, она подумала, что начать надо оттуда. Там больше всего воспоминаний и больше всего следов. Нет. Она поднесла трубку пылесоса к предплечью. Как укус. Отняла трубку и увидела, что на коже уже проступает кровоподтек.

Несколько минут она орудовала пылесосом и вдруг вспомнила. Письма. Боже милостивый, напрочь ведь забыла, что они могли найти ее письма. Первые, где она писала о своих сокровенных мечтах и желаниях, и последние, отчаянные и откровенные, где умоляла о встрече. Не выключая пылесос, положила шланг на стул, подбежала

к Юнову секретеру и принялась выдвигать ящики. В первом лежали ручки, скотч, дырокол. Во втором — телефонные справочники. Третий оказался заперт. Ну конечно.

Она схватила со столешницы нож для бумаг, засунула его в щелку над замком, налегла всем телом на рукоять. Старое сухое дерево затрещало. Ну вот, сейчас нож сломается, подумала она, но треснул не он, треснула по всей длине передняя стенка ящика. Она рывком выдвинула его, смахнула щепки и устремила взгляд на конверты. Пачки конвертов. Пальцы молниеносно листали. «Хафслунн энерги». Норвежский банк. Армия спасения. Конверт без надписи. Она открыла его. «Дорогой сынок» — стояло сверху на странице. Рагнхильд листала дальше. Вот! На конверте название фонда — «Гильструп инвест», в правом верхнем углу, светло-синими чернилами.

С облегчением она достала письмо.

Прочитав, отложила, по щекам текли слезы. У нее будто заново открылись глаза, она была слепа, а теперь прозрела, и все оказалось по-прежнему. Словно все, о чем она думала и однажды отбросила, опять стало правдой. Письмо было короткое, но все переменилось после его прочтения.

Пылесос настойчиво гудел, заглушая все, кроме

простых, ясных фраз на бумаге, их абсурдной и вместе с тем очевидной логики. Она не слышала уличного шума, не слышала скрипа двери и человека, который стоял прямо за ее спиной. Только почуяв его запах, она ощутила, как волосы на затылке встали дыбом.

Самолет приземлился в аэропорту Флесланн при порывистом западном ветре. Когда он ехал на такси в Берген, визг дворников по стеклу смешивался с хлюпаньем шипованной резины по мокрому черному асфальту шоссе, которое шло среди лысых холмов, местами поросших пучками травы и голыми деревьями. Вестланнская зима.

Когда доехали до Фюлингсдала, позвонил Скарре.

— Мы кое-что нашли.

— Да ну?

— Просмотрели жесткий диск Роберта Карлсена. Сомнительного там разве только сведения, что он заходил в Интернете на порносайты.

— В твоем компьютере наверняка тоже найдутся такие сведения, Скарре. Давай к делу.

— Сомнительные лица ни в бумагах, ни в письмах тоже не упоминаются.

— Скарре… — предостерегающе начал Харри.

— Зато я нашел любопытную копию авиабиле-

та, — продолжал Скарре. — Отгадай куда.

— Морду набью.

— В Загреб, — поспешно сообщил Скарре. И поскольку Харри молчал, осторожно добавил: — В Хорватию.

— Спасибо. Когда он туда летал?

— В октябре. Улетел двенадцатого октября и вернулся в тот же день вечерним рейсом.

— Гм. Один-единственный день в Загребе, в октябре. На отпускную поездку не тянет.

— Я переговорил с его начальницей из «Фретекса» на Хиркевейен, и, по ее словам, Роберту не поручали никаких заданий за рубежом.

Положив трубку, Харри задумался о том, почему не сказал Скарре, что доволен его работой. Ведь вполне бы мог. Неужто с годами становится занудой? Да нет, думал он, забирая у таксиста четыре кроны сдачи. Занудой он был всегда.

Он вышел в унылую гадостную бергенскую морось, которая, как говорят, начинается в сентябре, а кончается в марте. Несколько шагов — и он остановился в дверях кафе «Биржа», оглядел помещение и спросил себя, что новый закон о курении будет делать с такими местами, как это. Ему уже доводилось дважды бывать в этом кафе, где он инстинктивно чувствовал себя как дома,

а одновременно был полным чужаком. Кругом сновали официанты в красных пиджаках, с такими минами, будто работали в первоклассном ресторане, а разносили всего-навсего полулитровые стаканы с пивом да зачерствелые шуточки работягам, пенсионерам-рыбакам, жилистым морякам времен войны и прочим потерпевшим крушение. Когда Харри впервые попал сюда, некая отставная знаменитость танцевала между столиками танго с каким-то рыбаком, а средних лет дама в вечернем платье пела немецкие баллады под аккомпанемент гармоники и в инструментальных проигрышах сыпала ритмичными скабрёзностями, картавя на «р».

Харри отыскал взглядом того, кого надо, и направился к столику, где с пустым полулитровым стаканом и еще одним, почти пустым, сидел высокий худой мужчина.

— Шеф.

Услышав голос Харри, мужчина поднял голову. Взгляд с некоторым опозданием тоже устремился вверх. Зрачки за хмельной пеленой сузились.

— Харри? — Голос звучал на удивление ясно и четко.

Харри придвинул от соседнего столика свободный стул.

— Проездом? — спросил Мёллер.

— Да.

— Как ты меня нашел?

Харри не ответил. Он хоть и подготовился, но все же с трудом верил собственным глазам.

— В участке, поди, доложили? Ну да, ну да. — Мёллер отхлебнул большой глоток из стакана. — Странная перемена ролей, верно? Обычно-то я находил тебя в таком виде. Пиво будешь?

Харри наклонился над столом:

— Что случилось, шеф?

— А что обычно случается, когда взрослый мужчина пьет в разгар рабочего дня, Харри?

— Либо он получил нагоняй, либо его бросила жена.

— Нагоняя я пока не получил. Насколько мне известно.

Мёллер беззвучно засмеялся. Плечи тряслись, но с губ не слетало ни звука.

— Выходит, Кари… — Харри осекся, не зная, как бы это сказать.

— Ни она, ни мальчики не приехали. Ну и хорошо. Заранее так решили.

— Что?

— Я скучаю по мальчикам, ясное дело. Но я справлюсь. Сейчас просто… этот, как его?.. пе-

реходный период? Да, хотя есть другое слово, поизысканнее… Транс… нет…

Голова у Бьярне Мёллера свесилась над стаканом.

— Пошли прогуляемся. — Харри сделал знак официанту.

Спустя двадцать пять минут Бьярне Мёллер и Харри стояли под дождем у балюстрады на горе Флёйен и смотрели вниз, туда, где предположительно раскинулся Берген. Рельсовый поезд, словно разрезанный наискось пирог, подвешенный на толстых стальных тросах, доставил их сюда прямо из центра города.

— Ты поэтому и перевелся сюда? — спросил Харри. — Потому что вы с Кари решили разойтись?

— Дождь здесь идет точь-в-точь как в поговорке, — сказал Мёллер.

Харри вздохнул.

— Выпивка не помогает, шеф. Только хуже становится.

— Это моя реплика, Харри. Как у тебя с Гуннаром Хагеном?

— Ничего. Мастак читать лекции.

— Берегись, Харри, не надо его недооценивать. Он не только лектор. Гуннар Хаген семь лет оттрубил в армейском спецназе.

— Да ну? — удивился Харри.

— Именно. Я узнал об этом от начальника уголовной полиции. Хагена направили туда в восемьдесят первом, как только создали это подразделение для защиты наших нефтяных платформ в Северном море. Поскольку служба секретная, в резюме об этом нет ни слова.

— Спецназ… — сказал Харри, чувствуя, что ледяной дождь вот-вот насквозь промочит плечи куртки. — Я слыхал, они там очень держатся друг за друга.

— Это вроде как тайное братство, — сказал Мёллер. — Строжайший обет молчания.

— Не знаешь, может, еще кто там служил?

Мёллер покачал головой. Выглядел он уже вполне трезвым.

— Что нового в расследовании? Я получил внутреннюю информацию.

— У нас даже мотива нет.

— Мотив наверняка деньги. — Мёллер кашлянул. — Алчность, иллюзия, что с деньгами все изменится, что изменишься сам.

— Деньги… — Харри взглянул на Мёллера, потом медленно проговорил: — Может быть.

Мёллер презрительно сплюнул в серую кашу внизу.

— Найди деньги. Найди и отследи. Они непременно приведут к ответу.

Раньше Харри не слышал от него таких рассуждений, такой горькой уверенности, будто он осознал что-то, что предпочел бы забыть.

Харри глубоко вздохнул и прыгнул в омут головой.

— Ты знаешь, я не умею ходить вокруг да около, шеф, такой уж уродился. Мы с тобой из тех, у кого не очень-то много друзей. И пусть даже ты не считаешь меня своим другом, я все равно вроде как друг.

Он посмотрел на Мёллера, но ответа не получил.

— Я приехал сюда узнать, не могу ли что-нибудь сделать. Может, ты хочешь о чем-то поговорить или…

По-прежнему никакого отклика.

— Я ни хрена не знаю, шеф. Но так или иначе, я здесь.

Мёллер смотрел в небо.

— Ты знаешь, что бергенцы называют эти места горными просторами? И совершенно справедливо. Это и есть самые настоящие горы. Шесть минут по канатной дороге из центра второго по величине норвежского города, а народ может

здесь заблудиться и погибнуть. Странно, правда?

Харри пожал плечами. Мёллер вздохнул:

— Дождь явно не думает кончаться. Давай-ка спустимся вниз в этой жестянке.

Внизу они пошли на стоянку такси.

— За двадцать минут доберешься до Флесланна, пока что не час пик, — сказал Мёллер.

Харри кивнул, но в машину сесть медлил. Куртка промокла насквозь.

— Отследи деньги, — повторил Мёллер и положил ладонь Харри на плечо. — Делай то, что должен.

— Ты тоже, шеф.

Мёллер приветственно поднял руку и зашагал прочь, но оглянулся, когда Харри уже сел в машину, и крикнул что-то, только слова утонули в шуме уличного движения. Харри включил мобильник, когда они мчались через Данмаркс-плас. Халворсен прислал эсэмэску с просьбой позвонить. Харри набрал номер.

— У нас в руках кредитная карта Станкича, — доложил Халворсен. — Ее проглотил банкомат на Юнгсторг сегодня ночью, за несколько минут до двенадцати.

— Вот откуда он шел, когда мы проводили рейд в Приюте.

— Ага.

— Юнгсторг довольно далеко от Приюта, — сказал Харри. — Он пошел туда, потому что боялся, что мы отследим карточку до места вблизи Приюта. А это означает, что ему очень нужны деньги.

— И еще кое-что хорошее. Банкомат оборудован видеокамерой.

— Да?

Халворсен сделал театральную паузу.

— Ладно тебе, — сказал Харри. — Он не прячет лицо, верно?

— Лыбится прямо в камеру, как кинозвезда.

— Запись у Беаты?

— Она сидит в House of Pain, изучает все это.

Рагнхильд Гильструп думала о Юханнесе. Насколько иначе все бы могло быть. Если бы она уступила своему сердцу, которое всегда было куда умнее головы. И что странным образом сейчас она несчастна, как никогда, и в то же время именно сейчас ей, как никогда, хочется жить.

Чуть подольше.

Потому что она уже все поняла.

Смотрела в черное жерло и понимала, что́ видит.

И что произойдет.

Ее крик утонул в реве сименсовского пылесоса.

Стул упал на пол. Черное сосущее жерло приближалось к глазу. Она попыталась зажмуриться, но сильные пальцы не позволили, хотели, чтобы она смотрела. И она смотрела. И знала, что сейчас произойдет.

Глава 17
Пятница, 18 декабря. Лицо

Часы на стене над мойкой в большой аптеке показывали полдесятого. На лавке вдоль стен сидел народ, кашлял, закрывал сонные глаза или пялился то на красные цифры на счетчике под потолком, то на бумажку с номером очереди в руке, словно это жизненный жребий и каждый щелчок — новый ход.

Он не взял себе номерок очереди, просто хотел посидеть в тепле аптеки, но чувствовал, что куртка его привлекает неприязненное внимание, поскольку сотрудники начали поглядывать на него. Он смотрел в окно. Угадывал в дымке контуры бледного, бессильного солнца. Мимо окна проехал полицейский автомобиль. У них тут установлены камеры наблюдения. Надо бы уйти, но куда? Без денег из кафе и баров в два счета выпроваживают. А теперь и кредитная карта пропала. Вчера вечером он все ж таки решил снять денег, пусть даже есть риск, что карту отследят. Вечером, когда вышел из Приюта, в конце концов нашел банкомат довольно далеко

оттуда. Но машина проглотила карту и ни ее не вернула, ни денег не выдала, только подтвердила то, что он и так знал: его окружили, обложили со всех сторон.

Почти пустой ресторан «Бисквит» полнился звуками свирели. Спокойный промежуток между обедом и ужином, и Туре Бьёрген, стоя у окна, задумчиво смотрел на Карл-Юханс. Не потому, что его привлекал вид, просто радиаторы отопления размещались под окнами, а он никак не мог согреться. Настроение никудышное. В течение двух дней нужно выкупить билеты до Кейптауна, а он только что установил то, что давно знал: денег нет. Сколько он ни работал, они куда-то исчезали. Конечно, минувшей осенью он приобрел зеркало в стиле рококо, вдобавок пил слишком много шампанского и не отказывал себе в иных дорогих удовольствиях. Не то чтобы потерял контроль, но, честно говоря, пора бы выбраться из порочного круга с порошком в праздники, таблетками, чтобы спать, и порошком, чтобы работать сверхурочно для оплаты своих дурных привычек. И как нарочно, сейчас на счету пусто, зажги не треснет. Последние пять лет он праздновал Рождество и Новый год в Кейптауне, вместо того чтобы тащиться домой

в Вегорсхей, к религиозной ограниченности, к безмолвным упрекам родителей, к плохо скрытому отвращению дядьев и кузенов. Три недели невыносимого холода, унылого мрака и скучищи он менял на солнце, красивых людей и бурную ночную жизнь. И игры. Опасные игры. В декабре и январе Кейптаун переполнен европейскими рекламщиками, киносъемочными группами и фотомоделями обоего пола. Именно в этой среде он и находил себе подобных. Больше всего ему нравилось играть в blind date[37]. В таком городе, как Кейптаун, это всегда сопряжено с известным риском, однако ж, встречаясь с мужчиной в темноте, в кейптаунских трущобах, вообще рискуешь жизнью. Тем не менее он так и делал. Не всегда знал, зачем совершает все эти идиотские поступки, знал только, что ему необходима опасность, чтобы почувствовать себя живым, без потенциально возможного проигрыша играть неинтересно.

Туре Бьёрген потянул носом воздух. Грезы наяву нарушил запашок, который, надо надеяться, шел не из кухни. Он обернулся.

— Hello again, — сказал человек, остановивший-

---

[37] Примечания: 37
Свидание вслепую *(англ.)*.

ся прямо у него за спиной.

Будь Туре Бьёрген менее профессиональным официантом, он бы скривился. Человек перед ним не только был одет в уродливую синюю куртку из тех, что в ходу у наркоманов с Карл-Юханс. Вдобавок он небрит, глаза воспаленные, да и вонь как из писсуара.

— Remember me? At the man's room[38].

Туре Бьёрген сначала решил, что речь о ночном клубе с таким названием, но потом сообразил, что все-таки о туалете. И только тогда узнал парня. То есть узнал голос. И подумал: прямо не верится, во что может превратиться человек за одни сутки без таких благ цивилизации, как бритвенный станок, душ и восьмичасовой сон.

Вероятно, как раз прерванные грезы наяву привели к тому, что Туре Бьёрген испытал два совершенно разных ощущения вот в таком порядке: во-первых, сладкий укол желания. Этот парень вернулся, несомненно, по причине утреннего флирта и мимолетного, но интимного телесного контакта. А во-вторых, испуг, когда в памяти возник этот же парень с пистолетом, перепачканным в мыле. К тому же полицейский,

---

[38] Примечания: 38
Помнишь меня? В мужской комнате *(англ.)*.

побывавший здесь, связал это с убийством бедолаги из Армии спасения.

— Мне нужно жилье, — сказал парень.

Туре Бьёрген дважды хлопнул глазами. Не веря своим ушам. Перед ним человек, вероятно убийца, подозреваемый в том, что застрелил на улице другого человека. Так почему же он, Туре, не бросил все, что держал в руках, и не выбежал из зала с криком «Полиция!»? Ведь, между прочим, полицейский говорил, что за помощь аресту обещано вознаграждение. Бьёрген глянул в дальний конец ресторана, где метрдотель листал книгу заказов. Почему он ощущал этот странный посасывающий восторг под ложечкой, который распространялся по всему телу, вызывая дрожь, меж тем как он судорожно искал, что бы такое сказать.

— Только на одну ночь, — добавил парень.

— Я до вечера на работе, — сказал Туре Бьёрген.

— Могу подождать.

Туре Бьёрген посмотрел на парня. Это безумие, думал он, а тем временем мозг медленно и неумолимо соединил жажду игры с возможным решением некой проблемы. Он сглотнул, переступил с ноги на ногу.

Выйдя из электрички, Харри поспешил от Центрального вокзала через Грёнланн в Полицейское управление, поднялся на лифте прямо в отдел грабежей и бегом припустил по коридорам в House of Pain, сиречь полицейский видеозал.

В тесном безоконном помещении было темно и жарко. Он слышал, как чьи-то пальцы проворно бегают по клавиатуре компьютера.

— Что видишь? — спросил он у силуэта, обозначенного на мерцающем фоне экрана на короткой стене.

— Кое-что очень интересное, — не оборачиваясь, ответила Беата Лённ, но Харри и так знал, что глаза у нее красные. Ему доводилось видеть Беату за работой. Она часами смотрела на экран, перематывала, останавливала, фокусировала, увеличивала, сохраняла. А он понятия не имел, что она там высмотрела. Или увидела. Здесь ее территория.

— И вероятно, проясняющее, — добавила она.

— Я весь внимание. — Харри ощупью пробирался в потемках, ушиб ногу о стул и, чертыхнувшись, сел.

— Готов?

— Валяй.

— О'кей. Познакомься с Христо Станкичем.

На экране появился мужчина перед банкоматом.

— Ты уверена? — спросил Харри.

— Разве ты его не узнаешь?

— Синюю куртку узнаю, но… — Харри услышал в собственном голосе растерянность.

— Погоди, — сказала Беата.

Человек сунул в банкомат карту, стал ждать. Потом повернул лицо к камере наблюдения и скорчил гримасу. Деланая улыбка, по сути выражающая что угодно, только не веселье.

— Он обнаружил, что остался без денег, — сказала Беата.

Человек на экране снова и снова нажимал на кнопки банкомата, в конце концов стукнул по ним ладонью.

— А теперь он понял, что карточку назад не получит, — сказал Харри.

Человек стоял, долго смотрел на дисплей банкомата. Потом отвернул рукав, взглянул на часы, повернулся и ушел прочь.

— Что у него за часы? — спросил Харри.

— Стекло отсвечивает, — отозвалась Беата. — Но я увеличила негатив. На циферблате написано: «Сейко SQ-пятьдесят».

— Шустрая девочка. Хотя ничего разъясняюще-

го я не вижу.

— Вот, смотри.

Беата нажала на клавиши, на экране возникли два кадра, которые они только что видели. На одном парень вынимал карту. На втором смотрел на часы.

— Я выбрала эти кадры, потому что на обоих лицо примерно в одном ракурсе и увидеть легче. Кадры сняты с интервалом чуть более ста секунд. Видишь?

— Нет, — честно ответил Харри. — Физиономист из меня явно никудышный, я даже не могу сказать, один ли и тот же человек тут изображен. И видел ли я возле реки его же.

— Отлично. Ты заметил.

— Что заметил?

— Вот его фото с кредитной карты, — продолжала Беата, нажимая на клавишу.

На экране появилось изображение человека с короткой стрижкой, при галстуке.

— А это фотографии, сделанные репортером «Дагбладет» на Эгерторг.

Два новых снимка.

— Ты видишь, что это один и тот же человек?

— Да нет.

— Я тоже.

— Ты тоже? Если *ты* не видишь, то выходит, это разные люди.

— Нет, — сказала Беата. — Это означает, что перед нами случай так называемой гиперподвижности. Специалисты называют это visage du pantomime.

— Господи боже мой, о чем ты толкуешь?

— Этому человеку, чтобы преобразиться, не надо ни гримироваться, ни переодеваться, ни делать пластические операции.

Харри подождал, пока все участники совещания следственной группы рассядутся, и взял слово:

— Теперь мы знаем, что разыскиваем одного-единственного человека. Будем пока называть его Христо Станкич. Беата?

Беата включила проектор, на экране появились лицо с закрытыми глазами и маска, составленная словно бы из красных макаронин.

— Перед вами на рисунке наша лицевая мускулатура, — начала она. — Мышцы, создающие выражение лица, а стало быть, меняющие внешний облик. Главные — на лбу, вокруг глаз и вокруг рта. Вот, например, musculus frontalis, который вместе с musculus supersilii поднимает и сдвигает брови. Orbicularis oculi растягивают или сжимают

лицевую область вокруг глаз. И так далее.

Беата нажала кнопку дистанционного пульта. Кадр сменился, теперь это был клоун с большими надутыми щеками.

— Наше лицо состоит из сотен таких мышц, и даже те, кому по профессии положено менять выражения лица, используют лишь малую часть возможностей. Актеры и шуты тренируют лицевые мышцы, стараясь добиться их максимальной подвижности, тогда как обычные люди с годами ее утрачивают. Но даже актеры и мимы в общем пользуются мимикой исключительно для выражения того или иного чувства. Конечно, чувства имеют важное значение, однако они универсальны и не столь уж многочисленны. Гнев, радость, влюбленность, удивление, короткий смешок, хохот и так далее. А ведь природа, наделив нас этой мышечной маской, обеспечила нам возможность создавать миллионы выражений лица, по сути, бесконечное множество. Пианист-исполнитель разработал связь между мозгом и пальцевой мускулатурой до такой степени, что его пальцы способны одновременно и совершенно независимо друг от друга выполнять десяток различных задач. Притом что мышц в пальцах далеко не много. Каковы же в таком случае возможности

лица!

Беата обратилась к экрану, где появилось изображение — Христо Станкич перед банкоматом.

— Например, мы в состоянии сделать вот так.

На экране как бы разворачивался замедленный фильм.

— Вы почти не замечаете изменений. Мельчайшие мышцы сжимаются и натягиваются. Результат мелких движений мышц — перемена выражения лица. Вправду ли лицо меняется так сильно? Нет, однако та часть мозга, которая распознает лица, — fusiform girus — необычайно восприимчива к самым крохотным изменениям, ведь ее задача — дифференцировать тысячи физиологически одинаковых лиц. Благодаря постепенному тонкому изменению напряжений лицевых мышц получается как бы лицо другого человека. А именно вот такое.

Кадр на экране замер.

— Алло! Земля вызывает Марс!

Харри узнал голос Магнуса Скарре. Кто-то хихикнул. Беата покраснела.

— Прошу прощения, — буркнул Скарре и весело огляделся по сторонам. — Это по-прежнему Станкич? Научная фантастика отдыхает, парень, который напрягает одни мышцы, расслабляет

другие и оттого становится неузнаваем, это, по-моему, уже мистика какая-то.

Харри хотел вмешаться, но раздумал. Пристально посмотрел на Беату. Десять лет назад подобная реплика напрочь бы выбила Беату из колеи и ему пришлось бы разруливать ситуацию.

— Тебя пока что не спрашивают, — отрезала Беата, щеки у нее все еще горели. — Но раз у тебя такое впечатление, приведу пример, который ты наверняка поймешь.

— Ой-ой! — воскликнул Скарре, примирительно подняв руки. — Я вовсе не имел в виду тебя лично, Лённ.

— Когда люди умирают, наступает, как известно, rigor mortis, — продолжала Беата, с виду невозмутимо, но Харри заметил, что она раздула ноздри. — Мышцы тела, и лица в том числе, коченеют. Результат тот же, что и при их напряжении. И какова же типичная реакция, когда близкие должны опознать труп?

В наступившей тишине слышалось только, как в проекторе жужжит вентилятор. Харри уже заулыбался.

— Они его не узна́ют, — произнес ясный громкий голос. Харри не заметил, как вошел Гуннар Хаген. — Нередкая проблема на войне, при опо-

знании солдат. Они все в форме, и порой даже товарищи из их собственного подразделения для полной уверенности вынуждены проверять личные жетоны.

— Спасибо, — сказала Беата. — Ну что, Скарре, так понятнее?

Скарре пожал плечами, Харри услыхал громкий смешок. Беата выключила проектор.

— Пластичность, или подвижность, лица очень индивидуальна. Кое-что можно натренировать, а кое-что, по-видимому, обусловлено генетически. Одни не могут дифференцировать правую и левую половину лица, другие с помощью тренировки способны добиться, чтобы все мышцы действовали независимо одна от другой. Как пианист-виртуоз. Называется это гиперподвижностью, или visage du pantomime. Зарегистрированные случаи указывают на то, что это сугубо наследственно, что эту способность человек развил в ранней юности или вообще ребенком и что люди с крайней степенью гиперподвижности нередко страдают нарушениями личности или подростками испытали тяжелые травмы.

— Вы хотите сказать, мы имеем дело с сумасшедшим? — спросил Гуннар Хаген.

— Моя специальность — лица, а не психоло-

гия, — сказала Беата. — Но в любом случае это не исключено. Харри?

— Спасибо, Беата. — Харри встал. — Теперь вы немного больше знаете о том, с кем имеете дело, ребята. Вопросы? Да, Ли?

— Как поймать такое существо?

Харри и Беата переглянулись. Харри кашлянул:

— Понятия не имею. Знаю только, что все это кончится не раньше, чем он выполнит свою работу. Или мы свою.

В кабинете Харри ожидало сообщение: звонила Ракель. Он сразу же ей перезвонил, чтобы не углубляться в раздумья.

— Как идут дела? — спросила она.

— Прямиком в Верховный суд. — Эту поговорку любил отец Ракели. Шуточка, популярная после войны среди фронтовиков. Ракель засмеялась. Мягкий, звонкий смех, ради которого он когда-то отдал бы все, лишь бы слышать его каждый день. И этот смех до сих пор не утратил воздействия.

— Ты один? — спросила она.

— Нет. Халворсен, как всегда, здесь, держит ушки на макушке.

Халворсен поднял голову от протоколов свидетельских показаний с Эгерторг и скорчил

гримасу.

— Олегу нужно с кем-нибудь поговорить, — сказала Ракель.

— И что?

— Уф, я неудачно выразилась. Не с кем-нибудь. Ему нужно поговорить с тобой.

— Нужно?

— Поправка: он *сказал*, что хочет поговорить с тобой.

— И попросил тебя позвонить?

— Нет. Не просил, ни в коем случае.

— Та-ак. — Харри улыбнулся.

— Ну… Может, найдешь время как-нибудь вечерком, а?

— Конечно.

— Вот и отлично. Поужинаешь с нами.

— С нами?

— С Олегом и со мной.

Харри хмыкнул.

— Я знаю, ты встречался с Матиасом…

— Да, — быстро сказал Харри. — Славный малый, по-моему.

— Пожалуй.

Харри не знал, как истолковать ее тон.

— Ты слушаешь?

— Да, — сказал он. — Знаешь, у нас тут убий-

ство и некоторая запарка в связи с этим. Можно, я прикину маленько, а потом перезвоню, когда найду подходящий день?

Пауза.

— Ракель?

— Да, само собой. Как ты вообще?

Вопрос прозвучал настолько неуместно, что на миг Харри почудилась в нем ирония.

— Потихоньку-полегоньку.

— Ничего нового не произошло в последнее время?

Харри вздохнул:

— Мне надо идти, Ракель. Как только выкрою время, сразу позвоню. Передай привет Олегу. О'кей?

— О'кей.

Он положил трубку.

— Ну? «Подходящий денек»? — сказал Халворсен.

— Всего-навсего ужин. Повидаю Олега. Зачем Роберт ездил в Загреб?

Халворсен хотел ответить, но тут в дверь негромко постучали. Они обернулись. На пороге стоял Скарре.

— Только что отзвонили из загребской полиции, — сообщил он. — Кредитная карта Станкича

выдана по фальшивому паспорту.

Харри хмыкнул и, заложив руки за голову, откинулся на спинку стула.

— Зачем Роберт ездил в Загреб, Скарре?

— Вы же знаете, что́ я думаю.

— Наркота, — сказал Халворсен.

— Ты упоминал про девушку, которая спрашивала насчет Роберта во «Фретексе» на Хиркевейен, Скарре? В магазине еще сказали, что она вроде бы из Югославии?

— Да. Начальница ихняя гово…

— Звони во «Фретекс», Халворсен.

В комнате царила тишина, Халворсен полистал «желтые страницы», потом набрал номер. Харри тихонько барабанил пальцами по столу, размышляя, как бы сказать Скарре, что он им доволен. Откашлялся. Но тут Халворсен протянул ему трубку.

Капрал Руэ слушала, говорила и действовала. Деловая женщина, констатировал Харри, когда через две минуты положил трубку, снова откашлялся и сказал:

— Один из ее работников, серб, запомнил девушку. Зовут ее, кажется, София, но он не уверен. Однако точно помнит, что она из Вуковара.

Юна Харри нашел на кровати в квартире Ро-

берта, с открытой Библией на животе. Выглядел он невыспавшимся и боязливым. Харри закурил, сел на хлипкий кухонный стул и спросил, зачем Роберт, по его мнению, мог ездить в Загреб.

— Понятия не имею, он не говорил. Может, в связи с тем серьезным планом, на который занимал у меня деньги.

— О'кей. А вам известно, что у него была подружка, молоденькая хорватка по имени София?

— София Михолеч? Вы шутите!

— Отнюдь. Стало быть, вы знаете, кто она?

— София живет в одном из наших домов на Якоб-Оллс-гате. Ее семья из числа хорватских беженцев, которых направили к нам. Но София… ей всего пятнадцать.

— Может, она просто была влюблена в Роберта? Молоденькая девчонка. Красивый взрослый парень. Что здесь необычного?

Юн хотел ответить, но промолчал.

— Вы сами говорили, что Роберту нравились молоденькие девушки, — сказал Харри.

Юн смотрел в пол.

— Могу дать вам адрес этой семьи, сами и спро́сите.

— Ладно. — Харри посмотрел на часы. — Есть какие-нибудь просьбы?

Юн огляделся.

— Мне бы надо съездить к себе на квартиру. Взять кое-что из одежды и туалетные принадлежности.

— Не вопрос. Я вас отвезу. Наденьте куртку и шапку, там еще похолодало.

Поездка заняла двадцать минут. По дороге они миновали старый, заброшенный стадион «Бишлет», который скоро снесут, и ресторан «Шрёдер», у дверей которого стоял человек в теплом шерстяном пальто. Харри его узнал. Нарушив правила, он остановил машину прямо у подъезда на Гётеборггата, 4; они вошли и направились к лифту. Глянув на красный дисплей над дверью, Харри отметил, что лифт стоит на четвертом этаже, там, где квартира Юна. Не успели они нажать кнопку вызова, как лифт пошел вниз. Харри вытер ладони о джинсы.

— Вы не любитель лифтов, — сказал Юн.

Харри удивленно глянул на него:

— А что, заметно?

— Мой отец тоже их не любит. — Юн улыбнулся. — Давайте поднимемся по лестнице.

Они зашагали вверх по ступенькам, и немного погодя Харри услышал, как кабина открылась на первом этаже.

В квартире Харри остался у двери, а Юн пошел в ванную за несессером.

— Странно, — сказал Юн, нахмурив брови. — Такое впечатление, что здесь кто-то побывал.

— Здесь работали криминалисты, искали пули.

Юн скрылся в спальне и вскоре вернулся с сумкой в руках.

— Пахнет как-то чудно́, — сказал он.

Харри огляделся. На столе возле мойки два стакана, но без явных следов молока или иного напитка по краю. Ни мокрых следов на полу от растаявшего снега, только несколько светлых щепочек возле секретера, явно от одного из ящиков, с трещиной на передней стенке.

— Идемте отсюда, — сказал Харри.

— А почему мой пылесос стоит здесь? — удивился Юн. — Ваши люди им пользовались?

Харри знал криминалистические процедуры, и ни одна из них не предусматривала использования пылесоса, находящегося на месте происшествия.

— У кого-нибудь еще есть ключи от этой квартиры? — спросил Харри.

Юн помедлил.

— У Теа, у моей подруги. Но ей бы в голову не

пришло пылесосить.

Харри посмотрел на щепки возле секретера, которые при уборке первым делом исчезли бы в пылесосе. Подошел к пылесосу. Наконечник был снят с пластиковой трубки, прикрепленной к шлангу. По спине у Харри пробежали мурашки. Он поднял трубку, заглянул в круглое черное отверстие. Провел пальцем по краю, глянул на кончик пальца.

— Что это? — спросил Юн.

— Кровь, — ответил Харри. — Проверьте, заперта ли дверь.

Харри уже понял. Он стоял в преддверии того, что ненавидел и от чего никогда не мог остаться в стороне. Открыл пылесос и вытащил желтый мешок, думая о том, что вот это и есть, собственно, обитель скорби, House of Pain. Место, где он всегда вынужден использовать свою способность вживаться во зло. Способность, которая, как он все чаще думал, слишком уж развилась.

— Что вы делаете? — спросил Юн.

Мешок был забит до отказа. Харри схватился за плотную мягкую бумагу, дернул. Мешок порвался, туча черной пыли, словно джинн из лампы, поднялась к потолку. А Юн и Харри уставились на содержимое на полу.

— Силы небесные, — прошептал Юн.

Глава 18
Пятница, 18 декабря. Шахта

— Господи боже, — простонал Юн, ощупью ища стул. — Что здесь произошло… Это же… это…

— Да, — сказал Харри. Он присел на корточки возле пылесоса и сосредоточенно старался дышать ровно. — Это глаз.

Глазное яблоко выглядело как окровавленная, выброшенная на берег медуза. Пыль облепила белую поверхность. Харри различил в крови клочки мышц и белый, похожий на червяка обрывок зрительного нерва.

— Я вот думаю, как он попал в мешок сквозь фильтр. Если его туда засосало.

— Я снял фильтр, — дрожащим голосом пояснил Юн. — Он тогда лучше сосет.

Харри достал из кармана ручку, осторожно повернул ею глаз. Мягкий вроде, но с плотным ядром. Он немного подвинулся, чтобы свет потолочной лампы упал на зрачок, большой, черный, расплывшийся, потому что глазные мышцы более не держали его форму. Светлая, почти бирюзовая радужка, обрамлявшая зрачок, по-

блескивала словно матовый игральный шарик. За спиной Харри слышал частое дыхание Юна.

— На редкость светлая голубая радужка, — сказал Харри. — Вам она знакома?

— Нет, я… я не знаю.

— Послушайте, Юн, — не оборачиваясь, бросил Харри. — Не знаю, сколько вы упражнялись во лжи, но получается у вас не очень-то хорошо. Я не могу заставить вас рассказывать пикантные подробности о вашем брате, но это… — Он указал на окровавленный глаз. — Я заставлю вас рассказать, что это такое.

Он обернулся. Опустив голову, Юн сидел на одном из двух кухонных стульев.

— Я… она… — Голос был сдавленный от слез.

— Стало быть, она, — помог Харри.

Юн кивнул, не поднимая головы.

— Ее зовут Рагнхильд Гильструп. Таких глаз ни у кого больше нет.

— Каким же образом ее глаз мог оказаться здесь?

— Не представляю себе. Она… мы… обычно встречались здесь. У нее были ключи. Что я такого сделал, Харри? Почему все это происходит?

— Не знаю, Юн. Но я должен сделать здесь свою работу, только сперва надо где-нибудь вас

устроить.

— Я могу вернуться на Уллеволсвейен.

— Нет! — бросил Харри. — У вас есть ключи от квартиры Теа?

Юн кивнул.

— О'кей, идите туда. Запритесь и не открывайте никому, кроме меня.

Юн пошел к выходу, но на полпути остановился:

— Харри?

— Да?

— То, что было между мной и Рагнхильд, обязательно должно выйти наружу? Я перестал с ней встречаться, когда мы с Теа обручились.

— В таком случае это не так уж и опасно.

— Вы не понимаете, — сказал Юн. — Рагнхильд Гильструп была замужем.

Харри медленно кивнул.

— Восьмая заповедь?

— Десятая.

— Я не смогу держать это в тайне, Юн.

Юн в замешательстве смотрел на Харри. Потом медленно покачал головой.

— Что такое?

— Не верится, что я только что это сказал. Рагнхильд мертва, а я думаю, как спасти собственную

шкуру.

В глазах Юна стояли слезы. И на одну беззащитную секунду Харри почувствовал искреннее сострадание. Не такое, какое испытывал к жертве или к ее близким, но сострадание к человеку, который в душераздирающую минуту видит собственную уязвимую человечность.

Иной раз Сверре Хасволл жалел, что променял жизнь моряка дальнего плавания на место консьержа в новеньком жилом доме по Гётеборггата, 4. Особенно в студеные дни вроде нынешнего, когда жильцы звонили с нареканиями на засорившийся мусоропровод. Засоры случались обыкновенно раз в месяц, по одной-единственной причине: размеры люков на этажах совпадали по диаметру с самой шахтой. То ли дело старые дома. Даже в 30-е годы, когда только-только начали строить мусоропроводы, архитекторы смекали, что отверстия люков надо делать диаметром меньше шахты, чтобы народ не спускал туда вещи, которые намертво застрянут. Нынче-то им на это начхать, главное — стиль да освещение.

Хасволл открыл люк на третьем этаже, сунул туда голову и посветил фонариком — масса белых мусорных мешков. Все ясно, опять засор между первым и вторым этажом, где шахта чуточку

сужалась.

Он спустился в подвал, отпер мусоросборник, включил свет. От сырости и холода очки вмиг запотели. Он вздрогнул и схватил почти трехметровый железный прут, который лежал у стены специально для этой цели. Хасволл даже пристроил на его конце пластмассовый шарик, чтобы, пробивая засор, не дырявить мешки. Из отверстия шахты что-то капало, дробно стучало по пластику мешков в подставленном ящике. А ведь в правилах эксплуатации четко прописано, что бросать в шахту можно только сухой мусор, тщательно упакованный в мешки, однако народ — даже эти, христиане из Армии спасения, живущие здесь, в доме, — чихать хотел на правила.

Сверре Хасволл влез в ящик, прошел к круглому отверстию в потолке — под ногами захрустели яичные скорлупки и молочные пакеты. Он глянул вверх, но увидел лишь черноту. Сунул в шахту прут, ожидая, что тот уткнется в мягкую массу мусорных мешков, но там оказалось что-то твердое. Хасволл надавил посильнее. Безуспешно. Что-то застряло намертво.

Он взял фонарик, висевший на ремешке, направил в шахту луч света. На очки упала капля; чертыхнувшись, он снял их и, зажав фонарик

под мышкой, потер стекло о рукав синего халата. Шагнул в сторону, посмотрел еще раз, близоруко сощурясь. Помедлил. Снова посветил фонариком, а воображение уже рисовало всевозможные картины. Сердце замирало. Он недоверчиво поднес к глазам очки. И тут сердце замерло окончательно.

Железный прут скрежетнул по стене и с лязгом грохнулся на пол. Сверре Хасволл обнаружил, что сидит в мусоросборнике, фонарик куда-то закатился, исчез среди набитых мешков. Новая капля шлепнулась на пластик меж его колен. Он отпрянул, будто это была едкая кислота. Потом поднялся на ноги и кинулся прочь.

Необходимо глотнуть свежего воздуху. В море он много чего навидался, но это… это ненормально. Это болезнь. Он распахнул входную дверь и, шатаясь, выбрался наружу, не обратив внимания ни на двоих высоченных мужчин у подъезда, ни на мороз, ударивший в лицо. Голова кружилась. Он прислонился к стене, с трудом перевел дух, достал мобильник. Беспомощно уставился на него. Несколько лет назад телефоны экстренных служб поменяли, чтобы легче запоминались, но он, конечно же, помнил только старые. И тут заметил двоих мужчин. Один из них говорил

по мобильнику, во втором он узнал здешнего жильца.

— Извините, вы не знаете, как позвонить в полицию? — спросил Хасволл сиплым голосом, словно долго надсаживал глотку.

Жилец взглянул на своего спутника, который секунду-другую смотрел на консьержа, а потом сказал в мобильник:

— Погодите, наверно, Иван с разыскной собакой не потребуется. — Он опустил телефон и обратился к Сверре Хасволлу: — Я инспектор полиции Холе. Сейчас угадаю…

В одной из квартир на Вестканторг Туре Бьёрген стоял у окна спальни и смотрел во двор. По-прежнему тихо кругом, и в доме, и на улице, — никакой детворы, с визгом и криком играющей в снегу. Видать, слишком холодно и темно. Впрочем, он уже несколько лет не видал, чтобы дети зимой играли на улице. Из гостиной долетал голос теледиктора, предупреждавшего о рекордных холодах и сообщавшего, что министр социального обеспечения выделит дополнительные дотации, чтобы снабдить кровом бездомных, а одиноким пенсионерам дать возможность прибавить тепла в квартирах. Еще сообщалось, что полиция ищет хорватского гражданина по име-

ни Христо Станкич и что информация, которая поможет арестовать его, будет вознаграждена. Сумму диктор не назвал, но Туре Бьёрген полагал, что она побольше той, какая требуется на билет и трехнедельное пребывание в Кейптауне.

Просушив ноздри, Туре Бьёрген втер остатки кокаина в десны и тем истребил остатки вкуса пиццы во рту.

Он отпросился у директора «Бисквита», сославшись на головную боль, и ушел пораньше. Христо — или Майк, как он назвался, — ждал его на лавочке на площади Вестканторг, согласно уговору. Купленная им пицца «Грандиоза» явно пришлась Христо по вкусу, он налег на еду, не заметив привкуса 15 миллиграммов стесолида из растертой в порошок таблетки.

Туре Бьёрген посмотрел на спящего Христо, который голышом лежал на животе на его постели. Дышал он ровно и глубоко, невзирая на кляп. И не делал ни малейших поползновений проснуться, пока Туре готовился к небольшому развлечению. Транквилизатор он купил у взбудораженного наркомана на улице, прямо возле «Бисквита», по пятнадцать крон за таблетку. Остальное тоже обошлось недорого. Наручники, ножные цепи, кляп с маской и шнурок с блестящими анальны-

ми шариками продавались в так называемом наборе для начинающих, который он приобрел через Интернет всего за 599 крон.

Одеяло валялось на полу, кожа Христо поблескивала в неверном свете стеариновых свечей, расставленных по всей комнате. На фоне белой простыни тело Христо напоминало перевернутый игрек. Скованные руки привязаны к изголовью солидной латунной кровати, ноги раздвинуты, и каждая прикована к столбику в изножье. Под живот парня Туре сумел подсунуть подушку, приподняв ему зад.

Туре взял коробочку с вазелином, открыл, мазнул пальцем, другой рукой развел ягодицы Христо. И опять подумал, что совершает насилие. Иначе не назовешь. И от этой мысли, от одного слова «насилие» сразу возбудился.

Вообще-то он не был на сто процентов уверен, что Христо стал бы очень уж возражать против подобных игр. Судя по кой-каким туманным намекам. Тем не менее затевать игру с убийцей опасно. Здорово опасно. Но не безрассудно. Парня так и так посадят пожизненно.

Он глянул на свой возбужденный член. Взял из коробки анальные шарики и резко потянул за концы тонкого, но прочного нейлонового

шнурка, на который, точно бусы, были нанизаны шарики, от самого маленького в начале до самого большого, с мячик для гольфа, в конце. По инструкции их надлежало вводить в анальное отверстие и медленно вытягивать, достигая максимальной стимуляции нервов вокруг означенного чувствительного отверстия. Шарики разноцветные, и если не знать их назначения, легко принять их за нечто совсем другое. Туре улыбнулся своему искаженному отражению в самом большом шаре. Отец наверняка слегка удивится, развернув рождественский подарок от Туре, который слал поздравления из Кейптауна и надеялся, что подарок украсит елку. Но никому из родни в Вегорсхее в голову не придет, что за шарики блестят на елке, меж тем как они, распевая и непременно держась за руки, водят хоровод. И где эти шарики побывали раньше.

Харри провел Беату и двух ее ассистентов вниз по лестнице в подвал, где консьерж открыл дверь и впустил их в мусоросборник. Один из ассистентов — новенькая девушка, чье имя Харри помнил ровно три секунды.

— Там, наверху, — сказал он.

Трое криминалистов, облаченные в белые комбинезоны вроде как у пасечников, осторожно

собрались под отверстием шахты, лучи их фонариков исчезли в черной дыре. Харри смотрел на новую ассистентку, ждал реакции у нее на лице. А когда дождался, невольно подумал о коралловых полипах, которые инстинктивно сжимаются от прикосновений ныряльщиков. Беата едва заметно качнула головой, словно водопроводчик, рассматривающий лопнувшую от мороза трубу.

— Энуклеация, — сказала она. Звуки голоса гулко отдались в шахте. — Ты записываешь, Маргарет?

Девушка-ассистент учащенно дышала, разыскивая за пазухой комбинезона блокнот и ручку.

— Как-как? — переспросил Харри.

— Левое глазное яблоко удалено. Маргарет?

— Пишу, пишу, — отозвалась ассистентка.

— Женщина висит вниз головой, по-видимому, тело застряло в шахте. Из глазницы капает кровь, а внутри ее я вижу белые полоски — должно быть, внутренняя сторона черепа просвечивает сквозь ткани. Кровь темно-красная, то есть свернувшаяся уже некоторое время назад. Судмедэксперт измерит температуру тела и определит степень окоченения, когда приедет. Успеваешь?

— Да, вполне, — сказала Маргарет.

— На люке на четвертом этаже, где был най-

ден глаз, обнаружены следы крови, так что тело предположительно сбросили в шахту именно там. Отверстие узкое, и отсюда видно, что правое плечо вывихнуто. Вероятно, это произошло, когда ее пропихивали в люк или когда тело застряло в трубе. С этой позиции видно плохо, но, по-моему, у нее на шее синяки, то есть имеет место удушение. Судмедэксперт осмотрит плечо и установит причину смерти. В общем-то, мы больше ничего сделать не можем. Давай, Гильберг.

Беата посторонилась, второй ассистент сделал несколько снимков со вспышкой.

— А что это такое желтовато-белое в глазнице? — спросил он.

— Жир, — ответила Беата. — Покопайся тут, посмотри, нет ли чего-нибудь, что могло бы принадлежать убитой или убийце. Потом позови с улицы полицейских, они помогут вытащить тело. Маргарет, ты пойдешь со мной.

Они вышли в коридор. Маргарет вызвала лифт.

— Мы поднимемся по лестнице, — как бы невзначай сказала Беата.

Маргарет с удивлением посмотрела на начальницу, но молча пошла следом за нею и Харри.

— Скоро подъедут еще трое моих сотрудни-

ков, — сказала Беата, отвечая на безмолвный вопрос Харри. Он перешагивал через две ступеньки, однако эта миниатюрная женщина не отставала. — Свидетели есть?

— Пока нет, — сказал Харри. — Я послал двоих полицейских обойти квартиры в этом доме. А затем в соседних.

— С фотографиями Станкича?

Харри взглянул на нее: иронизирует, что ли? Но так и не понял.

— Каково твое первое впечатление? — поинтересовался он.

— Мужчина, — ответила Беата.

— Потому что преступник должен обладать достаточной силой, чтобы сбросить ее в шахту?

— Пожалуй.

— А еще?

— Харри, у нас есть сомнения насчет того, кто это совершил? — вздохнула она.

— Да, Беата, есть. Мы всегда в сомнении, пока не знаем точно. — Харри обернулся к Маргарет, которая, запыхавшись, шла следом: — А каково твое первое впечатление?

— Что?

Они свернули на площадку четвертого этажа. Корпулентный мужчина в твидовом костюме

и твидовом пальто нараспашку стоял у дверей квартиры Юна Карлсена, явно поджидая их.

— Я имею в виду, что́ ты почувствовала, войдя в квартиру, и потом, когда смотрела в шахту.

— Почувствовала? — переспросила Маргарет со смущенной улыбкой.

— Да, почувствовала! — пророкотал Столе Эуне, протягивая руку, которую Харри не замедлил пожать. — Следуйте за мной и учитесь, так как это знаменитое евангелие от Холе. Прежде чем ступить на место происшествия, надо выбросить из головы все мысли, стать новорожденным бессловесным младенцем, открытым для священного первого впечатления, для важнейших первых секунд, которые дают тебе огромный и единственный шанс увидеть, что произошло, пока на тебя не обрушилась лавина подробностей. Прямо как заклинание, верно? Стильный комбинезончик, Беата. А кто твоя очаровательная коллега?

— Это Маргарет Свеннсен.

— Столе Эуне, — представился мужчина, целуя обтянутую перчаткой руку Маргарет. — Господи, на вкус резина, деточка.

— Эуне — психолог, — сказала Беата. — Он обычно нам помогает.

– *Пытается* помогать, — уточнил Эуне. — Пси-

хология как наука, к сожалению, по-прежнему ребенок в коротких штанишках и только лет через пятьдесят или сто сможет оказывать серьезную помощь следствию. И каков же будет ответ на вопрос Холе, деточка?

Маргарет умоляюще взглянула на Беату.

— Я… я не знаю, — сказала она. — Довольно мерзко, ну, с этим глазом.

Харри отпер дверь.

— Ты же знаешь, я не выношу вида крови, — предупредил Эуне.

— Представь себе, что глаз стеклянный, — сказал Харри, открыл дверь и посторонился. — Иди по пластику и ни к чему не прикасайся.

Эуне осторожно ступил на дорожку из черного пластика на полу. Сел на корточки подле глаза, который так и лежал в куче пыли рядом с пылесосом, только подернулся серым налетом.

— Это называется энуклеация, — сказал Харри.

Эуне приподнял брови.

— Произведенная пылесосом, приставленным к глазу?

— Одним пылесосом тут не обойдешься, — продолжал Харри. — Пылесосом преступник высосал глаз из глазницы, захватил пальцами и вырвал. Мышцы и глазной нерв требуют усилия.

— Чего ты только не знаешь, Харри.

— Однажды мне довелось арестовать женщину, утопившую своего ребенка в ванне. Сидя в КПЗ, она вырвала себе глаз, и врач посвятил меня в технические детали.

За спиной послышался судорожный вздох Маргарет.

— Само по себе удаление глаза не смертельно, — сказал Харри. — Беата считает, что женщину, вероятно, задушили. Какие у тебя соображения?

— Это, разумеется, дело рук человека с эмоциональным или умственным дисбалансом, — ответил Эуне. — Членовредительство свидетельствует о неподконтрольной ярости. И конечно же, то, что преступник решил сбросить тело в мусоропровод, может иметь практические причины…

— Вряд ли, — заметил Харри. — Если он хотел, чтобы тело нашли не сразу, куда разумней было бы оставить его в пустой квартире.

— В таких случаях подобные действия зачастую носят более или менее символический характер.

— Хм. Вырвать глаз и обойтись с телом как с мусором?

— Да.

Харри посмотрел на Беату:

— Не похоже на профессионального киллера.

Эуне пожал плечами:

— Все-таки можно подумать на злобного профессионального киллера.

— У профессионалов, как правило, есть метод, на который они полагаются. До сих пор Христо Станкич стрелял в своих жертв.

— Может, у него в ходу не один способ, — сказала Беата. — Или, может, жертва ненароком застала его в квартире.

— А стрелять он не стал, чтобы не будоражить соседей, — вставила Маргарет.

Трое остальных обернулись к ней.

Она испуганно улыбнулась:

— В смысле… может, ему требовалось время, чтобы тихо-мирно побыть в квартире. Может, он что-то искал.

Харри заметил, что Беата быстро задышала носом и еще больше побледнела.

— Как тебе все это? — обратился он к Эуне.

— В точности как психология, — ответил тот. — Масса вопросов. А в ответ сплошь гипотезы.

Когда они вышли на улицу, Харри спросил у Беаты, что с ней случилось.

— Просто затошнило немного.

— Да? Болеть тебе сейчас воспрещается. Ясно?

В ответ она загадочно улыбнулась.

Проснувшись, он открыл глаза и увидел трепетные блики света на белом потолке. Все тело и голова болели, его знобило. Рот чем-то заткнут. А при попытке пошевелиться он обнаружил, что руки и ноги привязаны. Поднял голову. В зеркале у кровати, озаренном пламенем свечей, увидел, что раздет догола, а на голову нахлобучено что-то черное вроде конской сбруи. Один ремешок шел поперек лица, во рту торчал черный шар кляпа. Запястья в наручниках, на ногах что-то наподобие черных манжетов. Он неотрывно смотрел в зеркало. На простыне между ног — шнурок, исчезающий между ягодицами. На животе что-то белое. Похоже, сперма. Он откинул голову на подушку, закрыл глаза. Хотел закричать, но сообразил, что кляп задушит все попытки.

Из гостиной донесся голос:

— Алло! Полиция?

Полиция? Polizei? Police?

Он заметался на кровати, рванул руки к себе и охнул от боли, когда наручники до крови врезались в кожу. Повернул запястья, ухватил пальцами цепочку, соединяющую браслеты. Сталь наручников. Арматурная сталь. Отец говорил, что стройматериалы почти всегда производятся так, чтобы выдерживать нагрузку в

одном определенном направлении, и что в искусстве скручивать арматуру главное — знать, в каком направлении она окажет минимальное сопротивление. Цепочка меж браслетами не рассчитана на то, что их будут дергать в стороны, на разрыв.

Телефонный разговор в гостиной продолжался недолго, снова настала тишина.

Он приложил место крепления цепочки с наручником к кроватной решетке, но дергать не стал, начал проворачивать. Через четверть часа цепочка провертела щель и застряла. Он попробовал продолжить, увы, безуспешно. Попробовал еще раз, но руки только скользили по железу.

— Алло? — послышалось из гостиной.

Он глубоко вздохнул. Закрыл глаза и на фоне пучков арматуры на стройке увидел отца в рубахе с коротким рукавом, с сильными мускулистыми предплечьями; отец шепнул: «Отбрось сомнения. Напряги волю. У железа воли нет, поэтому оно всегда проигрывает».

Туре Бьёрген нетерпеливо барабанил пальцами по зеркалу в стиле рококо, декорированному жемчужно-серым муслином. Владелец антикварного магазина говорил, что, вообще-то, «рококо» слово уничижительное, производное от фран-

цузского rocaille, сиречь гротеск. Задним числом Туре уразумел, что именно это перевесило чашу весов и заставило его взять кредит и выложить двенадцать тысяч крон за это зеркало.

Центральный коммутатор полиции пытался связать его с убойным отделом, но там никто не отвечал, и теперь они пробовали связаться с оперчастью уголовной полиции.

Из спальни доносился шум. Скрежет цепочки по решетке кровати. Похоже, стесолид все же не слишком действенное снотворное.

— Оперчасть. — Спокойный негромкий голос.

Туре невольно вздрогнул.

— Да… я насчет вознаграждения… за… э-э… того киллера, который застрелил парня из Армии спасения.

— С кем я говорю и откуда вы звоните?

— Туре. Из Осло.

— А точнее?

Туре сглотнул. По вполне обоснованным причинам он пользовался правом скрывать свой номер и знал, что сейчас на дисплее оперчасти высветилось: «номер не опознан».

— Я могу вам помочь. — Голос у Туре чуть не сорвался на фальцет.

— Сначала мне надо знать…

— Он здесь. Скован по рукам и ногам.

— Вы кого-то сковали? Так?

— Он же киллер, убийца. Он опасен, я сам видел его в ресторане, с пистолетом. Его зовут Христо Станкич. Я видел это имя в газете.

Мгновение на другом конце линии царила тишина. Потом голос раздался снова, по-прежнему негромкий, но уже чуть менее бесстрастный:

— Спокойно. Расскажите, кто вы и где находитесь, мы немедля приедем.

— А как насчет вознаграждения?

— Если в итоге будет схвачен искомый подозреваемый, я подтвержу, что вы оказали нам помощь.

— И мне сразу выплатят вознаграждение?

— Да.

Туре задумался. О Кейптауне. О святочных гномах под палящим солнцем. В телефоне что-то скрипнуло. Он набрал воздуху, собираясь ответить, и тут бросил взгляд в свое дорогущее зеркало. В тот же миг он понял разом три вещи. Что скрипело не в телефоне. Что высококачественных наручников в наборе для начинающих за 599 крон по почте не получишь. И что с большой вероятностью свое последнее Рождество он уже отпраздновал.

— Алло? — послышалось в телефоне.

Туре Бьёрген и рад был ответить, но тонкий нейлоновый шнурок с блестящими шариками, так похожий на елочное украшение, перекрыл доступ воздуху, необходимому для работы голосовых связок.

Глава 19
Пятница, 18 декабря. Контейнер

Четыре человека сидели в машине, которая ехала сквозь тьму и метель по дороге, окаймленной высокими сугробами.

— Эстгор вон там, левее, — сказал Юн.

Он сидел сзади, обнимая за талию перепуганную Теа.

Халворсен свернул на проселок. Харри смотрел на разбросанные тут и там усадьбы, светящиеся огнями то на взгорках, словно маяки, то в рощах.

Когда Харри сказал, что квартира Роберта уже не годится как надежное укрытие, Юн сам предложил Эстгор. И настоял, чтобы Теа поехала вместе с ним.

Халворсен зарулил во двор между белым жилым домом и красным сенным сараем.

— Мы позвоним соседу, попросим его приехать на тракторе и немного расчистить снег, — сказал Юн, когда они, утопая в свежих сугробах, шли к дому.

— Ни в коем случае, — отрезал Харри. — Никто не должен знать, что вы здесь. Даже в полиции.

Юн подошел к стене дома возле крыльца, отсчитал пять досок вбок, сунул руку в снег и под дощатую обшивку.

— Вот он. — В руке он держал ключ.

В доме, казалось, было еще холоднее, чем снаружи, крашеные деревянные стены заледенели, и голоса отдавались гулким эхом. Они потопали ногами, стряхивая снег с обуви, и прошли в большую кухню с деревянным обеденным столом, буфетом, лавкой и плитой в углу.

— Я затоплю, — сказал Юн, выдохнув облако морозного пара, потер руки. — Под лавкой есть дрова, но надо бы принести побольше из сарая.

— Могу сходить, — вызвался Халворсен.

— Проложите тропинку. На крыльце стоят две лопаты.

— Я с вами, — тихонько пробормотала Теа.

Снегопад резко прекратился, прояснилось. Харри курил у окна, глядя, как Халворсен и Теа в белом свете луны расчищают дорожку. В печи потрескивал огонь, Юн сидел на корточках, смотрел на языки пламени.

— Как ваша подруга отнеслась к истории с Рагнхильд Гильструп? — спросил Харри.

— Она меня простила. Ведь это было до нее.

Харри изучал свою сигарету.

— Все еще никаких соображений насчет того, что Рагнхильд Гильструп могла делать в вашей квартире?

Юн покачал головой.

— Не знаю, заметили вы или нет, — сказал Харри, — но нижний ящик вашего письменного стола был взломан. Что вы там держите?

Юн пожал плечами.

— Личные вещи. Письма в основном.

— Любовные? К примеру, от Рагнхильд?

Юн покраснел.

— Я… я не помню. Бóльшую часть выбросил, хотя, возможно, сохранил одно или два. Но ящик был заперт.

— Чтобы Теа их не нашла, оставшись одна в квартире?

Юн медленно кивнул.

Харри вышел на крыльцо, напоследок затянулся сигаретой, бросил окурок в снег и достал мобильник. После третьего гудка Гуннар Хаген ответил.

— Я перевез Юна Карлсена в другое место, — сказал Харри.

— Уточните.

— Незачем.

— Пардон?

— Это место безопаснее прежнего. Халворсен останется здесь на ночь.

— Где, Холе?

— Здесь.

Слушая молчание в трубке, Харри догадывался, что́ будет. Наконец Хаген снова заговорил, тихо, но очень отчетливо:

— Холе, ваш начальник только что задал вам конкретный вопрос. Не отвечать — значит игнорировать приказ. Я ясно выражаюсь?

Харри часто думал, что как-то не так устроен, что ему бы не помешало иметь чуть побольше инстинкта выживания в обществе, какой присущ большинству. Но ему это не дано, не дано, и всё.

— Почему вам так важно это знать, Хаген?

Голос Хагена дрожал от ярости:

— Я скажу, когда вам можно задавать вопросы, Холе. Ясно?

Харри ждал. Долго. А услышав, как Хаген глубоко вздохнул, сказал:

— Усадьба Скансен.

— Что?

— Прямо к востоку, недоезжая Стрёмма, полицейского полигона в Лёренскуге.

— Так-так, — в конце концов проговорил Хаген.

Харри отключился, набрал новый номер, глядя на освещенную луной Теа, которая смотрела в сторону уборной. Она перестала чистить снег и замерла в странно оцепенелой позе.

— Скарре у телефона.

— Это Харри. Что нового?

— Ничего.

— Никаких подсказок?

— Ничего серьезного.

— Но народ звонит?

— А то! Слыхали ведь, что обещано вознаграждение. Плохая идея, по-моему. Только масса лишней работы для нас.

— Что говорят?

— Ну что они могут говорить? Описывают похожие лица, которые видели. Самое забавное: в оперчасть позвонил один парень, заявил, что Станкич у него, прикован к кровати, и допытывался, достаточно ли этого для вознаграждения.

Харри подождал, пока Скарре отсмеется.

— А как они установили, что он врет?

— Не понадобилось, он повесил трубку. Запутался, видать. Твердил, что видел Станкича раньше. С пистолетом, в ресторане. Чем вы-то занимаетесь?

— Мы… Что ты сказал?

— Я думал…

— Нет. Насчет того, что он видел Станкича с пистолетом.

— Ха-ха, фантазия у народа ого-го, верно?

— Свяжи-ка меня с дежурным из оперчасти, с которым ты говорил.

— Так ведь…

— Давай, Скарре.

Скарре переключил его, Харри поговорил со старшим и уже после двух-трех фраз попросил побыть на линии.

— Халворсен! — Голос Харри раскатился по двору.

— Да? — Халворсен вышел на лунный свет перед сараем.

— Как звали официанта, который видел в туалете парня с пистолетом, перемазанным в мыле?

— Как я могу помнить?

— Мне плевать как, вспоминай.

Эхо гудело в ночной тишине между стенами дома и сарая.

— Туре вроде бы. Кажется.

— Точно! Он и по телефону назвался Туре. А теперь, милок, вспомни фамилию.

— Э-э… Бьёрг? Нет. Бьёранг? Нет…

— Давай, Лев Яшин!

— Бьёрген. Точно. Бьёрген.

— Брось лопату, возьми с полки пирожок.

Патрульная машина ждала их, когда Халворсен и Харри двадцать минут спустя проехали мимо Вестканторг и свернули на Шивес-гате, к дому Туре Бьёргена, адрес которого дежурный получил у метрдотеля «Бисквита».

Поравнявшись с патрульной машиной, Халворсен затормозил и опустил окно.

— Третий этаж, — сказала полицейская за рулем и показала на освещенное окно на сером фасаде.

Харри перегнулся через Халворсена к окну.

— Мы с Халворсеном поднимемся в квартиру. Один из вас остается здесь, на связи с оперчастью, один пойдет с нами, будет держать под наблюдением черный ход. У вас в багажнике найдется ружье? Я позаимствую.

— Найдется, — ответила полицейская.

Ее коллега наклонился к окну:

— Вы Харри Холе, да?

— Верно.

— В оперчасти сказали, у вас нет разрешения на оружие.

– *Не было*.

— А-а.

Харри усмехнулся.

— Проспал первые осенние стрельбы. Но могу вас порадовать: на вторых я был третьим во всем корпусе. О'кей?

Патрульные переглянулись.

— Ладно, — буркнул полицейский.

Харри распахнул дверцу, замерзшие резиновые прокладки хрустнули.

— Ну что ж, проверим, что там с этим звонком.

Второй раз за два дня Харри держал в руках MP-5, когда позвонил по домофону в квартиру некоего Сейерстедта и объяснил перепуганной женщине, что они из полиции. И что она может подойти к окну и убедиться, а потом уж открыть. Она так и сделала. Полицейская прошла во двор, стала там, меж тем как Халворсен и Харри поднялись по лестнице.

Латунная табличка с черной надписью «Туре Бьёрген» красовалась над звонком. Харри вспомнил, как Бьярне Мёллер во время первого задержания научил его простейшему и весьма эффективному способу выяснить, есть ли кто дома. Он приложил ухо к дверному стеклу. Ни звука.

— Заряжен и снят с предохранителя? — шепнул Харри напарнику.

Халворсен достал табельный револьвер и стал

у стены слева от двери.

Харри позвонил.

Затаил дыхание, прислушался.

Позвонил еще раз.

— Ломать или не ломать, вот в чем вопрос, — прошептал Харри.

— В таком случае надо сначала позвонить адъютанту полиции и получить разрешение на обыск.

Звон стекла оборвал фразу Халворсена, приклад автомата ударил по двери. Харри быстро сунул руку внутрь и отпер.

Они скользнули в прихожую, Харри жестом показал Халворсену, какие двери надо проверить. А сам стремительно прошел в гостиную. Пусто. Но он тотчас заметил, что по зеркалу над телефоном ударили чем-то твердым. Посредине выпал круглый осколок, а от отверстия, как от черного солнца, разбегались к золоченой узорной раме черные лучи. Харри сосредоточился на приоткрытой двери в дальнем конце гостиной.

— На кухне и в ванной никого, — шепнул за спиной Халворсен.

— О'кей. Будь готов.

Харри двинулся к двери. Он уже почуял. Если тут что-то есть, то именно за этой дверью. На

улице затарахтел дефектный выхлоп. Вдали взвизгнул тормозами трамвай. Харри заметил, что инстинктивно сжался. Словно стараясь уменьшиться в размерах.

Стволом автомата он толкнул дверь, быстро шагнул внутрь и прижался к стене, чтобы противник не видел его силуэта в проеме. Держа палец на спуске, подождал, пока глаза привыкнут к темноте.

В свете, падавшем из гостиной, он увидел большую кровать с латунными спинками. Из-под одеяла торчали две голые ноги. Он шагнул вперед, взялся одной рукой за угол одеяла, откинул его.

— Господи Иисусе! — вырвалось у Халворсена.

Он остановился в дверях и, недоверчиво глядя на кровать, медленно опустил револьвер.

Он примерился, глядя на колючую проволоку поверху ограды. Разбежался и прыгнул. Движениями гусеницы полез вверх, как учил Бобо. Пистолет в кармане ударил по животу, когда он перебросил тело через сетку. Стоя на обледенелом асфальте по другую сторону, в свете фонаря обнаружил, что здорово порвал синюю куртку. Из прорехи торчал белый синтепон.

Какой-то звук заставил его укрыться в тени контейнеров, которые ровными рядами стояли

друг на друге на большой прибрежной территории. Прислушался, глянул по сторонам. Ветер тихонько завывал в рассохшихся окнах ветхого деревянного барака.

Непонятно почему он чувствовал, что за ним наблюдают. Нет, не наблюдают, но его заметили, обнаружили. Кто-то знает, что он здесь, даже не видя его. Он обвел взглядом освещенную ограду — нет ли сигнализации. И правда нет.

Обойдя два ряда контейнеров, он нашел один незапертый. Забрался в непроглядный мрак и тотчас сообразил, что ничего не выйдет, что если уснет здесь, то насмерть замерзнет. Почувствовал движение воздуха, когда закрывал дверь, — словно побывал внутри какой-то подвижной глыбы.

Газетная бумага шуршала при каждом шаге. Нужно согреться.

Снаружи он снова почувствовал, что за ним наблюдают. Пошел к бараку, взялся за отставшую доску, потянул. С сухим хрустом она оторвалась. Ему почудилось какое-то быстрое движение вокруг. Но видел он только мерцающие огни уютных гостиниц у Центрального вокзала да темную пасть своего нынешнего пристанища. Отодрав еще две доски, вернулся к контейнеру. Там, где намело снегу, виднелись следы. От лап. Больших

лап. Сторожевая собака. Следы были здесь и раньше? Он наломал щепок, прислонив доски к железной стене у самого входа в контейнер. Дверь оставил приоткрытой в надежде, что дым частью вытянет наружу. Спички из Приюта лежали в том же кармане, что и пистолет. Он поджег газету, сунул ее под щепки, протянул руки над огнем. Язычки пламени осветили ржавую стенку.

Он думал о перепуганных глазах официанта, когда тот, глядя в дуло пистолета, выгребал из карманов мелочь и твердил, что это все, больше денег нет. Хватило на гамбургер и билет на метро. Слишком мало, чтобы найти убежище, спрятаться, согреться, поспать. К тому же официант сдуру сказал, что предупредил полицию и они уже выехали. Поэтому он сделал то, что должен был сделать.

Пламя освещало снег снаружи. Его внимание привлекли собачьи следы прямо у входа. Странно, что он их не заметил, когда первый раз подошел к контейнеру. Слушал свое дыхание, которое отдавалось эхом от стенок железного ящика и звучало так, будто здесь был кто-то еще, а взглядом скользил по следам. Он замер. Его следы пересекали след собаки. А посреди отпечатка своего ботинка он увидел след лапы.

Он резко закрыл дверь и в глухом грохоте погасил огонь, только края газеты тлели в кромешной тьме. Дыхание участилось. Снаружи что-то есть, что-то охотится на него, чует его, узнаёт. Он затаил дыхание. И тут понял: это что-то не снаружи. И слышал он не эхо своего дыхания. Оно здесь, внутри. В отчаянии он полез в карман за пистолетом и только успел подумать, как странно, что не слышно ни рычания, ни иного звука. И наконец услышал — тихое царапанье когтей, отталкивающихся от железного пола. Он успел только поднять руку — но тут челюсти сомкнулись вокруг нее, и боль заставила все мысли рассыпаться дождем осколков.

Харри оглядел кровать и то, что предположительно было Туре Бьёргеном.

Подошел Халворсен, стал рядом, прошептал:

— Господи Иисусе! Что здесь случилось?

Не отвечая, Харри отстегнул замок черной маски, закрывавшей лицо человека на кровати, вытащил кляп. Накрашенные губы и подведенные глаза живо напомнили ему Роберта Смита, вокалиста группы «Cure».

— Это официант, с которым ты говорил в «Бисквите»? — спросил Харри, краем глаза осматривая комнату.

— Вроде он. Господи, что он на себя напялил?

— Латекс, — сказал Харри.

Он тронул кончиками пальцев металлические опилки на простыне, подцепил несколько крупинок, положил рядом с полупустым стаканом воды на ночном столике. Там лежала таблетка. Харри присмотрелся к ней.

— Ненормально все это, — простонал Халворсен.

— Одна из форм фетишизма, — отозвался Харри. — И в таком плане ничуть не более ненормально, чем, к примеру, женщина в мини-юбке и в поясе с чулками, при виде которой тебя заводит.

— Униформы, — сказал Халворсен. — Любые. Как у медсестер, у парков…

— Спасибо, — оборвал его Харри.

— Как по-твоему? Отравился таблетками?

— Спроси у него, — сказал Харри, взял с ночного столика стакан, выплеснул воду в лицо на подушке.

Халворсен, открыв рот, уставился на инспектора.

— Не будь ты заранее уверен в самоубийстве, услышал бы, что он дышит, — пояснил Харри. — Это стесолид. Чуть похуже валиума.

Человек на кровати зевнул. Потом лицо скривилось, он закашлялся.

Харри сел на край кровати, подождал, пока до смерти перепуганные, но тем не менее крохотные зрачки официанта сфокусируются на его персоне.

— Мы из полиции, Бьёрген. Извини, что так ворвались, но нам казалось, у тебя тут есть кое-что, что мы разыскиваем. Хотя, судя по всему, его тут уже нет.

Глаза на подушке дважды моргнули.

— О чем вы? — плаксивым голосом спросил Бьёрген. — Как вы сюда вошли?

— Через дверь, — сказал Харри. — Вдобавок у тебя нынче вечером был гость.

Парень помотал головой.

— Так ты сказал полицейскому по телефону, — заметил Харри.

— Никого здесь не было. И в полицию я не звонил. Мой номер не распознается. Вы не можете отследить звонок.

— Еще как можем. И между прочим, я не говорил, что ты звонил. По телефону ты сообщил, что у тебя тут кое-кто прикован к кровати, и я вижу на простыне опилки от латунного изголовья. Да и зеркало вон там тоже пострадало. Он сбежал,

Бьёрген?

Парень в замешательстве смотрел то на Харри, то на Халворсена.

— Он тебе угрожал? — Харри говорил тихо, монотонно. — Сказал, что вернется, если ты скажешь нам хоть словечко? Так? Ты боишься?

Бьёрген открыл рот. Возможно, из-за кожаной маски Харри подумал: заблудившийся пилот. Роберт Смит в полной отключке.

— Они всегда так говорят, — продолжал Харри. — Но знаешь, если бы он всерьез имел это в виду, ты бы уже отправился на тот свет.

Парень уставился на Харри.

— Тебе известно, куда он пошел, Бьёрген? Он взял что-нибудь? Деньги, одежду?

Молчание.

— Давай выкладывай, это важно. Он намерен найти и убить еще одного человека в Осло.

— Не понимаю, о чем вы, — прошептал Туре Бьёрген, не отрывая взгляда от Харри. — Будьте добры, уйдите, а?

— Конечно, мы уйдем. Но должен предупредить: ты рискуешь, можно предъявить тебе обвинение в том, что ты помог спрятаться беглому убийце. И в худшем случае закон квалифицирует это как соучастие в убийстве.

— Да чем вы это докажете? Ладно, я, может, и звонил в полицию. Блефовал. Повеселиться хотел. Ну и что?

Харри встал.

— Как хочешь. Мы уходим. Оденься, собери вещички. Я пришлю за тобой наших ребят, Бьёрген.

— За мной?

— Возьмем тебя под арест. — Харри сделал Халворсену знак: уходим.

— Под арест? Меня? — Плаксивость как рукой сняло. — За что? Вы же ни хрена не докажете.

Харри показал ему таблетку, зажатую между пальцами:

— Стесолид продается по рецептам, как наркотик типа амфетамина и кокаина, Бьёрген. Так что даже если ты предъявишь рецепт, мы все равно должны арестовать тебя за хранение. До двух лет тюрьмы.

— Шутите.

Бьёрген приподнялся в постели, схватил с полу одеяло. Похоже, только сейчас сообразил, в каком он виде.

Харри пошел к двери.

— Лично я совершенно с тобой согласен, Бьёрген, норвежское законодательство чертовски

сурово, что касается мягких наркотиков. Поэтому в иных обстоятельствах я, может, и посмотрел бы сквозь пальцы. Будь здоров.

— Погодите!

Харри остановился. В ожидании.

— Его б-братья… — пролепетал Туре Бьёрген.

— Братья?

— Он сказал, если с ним в Осло что случится, его братья придут за мной. Ну, если его арестуют или убьют, они придут за мной, непременно. Сказал, что его братья обычно пользуются кислотой.

— У него нет братьев, — сказал Харри.

Туре Бьёрген поднял голову, посмотрел на высоченного полицейского и удивленно спросил:

— Нет?

Харри медленно качнул головой.

Бьёрген ломал руки.

— Я… я принял эти таблетки потому только, что нервы сдали. Они ведь от этого, верно?

— Куда он пошел?

— Он не говорил.

— Деньги он у тебя взял?

— Так, мелочь. Потом ушел. А я… я сидел тут, и мне было очень страшно… — Он вдруг всхлипнул и замолчал, съежился под одеялом. — Мне и сейчас страшно.

Харри посмотрел на плачущего парня:

— Если хочешь, можешь сегодня заночевать в КПЗ.

— Нет, я тут останусь, — опять всхлипнул Бьёргген.

— Ладно. Кто-нибудь из наших зайдет к тебе утречком потолковать.

— Хорошо. Погодите! Если вы его задержите…

— Да?

— Вознаграждение остается в силе, верно?

Костер разгорелся вовсю. Пламя отсвечивало в треугольном осколке стекла, который он вытащил из разбитого окна барака. Он принес еще дров и чувствовал, что начинает оттаивать. Ночью будет хуже, но он жив. Перевязал окровавленные пальцы лоскутом рубашки, который отрезал стеклом. Челюсти собаки сомкнулись вокруг руки с пистолетом. Вокруг пистолета.

По стене контейнера плясала тень черного метцнера, подвешенного к потолку. Пасть открыта, тело вытянуто, закоченело в последней безмолвной атаке. Задние лапы связаны стальной проволокой, пропущенной сквозь щели в гофрированной железной крыше. Кровь из пасти и дырки за ухом, где вышла пуля, мерно капала на пол. Он так и не понял, что заставило пальцы

нажать на спуск — собственные его мышцы или укус собаки, но он все еще словно бы ощущал дрожь, прокатившуюся по контейнеру после выстрела. Седьмого с тех пор, как он очутился в этом окаянном городе. Теперь в обойме осталась всего одна пуля.

Одной, конечно, достаточно, только вот как найти Юна Карлсена? Ему необходим кто-нибудь, кто выведет его на след. Он подумал о полицейском. О Харри Холе. Имя вроде бы не совсем обычное. Вероятно, отыскать его не составит большого труда.

Часть третья
Распятие

Глава 20
Пятница, 18 декабря. Храм

Световое табло возле «Вика-Атриума» показывало минус восемнадцать, а время близилось к двадцати одному часу, когда Харри и Халворсен, стоя в стеклянном лифте, смотрели, как фонтан с тропическими растениями вокруг уходит вниз, становится все меньше.

Халворсен хотел что-то сказать, но раздумал. И тотчас снова открыл рот.

— Стеклянный лифт — классная штука, — сказал Харри. — Так здорово ехать вверх.

— О да.

— Введение и вопросы — за тобой. Затем постепенно включусь я. О'кей?

Халворсен кивнул.

Едва они сели в машину после визита к Туре Бьёргену, как позвонил Гуннар Хаген и попросил Харри съездить в «Вика-Атриум», где их ждут Алберт и Мадс Гильструпы, отец и сын, готовые дать показания. Харри заметил, что вообще-то обычная процедура не предусматривает вызов полиции для снятия показаний и что он поручил

заняться этим Скарре.

— Алберт — давний знакомый начальника уголовной полиции, — объяснил Хаген. — Он только что звонил и сказал, что они твердо решили дать показания не кому иному, как руководителю расследования. Без адвоката, и это плюс.

— Ладно…

— Отлично. Ценю вашу любезность.

Стало быть, на сей раз не приказ.

Невысокий господин в синем блейзере ждал их у лифта.

— Алберт Гильструп, — сказал он, едва приоткрыв безгубый рот, и коротко, решительно пожал Харри руку.

Седой, лицо в морщинах, дубленое, но глаза молодые, они настороженно изучали Харри, пока он вел их к двери с табличкой «Гильструп АО».

— Хочу предупредить, что случившееся очень подействовало на моего сына, — сказал Алберт Гильструп. — Тело так изуродовано, а Мадс, к сожалению, весьма впечатлительная натура.

По манере выражаться Харри заключил, что Алберт Гильструп либо реалист, сознающий, что покойникам уже ничем не поможешь, либо невестка занимала в его сердце не слишком много места.

В маленькой, но изысканно обставленной приемной висели известные полотна с норвежскими национально-романтическими пейзажами, которые Харри много раз видел. Только сейчас он был не вполне уверен, что перед ним репродукции.

Когда они вошли в просторный кабинет, Мадс Гильструп сидел, глядя в стеклянную стену, выходящую на внутренний дворик. Отец кашлянул, и сын медленно обернулся, словно его вырвали из грез, с которыми он не хотел расставаться. Прежде всего Харри бросилось в глаза, что сын ничуть не похож на отца. Узкое лицо с мягкими, округлыми чертами, курчавые волосы — Мадс Гильструп выглядел лет на двадцать с небольшим, хотя, как прикинул Харри, было ему изрядно за тридцать. Возможно, все дело во взгляде карих глаз, в их детской беспомощности; Мадс наконец словно бы увидел их, встал.

— Спасибо, что пришли, — хрипло прошептал он, пожимая Харри руку с такой сердечностью, что Харри заподозрил, уж не принял ли он его, полицейского, за священника.

— Ну что вы, — сказал Харри. — Мы все равно собирались поговорить с вами.

Алберт Гильструп опять кашлянул, открыл рот, будто щель на деревянной маске:

— Мадс хочет поблагодарить вас за любезное согласие на нашу просьбу приехать сюда. Мы думали, вы предпочтете разговор в участке.

— А я думал, вы предпочтете встретиться с нами у себя дома, — сказал Харри, обращаясь к Гильструпу-младшему.

Мадс неуверенно покосился на отца и, только когда тот легонько кивнул, ответил:

— Я пока не в силах находиться там. Такая… пустота. Заночую сегодня дома.

— У нас, — уточнил отец, бросив на Мадса взгляд, который, как подумалось Харри, должен был выражать сочувствие, но куда больше смахивал на презрение.

Они сели, отец с сыном положили на стол перед Харри и перед Халворсеном свои визитные карточки. Халворсен ответил тем же. Гильструп-старший вопросительно посмотрел на Харри.

— Мои еще не готовы, — сказал Харри, что соответствовало истине, как всегда. — Но мы с Халворсеном работаем сообща, так что в случае чего достаточно позвонить ему.

Халворсен откашлялся:

— У нас есть несколько вопросов.

Задавая вопросы, Халворсен пытался выяснить, каковы были передвижения Рагнхильд

Гильструп днем, что она делала в квартире Юна Карлсена, кто мог желать ей смерти. На все вопросы отец с сыном только качали головой.

Харри поискал глазами молочник. Он начал с кофе. Явный признак приближения старости. Несколько недель назад он включил неоспоримый битловский шедевр «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера» и испытал разочарование. Этот альбом тоже состарился.

Халворсен читал вопросы из блокнота, записывал, ни на кого не глядя. Попросил Мадса Гильструпа рассказать, где он находился с девяти до десяти утра, то есть, по заключению судмедэксперта, предположительно в момент смерти Рагнхильд.

— Он был здесь, — сказал Алберт Гильструп. — Мы весь день работали здесь вдвоем. Нам предстоит серьезная реорганизация. — Он обернулся к Харри: — Мы не сомневались, что вы об этом спросите. Я читал, что полиция всегда первым делом подозревает мужа.

— С полным основанием, — заметил Харри. — Судя по статистике.

— Согласен, — кивнул Алберт Гильструп. — Но тут не статистика, сударь мой. Тут реальность.

Харри перехватил взгляд ярких голубых глаз

Гильструпа-старшего. Халворсен посмотрел на коллегу словно с опаской.

— Что ж, будем держаться реальности, — сказал Харри. — Меньше качать головой, больше рассказывать. Мадс?

Мадс резко вскинул голову, будто задремал и проснулся. Харри подождал, посмотрел ему в глаза:

— Что вы знали о Юне Карлсене и вашей жене?

— Стоп! — тявкнул деревянный рот Алберта Гильструпа. — Подобная бесцеремонность, возможно, уместна с вашей обычной клиентурой, но не здесь.

Харри вздохнул.

— Если хотите, Мадс, ваш отец останется здесь. Но если надо, я выставлю его за дверь.

Алберт Гильструп рассмеялся. Смехом человека, привыкшего побеждать и наконец-то встретившего достойного противника.

— Скажите, инспектор, мне что же, придется позвонить моему другу, начальнику уголовной полиции, и сообщить, как его люди обращаются с человеком, только что потерявшим жену?

Харри собрался ответить, но Мадс опередил его, на удивление грациозным неторопливым

жестом поднял руку:

— Мы должны постараться найти его. Должны помочь друг другу.

Они ждали, но взгляд Мадса снова скользнул к огромному окну, и больше он ничего не сказал.

— Ол-райт, — бросил Алберт Гильструп, с британским выговором. — Будем говорить, но при одном условии. С вами, Холе, с глазу на глаз. Ваш помощник побудет в приемной.

— Мы так не работаем, — отрезал Харри.

— Мы пытаемся сотрудничать, Холе, однако это требование не предмет для дискуссии. В противном случае придется беседовать через нашего адвоката. Понятно?

Харри подождал, чтоб вскипела злость. Однако она так и не пришла, и он больше не сомневался: да, вправду постарел. Кивнул Халворсену, тот удивился, но встал. Алберт Гильструп дождался, когда за ним закроется дверь.

— Да, мы знакомы с Юном Карлсеном. Мадс, Рагнхильд и я встречались с ним как с экономическим советником Армии спасения. Сделали предложение, весьма выгодное для него лично и тем не менее отвергнутое. Человек, без сомнения, нравственный, цельный. Однако он, разумеется, мог приударить за Рагнхильд, не он первый, не

он последний. Внебрачные связи перестали быть сенсацией для первых полос, как я понимаю. Но то, на что вы намекаете, было невозможно — для самой Рагнхильд. Поверьте, я много лет знал эту женщину. Она не только всеми любимый член семьи, но человек с твердым характером.

— А если я скажу вам, что у нее были ключи от квартиры Юна Карлсена?

— Я больше не желаю это слушать! — отрубил Алберт Гильструп.

Харри посмотрел на стеклянную стену, на отражение Мадса Гильструпа, а отец между тем продолжал:

— Позвольте мне сказать, почему мы хотели встретиться с вами лично, Холе. Вы возглавляете расследование, и мы предполагали назначить бонус, если вы поймаете убийцу Рагнхильд. Двести тысяч крон, если быть точным. Абсолютно конфиденциально.

— Простите? — сказал Харри.

— Ол-райт, — обронил Гильструп. — Сумму можно обсудить. Для нас главное, чтобы это дело стало для вас первоочередным.

— Вы что же, пытаетесь меня подкупить?

Алберт Гильструп кисло улыбнулся.

— Вы драматизируете, Холе. Обдумайте наше

предложение. Вы можете поместить эти деньги в фонд помощи вдовам полицейских, это уже не наше дело.

Харри не ответил. Альберт Гильструп хлопнул ладонями по столу:

— Что ж, думаю, на этом мы закончим. Будем на связи, инспектор.

Халворсен зевал, пока стеклянный лифт бесшумно и мягко падал вниз, вот так же, казалось ему, ангелы в песне незримо слетают на землю.

— Почему ты сразу не выставил этого папашу? — спросил он.

— Он интересный тип.

— Что он говорил без меня?

— Что Рагнхильд замечательная женщина, у которой не могло быть романа с Юном Карлсеном.

— Сами-то они в это верят?

Харри пожал плечами.

— А о чем-нибудь другом говорили?

Харри помедлил.

— Нет, — в конце концов сказал он, глядя вниз, на зеленый оазис с фонтаном среди мраморной пустыни.

— О чем думаешь? — спросил Халворсен.

— Сам пока не знаю. Мадс Гильструп улыбался.

— Ну?

— Я видел его отражение в окне. А ты заметил, что Альберт Гильструп похож на деревянную куклу? С какими выступают чревовещатели?

Халворсен помотал головой.

По Мункедамсвейен они направились в сторону Концертного зала, где по тротуару сновали люди, нагруженные рождественскими подарками.

— Морозно. — Харри поежился. — Жаль, что холод прижимает выхлопные газы к земле. Душит город.

— Все равно лучше, чем тяжелый запах лосьона в кабинете, — заметил Халворсен.

У служебного входа в Концертный зал висел анонс рождественского концерта Армии спасения. На тротуаре под анонсом сидел парень, протягивая прохожим пустую картонную кружку.

— А Бьёргену ты соврал, — сказал Халворсен.

— Что?

— Два года за одну таблетку стесолида? Вдобавок, может, у Станкича и правда девять мстительных братьев.

Харри пожал плечами, взглянул на часы. На собрание Анонимных алкоголиков он опоздал. Пожалуй, самое время послушать слово Божие.

— Но когда Иисус снова приидет на землю, кто сумеет узнать Его? — провозгласил Давид Экхофф, и пламя свечи перед ним затрепетало. — Может быть, Спаситель уже сейчас среди нас, в этом городе?

Негромкий шумок прокатился среди собравшихся в большом белостенном, просто обставленном помещении. В Храме не было ни алтарного образа, ни алтарных перил, только скамья меж собранием и возвышением, чтобы преклонить колени и покаяться в своих грехах. Командир обвел взглядом паству, сделал паузу, потом продолжил:

— Ведь хотя Матфей и пишет, что Спаситель приидет «во славе Своей и все святые Ангелы с Ним», написано также: «Был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня».

Давид Экхофф перевел дух, перевернул страницу и оглядел собравшихся, а затем продолжил, не глядя в Писание:

— «Тогда и они скажут Ему в ответ: „Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?“ Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сде-

лали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную». — Командир хлопнул ладонью по кафедре. — Эти слова Матфея — боевой клич, объявление войны эгоизму и бессердечию! — прогремел он. — И мы, солдаты Армии спасения, верим, что в конце времен грядет всеобщий суд, что праведники обретут вечное блаженство, а грешники — вечную кару.

Когда командир закончил проповедь, приступили к свободным свидетельствам. Пожилой мужчина рассказал о драке на Стурторв, когда они одержали победу словом Господним и во имя Иисуса и бесстрашия. Потом вперед вышел мужчина помоложе и сказал, что они завершат вечернее собрание шестьсот семнадцатым псалмом. Он стал перед одетым в форму оркестром из восьми духовых инструментов и большого барабана, с которым управлялся Рикард Нильсен, и взмахнул палочкой. После вступления дирижер повернулся к собранию, и все запели. Песнопение мощно грянуло под сводом Храма:

— Стяг спасенья развевайся, священный поход начался!

Затем Давид Экхофф снова поднялся на кафедру:

— Дорогие друзья! Позвольте мне в заключение нашего собрания сообщить, что сегодня канцелярия премьер-министра подтвердила, что премьер-министр будет присутствовать на нашем ежегодном рождественском концерте.

Новость встретили спонтанными аплодисментами. Собравшиеся встали и, оживленно переговариваясь, медленно потянулись к выходу. Только Мартина Экхофф, похоже, спешила. Харри сидел на задней скамье, наблюдая, как она идет по центральному проходу в шерстяной юбке, в черных чулках и сапогах «Док Мартенс», как и он сам, в белой вязаной шапочке. Она посмотрела прямо на него, без тени узнавания. Потом заулыбалась. Харри встал.

— Привет, — сказала она, склонив голову набок. — Работа или духовная жажда?

— Ну, как вам сказать. Ваш отец — настоящий оратор.

— У пятидесятников он стал бы мировой звездой.

Харри почудилось, что в толпе у нее за спиной мелькнул Рикард.

— Знаете, у меня есть несколько вопросов. Если вы не против прогуляться по морозу, я провожу вас до дома.

Мартина колебалась.

— Конечно, если вы собираетесь домой, — поспешно добавил Харри.

Мартина глянула по сторонам, потом ответила:

— Лучше я вас провожу, нам по дороге.

Воздух на улице сырой, тяжелый, пропитанный запахом жирных соленых выхлопов.

— Перейду сразу к делу, — сказал Харри. — Вы ведь знаете обоих — и Роберта, и Юна. Возможно ли, что Роберт желал смерти своему брату?

— Да что вы такое говорите?

— Подумайте, прежде чем отвечать.

Стараясь не поскользнуться, они миновали варьете «Паучья голова». На улицах ни души. Сезон рождественских банкетов уже на исходе, однако на Пилестредет по-прежнему сновали челночные такси с подвыпившими расфуфыренными пассажирами.

— Роберт был несколько безрассудный, — сказала Мартина. — Но убить? — Она решительно покачала головой.

— Может, он кого-то нанял?

Мартина пожала плечами:

— Я не очень близко общалась с Юном и Робертом.

— Почему? Вы же выросли вместе, так сказать.

— Да. Но я вообще мало с кем общалась. Мне больше нравилось одиночество. Как и вам.

— Мне?! — удивленно воскликнул Харри.

— Одинокий волк сразу узнаёт собрата, знаете ли.

Харри покосился на нее и перехватил насмешливый взгляд.

— Вы наверняка были из тех мальчишек, которые всегда идут своим путем. Захватывающим, непроходимым.

Харри улыбнулся, покачал головой. Они как раз шли мимо нефтяных бочек у облупленного, но красочного фасада «Блица».

— Помните, как они в восемьдесят втором заняли этот дом и там были панковские концерты с участием «Мяса», и «Скверных ребят», и прочих?

Мартина засмеялась:

— Нет. Я тогда только-только в школу пошла. А «Блиц» вообще не самое подходящее место для нас, из Армии спасения.

Харри криво усмехнулся:

— Н-да. А я иной раз бывал там. Во всяком случае, поначалу, когда думал, что, наверно, это место как раз для таких, как я, для аутсайдеров. Но и там не пришелся ко двору. Ведь в конечном

счете и в «Блице» все сводилось к уравниловке и групповому мышлению. Демагоги имели аккурат столько же свободного пространства, как…

Харри осекся, но Мартина закончила вместо него:

— Как мой отец в Храме сегодня вечером?

Харри засунул руки поглубже в карманы.

— Я только хотел сказать, что, если пытаешься своим умом найти ответы, быстро оказываешься в одиночестве.

— И к какому же ответу пришли сейчас ваши одинокие мозги? — Мартина взяла его под руку.

— Похоже, и у Юна, и у Роберта были истории с женщинами. И что такого особенного в Теа, раз оба домогались именно ее?

— Роберт увлекался Теа? Вот уж не думала.

— Так говорит Юн.

— Как я уже сказала, мы не очень-то общались. Но я помню, что Теа пользовалась успехом у других ребят в те лета, когда мы вместе жили в Эстгоре.

— Соперничество?

— Ну, мальчикам, решившим стать офицерами, нужно найти себе подруг из рядов Армии.

— Вот как? — удивился Харри.

— А вы не знали? Если женишься на девушке со

стороны, то изначально потеряешь работу в Армии. Вся система выстроена так, чтобы женатые офицеры жили и работали сообща. По общему призванию.

— Сурово.

— Мы военная организация, — сказала Мартина без малейшей иронии.

— И ребята знали, что Теа станет офицером? Хоть она и девушка?

Мартина с улыбкой помотала головой:

— Маловато вы знаете об Армии спасения. Две трети наших офицеров — женщины.

— А командир — мужчина? И главный управляющий тоже?

Мартина кивнула:

— Основоположник нашей организации Уильям Бут говорил, что его лучшие люди — женщины. А вообще у нас так же, как и в остальном обществе. Глупые, самодовольные мужчины командуют умными женщинами, которые боятся высоты.

— Стало быть, парни каждое лето боролись за право командовать Теа?

— Некоторое время. Теа неожиданно перестала приезжать в Эстгор, и проблема снялась сама собой.

— Почему она перестала туда ездить?

Мартина пожала плечами:

— Может, просто не захотела больше. А может, родители так решили. Столько юнцов вокруг весь день напролет, да в этом возрасте… сами знаете.

Харри кивнул. Но он не знал. Сам-то не ездил даже в конфирмационный лагерь. Они шли теперь по Стенсберггата.

— Вот здесь я родилась. — Мартина кивнула на стену, за которой находилась уже снесенная Клиническая больница. Скоро здесь выстроят жилой квартал Пилестредет-Парк.

— Роддом сохранился, здание переделали под квартиры, — сказал Харри.

— Там в самом деле живут? Только подумать, сколько всего видели эти стены. Аборты и…

Харри кивнул:

— Иной раз пройдешь мимо около полуночи и слышишь детский плач.

Мартина во все глаза уставилась на него:

— Смеетесь! Неужто привидения?

— Ну, — Харри свернул на Софиес-гате, — может, здесь просто поселились семьи с маленькими детьми.

Мартина улыбнулась, похлопала его по плечу:

— Не смейтесь над привидениями. Я в них

верю.

— Я тоже.

Мартина перестала смеяться.

— Вот тут я живу. — Харри показал на голубую дверь подъезда.

— У вас больше нет вопросов?

— Есть, но с ними можно подождать до завтра.

Она опять склонила голову набок.

— Я не устала. Чай у вас найдется?

Какой-то автомобиль тихонько ехал по хрусткому снегу, остановился метрах в пятидесяти у тротуара, ослепив их голубоватым светом фар. Харри задумчиво посмотрел на девушку, нащупывая в кармане ключи.

— Только растворимый кофе. Слушайте, я позвоню…

— Сойдет и растворимый кофе, — сказала Мартина.

Харри хотел было сунуть ключ в замочную скважину, но Мартина опередила его, толкнула голубую дверь, которая преспокойно открылась и закрылась снова, однако замок не защелкнулся.

— Это все мороз, — пробормотал Харри. — Дом от холода сжимается.

Они вошли в подъезд, и он хорошенько закрыл за собой дверь.

— А у вас чисто, — сказала Мартина, снимая в передней сапоги.

— У меня мало вещей, — откликнулся Харри из кухни.

— И какие же из них вы больше всего любите?

Харри на секунду задумался.

— Пластинки.

— Не фотоальбом?

— Я не верю в фотоальбомы.

Мартина вошла на кухню, уютно устроилась в кресле. Харри украдкой наблюдал, как она по-кошачьи подобрала под себя ноги.

— Не верите? Как это понимать?

— Они разрушают способность забывать. Молоко?

Она покачала головой.

— Зато вы верите в пластинки.

— Да. Они лгут куда достовернее.

— А разве они не разрушают способность забывать?

Харри замер. Мартина тихо рассмеялась:

— Не верю я в неприветливого, разочарованного инспектора. По-моему, вы романтик, Холе.

— Пойдемте в комнату. Я как раз купил очень хороший диск. И с ним пока не связаны никакие воспоминания.

Мартина уселась на диван, а Харри поставил дебютный диск Джима Стерка. Потом сел в зеленое ушастое кресло и под первые звуки гитары провел ладонью по шершавой шерстяной обивке. Ни с того ни с сего подумал, что куплено это кресло в «Элеваторе», комиссионке Армии спасения. Кашлянул и спросил:

— Возможно, у Роберта был роман с девушкой намного моложе его самого. Что вы об этом думаете?

— Что я думаю о романах молоденьких женщин с мужчинами много старше? — Она засмеялась и густо покраснела в наступившей тишине. — Или думаю ли я, что Роберту нравились малолетки?

— Я этого не говорил. Она тинейджер. Хорватка.

— Izgubila sam se.

— Простите?

— Это по-хорватски. Или по-сербскохорватски. В детстве я часто ездила летом с родителями в Далмацию, до того как Армия спасения купила Эстгор. Когда папе было восемнадцать, он работал в Югославии, помогал восстанавливать страну после Второй мировой войны. И там познакомился с семьями кой-кого из строителей. Потому и настоял, чтобы мы приняли беженцев

из Вуковара.

— Кстати, насчет Эстгора. Вы помните некоего Мадса Гильструпа, внука тех людей, у которых куплен Эстгор?

— Да. Он был там несколько дней в то лето, когда мы там поселились. Я с ним не говорила. Да и никто с ним не говорил, он был какой-то сердитый, замкнутый. Но по-моему, Теа и ему понравилась.

— Почему вы так решили? В смысле, он же ни с кем не разговаривал.

— Я видела, как он на нее смотрел. А когда мы с Теа сидели вместе, он вдруг появлялся рядом. Ни слова не говоря. Довольно-таки чудной. Даже неприятный.

— Вот как?

— Именно. Ночевал он те несколько дней где-то у соседей, но однажды ночью я проснулась, мы, девочки, спали в одной комнате. Смотрю, а к стеклу прижато чье-то лицо. Потом оно пропало. Я почти уверена, что это был он. Когда я рассказала остальным девчонкам, они сказали, я видела привидение. Не сомневались, что у меня непорядок со зрением.

— Почему?

— А вы разве не заметили?

— Что не заметил?

— Сядьте вот сюда. — Мартина хлопнула по дивану рядом с собой. — Я покажу.

Харри обошел вокруг стола.

— Видите, какие у меня зрачки?

Харри наклонился, ощутил на лице ее дыхание. И тут увидел. Зрачки на фоне карей радужки как бы сплывали вниз, образуя по форме что-то вроде замочной скважины.

— Это врожденное, — сказала она. — Называется iris coloboma. Но зрение при этом ничуть не страдает.

— Интересно.

Их лица были так близко друг от друга, что Харри чуял запах ее кожи и волос. Он вздохнул и вздрогнул от ощущения, будто погружается в теплую ванну. Внезапно послышался короткий, резкий звук.

Лишь через секунду-другую Харри сообразил, что это звонок. Не домофон. Кто-то стоял у его двери.

— Наверняка Али, — сказал Харри, вставая с дивана. — Сосед.

За те шесть секунд, пока вставал и шел к двери открывать, он успел подумать, что для Али вообще-то поздновато. И что Али обычно стучал. А

если кто-то вошел или вышел после них с Мартиной, дверь наверняка опять стояла незапертая.

Только на седьмой секунде он сообразил, что вообще зря пошел открывать. И, увидев, кто на пороге, понял, что сейчас будет.

— Приятный сюрприз, да? — сказала Астрид слегка заплетающимся языком.

Харри не ответил.

— Я с рождественского банкета, может, пригласишь зайти, а, Харри?

Накрашенные губы растянулись в улыбке, тонкие каблуки стукнули по полу, когда, пошатнувшись, она переступила с ноги на ногу.

— Ты некстати, — сказал Харри.

Она прищурилась, глядя ему в лицо. Потом взгляд скользнул за его плечо.

— У тебя гостья? Поэтому ты пропустил сегодняшнее собрание?

— Поговорим в другой раз, Астрид. Ты пьяна.

— Мы обсуждали третий шаг. «Мы решили препоручить свою жизнь заботам Господа». Но никакого Господа я не вижу, Харри. — Она полушутя стукнула его сумкой.

— Третий шаг тут ни при чем, Астрид. Каждый спасается сам.

Она замерла, посмотрела на него, на глазах

вдруг выступили слезы.

— Позволь мне зайти, Харри, — прошептала она.

— Это не поможет, Астрид. — Он положил руку ей на плечо. — Я вызову такси, и ты спокойно поедешь домой.

Она неожиданно резко сбросила его руку. В голосе пробились пронзительные нотки:

— Домой? Черта с два я пойду домой, бабник ты хренов!

Она отвернулась и нетвердой походкой пошла вниз по лестнице.

— Астрид…

— Отвяжись! Трахай свою шлюху!

Харри провожал ее взглядом, пока она совсем не исчезла из виду, услышал, как с грохотом и скрипом захлопнулась дверь подъезда. Настала тишина.

Когда он обернулся, Мартина стояла у него за спиной в передней, застегивала пальто.

— Я… — начал он.

— Поздно уже. — Она быстро улыбнулась. — Вообще-то я все-таки устала.

В три часа ночи Харри по-прежнему сидел в ушастом кресле. Том Уэйтс тихонько пел про Алису, меж тем как щетки все шуршали и шуршали

по коже барабана.

«It's dreamy weather we're on. You wave your crooked wand along an icy pond».

Мысли текли помимо его воли. Н-да, все кабаки уже закрыты. А он так и не наполнил карманную фляжку, с тех пор как вылил ее содержимое в пасть собаки там, на складе. Хотя можно звякнуть Эйстейну. Он почти каждую ночь разъезжает на своем такси и держит под сиденьем полбутылки джина.

«Толку от этого никакого».

И все-таки люди верят в привидений. Верят в тех, что сейчас окружали кресло, уставясь на него темными, пустыми глазницами. В Биргитту, которая явилась из моря с якорем на шее, в Эллен, которая смеялась, а из головы у нее торчала бейсбольная бита, в Вилли, который висел на сушильной подставке, словно носовая корабельная фигура, в женщину внутри водяного матраса, которая смотрела сквозь голубую резину, и в Тома, который пришел забрать свои часы и махал кровавой культей.

Спиртное не освободит его, даст только временное послабление. И как раз сейчас он готов был дорого заплатить за это.

Взял телефон, набрал номер. Ответили после

второго сигнала.

— Как там у вас, Халворсен?

— Холодно. Юн и Теа спят. Я сижу в комнате, смотрю на дорогу. Завтра надо будет вздремнуть.

Харри хмыкнул:

— Завтра мы съездим к Теа на квартиру, за инсулином. У нее диабет.

— Ладно, только Юна возьмите с собой, его нельзя оставлять одного.

— Можно вызвать сюда кого-нибудь еще из наших.

— Нет! — отрезал Харри. — Незачем вмешивать других, хотя бы до поры до времени.

— Нет так нет.

Харри вздохнул:

— Я, конечно, знаю, по служебной инструкции необязательно сидеть при них в карауле. Так что говори прямо, если я могу что-то для тебя сделать взамен.

— Ну…

— Давай.

— Я обещал Беате до Рождества сводить ее куда-нибудь, поесть лутефиск[39]. Бедняжка ни разу ее не пробовала.

---

[39] Примечания: 39

Сушеная треска, вымоченная в щелочном растворе; рождественское блюдо.

— Хорошее обещание.
— Спасибо.
— Халворсен…
— Да?
— Ты… ты молодец.
— Спасибо, шеф.

Харри положил трубку. Уэйтс пел, что коньки на заледеневшем пруду тоже выписывали имя Алиса.

Глава 21
Суббота, 19 декабря. Загреб

Дрожа от холода, он сидел на тротуаре возле Софиенберг-парка. Утро, час пик, мимо спешили люди. Иные бросали ему в кружку несколько крон. Скоро Рождество. Легкие у него болели, потому что всю ночь дышали дымом. Он поднял голову, глянул на Гётеборггата.

Сейчас он ничего больше сделать не мог.

Вспомнился Дунай возле Вуковара. Терпеливые, неудержимые воды. Вот и ему надо быть таким. Терпеливо ждать, пока не появится танк, пока дракон не высунет голову из пещеры. Пока Юн Карлсен не вернется домой. Взгляд уткнулся в чьи-то колени, остановившиеся перед ним.

Подняв голову, он увидел рыжеусого мужика с картонной кружкой в руке. Усач что-то сказал. Громко и сердито.

— Excuse me?

Усач ответил по-английски. Что-то насчет территории.

В кармане он чувствовал пистолет. С одной-единственной пулей. А потому достал из другого

кармана большой острый осколок стекла. Попрошайка смерил его злобным взглядом, но убрался прочь.

Он не допускал мысли, что Юн Карлсен не придет. Парень должен прийти. А сам он пока будет как Дунай. Терпеливым, неудержимым.

— Заходите, — скомандовала статная добродушная женщина из квартиры Армии спасения на Якоб-Оллс-гате. Судя по выговору, норвежский она учила уже взрослой.

— Надеюсь, мы не помешаем, — сказал Харри и вместе с Беатой Лённ вошел в коридор.

Пол почти сплошь был заставлен обувью всех размеров — от больших до маленьких. Они хотели разуться, но женщина жестом их остановила.

— Холодно, — сказала она. — Есть хотите?

— Спасибо, я только что позавтракала, — ответила Беата.

Харри с улыбкой покачал головой.

Женщина провела их в комнату. За столом, по всей вероятности, собралась вся семья Михолеч: двое взрослых мужчин, мальчик в Олеговых годах, маленькая девчушка и девушка, должно быть София. Глаза прятались под черной челкой, на коленях у нее сидел младенец.

— Zdravo[40], — сказал старший из мужчин, худой, с тронутыми сединой, но густыми волосами и мрачным взглядом, хорошо знакомым Харри. Злой и опасливый взгляд изгнанника.

— Это мой муж, — сказала женщина. — Он понимает по-норвежски, но говорит плохо. А это дядя Иосип. Приехал в гости на Рождество. И мои дети.

— Все четверо? — спросила Беата.

— Да, — засмеялась хозяйка. — Последний — дар Божий.

— Прелестный малыш!

Беата состроила гримаску младенцу, который радостно заагукал в ответ, и конечно же, как Харри и ожидал, потрепала его по румяной пухлой щечке. Через год, самое большее через два они с Халворсеном тоже заведут такого.

Мужчина что-то сказал, женщина ответила. Потом повернулась к Харри:

— Он говорит, у вас в Норвегии хотят, чтобы тут работали одни норвежцы. Сколько он ни старается, работы найти не может.

Харри перехватил взгляд мужчины и кивнул ему, однако ответа не получил.

---

[40] Примечания: 40
Здравствуйте *(сербскохорв.)*.

— Садитесь! — Женщина указала на два свободных стула.

Они сели. Беата достала блокнот, и Харри начал:

— Мы хотим задать несколько вопросов о…

— …Роберте Карлсене, — докончила хозяйка и посмотрела на мужа.

Тот согласно кивнул.

— Совершенно верно. Что вы можете рассказать о нем?

— Мало что. Сталкивались с ним раз-другой, и всё.

— И всё. — Взгляд женщины как бы невзначай скользнул по Софии, которая сидела молча, зарывшись лицом во взъерошенные волосики младенца. — Юн упросил Роберта помочь нам, когда мы летом переезжали сюда из маленькой квартирки в подъезде А. Юн — хороший парень. Он устроил нам эту вот квартиру побольше, понимаете? — Она улыбнулась малышу. — А Роберт большей частью только с Софией болтал. И… ну, в общем, ей всего-навсего пятнадцать.

Харри заметил, что девушка покраснела.

— Хм. Нам бы тоже хотелось побеседовать с Софией.

— Пожалуйста.

— Без свидетелей, — уточнил Харри.

Отец с матерью переглянулись. Безмолвная дуэль продолжалась считаные секунды, но Харри успел кое о чем догадаться. Наверно, в свое время все решал он, однако в новой реальности, в новой стране она сумела приспособиться куда лучше и решала теперь сама. Она кивнула Харри:

— Ступайте на кухню. Мы мешать не будем.

— Спасибо, — поблагодарила Беата.

— Не за что, — серьезно отозвалась женщина. — Мы хотим, чтобы вы поймали убийцу. Вы что-нибудь знаете про него?

— Мы полагаем, это наемный киллер, проживающий в Загребе, — сказал Харри. — Во всяком случае, он звонил из Осло в тамошнюю гостиницу.

— В какую?

Харри удивленно посмотрел на отца, задавшего вопрос по-норвежски.

— «Интернациональ», — сказал он и заметил, что отец с дядей переглянулись. — Вы что-то знаете?

Отец покачал головой.

— Я был бы вам очень признателен, — продолжал Харри. — Этот человек охотится за Юном, вчера буквально нашпиговал пулями его квар-

тиру.

На лице у отца появилось недоверчивое выражение. Но он промолчал.

Мать прошла на кухню, София нехотя поплелась следом. Как все подростки, подумал Харри. Через несколько лет и Олег будет так же ершиться.

Когда мать ушла, Харри взял блокнот, а Беата села на стул напротив Харри.

— Привет, София, меня зовут Беата. Ты и Роберт — у вас был роман?

София, не поднимая глаз, помотала головой.

— Ты была в него влюблена?

Девушка опять помотала головой.

— Он тебя обидел?

Впервые за все время София отвела в сторону челку и в упор посмотрела на Беату. А девочка-то красивая, только уж больно накрашена. Взгляд, как у отца, злой и опасливый. На лбу синяк, заметный, несмотря на макияж.

— Нет, — сказала она.

— Это отец велел тебе ничего не говорить, София? Я ведь вижу по тебе.

— Чего видишь?

— Что кто-то тебя обидел.

— Врешь ты все.

— Откуда у тебя синяк на лбу?

— На дверь налетела.

— Ну вот, теперь ты врешь.

София шмыгнула носом:

— Ты делаешь вид, будто очень умная и все такое, а на самом деле ничего не знаешь. Ты просто старуха-полицейская, которой вообще-то не терпится домой, к детям. Я же видела тебя там, в комнате.

В голосе звучала злость, но он уже дрожал. Ее хватит еще на одну-две фразы, подумал Харри.

Беата вздохнула:

— Ты должна нам доверять, София. И помочь. Мы стараемся остановить убийцу.

— В этом я не виновата.

У нее перехватило горло. Так, стало быть, ее хватило на одну фразу. Она расплакалась. Слезы хлынули ручьем. София наклонила голову, челка снова завесила глаза.

Беата положила руку ей на плечо, но она ее стряхнула, крикнула:

— Уходите!

— Ты знала, что Роберт осенью ездил в Загреб? — спросил Харри.

Она быстро посмотрела на него с недоверчивым выражением на лице, по которому текла тушь.

— Он тебе не говорил? — продолжал Харри. — Значит, не говорил и о том, что влюблен в девушку по имени Теа Нильсен?

— Нет, — всхлипнула она. — А что?

Харри пытался прочесть по ее лицу впечатление от услышанного, но в потеках черноты ничего не разглядишь.

— Ты приходила во «Фретекс», спрашивала о Роберте. Зачем?

— Да пошли вы! — яростно выкрикнула София. — Убирайтесь!

Харри и Беата посмотрели друг на друга и встали.

— Подумай, — сказала Беата. — А потом позвони мне вот по этому номеру. — Она положила на стол визитную карточку.

Мать ждала их в коридоре.

— Извините, она что-то разнервничалась, — сказала Беата. — Вам бы надо с ней поговорить.

Они вышли в декабрьское утро на Якоб-Оллс-гате, зашагали в сторону Сумс-гате, где Беата оставила машину.

— Oprostite![41]

Они оглянулись. Голос донесся из тени в под-

---

[41] Примечания: 41
Извините! *(сербскохорв.)*

воротне, где виднелись огоньки двух сигарет. Сигареты полетели наземь, двое мужчин вышли из тени, направились к ним. Отец Софии и дядя Иосип. Стали рядом.

— Гостиница «Интернациональ», да? — сказал отец.

Харри кивнул.

Отец быстро, краем глаза покосился на Беату.

— Я подгоню машину, — быстро сказала она.

Харри не переставал удивляться, как эта девушка, проведшая большую часть своей короткой жизни наедине с видеозаписями и техническими уликами, сумела развить в себе такую чуткость в общении, до которой ему самому было ох как далеко.

— Я работать первый год… на этих… на перевозках. Но спина заболеть. В Вуковаре я был инженер-электрик, понятно? До война. Здесь фиг что имею.

Харри кивнул, ожидая продолжения.

Дядя Иосип что-то сказал.

— Да, да, — буркнул отец и обернулся к Харри. — Когда югославская армия хотела взять Вуковар в девяносто первом, да? Там был мальчик, он

взорвал двенадцать танков этими… landmines[42], да? Мы называли его Mali spasitelj.

— Mali spasitelj, — благоговейно повторил Иосип.

— Маленький Спаситель, — сказал отец. — Так его называли по рации.

— Кодовое имя?

— Да. После капитуляции Вуковара сербы пытались найти его. Но не сумели. Одни говорили, он умер. Другие не верили, говорили, что он вовсе не… существовал. Да?

— А при чем тут «Интернациональ»?

— После войны у людей в Вуковаре не было домов. Развалины. Некоторые приехали сюда. Но большинство — в Загреб. Президент Туджман…

— Туджман, — повторил дядя, закатив глаза.

— …и его люди дали им жилье в старой большой гостинице, где они все на виду. Надзор. Да? Они получали суп, но не работу. Туджман не любит людей из Славонии. Слишком много сербской крови. Потом сербы, которые были в Вуковаре, начали умирать. И пошли слухи. Что Маленький Спаситель вернулся.

— Mali spasitelj, — засмеялся дядя Иосип.

---

[42] Примечания: 42
Фугасами *(англ.)*.

— Они сказали, хорваты могут получить помощь. В «Интернационале».

— Как?

— Не знаю. — Отец пожал плечами. — Слухи.

— Хм. А кто-нибудь другой знает про этого… помощника и про «Интернациональ»?

— Другой?

— К примеру, из Армии спасения?

— Да-да. Давид Экхофф знает. Ну и другие. Он дал слово… после обеда на празднике в Эстгоре летом.

— Речь говорил?

— Да. Рассказал про Mali spasitelj и что некоторые всегда воюют. Что война не кончается. И для них тоже.

— Командир вправду так сказал? — Беата направила машину в освещенный туннель Ибсена, притормозила и остановилась в конце неподвижной вереницы автомобилей.

— По словам господина Михолеча, — уточнил Харри. — При всех, в том числе при Роберте.

— И ты считаешь, это могло навести Роберта на мысль нанять киллера? — Беата нетерпеливо барабанила пальцами по рулю.

— Ну, по крайней мере, можно констатировать, что Роберт побывал в Загребе. А поскольку

он знал, что Юн встречается с Теа, мотив тоже налицо. — Харри потер подбородок. — Слушай, ты можешь проследить, чтобы Софию показали врачу и хорошенько обследовали? Если я не ошибаюсь, синяк там не один. А я попробую утренним рейсом слетать в Загреб.

Беата бросила на него короткий пристальный взгляд:

— За рубеж ты можешь вылететь, только чтобы оказать содействие тамошней полиции. Или в отпуск. Инструкция однозначно гласит, что…

— Последнее, — перебил Харри. — Короткий рождественский отпуск.

Беата безнадежно вздохнула:

— Надеюсь, ты и Халворсену предоставишь маленький рождественский отпуск. Мы хотели навестить его родителей в Стейнхьере. А ты где празднуешь Рождество в этом году?

Тут зазвонил мобильник, Харри полез за ним в карман, но ответил:

— Прошлый год отмечал с Ракелью и Олегом. Позапрошлый — с отцом и сестрой. А сейчас недосуг было подумать…

Он думал о Ракели и о том, что ответить на звонок. И услышал смех.

— Приходите ко мне, — сказала она. — У нас на

Рождество двери открыты для всех, и добровольные помощники нужны. В «Маяке».

Лишь через секунду-другую Харри сообразил, что это не Ракель.

— Я звоню сказать, что сожалею насчет вчерашнего, — продолжала Мартина. — Вообще-то я не хотела так убегать. Просто немного расстроилась. Вы получили нужные ответы?

— Ах, это вы! — сказал Харри, как ему казалось, нейтральным тоном, однако заметил быстрый взгляд Беаты и опять вспомнил ее восприимчивость в общении. — Я могу перезвонить попозже?

— Разумеется.

— Спасибо.

— Не за что, — серьезно отозвалась Мартина, но Харри расслышал одобрительный смешок. — И еще кое-что.

— Да?

— Что вы делаете во вторник? В рождественский вечер то есть?

— Не знаю.

— У нас есть лишний билет в Концертный зал.

— Что ж…

— Не слышу особого восторга.

— Увы. Работы по горло, да и подходящего ко-

стюма у меня нет.

— И артисты чересчур правильные и скучные.

— Этого я не говорил.

— Зато *я* говорю. И насчет лишнего билета, я имела в виду: *у меня* есть лишний билет.

— Вот как?

— Возможность увидеть меня в платье. А я в нем хорошо выгляжу. Недостает только подходящего кавалера постарше. Подумайте об этом.

Харри засмеялся:

— Спасибо, согласен.

— Не за что.

Беата не сказала ни слова, когда он закончил этот разговор, не прокомментировала улыбку, которая так и осталась на губах, обронила только, что, судя по сводкам погоды, у снегоочистителей будет много работы. Порой Харри думал о том, понимает ли Халворсен, как ему повезло.

Юн Карлсен до сих пор не появился. Он неловко встал с тротуара возле Софиенберг-парка. Холод словно бы шел из недр земли и проник ему в самое нутро. Кровь в ногах начала циркулировать сразу, с первых же шагов, и он даже обрадовался боли. Он не считал, сколько часов просидел на тротуаре скрестив ноги, с картонной кружкой, глядя на людей, приходивших в тот дом на Гёте-

борггата и уходивших оттуда, однако день уже клонился к вечеру. Он сунул руку в карман.

Денег из кружки наверняка хватит на кофе, бутерброд и, надо надеяться, на пачку курева.

Он поспешил на перекресток, к кафе, где добыл картонную кружку. Там на стене был телефон, но эту мысль он отбросил. Возле кафе остановился, скинул синий капюшон и глянул на свое отражение в витрине. Неудивительно, что народ принимает его за попрошайку. На щеках щетина, лицо в саже от костра в контейнере.

В стекле он увидел, что сигнал светофора сменился на красный, рядом остановилась машина. Взявшись за ручку двери, он бросил взгляд внутрь. И оцепенел. Дракон. Сербский танк. Юн Карлсен. На пассажирском сиденье. Всего в двух метрах от него.

Он вошел в кафе, бросился к окну, стал смотреть на автомобиль. Человека за рулем он, кажется, где-то видел, только вот где? В Приюте. Точно, это один из полицейских, что были там вместе с Харри Холе. На заднем сиденье женщина.

Сигнал светофора снова сменился. Он выбежал на улицу и увидел белый дым выхлопа, автомобиль быстро удалялся по дороге вдоль парка. Он побежал следом. Далеко впереди автомобиль

свернул на Гётеборггата. Он порылся в карманах. Задубевшими полубесчувственными пальцами нащупал осколок стекла. Ноги не слушались, будто мертвые протезы, — оступишься, и они сломаются, как сосульки.

Парк с деревьями, детской площадкой и надгробными камнями метался перед глазами, словно прыгающая картинка. Рука нашла пистолет. Должно быть, он порезал ее о стекло, потому что рукоять была липкая на ощупь.

Халворсен припарковался прямо у подъезда дома 4 по Гётеборггата, они с Юном вышли из машины размять ноги, а Теа поднялась к себе в квартиру за инсулином.

Взгляд Халворсена скользнул по безлюдной улице. Юн тоже беспокойно озирался по сторонам, притопывая ногами от холода. В окно машины Халворсен видел на сиденье кобуру табельного револьвера, он снял ее, потому что, когда вел машину, она врезалась в бок. Случись что, он за две секунды выхватит револьвер оттуда. Включив мобильник, он увидел, что поступило какое-то сообщение. Нажал на кнопку, и хорошо знакомый голос повторил, что поступило сообщение. Затем в трубке пискнуло и послышался незнакомый мужской голос. Халворсен слушал

с растущим удивлением. Заметил, что голос в телефоне привлек внимание Юна и тот подошел ближе. Удивление Халворсена сменилось недоверчивостью.

Когда он выслушал все, Юн вопросительно посмотрел на него, но Халворсен ничего не сказал, только быстро набрал какой-то номер.

— Что это было? — спросил Юн.

— Признание, — коротко ответил Халворсен.

— А что вы делаете теперь?

— Доложу Харри.

Халворсен поднял голову и увидел, что лицо у Юна исказилось, глаза расширились, он смотрел словно бы сквозь него, мимо него.

— Что с вами? — спросил он.

Харри прошел через таможенный контроль в скромное здание аэропорта Плесо, где сунул свою карточку VISA в банкомат, который безропотно выдал тысячу крон в кунах. Половину денег он положил в коричневый конверт, вышел на улицу и сел в «мерседес» с синей табличкой «такси».

— Гостиница «Интернациональ».

Таксист молча тронул с места.

Низкие тучи сеялись дождем на темную землю, кое-где вдоль шоссе виднелись пятна серого снега, а дорога, извиваясь среди невысоких холмов,

шла на северо-запад, к Загребу.

Уже через четверть часа на горизонте обозначился город — серые бетонные глыбы и церковные шпили. Они миновали темную спокойную реку — наверно, Сава, решил Харри. В город въехали по широкому проспекту, который казался непомерно огромным по причине слабого движения, миновали железнодорожный вокзал и обширный, открытый безлюдный парк с большим стеклянным павильоном. Ветви по-зимнему голых деревьев — как черные растопыренные пальцы.

— «Интернациональ», — сказал таксист, подруливая к внушительному серому зданию из тех, что коммунистические страны строили для своего путешествующего руководства.

Харри расплатился. Гостиничный швейцар, разодетый как адмирал, уже открыл дверцу машины и стоял с зонтиком в руках и широкой улыбкой на лице:

— Welcome, sir. This way, sir[43].

Харри ступил на тротуар в ту самую минуту, когда из гостиницы вышли двое постояльцев, сели в подкативший «мерседес». За дверью-вер-

---

[43] Примечания: 43

Добро пожаловать, сэр. Прошу сюда, сэр *(англ.)*.

тушкой искрилась хрустальная люстра. Харри приостановился:

— Refugees?

— Sorry, sir?

— Беженцы, — повторил Харри. — Вуковар.

Он ощутил, как по голове застучали капли дождя, — зонтик и широкая улыбка вмиг отодвинулись, а палец адмирала указал на дверь чуть поодаль от главного входа.

Войдя в большой голый вестибюль с высоким потолком, Харри первым делом почуял больничный запах. И сорок — пятьдесят человек, стоявшие и сидевшие у двух длинных столов посреди вестибюля или выстроившиеся в очередь за супом у стойки, живо напомнили ему больничных пациентов. Возможно, все дело в одежде: бесформенные тренировочные костюмы, заношенные свитера и дырявые ботинки говорили о безразличии к внешнему облику. А возможно, такое впечатление создавали головы, склоненные над тарелками с супом, и сонные безразличные взгляды, словно и не видевшие его.

Он оглядел помещение, остановился на барной стойке, больше похожей на раздачу сосисочного киоска, на минуту опустевшую, без клиентов, только бармен, который делал три дела сразу:

вытирал стакан, громко комментировал людям за ближайшим столом телерепортаж о футбольном матче, глядя на подвешенный к потолку телевизор, и зорко следил за малейшим движением Харри.

Харри понял, что попал куда надо, и направился к стойке. Бармен провел ладонью по зачесанным назад жирно поблескивающим волосам:

— Да?

Харри старался игнорировать бутылки, выстроившиеся на полке в глубине сосисочной. Однако ж давным-давно приметил своего старого друга и врага «Джима Бима». Бармен перехватил его взгляд и вопросительно кивнул на прямоугольную бутылку с коричневой жидкостью.

Харри отрицательно покачал головой. И вздохнул. Незачем усложнять ситуацию.

— Mali spasitelj, — сказал он негромко, чтобы услышал только бармен, сквозь шум телевизора. — Я ищу Маленького Спасителя.

Бармен пристально посмотрел на него, потом ответил по-английски, с твердым немецким акцентом:

— Не знаю такого.

— Один из вуковарских друзей сказал, что mali spasitelj мне поможет. — Харри достал из кармана

коричневый конверт, положил на стойку.

Бармен взглянул на конверт, но в руки не взял.

— Ты полицейский, — сказал он.

Харри покачал головой.

— Врешь. Я сразу понял, как только ты вошел.

— Я двенадцать лет оттрубил в полиции, но ушел со службы два года назад. — Харри посмотрел бармену прямо в глаза. А в глубине души прикинул, за что тот сидел. Размеры мускулов и татуировки говорили, что он сидел, хотя довольно-таки давно.

— Среди наших постояльцев нет никого по прозвищу Спаситель. А я знаю всех.

Бармен хотел отвернуться, но Харри наклонился над стойкой, схватил его за плечо. Бармен глянул на его руку, Харри почувствовал, как напрягся его бицепс, и ослабил хватку.

— Наркодилер, который продавал дурь на школьном дворе, застрелил моего сына, потому что тот пригрозил сообщить директору, если он не уберется.

Бармен молчал.

— Ему было одиннадцать лет.

— Не знаю, зачем ты мне это рассказываешь.

— Чтобы ты понял, почему я останусь здесь и буду ждать, пока не придет кто-нибудь, кто

сможет мне помочь.

Бармен медленно кивнул и быстро спросил:

— Как звали твоего сына?

— Олег, — сказал Харри.

Оба стояли, глядя друг на друга. Бармен прищурил один глаз. Харри почувствовал, как в кармане завибрировал мобильник. Пусть звонит.

Бармен положил руку на коричневый конверт, толкнул его в сторону Харри.

— Это лишнее. Как тебя зовут и в какой гостинице ты остановился?

— Я прямо с самолета.

— Напиши свое имя на салфетке и ступай в гостиницу «Балкан», что возле вокзала. Через мост и прямо. Жди в номере. С тобой свяжутся.

Харри открыл было рот, но бармен отвернулся к телевизору и снова принялся комментировать матч.

На улице Харри достал телефон: неотвеченный звонок от Халворсена.

— Do vraga! — простонал он. — Черт!

Снег на Гётеборггата как красный шербет.

Он был в растерянности. Все произошло так быстро. Последняя пуля, которую он выпустил по убегающему Юну Карлсену, с мокрым хлюпаньем ударила в фасад дома. Юн Карлсен успел скрыться

в подъезде. Он присел на корточки, чувствуя, как окровавленная стекляшка рвет карман куртки. Полицейский лежал ничком, уткнувшись лицом в снег, впитывающий кровь, которая текла из ран в открытом горле.

Оружие, подумал он, схватил раненого за плечо, перевернул. Ему необходимо стрелковое оружие. Порыв ветра сдул волосы с неестественно бледного лица. Он быстро обшарил карманы лежащего. Кровь все текла, красная, густая. Он успел только ощутить горький вкус желчи, а рот уже наполнился рвотой. Он отвернулся в сторону, и его вывернуло на лед. Он утер рот. Карманы брюк. Бумажник. За поясом тоже ничего. Черт, полицейский должен иметь оружие, если он кого-то охраняет.

Из-за угла выехал автомобиль, направился к ним. Он взял бумажник, вскочил на ноги, перешел через улицу и зашагал прочь. Машина остановилась. Не надо бежать. Но он побежал.

На углу возле магазина поскользнулся, упал, ударившись бедром, но тотчас встал и даже не почувствовал боли. Спешил к парку той же дорогой, какой пришел сюда. Это кошмар, кошмар, полный нелепых событий, повторяющихся снова и снова. Он что, сошел с ума или все это

происходит на самом деле? Горло саднило от холодного воздуха и желчи. Уже на Марквейен до него донеслись первые полицейские сирены. И он понял, что ему страшно.

Глава 22
Суббота, 19 декабря. Мелкота

Здание Полицейского управления светилось в вечерних сумерках огнями, как рождественская елка. В допросной № 2, закрыв лицо руками, сидел Юн Карлсен. По другую сторону круглого столика, втиснутого в комнатушку, сидела полицейская Туриль Ли. Между ними стояли два микрофона и лежала распечатка первых свидетельских показаний. В окно Юн видел Теа, ожидающую своей очереди в соседней комнате.

— Значит, он на вас напал? — спросила полицейская, читая отчет.

— Мужчина в синей куртке бежал к нам с пистолетом в руке.

— И что?

— Все произошло так быстро. Я жутко испугался и запомнил только обрывки. Может, из-за сотрясения мозга.

— Понимаю, — сказала Туриль Ли, но выражение ее лица свидетельствовало об обратном. Она покосилась на красную лампочку, диктофон по-прежнему включен. — Но Халворсен, стало

быть, побежал к машине?

— Да. Там осталось оружие. Я помню, когда мы выезжали из Эстгора, он положил его рядом с собой.

— А что сделали вы?

— Я растерялся. Сперва хотел спрятаться в машине, но передумал и побежал к подъезду.

— И преступник выстрелил вам вслед?

— По крайней мере, я слышал выстрел.

— Продолжайте.

— Я вбежал в подъезд, а когда выглянул на улицу, он напал на Халворсена.

— Который так и не сел в машину?

— Нет. Он жаловался, что дверцы примерзают.

— И на Халворсена он напал с ножом, а не с пистолетом?

— Мне так показалось, с того места, где я стоял. Он напал на Халворсена со спины и несколько раз ударил ножом.

— Сколько раз?

— Четыре, не то пять. Не знаю… я…

— А потом?

— Я спустился в подвал и экстренной кнопкой вызвал вас.

— Но за вами убийца не побежал?

— Не знаю. Входная дверь была на замке.

— Так ведь он мог разбить стекло. С полицейским-то уже разделался. Верно?

— Да, вы правы. Но я не знаю…

Туриль Ли смотрела в распечатку.

— Рядом с Халворсеном обнаружили рвоту. Мы думаем, преступника вырвало. А вы можете это подтвердить?

Юн покачал головой:

— Я сидел на лестнице в подвал, пока вы не приехали. Наверно, я должен был оказать помощь… но…

— Да?

— Я испугался.

— Вообще-то вы поступили правильно. — И снова выражение лица говорило совсем о другом.

— Что сказали врачи?.. Он…

— Он останется в коме, пока состояние не улучшится. Но есть ли опасность для жизни, пока неизвестно. Давайте продолжим.

— Это словно кошмар, который все время повторяется, — прошептал Юн. — Все происходит снова и снова.

— Не хотелось бы напоминать, что надо говорить в микрофон, — ровным голосом заметила Туриль Ли.

Харри стоял в номере у окна, смотрел на темный

город, где кривые, исковерканные телеантенны словно бы делали знаки желто-бурому небу. Шведскую речь из телевизора приглушали темные толстые ковры и шторы. Макс фон Сюдов в роли Кнута Гамсуна. Дверца мини-бара открыта. На столе рекламный буклет гостиницы. Первую страницу украшало фото памятника Иосипу Елачичу на площади Елачича, а прямо на Елачиче стояли четыре миниатюрные бутылочки. «Джонни Уокер», «Смирнофф», «Егермайстер» и «Гордонс». И две бутылки пива марки «Озуйско». Все закупоренные. Пока что. Час назад звонил Скарре, сообщил о случившемся на Гётеборггата.

Этот звонок надо сделать на трезвую голову.

Беата ответила после четвертого сигнала.

— Он жив, — не дожидаясь вопроса, сказала она. — Его подключили к аппарату искусственного дыхания, и он в коме.

— Что говорят врачи?

— Ничего, Харри. Он мог умереть на месте, потому что Станкич, похоже, пытался перерезать ему сонную артерию, но он успел подставить руку. На тыльной стороне кисти глубокий порез, и по обеим сторонам шеи порезаны сосуды поменьше. Станкич еще несколько раз пырнул его в грудь, прямо над сердцем. Врачи говорят, лезвие

прошло буквально в нескольких миллиметрах.

Если бы не чуть заметная дрожь в голосе, можно бы подумать, что Беата говорит о какой-то жертве нападения. И Харри понял, что сейчас для нее это, очевидно, единственный способ говорить о случившемся — как о работе. Повисло молчание, только дрожащий от возмущения голос Макса фон Сюдова гремел в комнате. Харри искал слова утешения.

— Я только что говорил с Туриль Ли, — в конце концов сказал он. — Она сообщила мне показания Юна Карлсена. Еще что-нибудь есть?

— Мы нашли пулю в стене, правее входной двери. Она сейчас у баллистика, но я уверена, она совпадет с найденными на Эгерторг, в квартире Юна Карлсена и возле Приюта. Это Станкич.

— Почему ты так уверена?

— Люди, которые проезжали в машине и остановились, увидев лежащего на тротуаре Халворсена, сказали, что прямо перед капотом их машины перебежал через дорогу мужчина, похожий на попрошайку. Девушка видела в зеркале, как чуть поодаль он поскользнулся и упал. Мы осмотрели то место. Мой коллега Бьёрн Холм нашел там иностранную монету, она глубоко увязла в снегу, и сначала мы решили, что она

пролежала там уже несколько дней. Он не понял, откуда она взялась, на ней написано «Republika Hrvatska» и «пять кун». В общем, он проверил.

— Спасибо, ответ мне ясен. Значит, Станкич.

— Для полной уверенности мы взяли пробы рвотных масс. Судмедэксперт сравнивает ДНК с волосом, найденным на подушке в комнате Приюта. Результат будет завтра. Надеюсь.

— Что ж, тогда мы, во всяком случае, будем иметь точный след ДНК.

— Лужа рвоты, как ни смешно, не лучшее место для поисков ДНК. При таком большом объеме рвотных масс поверхностные клетки слизистых рассеиваются. А под открытым небом…

— …подвержены загрязнению со стороны несчетных других источников ДНК. Я все это знаю, но, по крайней мере, есть с чем работать. Ты чем сейчас занимаешься?

Беата вздохнула:

— Я получила странноватую эсэмэску из Ветеринарного института. Сейчас позвоню, выясню, что они имеют в виду.

— Ветеринарный институт?

— Да, мы нашли в рвоте полупереваренные куски мяса и послали на анализ ДНК. Думали, они сравнят с мясным архивом, с помощью ко-

торого Осский сельскохозяйственный институт обычно отслеживает мясо до места происхождения и производителя. Если мясо имеет особые качественные свойства, то, возможно, его удастся связать с определенным ословским рестораном или кафе. Тычок пальцем в небо, конечно, однако если Станкич за последние сутки нашел себе укрытие, то передвигается он наверняка минимально. И если сперва ел где-то поблизости, то, скорей всего, пойдет туда снова.

— Хм, почему бы и нет? А что в эсэмэске?

— Пишут, что в данном случае ресторан, наверно, китайский. Весьма загадочно.

— Н-да. Позвони, когда узнаешь поточнее. И…

— Да?

Харри сообразил, что намеревался сказать полнейшую глупость: что Халворсен молодчага, что медицина нынче творит чудеса, что все наверняка будет хорошо.

— Ничего.

Беата положила трубку, Харри повернулся к столу с бутылочками. Раз-два — по дрова… Считалка кончилась на «Джонни Уокере». Харри крепко зажал бутылочку в одной руке, а другой открутил — вернее, свернул — крышку. Чувствуя себя Гулливером. Пленник в чужой стране, с

пигмейскими бутылками. Он потянул носом знакомый сладковатый запах из узкого горлышка. Всего-навсего один глоток, но тело уже предупреждено о ядовитой атаке, приготовилось. Харри боялся первого, неизбежного рвотного позыва, но знал, что это его не остановит. По телевизору Кнут Гамсун объявил, что больше не способен сочинять.

Харри набрал воздуху, словно собираясь нырнуть, надолго и глубоко.

Зазвонил телефон.

Харри помедлил. После одного сигнала все стихло.

Но едва он взял бутылочку — новый звонок. И опять тишина.

Он смекнул, что звонят снизу, от портье.

Отставив бутылку на ночной столик, он стал ждать. И когда телефон зазвонил в третий раз, поднял трубку.

— Mister Hansen?

— Yes.

Тремя пальцами Харри сжимал бутылочку. Потом запрокинул голову и вылил содержимое в глотку. А спустя четыре секунды уже стоял над унитазом, выблевывая самолетный обед.

Портье указал на уголок отдыха возле фор-

тепиано, где в кресле, выпрямившись, сидела маленькая седая женщина с черной шалью на плечах. Спокойные карие глаза смотрели на Харри. Он остановился у столика, на котором стоял транзисторный приемничек. Бойкие голоса комментировали спортивную передачу, наверно футбольный матч. Звуки радио смешивались со звуками фортепиано, пальцы пианиста скользили по клавишам — он наигрывал попурри из классических кинохитов.

— «Доктор Живаго», — сказала женщина, кивнув на пианиста. — Красиво, правда, мистер Хансен?

Английское произношение и интонация по-школьному правильны. Она слегка улыбнулась, словно сказала что-то забавное, и деликатным, но решительным жестом пригласила его сесть.

— Вы любите музыку? — спросил Харри.

— А разве не все ее любят? Я преподавала музыку. — Она наклонилась к приемнику, прибавила громкость.

— Боитесь, что нас подслушают?

Она снова выпрямилась.

— Что вам нужно, Хансен?

Харри повторил историю о наркодилере возле школы и о своем сыне, чувствуя, как желчь свер-

бит в горле, а собачья свора в животе бешено лает, требуя еще. История звучала неубедительно.

— Как вы меня нашли? — спросила она.

— Один человек из Вуковара подсказал.

— Откуда вы?

Харри сглотнул. Язык сухой, распухший.

— Из Копенгагена.

Она посмотрела на него. Харри ждал. Чувствовал, как между лопатками пробежала капля пота, еще одна выступила на верхней губе. К черту все это, ему требуется лекарство. Сию минуту.

— Не верю я вашей истории, — наконец проговорила она.

— Ладно. — Харри встал. — Мне надо идти.

— Подождите! — решительно остановила его маленькая женщина и жестом велела сесть. — Это не означает, что у меня нет глаз.

Харри сел.

— Я вижу ненависть, — продолжала она. — И скорбь. И чую спиртное. Про сына я верю. — Она коротко улыбнулась. — Чего вы хотите?

Харри постарался взять себя в руки:

— Сколько это стоит? И как быстро будет исполнено?

— Смотря по обстоятельствам, но специалиста лучше, чем у нас, вам не найти. Цена — от пяти

тысяч евро плюс накладные расходы.

— Отлично. На следующей неделе?

— Пожалуй… срок несколько маловат.

Женщина помедлила буквально долю секунды, но этого было достаточно. Чтобы он все понял. И она поняла, что он понял. Радиоголоса захлебывались от возбуждения, публика ревела. Явно забили гол.

— Или вы не уверены, что ваш специалист сумеет так скоро вернуться? — спросил Харри.

Она долго смотрела на него:

— Вы до сих пор служите в полиции, верно?

Харри кивнул:

— Я инспектор в Осло.

Возле глаз у нее дернулась мышца.

— Но для вас я не опасен. Хорватия вне зоны моей юрисдикции, и никто не знает, что я здесь. Ни хорватская полиция, ни мое непосредственное начальство.

— Так чего же вы хотите?

— Договориться.

— О чем? — Она нагнулась, убавила громкость радиоприемника.

— О вашем специалисте и моей мишени.

— Что вы имеете в виду?

— Обмен. Ваш специалист на Юна Карлсена.

Если он перестанет преследовать Карлсена, я дам ему уйти.

Она вскинула бровь:

— У вас там масса людей против одного моего, господин Хансен. И вы боитесь?

— Мы боимся кровопролития. Ваш специалист уже убил двоих людей и порезал одного из моих коллег.

— Но… — Она осеклась. — Нет, не может быть.

— Если вы не отзовете его, будут еще трупы. И одним из них будет он сам.

Она закрыла глаза. И долго сидела так. Потом вздохнула:

— Если он убил вашего коллегу, вы будете мстить. Как же мне поверить, что вы исполните свою часть уговора?

— Меня зовут Харри Холе. — Он положил на стол свой паспорт. — Если станет известно, что я был здесь без разрешения хорватских властей, дипломатический скандал обеспечен. А я останусь без работы.

Она достала очки.

— Значит, вы готовы сами стать заложником? Похоже, вы не врете, господин… — Она надела очки, прочитала в паспорте: — …Харри Холе.

— Вот о чем я хочу с вами договориться.

— Понимаю. — Женщина кивнула. — Знаете… — Она сняла очки. — Я, возможно, соглашусь на предложенный обмен. Но что толку, если я не могу отозвать его.

— То есть?

— Я не знаю, где он.

Харри пристально смотрел на нее. Видел боль в глазах. Слышал дрожь в голосе.

— Что ж. Тогда можно поговорить о том, чем вы располагаете. Назовите мне имя человека, заказавшего убийство.

— Нет.

— Если полицейский умрет… — Харри достал из кармана фотографию, положил на стол, — ваш киллер, скорее всего, будет убит. А выглядеть все будет так, словно полицейский стрелял для самозащиты. Так-то вот. Если я этому не помешаю. Понимаете? Это тот человек?

— Шантаж на меня не действует, господин Холе.

— Завтра утром я улечу в Осло. На обороте фотографии я запишу номер телефона. Позвоните, если передумаете.

Она взяла снимок, убрала в сумку.

— Это ведь ваш сын? — быстро и негромко обронил Харри.

Она оцепенела.

— Почему вы так решили?

— У меня тоже есть глаза. И я тоже вижу боль.

Она так и сидела, наклонясь над сумкой.

— А вы, Холе? — Она подняла взгляд. — Вы что же, не знаете того полицейского? Раз так легко отказываетесь от мести?

Во рту у Харри пересохло, собственное дыхание обжигало рот.

— Да, — сказал он, — я его не знаю.

Ему послышался петушиный крик, когда он в окно провожал ее взглядом, пока она не свернула за угол и не исчезла из виду.

В номере он осушил все остальные мини-бутылочки, еще раз блеванул, выпил пива, снова блеванул, посмотрел на себя в зеркало и лифтом спустился в бар.

Глава 23
Ночь на воскресенье, 20 декабря. Собаки

Сидя в темном контейнере, он пытался размышлять. В бумажнике полицейского оказалось две тысячи восемьсот норвежских крон, и, если он правильно запомнил обменный курс, этих денег хватит на еду, новую куртку и авиабилет до Копенгагена.

Сейчас у него одна проблема — боеприпасы.

Выстрел на Гётеборггата был седьмым и последним. Он сходил на Плату, поспрошал, как бы достать девятимиллиметровые пули, но ответом стали только пустые взгляды. К тому же, если спрашивать наугад, быстро нарвешься на полицейских агентов.

Он шваркнул бесполезный «льяма минимакс» о железный пол.

С удостоверения ему улыбался молодой полицейский. Халворсен. Сейчас они наверняка сомкнули вокруг Юна Карлсена железное кольцо. Остается только одна возможность. Троянский конь. И он знал, кто станет этим конем. Харри Хо-

ле. Софиес-гате, 5; телефонная справочная служба сообщила, что в Осло только один Харри Холе. Он глянул на часы. И замер.

Снаружи послышались шаги.

Он встрепенулся, схватил в одну руку осколок стекла, в другую — пистолет и стал обок дверцы.

Дверца скользнула в сторону. На фоне городских огней обозначился темный силуэт. Затем незнакомец влез внутрь и, скрестив ноги, уселся на пол.

Он затаил дыхание.

Ничего не происходило.

Потом чиркнула спичка, осветила клочок лица пришельца. В руке со спичкой он держал еще и ложку. Другой рукой и зубами надорвал пластиковый пакетик. Он узнал парня по голубой джинсовой куртке и облегченно вздохнул, а парень мгновенно застыл.

— Кто здесь? — Парень всматривался в темноту, торопливо пряча пакетик в карман.

Он кашлянул, шагнул к парню, так что спичка слегка осветила его.

— Remember me?[44]

Парень испуганно посмотрел на него:

---

[44] Примечания: 44
Помнишь меня? *(англ.)*

— Я говорил с тобой возле вокзала. Дал тебе денег. Ты ведь Кристоффер, верно?

Кристоффер вытаращил глаза:

— Is that you?[45] Иностранец, который дал мне пять сотен? Господи! Ну да, голос я узнаю. Ой!.. — Кристоффер бросил спичку на пол, она погасла. В кромешной тьме голос его зазвучал ближе: — Не возражаешь разделить со мной хату, приятель?

— Можешь ночевать один. Я собирался уходить.

Снова чиркнула спичка.

— Лучше оставайся тут. Вдвоем теплее. Я имею в виду вот это. — Он вынул ложку, налил в нее что-то из маленькой бутылочки.

— Что это?

— Вода с аскорбиновой кислотой. — Кристоффер открыл пакетик, высыпал в ложку порошок, не уронив ни крупинки, потом ловко перехватил спичку другой рукой.

— Ловко у тебя получается, Кристоффер. — Он смотрел, как наркоман подставил спичку под ложку, достал из коробка еще одну и держал ее наготове.

— На Плате меня прозвали Твердая Рука.

---

[45] Примечания: 45
Это ты? *(англ.)*

— Понятно. Но я ухожу. Только давай поменяемся куртками, тогда ты, может, останешься к утру жив.

Кристоффер глянул на свою хилую джинсовую куртку, потом на его толстую, синюю.

— Господи, ты серьезно?

— Вполне.

— Черт, вот спасибо. Погоди, я сперва приму дозу. Подержишь спичку?

— Может, лучше шприц подержать?

Кристоффер покосился на него:

— Я, может, и зеленый совсем, но на это наркоманское старье меня не купишь! Держи спичку.

Он взял спичку.

Порошок растворился в воде, превратился в прозрачную бурую жидкость. Кристоффер положил в ложку ватный тампончик.

— Чтобы отцедить всякую дрянь, — пояснил он, не дожидаясь вопроса, сквозь вату высосал жидкость шприцем, поднес иглу к руке. — Видишь, кожа чистая. Следов почти что никаких. И вены толстые, хорошие. Чисто целина, все говорят. Но через несколько лет они будут желтые от гнойных болячек, как у них. И Твердой Рукой меня уже никто не назовет. Я это знаю и все равно продолжаю. Глупо, да?

Кристоффер болтал без умолку, встряхивая шприц, чтоб остыл; перетянул плечо жгутом и прицелился иглой в вену, синей змеей проступившую под кожей. Острие вошло в сосуд, и поршень втолкнул героин в кровь. Веки у парня опустились, рот полуоткрылся. Голова откинулась назад, взгляд уперся в подвешенный собачий труп.

Некоторое время он смотрел на Кристоффера. Потом отшвырнул горелую спичку и расстегнул молнию на своей синей куртке.

Когда Беата Лённ наконец дождалась ответа, она почти не слышала Харри по причине дисковерсии «Jingle Bells», фоном звучавшей в трубке. Тем не менее поняла, что он нетрезв. Не оттого, что запинался, совсем наоборот. Она рассказала о Халворсене.

— Тампонада сердца? — воскликнул Харри.

— Внутренние кровотечения наполняют кровью пространство вокруг сердца и мешают ему сокращаться как следует. Пришлось откачать много крови. Сейчас состояние стабилизировалось, но он по-прежнему в коме. Надо ждать. Я позвоню в случае чего.

— Спасибо. Как насчет других новостей?

— Хаген отправил Юна Карлсена и Теа Нильсен

обратно в Эстгор, с двумя охранниками. Я поговорила с матерью Софии Михолеч. Она обещала сводить дочь к врачу.

— Хм. А что там с депешей Ветинститута, ну, про мясо в рвоте?

— Они предположили китайский ресторан, потому что, кроме как в Китае, такое нигде не едят.

— Что не едят?

— Собачину.

— Собачину? Погоди!

Музыка смолкла, зато послышались звуки уличного движения. Потом Харри снова заговорил:

— Так ведь, черт побери, в Норвегии собачину не подают.

— Нет, тут особый случай. Ветинститут сумел установить породу, и завтра я позвоню в Норвежский клуб собаководов. У них есть реестр всех чистопородных собак и их владельцев.

— Не вполне понимаю, чем это нам поможет. Собак-то в Норвегии наверняка сотни тысяч.

— Четыре сотни тысяч. Минимум одна в каждой четвертой семье. Я проверила. Дело в том, что порода редкая. Слыхал про черного метцнера?

— Повтори, будь добра.

Она повторила. Несколько секунд в трубке шу-

мело загребское уличное движение, потом Харри воскликнул:

— Разумеется! Вполне логично! Человек без крыши над головой. Как же я раньше-то не подумал!

— О чем не подумал?

— Я знаю, где прячется Станкич.

— Что?

— Свяжись с Хагеном, пусть вызывает отряд «Дельта» для вооруженной операции.

— Где? Ты о чем толкуешь?

— Контейнерный склад. Станкич прячется где-то там, в контейнере.

— Откуда ты знаешь?

— В Осло не больно-то много мест, где можно закусить черным метцнером. Я прилечу завтра утром, позаботься, чтобы к моему возвращению «Дельта» наглухо оцепила склад, но без меня ничего не предпринимать! Понятно?

Закончив разговор, Харри постоял на улице, поглядел в окно на гостиничный бар. Там вовсю гремела музыка, а на стойке его ждал недопитый стакан с отравой.

Вычислил он его, Маленького Спасителя. Осталось только взять парня, а для этого необходимы ясная голова и твердая рука. Он подумал о Хал-

ворсене. О сердце, которое задыхается от крови. Можно подняться прямо в номер, где уже нет ни капли спиртного, запереть дверь и выбросить ключ в окно. Или пойти в бар, допить свой стакан. Харри судорожно вздохнул и отключил мобильник. А потом двинул в бар.

Сотрудники штаб-квартиры Армии спасения давно разошлись по домам, только у Мартины еще горел свет. Она набрала номер Харри Холе, задавая себе все те же вопросы. Чем он так ее заинтересовал? Тем, что был старше? Или тем, что в нем словно бы заключено множество нерастраченных чувств? Или беспомощной потерянностью? Инцидент с отвергнутой женщиной у двери должен бы отпугнуть ее, но почему-то вызвал прямо противоположный эффект; она увлеклась куда сильнее, чем когда-либо за… а собственно, чего она хочет? Мартина разочарованно вздохнула, когда оператор сообщил, что абонент либо отключил телефон, либо находится вне зоны действия сети. Через справочную она узнала номер его домашнего телефона, позвонила на Софиес-гате. Сердце екнуло, когда в трубке раздался его голос, но это оказался всего-навсего автоответчик. Что ж, налицо прекрасный повод заглянуть к нему по дороге из конторы, а его, как

назло, нет дома! Она оставила сообщение: ей, мол, надо заранее передать ему билет на рождественский концерт, потому что она с самого утра будет помогать в Концертном зале.

Мартина положила трубку и в тот же миг заметила, что кто-то стоит в дверях и смотрит на нее.

— Рикард! Больше так не делай, ты меня напугал!

— Извини, я собрался домой и заглянул посмотреть, последний я или нет. Подбросить тебя?

— Спасибо, но я…

— Ты ведь уже надела куртку. Пойдем вместе, тогда тебе не придется мучиться с сигнализацией.

Рикард отрывисто засмеялся. На прошлой неделе Мартина дважды умудрилась поднять тревогу, когда уходила последней, пришлось платить охранному предприятию за выезд.

— О'кей, — сказала она. — Не стану отказываться. Спасибо.

— Не за что… — Рикард шмыгнул носом.

Сердце у него стучало как молот. Он уже чуял запах Харри Холе. Осторожно открыл дверь и ощупью поискал на стене выключатель. В другой руке он сжимал пистолет, целясь в сторону кровати, которую кое-как разглядел в темноте.

Вздохнул и повернул выключатель — спальню залил яркий свет. Почти голая комната, простая кровать, застланная, пустая. Как и вся квартира. Он уже осмотрел другие помещения. И теперь стоял в спальне, чувствуя, как дыхание становится ровнее. Харри Холе дома нет.

Он сунул пустой пистолет в карман грязной джинсовой куртки, почувствовал, как тот раздавил туалетные шарики, которые он прихватил из вокзального туалета, поблизости от телефона, с которого звонил в справочную, чтобы узнать адрес Холе.

Войти оказалось легче, чем он думал. Дважды позвонив по домофону и не получив ответа, он уже хотел уйти. Но потом толкнул дверь, и оказалось, что она только прикрыта, но не заперта. Видно, мороз виноват. На третьем этаже — имя Холе, накорябанное на клочке защитной пленки. Он приложил шапку к стеклу над замком и стволом пистолета выбил стекло, которое лишь негромко звякнуло.

Гостиная выходила во двор, поэтому он рискнул включить свет. Огляделся. Простая, спартанская обстановка. Чистота.

Однако его троянского коня, человека, который мог вывести его на Юна Карлсена, стало быть, нет

дома. Надо надеяться, что у него тут найдется оружие или хоть боеприпасы. Поиски он начал с тех мест, где было бы естественно хранить оружие, — с ящиков и шкафов и под подушкой. Ничего не найдя, принялся шарить по комнатам, стараясь действовать как можно систематичнее, но опять же безрезультатно. Потом обыскал все еще раз, без плана, просто от отчаяния, ни на что уже не надеясь. Под письмом на телефонном столике в передней нашел полицейское удостоверение с фотографией Харри Холе. Сунул его в карман. Заглянул под книги и диски, которые, как он отметил, расставлены по алфавиту. На журнальном столике лежала стопка бумаг. Он перебрал их, задержался на фотографии, сюжет которой знал в великом множестве вариантов: мертвец в форме. Роберт Карлсен. Увидел фамилию Станкич. Бланк, где вверху стояло имя Харри. Взгляд скользнул вниз, остановился на крестике под знакомыми словами: «смит-вессон 38». В самом низу чья-то затейливая подпись. Разрешение на оружие? Заказ?

Он бросил поиски. Видимо, Холе взял оружие с собой.

Он прошел в тесную, но чистую ванную, пустил воду. От горячей воды по телу пробежали

мурашки. Копоть оставила в раковине черный налет. Потом повернул холодный кран, и засохшая на руках кровь, растворяясь, окрасила воду красным. Обсушился, открыл шкафчик над раковиной. Нашел марлевый бинт, перевязал порезанную стеклом руку.

Чего-то здесь не хватает.

Возле крана он заметил короткий жесткий волосок. Как от бритья. Но ни бритвенного станка, ни пены для бритья. Нет ни зубной щетки, ни зубной пасты, ни несессера. Холе куда-то укатил в разгар расследования убийства? Или жил у подруги?

В холодильнике на кухне обнаружились пакет молока, банка варенья, белый сыр, три жестянки мясного рагу и замороженный зерновой хлеб в пластиковом пакете. Он достал молоко, хлеб, две банки рагу, зажег конфорку. Возле тостера лежала газета, сегодняшняя. Свежее молоко, свежая газета. Пожалуй, Холе вряд ли уехал.

Он достал из подвесного шкафчика стакан, хотел налить молока, когда резкий звук заставил его выронить пакет на пол.

Телефон.

Молоко растекалось по терракотовой плитке, в передней настойчиво звонил телефон. После пя-

ти звонков послышался металлический щелчок, и внезапно комнату наполнил женский голос. Речь быстрая, тон бодрый. Она засмеялась, потом положила трубку. Этот голос…

Откупоренные банки с рагу он поставил на горячую сковороду, как они делали во время осады. Не потому, что не было тарелок, а чтобы все видели: порции одинаковые. Потом вышел в переднюю. На маленьком черном автоответчике мигал красный огонек, а рядом цифра два. Он нажал кнопку воспроизведения. Пленка перемоталась.

«Ракель», — сказал женский голос. На слух постарше первого. После нескольких фраз она передала трубку мальчику, который заговорил быстро, с жаром. Затем повторилось сообщение, которое он слышал первым. И он понял, что слух его не обманул, он уже слышал этот голос. Девушка из белого автобуса.

Он еще постоял, рассматривая фотографии, заткнутые под раму зеркала. На одной Холе, темноволосая женщина и мальчик сидели на паре лыж, щурясь в объектив. Второй снимок старый, поблекший: мальчик и маленькая девчушка в купальных костюмах. Девочка с монголоидными чертами, мальчик — Харри Холе.

Сидя на кухне, он медленно ел и слушал звуки в подъезде. Стекло в двери он склеил прозрачным скотчем, найденным в ящике под телефоном. Покончив с едой, прошел в спальню. Холодно. Сел на кровать, провел рукой по мягкой постели. Понюхал подушку. Открыл платяной шкаф. Нашел серые боксерские трусы в обтяжку, белую футболку с изображением какого-то восьмирукого Шивы и надписью «СПАСЕН. Юкке и валентинки». Одежда пахла мылом. Он переоделся. Лег в постель. Закрыл глаза. Думая о фотографии Холе. О Джорджи. Положил пистолет под подушку. И хотя страшно устал, почувствовал эрекцию, член распирал тугой, но мягкий хлопок. А затем уснул, уверенный, что проснется, если кто тронет входную дверь.

«Предвидеть непредвиденное».

Таков был девиз Сиверта Фалькейда, руководителя отряда «Дельта», полицейской группы быстрого реагирования. Фалькейд стоял на пригорке за контейнерным складом, с рацией в руке, за спиной на шоссе шумели ночные такси и трейлеры по дороге домой. Рядом — комиссар полиции Гуннар Хаген, подняв воротник зеленой камуфляжной куртки. В холодной заледенелой темноте внизу расположились фалькейдовские

парни. Фалькейд посмотрел на часы. Без пяти три.

Прошло девятнадцать минут с тех пор, как овчарки кинологического патруля сделали стойку у красного контейнера, показали, что там кто-то есть. И все же ситуация Фалькейду не нравилась. Хотя задача вполне обычная. Не по душе ему было другое.

До сих пор все шло гладко. Через сорок пять минут после звонка Хагена пятеро его ребят уже сидели в полицейском участке в полной готовности. «Дельта» насчитывала семьдесят человек личного состава, высококвалифицированных, тренированных, средний возраст тридцать один год. Вызывали их по мере необходимости, работа, в частности, заключалась в так называемых задачах повышенной сложности, именно в эту категорию попадала и нынешняя операция. К пятерым из «Дельты» присоединился еще один, из армейского спецназа. И вот здесь начиналось то, что Фалькейду решительно не нравилось. Спецназовец был снайпером, которого вызвал лично Гуннар Хаген. Назвался он Ароном, но Фалькейд знал, что в спецназе все работали под вымышленными именами. Весь спецназ был засекречен с момента создания в 1981-м, и только после знаме-

нитой афганской операции «Enduring Freedom» СМИ разведали конкретные подробности об этом подразделении, которое, по мнению Фалькейда, больше напоминало тайное братство.

«Я доверяю Арону, — коротко сказал Фалькейду Хаген. — Помнишь выстрел в Торпе в девяносто четвертом?»

Фалькейд прекрасно помнил драму с заложниками на аэродроме в Торпе. Он и сам там был. Позднее никто не знал, кто произвел спасительный выстрел, но пуля прошла через пройму бронежилета, которым было завешено окно автомобиля, и пробила голову вооруженного преступника, голова разлетелась в клочья, как тыква, на заднем сиденье новенького «вольво», правда, торговец автомобилями после взял его в обмен, вымыл и продал. Мучило Фалькейда не это. И не то, что у Арона была винтовка, каких он никогда не видел. Буквы «Мэр» на прикладе ничего ему не говорили. Сейчас Арон лежал где-то там, вооруженный лазерным прицелом и прибором ночного видения, он доложил, что находится в виду контейнера. В остальном же только бурчал в ответ, когда Фалькейд просил докладывать обстановку. Но дело опять же и не в этом. Фалькейду не нравилось другое: Арону

здесь вообще нечего делать. Снайперы здесь без надобности.

Помедлив секунду, Фалькейд поднес рацию к губам:

— Мигните фонариком, Арон, если готовы.

Внизу, в районе красного контейнера, вспыхнул и погас свет.

— Все на позиции, — сказал Фалькейд. — Готовы начать.

Хаген кивнул:

— Отлично. Но прежде чем начнем, я хочу подтверждения, что ты разделяешь мою точку зрения, Фалькейд. Что лучше произвести арест прямо сейчас, не дожидаясь Холе.

Фалькейд пожал плечами. Через пять часов рассветет, Станкич выйдет, и можно взять его с собаками на открытом месте. По слухам, в недалеком будущем Гуннар Хаген займет пост начальника полиции.

— Пожалуй, это вполне разумно, — ответил он.

— Хорошо. Я так и напишу в отчете. Что это наше общее решение. На случай, если кто объявит, что я поторопился с арестом, чтобы поставить его себе в заслугу.

— Думаю, в этом тебя никто не заподозрит.

— Ладно.

Фалькейд нажал кнопку рации:

— Двухминутная готовность.

Хаген и Фалькейд выдохнули белый пар, смешавшийся в одно облако и скоро растаявший.

— Фалькейд… — послышалось из рации. Атле. Шепчет: — Мужчина в дверях контейнера.

— Stand-by[46], всем! — сказал Фалькейд спокойным твердым голосом. — Он выходит?

— Нет, стоит пока. Он… вроде как…

Резкий хлопок выстрела распорол мрак над Осло-фьордом. И снова настала тишина.

— Черт, что это было? — спросил Хаген.

«Непредвиденное», — подумал Фалькейд.

---

[46] Примечания: 46
Внимание *(англ.)*.

Глава 24
Воскресенье, 20 декабря. Обещание

Раннее воскресное утро, он еще спал, в квартире Харри, в его постели, в его одежде. И видел его кошмар. О призраке, всегда о призраке.

Звук был едва внятный, что-то царапнуло по входной двери. Но этого оказалось более чем достаточно. Он проснулся, сунул руку под подушку, вскочил на ноги. Ледяной пол обжигал подошвы, пока он крался в переднюю. Сквозь заклеенное скотчем дверное стекло разглядел какой-то силуэт. Свет в квартире был погашен, и он знал, что его самого увидеть невозможно. Человек за дверью стоял согнувшись, что-то теребил в руках. Пытался вставить ключ в замок? И никак не мог. Харри Холе пьян? Может, он вообще никуда не уезжал, а просто пьянствовал где-то всю ночь напролет?

Он стоял уже у самой двери, потянулся к холодной металлической ручке. Затаил дыхание, привычно чувствуя в ладони рукоять пистолета. Человек за стеклом словно бы тоже замер.

Он надеялся, что лишних сложностей не воз-

никнет, что Холе хватит ума сообразить, что выбора нет: либо он выведет его к Юну Карлсену, либо, если это окажется нецелесообразно, вызовет Юна Карлсена сюда, в квартиру.

Держа пистолет так, чтобы его сразу увидели, он рывком распахнул дверь. Человек на площадке с судорожным вздохом отпрянул назад.

Снаружи к дверной ручке было что-то прикреплено. Букет цветов, упакованный в бумагу и целлофан, а к обертке пришпилен большой конверт.

Он мгновенно узнал ее, хотя испуг исказил черты, и тихо сказал:

— Get in here[47].

Мартина Экхофф помедлила, но подчинилась, когда он поднял пистолет выше.

Жестом он предложил ей пройти в гостиную и пошел следом. Вежливо попросил сесть в ушастое кресло, сам устроился на диване.

В конце концов она оторвала взгляд от пистолета, посмотрела на него.

— Извините, я не одет, — сказал он. — Где Харри?

---

[47] Примечания: 47
Заходите *(англ.)*.

— What do you want?[48]

Голос застал его врасплох — спокойный, чуть ли не ласковый.

— Мне нужен Харри Холе. Где он?

— Не знаю. А зачем он вам?

— Вопросы задаю я. Если не скажете, где Харри Холе, придется вас застрелить. Понятно?

— Я не знаю. Так что стреляйте. Если это вам поможет.

Он искал в ее глазах страх. И не находил. Может, все дело в ее зрачках, странные они какие-то.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Я принесла Харри обещанный билет на концерт.

— А цветы?

— Минутный каприз.

Он подвинул к себе сумочку, которую она поставила на стол, пошарил в ней, нашел кошелек и банковскую карту. Мартина Экхофф. Год рождения 1977-й. Адрес: Соргенфригата, Осло.

— Вы Станкич, — сказала она. — Вы были в белом автобусе, верно?

Он опять посмотрел на нее, она не отвела взгляд. Медленно кивнула:

---

[48] Примечания: 48
Что вам нужно? *(англ.)*

— Вы хотите, чтобы Харри отвел вас к Юну Карлсену, вот зачем вы здесь, да? А теперь не знаете, что делать, да?

— Молчать! — бросил он, но получилось вяло.

Ведь она права: все рассыпáлось. Они молча сидели в темной комнате, меж тем как снаружи брезжил слабый свет.

В конце концов первой заговорила она:

— Я могу отвезти вас к Юну Карлсену.

— Что? — озадаченно спросил он.

— Я знаю, где он.

— Где же?

— В усадьбе, за городом.

— Откуда вам это известно?

— Усадьба принадлежит Армии спасения, и я веду список тех, кто ею пользуется. Мне звонили из полиции, спрашивали, нельзя ли побыть там без помех ближайшие несколько дней.

— Вот как. Но почему вы хотите отвезти меня туда?

— Потому что от Харри вы этого не узнаете, — просто ответила она. — И тогда вам придется застрелить его.

Он посмотрел на девушку. И сообразил, что она говорит совершенно серьезно. Медленно кивнул:

— Сколько человек там, в усадьбе?

— Юн, его подруга и один полицейский.

— Это далеко?

— В утренние часы пик ехать минут сорок пять, но нынче воскресенье. Машина у подъезда.

— Почему вы мне помогаете?

— Я же сказала. Мне просто хочется, чтобы все поскорее закончилось.

— Вы понимаете, что, если обманете меня, я пущу вам пулю в лоб?

Она кивнула.

— Выезжаем прямо сейчас, — сказал он.

В 7.14 Харри установил, что жив. Все нервы пронизывала боль. А собаки требовали еще. Открыл один глаз, осмотрелся. Одежда разбросана по всей комнате. Но по крайней мере, никого другого тут нет. Рука примерилась взять стакан с ночного столика. Не промахнулась. Стакан пустой. Он провел пальцем по донышку. Облизал. Сладко. Алкоголь улетучился.

Поднявшись с постели, Харри взял стакан и пошел в ванную. Избегая смотреть в зеркало, налил в стакан воды. Не спеша выпил. Собаки протестовали, но он перетерпел. Еще стакан. Самолет. Взглянул на запястье. Черт, где часы? И сколько времени? Надо уезжать, пора домой. Но

сначала выпить… Он нашел брюки, надел. Пальцы как чужие, опухшие. Сумка? Здесь. Несессер. Башмаки. Но где мобильник? Как сквозь землю провалился. Он нажал девятку, номер администратора, и услыхал, как принтер за спиной у того со скрипом распечатывает счет, администратор же тем временем дважды повторил, который час, но Харри так и не понял.

Потом Харри буркнул что-то по-английски, чего опять же сам толком не понял.

— Sorry, sir. — ответил администратор. — The bar doesn't open till three p. m. Do you want to check out right now?[49]

Харри кивнул, пытаясь в карманах куртки, валяющейся в ногах кровати, отыскать билет на самолет.

— Сэр?

— Yes.

Харри положил трубку. Откинулся на кровати назад, продолжив поиски в карманах брюк, но нашел только двадцатикроновую монету. И вдруг вспомнил, где остались часы. Расплачиваясь по счету, когда бар закрывался, а у него не хватило кун, он положил поверх пачки банкнотов два-

---

[49] Примечания: 49

Простите, сэр… Бар открывается только в три. Хотите расплатиться прямо сейчас? *(англ.)*

дцать крон и пошел было прочь. Но до двери не добрался, услыхал сердитый окрик, почувствовал, как что-то больно ударило по затылку, и уставился на эту самую монету, которая плясала на полу, звякая, кружилась возле его ног. Он вернулся к стойке, и бармен, ворча, взял у него в счет оплаты часы.

Карман куртки, оказывается, порвался, Харри нащупал под подкладкой билет, достал, посмотрел время вылета. В ту же минуту в дверь постучали. Раз и другой, уже нетерпеливее.

Что было после закрытия бара, Харри почти не помнил, так что если стук связан с этим временны́м промежутком, то едва ли его ждет нечто приятное. С другой стороны, может, кто-нибудь нашел его мобильник. Он добрел до двери, приоткрыл.

— Good morning, — сказала женщина, стоящая у двери. — Или, может, оно недоброе?

Харри попробовал улыбнуться, оперся рукой о дверной косяк:

— Чего вы хотите?

Сейчас, с зачесанными вверх волосами, она еще больше походила на учительницу английского.

— Заключить соглашение, — сказала она.

— Почему сейчас, а не вчера?

— Потому что хотела узнать, что вы делали после нашей встречи. К примеру, встречались ли с хорватской полицией.

— И теперь знаете, что не встречался?

— Вы пили в баре до самого закрытия, а потом доползли до своего номера.

— Шпионили, значит?

— Бросьте, Холе. Вам надо успеть на самолет.

Снаружи их ждала машина. За рулем сидел бармен с тюремными наколками.

— К собору Святого Стефана, Фред, — сказала женщина. — Быстрей. У него самолет через полтора часа.

— Вы много обо мне разузнали, — заметил Харри. — А я о вас ничего.

— Можете называть меня Марией.

Башня огромного собора тонула в утреннем тумане, окутавшем Загреб.

Мария провела Харри по просторному, почти безлюдному центральному нефу. Они шли мимо исповедален и статуй святых с молельными скамьями рядом. Из скрытых динамиков, словно мантры, доносились записанные на пленку хоралы, негромкие, гулкие, видимо призванные побудить к медитации, однако они лишь навели Харри на мысль о музоне в католическом супер-

маркете. Они прошли в боковой неф, а оттуда в маленькое помещение с парными молельными скамьями. Утренний свет падал внутрь сквозь красно-синие стекла витражей. Две свечи горели по обе стороны распятой фигуры Христа. Перед распятием — коленопреклоненная восковая фигура, лицо обращено к небу, руки вскинуты вверх словно в отчаянной мольбе.

— Апостол Фома, святой покровитель строительных рабочих, — пояснила Мария, склонила голову и осенила себя крестным знамением. — Тот, что хотел вместе с Христом пойти на смерть.

Фома Неверующий, подумал Харри, а она нагнулась над своей сумкой, достала маленькую свечку с изображением святого, зажгла и поставила перед апостолом.

— Преклоните колени, — сказала она.

— Зачем?

— Делайте, как я говорю.

Харри нехотя опустился на колени, на грязный красный бархат скамейки, облокотился на наклонный деревянный пюпитр, засаленный, черный от пота и слез. Удивительно, однако поза вполне удобная.

— Клянитесь Сыном, что выполните свою часть соглашения.

Харри медлил. Потом склонил голову.

— Клянусь… — начала она.

— Клянусь…

— Именем Сына, Спасителя моего…

— Именем Сына, Спасителя моего…

— Сделать все, что в моих силах, чтобы спасти того, кто прозван Маленьким Спасителем.

Харри повторил.

Она села.

— Здесь я встречалась с курьером клиента. Здесь он сделал заказ… пойдемте, не к месту здесь обсуждать людские судьбы.

Фред отвез их в большой открытый парк Томислава и остался ждать в машине, а Харри с Марией присели на скамейку. Привядшие бурые травинки пытались подняться, но сильный ветер снова прижимал их к земле. По другую сторону старого выставочного павильона зазвонил трамвай.

— Я его не видела. Но на слух молодой.

— На слух?

— Первый раз он позвонил в «Интернациональ» в октябре. Если спрашивают про беженцев, то звонок переключают на Фреда. А Фред переключил звонок на меня. Тот человек сказал, что звонит по поручению анонима, который хочет,

чтобы для него сделали работу в Осло. Помню, в трубке слышался шум оживленной улицы.

— Телефон-автомат.

— Вероятно. Я сказала ему, что никогда не заключаю сделок по телефону, тем более с анонимами. Спустя два дня он позвонил снова и попросил меня через три дня прийти в собор Святого Стефана. Указал точное время, когда мне прийти и в какой исповедальне находиться.

Ворона села на ветку дерева перед скамейкой, склонила голову набок, печально посмотрела на них.

— В тот день в соборе было много туристов. В условленное время я вошла в нужную исповедальню. На стуле лежал запечатанный конверт. Я вскрыла его. Там находилась подробная информация, как и когда нужно убрать Юна Карлсена, задаток в долларах, значительно превышающий наши обычные ставки, а также проект окончательного соглашения. Далее, там сообщалось, что курьер, с которым я уже говорила по телефону, свяжется со мной, чтобы получить ответ и, если я соглашусь, обсудить детали финансового контракта. Курьер будет нашим единственным связным, но по соображениям безопасности он не посвящен в подробности поручения, а потому

и я ни при каких обстоятельствах не должна их выдавать. Я взяла конверт и вышла из исповедальни, из церкви, вернулась в гостиницу. Через полчаса позвонил курьер.

— То же лицо, которое звонило из Осло?

— Он не представился, но я, бывшая учительница, обычно запоминаю, как люди говорят по-английски. А у него был характерный акцент.

— И о чем вы говорили?

— Я сказала ему, что мы не возьмемся, по трем причинам. Во-первых, у нас принцип: знать, по какой причине делается такой заказ. Во-вторых, по соображениям безопасности мы никогда не позволяем другим назначать время и место. И в-третьих, не работаем с анонимными заказчиками.

— Что он ответил?

— Сказал, что отвечает за оплату, поэтому мне придется удовольствоваться тем, что он назовет собственное имя. И спросил, насколько надо увеличить цену, чтобы я отказалась от прочих своих условий. Я ответила, что ему столько не заплатить. Тогда он назвал свою сумму. И я…

Харри смотрел на нее, пока она подбирала английские слова.

— …оказалась не готова к такой сумме.

— Какой именно?

— Двести тысяч долларов. В пятнадцать раз больше нашей обычной таксы.

Харри медленно кивнул:

— Значит, мотив в итоге утратил важность?

— Неудивительно, Холе. У нас изначально был план. Накопить достаточно денег и покончить со всем этим, вернуться в Вуковар. Начать новую жизнь. И, услышав его предложение, я поняла, что это билет на волю. Последний заказ.

— Стало быть, принцип идеалистической киллерской конторы был предан забвению? — спросил Харри, шаря по карманам в поисках сигарет.

— А вы, Холе, занимаетесь расследованием убийств из идеализма?

— И да и нет. Жить-то надо.

На ее губах мелькнула улыбка.

— Выходит, мы не так уж отличаемся друг от друга, верно?

— Сомневаюсь.

— Вот как? Если не ошибаюсь, вы, как и я, надеетесь, что арестуете тех, кто этого заслуживает?

— Само собой.

— Но ведь обстоит не вполне так, верно? Вы давно обнаружили, что в виновности присутствуют

нюансы, о которых вы не думали, когда решили стать полицейским и спасать человечество от зла. Что, как правило, злого умысла немного, куда больше человеческой слабости и порока. В иных печальных историях узнаешь себя. Но, как вы говорите, жить-то надо. Вот мы и начинаем помаленьку лгать. И окружающим, и самим себе.

Зажигалки Харри не нашел. Но если он сию минуту не закурит, то взорвется. Ему не хотелось думать о Биргере Хольмене. Сейчас не время. Он почувствовал на зубах легкий сухой хруст, когда прокусил фильтр.

— Так как же назвался курьер?

— Вы спрашиваете так, словно знаете ответ, — заметила она.

— Роберт Карлсен, — произнес Харри и с силой потер лицо ладонями. — Конверт с инструкциями он передал вам двенадцатого октября.

Она подняла красивую бровь.

— Мы нашли его авиабилет. — Харри поежился. Ветер продувал его насквозь, будто он не человек, а призрак. — А по возвращении домой он ненароком занял место того, кого сам же обрек смерти. Смешно, правда?

Она не ответила.

— Одного я не пойму, — продолжал Харри. —

Почему ваш сын не прекратил операцию, увидев по телевизору или прочитав в газете, что фактически убил заказчика, который должен был платить по счету.

— Он никогда не знает, кто заказчик и в чем состоит вина жертвы. Так лучше.

— Значит, если его поймают, он не сможет никого разоблачить?

— Так ему нет нужды раздумывать. Он просто делает свою работу, доверяясь правильности моего решения.

— И морально, и экономически?

Она пожала плечами:

— В данном случае, разумеется, знать имя заказчика было преимуществом. Но проблема в том, что после убийства он не вышел на связь с нами. Не знаю почему.

— Он не решается.

Она закрыла глаза, и Харри увидел, как напряглись мышцы узкого женского лица.

— Вы хотели, чтобы я отозвала моего исполнителя. Но теперь мне понятно, что это невозможно. Однако я назвала вам имя заказчика. Больше я ничего сделать не могу, пока он с нами не свяжется. А вы, Харри, выполните свою часть соглашения? Спасете моего мальчика?

Харри не ответил. Ворона вдруг взлетела с ветки, капли воды дождем посыпались на гравий.

— Думаете, ваш сын остановился бы, если бы понял, насколько плохи его шансы? — спросил Харри.

Она криво улыбнулась. Потом печально покачала головой.

— Почему нет?

— Потому что он бесстрашный и упорный. Весь в отца.

Харри посмотрел на эту худенькую женщину с гордо поднятой головой и подумал, что в последнем не уверен.

— Передайте привет Фреду. Я возьму такси до аэропорта.

Она смотрела на свои руки.

— Вы верите в Бога, Харри?

— Нет.

— И все же поклялись Его именем спасти моего мальчика.

— Да. — Харри поднялся.

Не вставая, она смотрела на него.

— Вы держите свое слово?

— Не всегда.

— Вы не верите в Бога. И в свое слово тоже. Что же тогда остается?

Он плотнее запахнул куртку.

— Скажите мне, во что вы верите, Харри.

— Я верю в следующее обещание. Что люди могут сдержать обещание, даже если нарушили предыдущее. Я верю в новое начало. Я наверняка не говорил… — Он знаком остановил проезжающее такси. — Но именно потому я и служу в полиции.

В такси Харри сообразил, что у него нет наличных. Хотя знал, что в аэропорту Плесо есть банкоматы, которые принимают карты VISA. Всю дорогу он вертел в пальцах двадцатикроновую монету. Мысли о монете, крутящейся по полу бара, и первой выпивке на борту самолета боролись между собой.

Уже брезжил рассвет, когда Юна разбудила машина, заехавшая во двор Эстгора. Он лежал, глядя в потолок. Ночь была долгая, холодная, и спал он мало.

— Кто это? — спросила Теа, которая еще секундой раньше крепко спала.

В ее голосе сквозил страх.

— Наверняка сменщик полицейского, — ответил Юн.

Мотор смолк, хлопнули дверцы. Значит, их двое. Оба молчат. Безмолвные полицейские. Со

стороны гостиной, где расположился охранник, донесся стук в дверь. Один раз. Потом второй.

— Почему он не открывает? — прошептала Теа.

— Тсс, — шикнул Юн. — Может, он вышел. В уборную.

Новый стук. Громкий, требовательный.

— Пойду открою, — сказал Юн.

— Погоди!

— Надо же их впустить. — Юн перелез через Теа, оделся.

Он открыл дверь в гостиную. В пепельнице на журнальном столике дымился окурок, на диване валялся шерстяной плед. Опять стук. Юн выглянул в окно, но машины не увидел. Странно. Он стал прямо перед дверью. Окликнул, не слишком решительно:

— Кто там?

— Полиция, — послышалось за дверью.

Возможно, Юн ошибался, но ему почудился странный акцент.

Новый стук, он вздрогнул. Протянул трясущуюся руку к дверной ручке. Глубоко вздохнул и рывком открыл дверь.

Он словно налетел на упругую водяную стену, когда ледяной ветер ударил в лицо, а слепящий

свет низкого утреннего солнца заставил его невольно зажмуриться. На крыльце он увидел два силуэта.

— Вы смена? — спросил Юн.

— Нет, — ответил знакомый женский голос. — Все закончилось.

— Закончилось? — удивленно переспросил Юн, заслоняя глаза рукой. — Ах, это вы! Здравствуйте!

— Да, я, — сказала женщина. — Можете собираться, мы отвезем вас домой.

— Почему?

Она рассказала почему.

— Юн! — окликнула из спальни Теа.

— Минутку! — Юн прошел к Теа, оставив дверь открытой.

— Кто там? — спросила Теа.

— Она меня допрашивала, — сказал Юн. — Туриль Ли. И с ней парень, по-моему, тоже по фамилии Ли. Они говорят, что Станкич мертв. Застрелен сегодня ночью.

Полицейский, который их охранял, вернулся из уборной, собрал свои вещи и уехал. А спустя десять минут Юн закинул сумку на плечо, закрыл дверь и повернул ключ в замке. По своим следам прошел по глубокому снегу вдоль стены, отсчитал

пять досок и повесил ключ на крючок, скрытый под обшивкой. Потом следом за остальными поспешил к красному «фольксвагену-гольфу», который стоял с работающим движком, выпуская белый конденсат. Он втиснулся на заднее сиденье рядом с Теа. Машина тронулась с места, он обнял девушку за талию, потом наклонился вперед:

— А как все произошло на контейнерном складе сегодня ночью?

Полицейская Туриль Ли взглянула на напарника, Улу Ли, сидевшего рядом на пассажирском месте.

— Говорят, Станкич вроде как схватился за оружие, — сказал Ула Ли. — В смысле, так показалось снайперу из спецназа.

— А на самом деле не хватался?

— Смотря что считать оружием. — Ула покосился на Туриль Ли, которая с трудом сохраняла серьезность. — Когда его перевернули, оказалось, ширинка расстегнута, хозяйство наружу. Как видно, он просто хотел отлить.

Туриль Ли кашлянула и разом помрачнела.

— Все это сугубо между нами, — поспешно добавил Ула Ли. — Вы же понимаете, да?

— Вы хотите сказать, что вот так просто застрелили его? — недоверчиво вырвалось у Теа.

— Не мы, — сказала Туриль Ли. — Снайпер из спецназа.

— Они считают, Станкич что-то услышал и повернул голову, — сказал Ула. — Пуля вошла за ухом и вышла там, где был нос. Снип-снап-снурре… хе-хе…

Теа посмотрела на Юна.

— Ему бы не помешало иметь боеприпасы, — задумчиво обронил Ула. — Скоро сам его увидишь, Карлсен. Хорошо бы тебе его опознать.

— В любом случае это было бы очень непросто, — сказал Юн.

— Да, мы слышали. — Ула покачал головой. — Эта… как ее… пантомимическая физиономия. Полная чепуха, по-моему. Но все это между нами, ясно?

Некоторое время царило молчание.

— А вы совершенно уверены, что это он? — спросила Теа. — В смысле, лицо-то изуродовано.

— Они опознали куртку, — сказал Ула.

— И всё?

Ула и Туриль переглянулись.

— Да нет, — сказала Туриль. — На куртке и на осколке стекла в кармане засохла кровь. Сейчас сравнивают ее с кровью Халворсена.

— Все позади, Теа.

Юн притянул девушку поближе к себе. Она положила голову ему на плечо, он почуял запах ее волос. Скоро он сможет поспать. Долго. Между спинками сидений виднелась рука Туриль Ли на руле. Она взяла вправо, к обочине узкой дороги, чтобы разминуться с белым электромобильчиком, таким же, какой королевская семья подарила Армии спасения.

Глава 25
Воскресенье, 20 декабря. Прощение

Диаграммы и цифры на экранах, ритмичный писк счетчика сердечных сокращений создавали иллюзию, что все под контролем.

Рот и нос Халворсена прикрывала маска, на голове что-то вроде шлема — как пояснил врач, регистратор изменений мозговой активности. Веки темные, с тонкой сеточкой жилок. Харри вдруг подумал, что никогда этого не видел. Никогда не видел Халворсена с закрытыми глазами. Они всегда были открыты. За спиной отворилась дверь. Беата.

— Наконец-то, — сказала она.

— Я прямо с самолета, — прошептал Харри. — Он выглядит как спящий летчик-истребитель.

Только увидев вымученную улыбку Беаты, он понял зловещий смысл метафоры. Мозги отупели, иначе бы он выбрал другую. Или же просто промолчал. Он вообще кое-как сохранял лицо потому только, что перелет из Загреба в Осло занимает всего полтора часа, а стюардесса, разносившая выпивку, обслуживала других пас-

сажиров и лишь под конец заметила лампочку возле его сиденья.

Они вышли из палаты, сели в уголке отдыха в конце коридора.

— Что нового? — спросил Харри.

Беата провела ладонью по лицу.

— Врач, который осматривал Софию Михолеч, позвонил мне вчера вечером. Кроме синяка на лбу, никаких других травм он не обнаружил, и, по его словам, синяк, возможно, вправду получен от удара о дверь. Еще он сказал, что очень серьезно относится к врачебной тайне, но жена убедила его, что он должен нарушить ее, так как дело идет об очень серьезном расследовании. Он взял у Софии кровь на анализ, который не выявил никаких отклонений от нормы, пока он чисто интуитивно не попросил проверить уровень хорионического гонадотропина. Сомнений практически нет. — Беата прикусила губу.

— Любопытно. Только я не знаю, что такое хорионический гонадотропин.

— Совсем недавно София была беременна, Харри.

Харри хотел присвистнуть, но во рту пересохло.

— В таком случае тебе надо с ней поговорить.

— Да, мы же с ней закадычные друзья, — сухо заметила Беата.

— При чем тут дружба? Надо выяснить, не было ли тут изнасилования.

— Изнасилования?

— Интуиция.

Она вздохнула:

— Ладно. Но спешки-то теперь нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, после случившегося сегодня ночью.

— А что случилось сегодня ночью?

Беата воззрилась на него.

— Ты разве не знаешь?

Харри покачал головой.

— Я отправила тебе на мобильник как минимум четыре сообщения.

— Я вчера потерял мобильник. Рассказывай.

Беата медлила.

— Черт! Надеюсь, это не то, о чем я подумал?

— Они застрелили Станкича. Он умер на месте.

Харри закрыл глаза, голос Беаты звучал где-то далеко:

— Станкич полез в карман, а согласно отчету, он был предупрежден.

Отчет, подумал Харри. Уже.

— Однако единственным оружием оказался

осколок стекла в кармане куртки. На осколке обнаружена кровь, и судмедэкспертиза обещала завтра дать заключение. Пистолет он, видимо, до поры до времени спрятал, ведь это отягчающая улика. Документов при нем не нашли.

— А что-нибудь другое нашли? — машинально спросил Харри, поскольку мысленно находился совсем в другом месте. В соборе Святого Стефана. «Клянусь именем Сына…»

— В углу контейнера лежали наркоманские причиндалы. Шприц, ложка и все такое. Но самое интересное — подвешенный к потолку труп собаки. Черного метцнера, как сказал смотритель склада. Причем от собаки отреза́ли куски мяса.

— Рад слышать, — буркнул Харри.

— Что?

— Да так, ничего.

— Это объясняет, как ты и говорил, куски мяса в рвотных массах с Гётеборггата.

— Кто еще, кроме «Дельты», участвовал в операции?

— Судя по отчету, больше никто.

— А собственно, чей это отчет?

— Руководителя операции, разумеется. Сиверта Фалькейда.

— Разумеется.

— Так или иначе, теперь все позади.

— Нет!

— Не надо кричать, Харри.

— Не позади. Где есть принц, есть и король.

— Да что с тобой такое? — Щеки у Беаты вспыхнули. — Наемный киллер убит, а ты говоришь так, будто у него был… сообщник.

Халворсен, думал Харри. Она хотела сказать: Халворсен. Он зажмурил глаза, под веками заплясали красные пятнышки. Как свечи, думал он. Как свечи в церкви. Когда хоронили мать, он был ребенком. На Ондалснесе, с видом на горы, как она просила на смертном одре. И они стояли там — отец, Сестрёныш и он, — слушали, как священник говорит о человеке, которого вообще не знал. Потому что отец говорить не мог. И пожалуй, Харри уже тогда понял, что без нее они не семья. А дед, от которого Харри унаследовал высоченный рост, наклонился к нему и, дыша свежим перегаром, сказал, что так должно быть, что родители уходят первыми. Харри сглотнул комок в горле.

— Я разыскал шефа Станкича, — сказал он. — И она подтвердила, что убийство заказал Роберт Карлсен.

Беата ошеломленно смотрела на него.

— Но это не конец. Роберт был курьером. За ним стоит кто-то еще.

— Кто?

— Не знаю. Знаю только, что у него достаточно денег, чтобы заплатить за убийство двести тысяч долларов.

— И она вот так просто все тебе выложила?

Харри покачал головой.

— Мы заключили соглашение.

— Какое?

— Тебе совсем не хочется это узнать.

Беата дважды хлопнула глазами. Потом кивнула. Харри смотрел на пожилую женщину, ковылявшую на костылях по коридору, и думал, следят ли мать Станкича и Фред за норвежскими интернет-газетами. Знают ли, что Станкич мертв?

— Родители Халворсена сейчас в столовой. Я спущусь к ним. Пойдешь со мной? Харри?

— Что? Извини. Я поел в самолете.

— Им будет приятно. Они говорят, он очень тепло отзывался о тебе. Как о старшем брате.

Харри покачал головой:

— Может быть, позднее.

Беата ушла, а Харри вернулся в палату. Сел возле кровати, на краешек стула, всматриваясь в

бледное лицо на подушке. В сумке у него лежала непочатая бутылка «Джима Бима», купленная в беспошлинном магазине.

— Пробьемся, — шепнул он, прицелился и щелкнул Халворсена по лбу. Попал прямо между глаз, но веки даже не дрогнули. — Яшин…

Шепот и тот прозвучал натужно, хрипло. Пола куртки со стуком задела кровать. Харри пощупал: под подкладкой что-то есть. Потерянный мобильник.

Он ушел, когда Беата и родители Халворсена вернулись в палату.

Юн лежал на диване, головой на коленях Теа. Она смотрела по телевизору какой-то старый фильм, Юн слышал резкий голос Бетт Дэвис, смотрел в потолок и думал, что изучил здешний потолок лучше, чем собственный. И если хорошенько вглядится, то увидит кое-что знакомое, но не порванное лицо, которое ему показали в холодном подвале Центральной больницы. Он отрицательно покачал головой, когда его спросили, этого ли человека он видел на пороге своей квартиры и позднее, при нападении на полицейского.

«Может, это и он, только я его не узнаю», — ответил Юн, они кивнули, записали и вместе с ним

вышли из морга.

— Ты уверен, что полиция не разрешит тебе заночевать в собственной квартире? — спросила Теа. — Ведь, если останешься на ночь здесь, сплетни пойдут.

— Там место убийства, — сказал Юн. — Все опломбировано до окончания расследования.

— Опломбировано… Прямо как больной зуб.

Бетт Дэвис яростно накинулась на женщину помоложе, скрипки громко зарыдали.

— О чем ты думаешь? — спросила Теа.

Юн не ответил. Не ответил, так как думал, что солгал, сказав ей, что все позади. Все кончится, только когда он сам сделает то, что должен. А должен он взять быка за рога, остановить врага, быть храбрым маленьким солдатом. Ведь теперь он знал. Стоял совсем рядом, когда Халворсен на Гётеборггата слушал телефонное сообщение Мадса Гильструпа, знал, что это было признание.

Звонок в дверь. Теа быстро встала, словно обрадовалась долгожданному перерыву. Пришел Рикард.

— Не помешаю? — спросил он.

— Нет, — ответил Юн. — Я ухожу.

Пока он одевался, все трое молчали. Закрыв за собой дверь, Юн несколько секунд прислушивал-

ся к голосам в квартире. Они шептались. Почему? Рикард вроде сердится.

Трамваем он доехал до центра, потом пересел в вагончик Хольменколленской дороги. Обычно в воскресенье после снегопада в вагончиках полным-полно лыжников, но сегодня большинство, похоже, сочло погоду слишком холодной. Он вышел на конечной остановке, далеко внизу раскинулся город.

Дом Мадса и Рагнхильд стоял на вершине холма. Ворота довольно узкие, как и подъездная дорожка, которая вела вокруг купы деревьев, заслонявшей от шоссе бóльшую часть дома. Сама вилла низкая, так вписанная в рельеф, что со стороны оценить ее подлинный размер было невозможно. По крайней мере, так говорила Рагнхильд.

Юн позвонил, и через секунду-другую из невидимого динамика послышалось:

— Ба! Юн Карлсен!

Юн смотрел в камеру над дверью.

— Я в гостиной. — Голос у Мадса Гильструпа сорвался на хрип, он коротко хохотнул. — Полагаю, ты знаешь дорогу.

Дверь открылась автоматически, и Юн Карлсен вошел в холл размером с его собственную квар-

тиру.

— Алло!

Ответом было короткое, резкое эхо.

Он двинулся по коридору, который, наверно, выведет к гостиной. По стенам развешаны яркие, писанные маслом полотна без рам. Он миновал кухню с островком для готовки и обеденным столом с дюжиной стульев. Мойка завалена тарелками, стаканами и пустыми бутылками из-под пива и спиртного. Пахнет противно — несвежей едой и пивом. Юн пошел дальше. По всему коридору разбросана одежда. Открытая дверь в ванную. Вонь блевотины.

Когда он свернул за угол, перед глазами вдруг распахнулась панорама города и Осло-фьорда, которую он раньше видел, только совершая пешие походы по Нурмарке.

Посреди гостиной — экран, на белом холсте мелькают безмолвные кадры, видимо, любительская съемка свадьбы. Отец ведет невесту по проходу в церкви, она с улыбкой кивает гостям. Тихое жужжание кинопроектора, а больше ни звука. Перед экраном, спинкой к нему, глубокое черное кресло, рядом, на полу, две пустые бутылки и одна неполная.

Юн громко кашлянул, шагнул поближе.

Кресло медленно повернулось.

И Юн замер как вкопанный.

В кресле сидел мужчина, в котором он с превеликим трудом узнал Мадса Гильструпа. Одет в чистую белую рубашку и черные брюки, но небрит, лицо опухшее, глаза словно вылиняли, подернуты тусклой серой пленкой. На коленях у него лежала двустволка, черный дробовик с тонкой анималистической резьбой по темно-красному прикладу. Дуло смотрело прямо на Юна.

— На охоту ходишь, Карлсен? — тихо спросил Мадс Гильструп хриплым пьяным голосом.

Юн покачал головой, не сводя глаз с дробовика.

— В нашей семье охотятся на всё и вся, — продолжал Гильструп. — Хоть на мелкую дичь, хоть на крупную. У нас это чуть ли не фамильный девиз. Отец стрелял по всему, что способно ходить и ползать. Каждую зиму он ездит в какую-нибудь страну, где есть животные, каких он еще не стрелял. Прошлый год в Парагвай, там живет какая-то редкая лесная пума. А вот я никуда не гожусь. Отец так считает. Говорит, нет у меня должного хладнокровия. Я, мол, сумел заловить одну-единственную зверушку, вот ее. — Мадс Гильструп

кивком показал на экран. — Только, ясное дело, имел в виду, что *она* заловила меня.

Мадс Гильструп положил дробовик на салонный столик подле себя и сделал приглашающий жест:

— Садись. На следующей неделе мы подпишем с твоим начальником Давидом Экхоффом окончательное соглашение о недвижимости, прежде всего на Якоб-Оллс-гате. Отец отблагодарит тебя за содействие.

— Боюсь, благодарить меня не за что, — сказал Юн, усаживаясь на черный диван. Кожаная обивка, мягкая, но холодная как лед. — Я дал чисто профессиональное заключение.

— Да? Вот как?

Юн сглотнул.

— Польза от финансов, замороженных в недвижимости, несравнима с пользой, какую они могут принести в другой нашей работе.

— Но другие продавцы, наверно, выставили бы недвижимость на открытый аукцион?

— Мы бы тоже так поступили. Однако вы были непреклонны и недвусмысленно дали понять, что, предлагая купить всю недвижимость целиком, не согласитесь ни на какие торги.

— И все же решающую роль сыграла твоя ре-

комендация.

— Я просто оценил ваше предложение положительно.

Мадс Гильструп улыбнулся:

— Черт, вы могли бы выручить вдвое больше.

Юн пожал плечами:

— Возможно, мы бы выручили несколько больше, разделив совокупность недвижимости, но нынешний вариант избавляет нас от долгого и трудоемкого процесса продажи. А для Руководящего совета важно полностью доверять покупателю. Ведь нам необходимо позаботиться о тамошних жильцах. Даже думать не хочется, как бы с ними обошлись менее совестливые покупатели.

— Пункт о замораживании квартплаты и невыселении нынешних жильцов действует только восемнадцать месяцев.

— Доверие важнее договорных пунктов.

Мадс Гильструп наклонился вперед:

— Что ж, это верно, Карлсен, черт побери! А тебе известно, что я с самого начала знал про вас с Рагнхильд? Видишь ли, когда она с кем-то трахалась, щеки у нее горели румянцем. И так бывало каждый раз, когда в конторе упоминали твое имя. Ты цитировал ей Библию, когда вы трахались?

По-моему, ей бы это понравилось… — Он опять откинулся на спинку кресла, коротко хохотнул, провел ладонью по дробовику на столике. — Ружье заряжено, Карлсен. Ты видал, что может наделать дробь? Даже целиться особо незачем, спустил курок, и — бум! — тебя припечатает вон к той стене. Здорово, да?

— Я пришел сказать, что не хочу, чтобы мы были врагами.

— Врагами? — Мадс Гильструп засмеялся. — Вы всегда будете мне врагами. Помнишь то лето, когда вы купили Эстгор и сам командир Экхофф пригласил меня туда? Жалко ведь бедного мальчика, вы же купили его детские воспоминания. Насчет подобных вещей вы ужасно впечатлительны. Господи, как я вас ненавидел! — Мадс Гильструп опять засмеялся. — Смотрел, как вы играли и веселились, будто все там ваше. Особенно твой брат, Роберт. Он все время хороводился с маленькими девчонками. Дразнил их, водил в сенной сарай и… — Мадс переставил ногу, задел бутылку на полу, которая упала с легким стуком. Коричневая жидкость, булькая, растекалась по паркету. — Меня вы не замечали. Ни один из вас в упор меня не видел, словно я пустое место, вы были заняты друг другом. Ладно, думал я, стало

быть, я невидимка. Вот и покажу вам, на что невидимки способны.

— Потому ты это и сделал?

— Я? — Мадс засмеялся. — Я невиновен, Юн Карлсен. Мы, люди привилегированные, всегда невиновны, пора бы понять. Совесть у нас всегда чиста, потому что у нас есть средства купить чужую. У тех, кому до́лжно нам служить, делать грязную работу. Таков закон природы.

Юн кивнул:

— Зачем ты позвонил полицейскому и признался?

Мадс Гильструп пожал плечами:

— Вообще-то я хотел позвонить не ему, а Харри Холе. Но у этого шалопая не оказалось визитной карточки, вот я и позвонил по тому номеру, которым располагал. Халворсену или как его там. Не помню, я был пьян.

— Ты кому-нибудь еще говорил об этом? — спросил Юн.

Мадс Гильструп помотал головой, поднял с полу упавшую бутылку, отхлебнул глоток.

— Только отцу.

— Отцу? А-а, ну да, разумеется.

— Разумеется? — Мадс фыркнул. — Ты любишь своего отца, Юн Карлсен?

— Да. Очень.

— И ты не согласен, что любовь к отцу может быть проклятием? — Юн не ответил, и Мадс продолжил: — Отец пришел сразу после того, как я позвонил полицейскому, а когда я ему рассказал, знаешь, что он сделал? Взял лыжную палку и избил меня. А бьет старый хрен по-прежнему больно. Ненависть придает силы, знаешь ли. Он сказал, если я хоть кому-нибудь проболтаюсь, втопчу в грязь репутацию семьи, он меня убьет. Так прямо и сказал. И знаешь… — Глаза Мадса вмиг наполнились слезами, горло перехватило. — Я все равно люблю его. И мне кажется, именно за это он так страшно меня ненавидит. За то, что я, единственный его сын, настолько слаб, что не способен ответить ему ненавистью.

Он со стуком поставил бутылку на пол, по комнате прокатилось эхо.

Юн сплел ладони.

— Теперь слушай меня. Полицейский, которому ты во всем признался, лежит в коме. И если ты поклянешься не преследовать меня и моих близких, я обещаю, что никогда ничего этого не выдам.

Мадс Гильструп словно бы и не слышал Юна, его взгляд скользил по экрану, где спиной к ним

стояли новобрачные.

— Смотри, она как раз говорит «да». Я снова и снова прокручиваю этот эпизод. Потому что не могу понять. Она же поклялась. Она… — Он тряхнул головой. — Я думал, может, это заставит ее вновь полюбить меня, если я сумею совершить это… преступление, она увидит меня таким, каков я есть. Преступник должен быть смелым. Сильным. Мужчиной, верно? А не только… — Он шумно выдохнул носом и прямо-таки выплюнул: — Чьим-то сыном.

Юн встал:

— Мне пора.

Мадс Гильструп кивнул:

— У меня есть кое-что принадлежащее тебе. Назовем это… — он задумчиво прикусил губу, — прощальным подарком от Рагнхильд.

На обратном пути, сидя в вагончике Хольменколленской дороги, Юн смотрел на черную сумку, полученную от Мадса Гильструпа.

На улице холодище, те, кто рискнул выйти на воскресную прогулку, шли вздернув плечи и наклонив головы, закутанные в шапки и шарфы. Но Беата Лённ словно и не чувствовала холода, стоя на Якоб-Оллс-гате и нажимая кнопку домофона квартиры Михолечей. Она вообще ничего не чув-

ствовала после недавнего известия из больницы.

«Самая большая проблема не сердце, — сказал врач. — Возникли неприятности с другими органами. В первую очередь с почками».

Госпожа Михолеч ждала на лестничной площадке и проводила Беату на кухню, где, теребя волосы, сидела ее дочь София. Госпожа Михолеч налила воды в кофейник, поставила на стол три чашки.

— Наверно, лучше бы нам с Софией поговорить с глазу на глаз, — сказала Беата.

— Она хочет при мне, — ответила мать. — Кофе будете?

— Нет, спасибо, мне надо в больницу. Я ненадолго.

— Ну, нет так нет. — Госпожа Михолеч вылила воду из кофейника.

Беата села напротив Софии. Попыталась поймать ее взгляд, устремленный на прядку волос.

— Ты уверена, что нам не стоит говорить наедине, София?

— А зачем? — спросила та вызывающим тоном, каким раздраженные подростки с поразительным успехом добиваются своего — раздражения собеседника.

— Это весьма и весьма личные вещи, София.

— Она же моя мама, дамочка!

— Ладно, — сказала Беата. — Ты делала аборт?

София оцепенела. Лицо исказила гримаса ярости и боли.

— Ты о чем? — коротко бросила она, но не сумела скрыть изумление в голосе.

— Кто отец? — продолжала Беата.

София по-прежнему расправляла несуществующие волоски. Госпожа Михолеч стояла открыв рот.

— Секс был добровольный? Или он тебя изнасиловал?

— Что вы такое говорите? Как вы смеете?! — воскликнула мать. — Она же совсем ребенок, а вы говорите так, будто она… шлюха.

— Ваша дочь была беременна, госпожа Михолеч. Я лишь хочу выяснить, не связано ли это с делом об убийстве, над которым мы работаем.

Нижняя челюсть у матери словно бы вывихнулась из суставов и совсем отвисла. Беата наклонилась к Софии:

— Это был Роберт Карлсен, София? Да?

Она видела, как губы у Софии задрожали.

Мать поднялась со стула.

— О чем она говорит, София? Скажи, что это неправда!

София уткнулась лицом в стол, закрыла руками голову.

— София! — воскликнула мать.

— Да, — сквозь слезы прошептала девушка. — Он. Роберт Карлсен. Я не думала… даже не предполагала, что он… такой.

Беата встала. София всхлипывала, а мать выглядела так, будто ее ударили. Сама Беата чувствовала лишь оцепенение.

— Убийцу Роберта Карлсена сегодня ночью обезвредили, — сказала она. — Отряд быстрого реагирования застрелил его на контейнерном складе. Он мертв. — Она ожидала реакции, но тщетно. — Я ухожу.

Никто ее не слышал, и она в одиночестве прошла к выходу.

Он стоял у окна, смотрел на волнистый белый ландшафт. Будто замерзшее молочное море. Тут и там на верхушках волн виднелись дома и красные сараи. А над всем этим висело низкое усталое солнце.

— They are not coming back[50], — сказал он. — Уехали. А может, их тут и не было? Может, ты врала?

---

[50] Примечания: 50
Они не возвращаются *(англ.)*.

— Они были здесь, — ответила Мартина, снимая с плиты кастрюлю. — Когда мы вошли, здесь было тепло, и ты сам видел следы в снегу. Наверно, что-то произошло. Садись, все готово.

Он положил пистолет рядом с тарелкой, принялся за рагу. Банки такие же, как в квартире Харри Холе. На подоконнике стоял старенький синий транзистор. Понятная поп-музыка вперемежку с непонятной речью. Как раз сейчас доносилась мелодия, которую он когда-то слышал в кино, а мама играла ее на пианино, что стояло у окна, «единственного с видом на Дунай», как обычно говорил отец, поддразнивая мать. А если она обижалась, он всегда гасил ссору вопросом, как такая интеллигентная и красивая женщина могла выбрать в мужья такого, как он.

— У тебя с Харри роман? — спросил он.

Мартина покачала головой.

— Тогда почему ты пришла с билетом на концерт к нему домой?

Она не ответила.

Он улыбнулся:

— По-моему, ты в него влюблена.

Она показала на него вилкой, словно хотела сделать какое-то замечание, но раздумала, сказала только:

— А как насчет тебя? Дома у тебя есть девушка?

Он покачал головой, отпил воды из стакана.

— Почему? Занят чересчур?

Он прыснул, забрызгав водой весь стол. Нервы на пределе. Потому и не сдержал смех. Мартина тоже засмеялась.

— Или ты голубой? — Она утерла слезы, от смеха навернувшиеся на глаза. — Может, у тебя дома друг?

Он захохотал еще громче. И смеялся еще долго после того, как она умолкла.

Мартина подложила себе и ему еще рагу.

— Раз он тебе так нравится, возьми вот это.

Он бросил ей фотографию, которую вытащил у Харри из рамы зеркала: темноволосая женщина и мальчик. Мартина взяла снимок, долго смотрела на него.

— Веселый на вид, — сказала она.

— Наверно, жилось ему хорошо. Тогда.

— Наверно.

Сероватый сумрак сочился в окна, заполняя комнату.

— Может, ему снова будет хорошо, — тихо обронила Мартина.

— Думаешь, это возможно?

— Чтобы снова стало хорошо? Разумеется.

Он взглянул на транзистор у нее за спиной.

— Почему ты мне помогаешь?

— Я ведь уже сказала. Харри не стал бы тебе помогать и…

— Не верю я тебе. Тут наверняка что-то еще.

Она пожала плечами.

— Можешь объяснить мне, что тут написано? — Он развернул и подал ей бланк, найденный на столике у Харри.

Мартина читала, а он рассматривал фото в удостоверении Харри, которое прихватил на квартире. Полицейский смотрел поверх объектива, и он сообразил, что смотрел Харри на фотографа, и подумал, что, пожалуй, это кое-что говорит о человеке на снимке.

— Это разрешение на какой-то «смит-вессон тридцать восемь», — сказала Мартина. — Ему предписано получить его на складе полицейского управления, представив данное подписанное разрешение.

Он медленно кивнул:

— И подпись там есть, да?

— Да. Подписал… э-э… комиссар полиции Гуннар Хаген.

— Иными словами, Харри оружие не получал.

А значит, он неопасен. Более того, совершенно беззащитен.

Мартина заморгала глазами.

— О чем ты сейчас думаешь?

Глава 26
Воскресенье, 20 декабря. Фокус

На Гётеборггата зажглись фонари.

— О'кей, — сказал Харри Беате. — Значит, Халворсен припарковал машину именно здесь?

— Да.

— Они вышли. И Станкич напал на них. Сначала выстрелил в Юна, который успел вбежать в подъезд. А потом бросился к Халворсену, который спешил к машине за оружием.

— Да. Халворсена нашли рядом с машиной. В карманах пальто и брюк, а также за поясом брюк Халворсена мы обнаружили следы крови. Не его, а, по-видимому, Станкича, который его обыскал. И забрал бумажник и мобильный телефон.

Харри хмыкнул, потер подбородок:

— Почему он не застрелил Халворсена? Почему схватился за нож? Не затем же, чтобы избежать шума, он ведь уже перебудил всю округу, выстрелив в Юна.

— Мы тоже задавали себе этот вопрос.

— И почему он набрасывается с ножом на Халворсена и только потом убегает? По идее,

единственный повод напасть на Халворсена — убрать его с дороги, чтобы не мешал расправиться с Юном. Но он даже не пытается.

— Так ведь ему помешали. Машина подъехала, верно?

— Верно, однако мы говорим о парне, который только что посреди улицы порезал полицейского. Почему он испугался случайной машины? И почему взялся за нож, хотя уже достал пистолет?

— Давай говори.

Харри закрыл глаза. Беата притопывала ногами в снегу.

— Харри, — сказала она. — Мне хочется уйти отсюда, я…

Харри медленно открыл глаза:

— У него кончились патроны.

— Что?

— Это была последняя пуля Станкича.

Беата тяжело вздохнула:

— Он же профи, Харри. И чтоб у такого кончились патроны? Нет, вряд ли.

— И все-таки, — с жаром сказал Харри. — Если у тебя есть подробный план, как убрать определенного человека, и для этого требуется одна или максимум две пули, склад боеприпасов ты с собой не потащишь. Едешь ведь в чужую страну, багаж

просвечивают, а все это надо спрятать, так?

Беата молчала, и Харри продолжил:

— Значит, Станкич выпускает последнюю пулю по Юну и промазывает. После чего нападает на Халворсена с колющим оружием. Зачем? А чтобы завладеть его табельным пистолетом для охоты на Юна. Вот почему за поясом брюк Халворсена обнаружена кровь. В этом месте ищут не бумажник, там ищут оружие. Но он не находит пушки, не знает, что она в машине. И теперь Юн закрылся в подъезде, а у Станкича только нож. Поэтому он бросает охоту и бежит прочь.

— Отличная версия. — Беата зевнула. — Мы могли бы выследить Станкича, но он мертв. И теперь это, наверно, не важно.

Харри посмотрел на нее. Глаза опухшие, красные от недосыпа. Ей хватило такта не упоминать, что от него разит перегаром. Или хватило ума понять, что говорить ему об этом бессмысленно. Но в эту минуту он уразумел и кое-что еще: именно сейчас она совершенно ему не доверяет.

— А о чем говорила свидетельница из машины? — спросил Харри. — Что Станкич убегал по левой стороне улицы?

— Да, она следила за ним в зеркало. А вон там, на углу, он упал. На том месте, где мы нашли

хорватскую монету.

Он глянул в ту сторону. Последний раз, когда он был здесь, на этом месте сидел усатый попрошайка. Может, он что-то видел? Хотя сейчас на улице минус двадцать и никого там нет.

— Едем в Судмедэкспертизу, — сказал Харри.

В молчании они по Тофтес-гате выехали на второе кольцо. Мимо Уллевольской больницы. Только на Согнсвейен, когда за окном мелькали белые сады и каменные коттеджи в английском стиле, Харри внезапно нарушил молчание:

— Ну-ка прижмись к тротуару и остановись.

— Сейчас? Здесь?

— Да.

Она посмотрела в зеркало и сделала, как он просил.

— Включи стоп-сигнал, — сказал Харри. — И сосредоточься. Помнишь игру в интуицию, которой я тебя учил?

— Это когда надо говорить прежде, чем подумаешь?

— Или когда говоришь, что́ думаешь, прежде чем подумаешь, что об этом думать не надо. Очисти мозги.

Беата закрыла глаза. По тротуару прошло семейство на лыжах.

— Готова? О’кей. Кто послал Роберта Карлсена в Загреб?

— Мать Софии.

Харри хмыкнул:

— Откуда это взялось?

— Понятия не имею. — Беата открыла глаза. — Насколько нам известно, мотива у нее нет. И она явно не такой тип. Может, потому, что она хорватка, как и Станкич. Мое подсознание мыслит не так уж сложно.

— Возможно, ты права, — сказал Харри. — Во всем, кроме последнего. Насчет подсознания. О’кей. Спроси меня.

— Вслух? Громко?

— Да.

— Почему?

— Просто спроси, и всё. — Харри закрыл глаза. — Я готов.

— Кто послал Роберта Карлсена в Загреб?

— Нильсен.

— Нильсен? Кто из Нильсенов?

Харри открыл глаза.

Слегка недоуменно прищурился от света встречных машин.

— Рикард, конечно.

— Забавная игра, — сказала Беата.

— Езжай.

Темнота окутала Эстгор. На подоконнике лопотал транзистор.

— Тебя вправду никто не может узнать? — спросила Мартина.

— Правда. Нужно время. Нужно время, чтобы запомнить мое лицо. Только вот совсем немногие пожелали потратить на это время.

— Значит, дело не в тебе, а в других?

— Возможно. Но я не хотел, чтобы меня узнавали, дело… в том, чем я занимаюсь.

— Ты бежишь.

— Нет, наоборот. Я просачиваюсь. Вторгаюсь. Становлюсь невидимкой и закрадываюсь куда хочу.

— Но если никто тебя не видит, в чем соль-то?

Он удивленно посмотрел на Мартину. Послышалась веселенькая мелодия, потом с нейтральной серьезностью заговорил женский голос — видимо, начался выпуск новостей.

— Что она говорит?

— Еще похолодает. Детские сады закрываются. Старикам рекомендуют сидеть дома и не экономить электричество.

— Но ты меня увидела. И узнала.

— Я смотрю на людей. И вижу их. Это мой един-

ственный талант.

— Поэтому ты мне помогаешь? — спросил он. — Поэтому ни разу не попыталась сбежать?

Она испытующе посмотрела на него и наконец сказала:

— Нет, не поэтому.

— А почему же?

— Потому что хочу, чтобы Юн Карлсен умер. Стал еще мертвее, чем ты.

Он вздрогнул. Она что, сумасшедшая?

— Разве я мертв?

— В новостях твердят об этом уже несколько часов. — Мартина кивнула на транзистор.

Потом набрала побольше воздуху и заговорила серьезным бесстрастным тоном диктора:

— Человек, подозреваемый в убийстве на Эгерторг, застрелен сегодня ночью полицейскими силами быстрого реагирования в ходе операции на контейнерном складе. Как сообщил руководитель операции Сиверт Фалькейд, подозреваемый отказался сдаться, но, судя по всему, хотел выхватить оружие. По словам начальника убойного отдела Гуннара Хагена, согласно обычной процедуре дело будет передано в Отдел собственной безопасности полиции. Хаген говорит, это дело — новый пример того, что полиция сталкивается

со все более жестокой организованной преступностью, и в дискуссии о ношении полицейскими оружия речь должна идти не только об эффективном обеспечении законности, но и о безопасности самих полицейских.

Он зажмурил глаза. Дважды. Трижды. И наконец сообразил. Кристоффер. Синяя куртка.

— Я мертв, — сказал он. — Вот почему они уехали, когда мы направлялись сюда. Они решили, что все кончено. — Он накрыл ладонью руку Мартины. — Ты хочешь, чтобы Юн Карлсен умер.

Она смотрела в пространство. Вздохнула, словно собиралась заговорить, но только со стоном выпустила воздух, будто не нашла нужных слов и надо попытаться заново. С третьей попытки получилось:

— Потому что Юн Карлсен знал. Знал все эти годы. И за это я ненавижу его. И себя.

Харри смотрел на обнаженное мертвое тело на столе. Он воспринимал покойников уже почти без эмоций. Почти.

В помещении было градусов четырнадцать, голые цементные стены гудели эхом, когда женщина-судмедэксперт отвечала на вопросы Харри:

— Нет, вообще-то мы не собирались делать

вскрытие. У нас и без того работы по горло, а здесь причина смерти вполне очевидна, ты же сам видишь. — Она кивнула на лицо, где вместо носа и верхней губы зияла большая черная дыра, обнажившая зубы и верхнюю челюсть.

— Прямо целый кратер, — сказал Харри. — Не больно похоже на МР-пять. Когда я получу заключение?

— Спроси у своего начальника. Он приказал переслать заключение ему.

— Хаген?

— Ага. Так что, если срочно нужно заключение, возьми у него копию.

Харри и Беата переглянулись.

— Послушайте, — судмедэксперт скривила губы, изображая, как понял Харри, улыбку, — по выходным у нас работает мало народу, и дел у меня выше крыши. Так что прошу меня извинить.

— Разумеется, — сказала Беата.

Судмедэксперт вместе с Беатой направилась к двери, но обе остановились, услышав голос Харри:

— Кто-нибудь из вас обратил внимание вот на это?

Обе обернулись. Харри стоял, склонясь над трупом.

— У него следы от инъекций. Вы сделали анализ крови на наркотики?

Судмедэксперт вздохнула:

— Он поступил сегодня утром, мы только успели положить его в холодильник.

— Когда сможете сделать анализ?

— Это важно? — спросила она и, заметив, что Харри медлит, добавила: — Хорошо бы, ты ответил честно, ведь если мы займемся этим в первую очередь, то все остальное, о чем вы просите, придется отложить. Перед Рождеством тут жуткая запарка.

— Ладно. Вероятно, парень кололся раз-другой. — Харри пожал плечами. — Но он мертв. И пожалуй, это не так уж важно. Часы вы с него сняли?

— Часы?

— Да. Когда он накануне пытался снять деньги в банкомате, на руке у него были «Сейко эс-кью пятьдесят».

— Не было у него часов.

— Хм. — Харри взглянул на собственное запястье. — Наверняка потерял.

— Я в реанимацию, — сказала Беата, когда они вышли на улицу.

— О'кей. Я возьму такси. Ты подтвердишь его

личность?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну что мы на сто процентов уверены, что в морге именно Станкич.

— Конечно, это не обычная процедура. У трупа группа крови А, совпадающая с найденной в карманах Халворсена.

— Это самая обычная для Норвегии группа крови, Беата.

— Да, но они и профиль ДНК проверят. Ты сомневаешься?

Харри пожал плечами:

— Надо непременно сделать анализ ДНК. Когда?

— Самое раннее в среду. Идет?

— Три дня. Нет, слишком долго.

— Харри…

Харри поднял руки:

— Ладно-ладно. Ухожу. Ты поспи, хорошо?

— Честно говоря, тебе сон нужен больше, чем мне.

Харри положил руку ей на плечо. Хрупкое, худенькое под курткой.

— Он молодчина, Беата. И хочет быть здесь. О’кей?

Беата прикусила губу. Вроде бы хотела что-то

сказать, но только быстро улыбнулась и кивнула.

В такси Харри достал мобильник, набрал номер мобильника Халворсена. Но, как и ожидал, ответа не последовало.

Тогда он набрал номер «Интернационаля». Когда портье ответил, попросил переключить звонок на Фреда, в бар. На Фреда? В какой бар?

— The other bar[51], — сказал Харри.

Когда в трубке послышался голос Фреда, Харри сказал:

— Это полицейский. Тот, что заходил вчера и спрашивал насчет Маленького Спасителя.

— Да?

— Мне нужно поговорить с ней.

— Она получила плохие известия. Прощай.

Минуту-другую Харри слушал гудки в трубке. Потом сунул телефон во внутренний карман и стал смотреть в окно на безлюдные улицы. Она, наверно, в соборе, зажгла новую свечу.

— Ресторан «Шрёдер», — сказал шофер и затормозил.

Харри сидел за своим обычным столиком, смотрел в недопитый стакан с пивом. Так на-

---

[51] Примечания: 51
В другой *(англ.)*.

зываемый ресторан на самом деле представлял собой простенькую, обшарпанную пивную, хотя в атмосфере ее чувствовались горделивость и достоинство — возможно, из-за клиентуры, а возможно, из-за стильных картин, украшавших прокуренные стены. Или по той простой причине, что «Шрёдер» держался столько лет, видел, как множество ресторанчиков по соседству меняли вывески и владельцев, а сам жил себе и жил.

Перед закрытием, в воскресный вечер, посетителей было немного. Но как раз сейчас вошел новый, быстро огляделся, расстегивая пальто, под которым виднелся твидовый пиджак, и направился к столику Харри.

— Добрый вечер, друг мой, — сказал Столе Эуне. — Должно быть, это твой излюбленный уголок?

— Это не уголок, — ничуть не брюзгливо заметил Харри, — а закоулок. Углы снаружи. Их огибают, а не сидят в них.

— А как насчет «углового столика»?

— Это не стол в углу, а стол с углами. Как угловой диван.

Эуне довольно усмехнулся. Он любил такие разговоры. Подошла официантка, посмотрела на него с подозрением, когда он заказал чай.

— Значит, и стоять в углу нельзя, так? — сказал он, поправляя бабочку в черно-красный горошек.

Харри улыбнулся:

— Пытаешься что-то мне сообщить, господин психолог?

— Что ж, ты позвонил мне, чтобы я тебе кое-что рассказал.

— Сколько ты берешь в час, чтобы рассказать людям, что им сейчас стыдно?

— Послушай, Харри, пьянство делает тебя не только раздражительным, но и раздражающим. Я приехал не затем, чтобы лишать тебя самоуважения, уверенности в себе или пива. Но твоя проблема в том, что все это находится вот тут, в стакане.

— Ты, как всегда, прав. — Харри поднял стакан. — Поэтому надо по-быстрому его допить.

Эуне встал:

— Если ты хочешь побеседовать о своем пьянстве, прошу, как обычно, ко мне в контору. Консультация закончена, чай за твой счет.

— Погоди, — сказал Харри. — Вот. — Он повернулся и отставил недопитый стакан с пивом на пустой соседний столик. — Это мой фокус. Я прекращаю запой пол-литровым стаканом пива,

который выпиваю за час. Маленький глоток каждые две минуты. Как снотворное. Потом иду домой и со следующего дня трезв как стеклышко. Я хотел поговорить с тобой о нападении на Халворсена.

Эуне помедлил. И опять сел.

— Ужасная история. Мне сообщили подробности.

— И что ты видишь?

— Смутно угадываю, Харри. Смутно угадываю, с трудом. — Эуне оживленно кивнул официантке, которая принесла чай. — Но, как тебе известно, угадываю я хоть и смутно, однако лучше других моих коллег-лоботрясов. А вижу я, во всяком случае, некие сходства между этим нападением и убийством Рагнхильд Гильструп.

— Выкладывай.

— Огромная глубинная ярость, выплеснувшаяся наружу. Насилие, обусловленное сексуальной фрустрацией. Вспышки ярости, типичные для личности в пограничном состоянии.

— Да, только вот эта личность, судя по всему, способна контролировать свою ярость. Так как постаралась не оставить следов на местах преступлений.

— Хорошее замечание. Возможно, мы имеем

дело с насильственным преступником, движимым яростью, — или с «лицом, применяющим насилие», как настоятельно рекомендуют их называть дамы-психологи, — который в обычной жизни выглядит вполне уравновешенным, прямо-таки деликатным. Недавно в «Американ джорнал оф сайколеджи» опубликовали статью о таких людях, о тех, кому присуща так называемая slumbering rage[52]. Я называю их доктор Джекилл и мистер Хайд. И когда мистер Хайд пробуждается… — Эуне погрозил указательным пальцем и отпил глоток чаю, — всё, Страшный суд и конец света. Если ярость вырывается наружу, они ее уже не контролируют.

— Не очень-то хорошее качество для профессионального киллера.

— Безусловно. К чему ты клонишь?

— В убийстве Рагнхильд Гильструп и в нападении на Халворсена Станкич выпадает из стиля. Здесь что-то ненормальное. И непохожее на убийство Роберта Карлсена и другие эпизоды, о которых сообщил Европол.

— Яростный и психически лабильный наемный киллер? Н-да. Впрочем, встречаются ведь

---

[52] Примечания: 52
Латентная ярость *(англ.)*.

психически лабильные пилоты и операторы АЭС. Не каждый работает там, где надо бы, понимаешь?

— С чем тебя и поздравляю.

— Вообще-то я вовсе не имел в виду тебя. Ты знаешь, что тебе свойственны кой-какие нарциссические черты, инспектор?

Харри улыбнулся.

— Хочешь рассказать мне, почему стыдишься? — спросил Эуне. — Думаешь, Халворсен пострадал по твоей вине, да?

Харри откашлялся.

— Так или иначе, именно я велел ему охранять Юна Карлсена. И именно я должен был научить его, где в таких случаях надо держать оружие.

Эуне кивнул:

— Стало быть, во всем виноват ты. Как обычно.

Харри отвернулся, обвел взглядом ресторан. Лампы замигали, и немногие посетители, послушно допив пиво, надевали шарфы и шапки. Харри положил на стол сотенную купюру и ногой выдвинул из-под стула сумку.

— Шабаш. До следующего раза, Столе. После Загреба я еще не заходил домой, пойду спать.

Следом за Эуне Харри пошел к двери и все-таки сумел не посмотреть на стакан с остатками пива

на столике за спиной.

Собираясь отпереть дверь квартиры, Харри увидел разбитое стекло и громко чертыхнулся. Второй взлом за год. Он отметил, что взломщик заклеил стекло, чтобы не привлекать внимания соседей. Однако не вынес ни стереоустановку, ни телевизор. Понятно, модели-то не этого года. И даже не прошлого. А других ценностей, которые легко сбыть с рук, в квартире не нашлось.

Кто-то трогал бумаги на журнальном столике. Пройдя в ванную, Харри увидел, что в аптечном шкафчике над раковиной тоже кто-то копался, так что нетрудно понять, что здесь орудовал наркоман.

Он несколько удивился, глядя на тарелку на кухонном столе и банки из-под рагу в мусорном ведре под мойкой. Бедолага поел, чтобы утешиться?

Улегшись в постель, он почувствовал, что голова наверняка разболится, но все-таки надеялся заснуть, поскольку действие «лекарства» пока не кончилось. Сквозь щелку в занавесках до самой кровати тянулась полоска лунного света. Он ворочался в ожидании призраков. Слышал, как они шуршат, стало быть, вот-вот явятся. Конечно, это просто пьяная паранойя, но ему чудилось, будто

постель пахнет кровью и смертью.

Глава 27
Понедельник, 21 декабря. Ученик

На дверь комнаты совещаний кто-то повесил рождественский венок.

За закрытой дверью подходило к концу заключительное совещание следственной группы.

Харри, потея в тесном темном костюме, стоял перед собравшимися.

— Поскольку и исполнителя, Станкича, и заказчика, Роберта Карлсена, нет в живых, по окончании этого совещания данная следственная группа прекращает работу, — сказал он. — Иначе говоря, большинство из вас в этом году смогут отдохнуть на Рождество. Но я хочу попросить Хагена выделить кого-нибудь из вас для продолжения расследования. Вопросы есть? Да, Туриль?

— Ты говоришь, контактное лицо Станкича в Загребе подтвердило наше подозрение, что Роберт Карлсен заказывал убийство Юна. Кто и как беседовал с этим лицом?

— В такие детали я, увы, вдаваться не могу, — ответил Харри, игнорируя выразительный взгляд Беаты и чувствуя, как по спине течет пот. Не

из-за вопроса и не из-за костюма, а оттого, что он трезв. — О'кей. Следующая наша задача — выяснить, с кем заодно действовал Роберт Карлсен. В течение дня я свяжусь со счастливчиками, которым будет позволено в этом участвовать. Хаген проводит сегодня пресс-конференцию и сейчас обдумывает, что́ надо будет говорить. — Харри махнул рукой. — Всё, возвращайтесь к своим бумаженциям.

— Эй! — воскликнул Скарре, перекрывая шарканье стульев. — А праздновать не будем?

Шум утих, все смотрели на Харри.

— Вообще-то, — тихо сказал Харри, — я не знаю, что нам праздновать, Скарре. Что три человека убиты? Что заказчик все еще на свободе? Или что один из наших лежит в коме?

Харри смотрел на собравшихся, не делая поползновений нарушить неловкое молчание.

Когда комната опустела, Скарре подошел к Харри, который складывал в папку свои заметки, набросанные в шесть утра.

— Извини, — сказал Скарре. — Плохая идея.

— Ничего, — ответил Харри. — Ты ведь хотел как лучше.

Скарре кашлянул.

— Ты редко надеваешь костюм.

— В двенадцать состоятся похороны Роберта Карлсена, — не поднимая головы, сказал Харри. — Надо поглядеть, кто там будет.

— Понятно. — Скарре переминался с ноги на ногу.

Харри перестал листать бумаги.

— Что-то еще, Скарре?

— Да. Просто я подумал, что у многих в отделе есть семьи и им хочется отпраздновать Рождество дома, а я холостяк и…

Харри хмыкнул.

— Короче, я вызываюсь добровольно.

— Добровольно?

— В смысле, я охотно продолжу работу над этим делом. Если, конечно, ты не против, — быстро добавил он.

Харри пристально смотрел на него.

— Я знаю, ты меня недолюбливаешь.

— Дело не в этом. Я уже решил, кто продолжит со мной работу. И выбрал тех, кого считаю лучшими, а не тех, кого люблю.

Скарре пожал плечами, кадык у него ходил вверх-вниз.

— Что ж, по крайней мере, честный ответ. Счастливого Рождества. — Он пошел к двери.

— Поэтому, — продолжал Харри, складывая

бумаги в папку, — ты займешься проверкой банковских счетов Роберта Карлсена. Посмотри, какие поступления были за последние полгода, нет ли там нерегулярностей.

Скарре замер, потом с удивлением обернулся.

— То же самое проделаешь со счетами Алберта и Мадса Гильструпов. Все ясно, Скарре?

Магнус Скарре с жаром кивнул.

— Кроме того, проверь в «Теленор», имели ли место в означенный период телефонные переговоры между Робертом и Гильструпом. Да, поскольку Станкич забрал мобильный телефон Халворсена, глянь заодно, не было ли звонков с его номера. О разрешении на проверку банковских счетов поговори с полицейским юристом.

— Это ни к чему, — возразил Скарре. — По новой инструкции мы имеем постоянное право контроля.

— Вот как. — Харри серьезно посмотрел на него. — Неплохо, когда рядом есть сотрудник, читающий инструкции.

С этими словами он вышел из комнаты.

Роберт Карлсен не имел офицерского звания, но, поскольку погиб на посту, было решено похоронить его на Западном кладбище, там, где хоронили офицеров Армии спасения. После

церемонии, как обычно, состоятся поминки в казармах, в районе Майорстуа.

Когда Харри вошел в часовню, Юн, сидевший вместе с Теа на передней скамье, обернулся. Рядом с ними на скамье никого не было, и Харри понял так, что родители Роберта не приехали. На мгновение он перехватил взгляд Юна, и Юн кивнул, коротко и серьезно, но в глазах читалась благодарность.

В остальном часовня, как и ожидалось, была полна народу. Большинство в форме Армии спасения. Харри заметил Рикарда и Давида Экхоффа. А рядом с командиром — Гуннара Хагена. Стервятники из СМИ тоже тут как тут. В эту самую минуту возле него уселся Рогер Йендем и спросил, не знает ли он, почему нет премьер-министра, хотя сообщали, что он будет присутствовать.

— Спроси в его канцелярии, — ответил Харри, прекрасно зная, что утром в канцелярию премьера поступил конфиденциальный звонок от руководства Полицейского управления, сообщивший о возможной роли Роберта Карлсена в убийстве. Тем не менее было решено, что главе правительства следует отдать предпочтение другим важным встречам.

Командиру Давиду Экхоффу тоже позвонили

из полиции, что вызвало вспышку паники в штаб-квартире, особенно потому, что одна из ключевых фигур в подготовке похорон, его дочь Мартина, утром сказалась больной и на работу не вышла.

В итоге командир решительно заявил, что человек невиновен, пока неопровержимо не доказано обратное. А кроме того, добавил он, уже слишком поздно, церемония должна состояться. Премьер-министр, кстати, заверил, что на завтрашнем рождественском концерте будет присутствовать непременно.

— А вообще? — шепнул Йендем. — Что нового в расследованиях по убийствам?

— Вас же предупредили, — сказал Харри. — Вся информация для СМИ — через Хагена или пресс-атташе.

— Так они же молчат.

— Стало быть, знают свое дело.

— Да брось ты, Холе, я ведь чую, что-то происходит. Полицейский, которого порезали на Гётеборггата, как-то связан с киллером, которого вы кокнули вчера ночью?

Харри покачал головой — то ли отрицательно, то ли в смысле «без комментариев».

Орган умолк, разговоры мгновенно стихли,

вперед вышла девушка с дебютным альбомом, запела известный псалом, с покоряющим чувством, даже слегка со слезой в голосе, и завершила руладой, какой позавидовала бы сама Мэрайя Кэри. На секунду Харри захлестнуло прямо-таки неодолимое желание выпить. Однако тут певица закрыла рот и скорбно склонила голову под дождем фотовспышек. Менеджер ее довольно улыбнулся. Из полиции ему явно не звонили.

Затем к собравшимся обратился Экхофф, который говорил о мужестве и жертвах.

Харри не мог сосредоточиться. Смотрел на гроб и думал о Халворсене. И о матери Станкича. А когда закрывал глаза — о Мартине.

Выносили гроб шестеро офицеров. Впереди — Юн и Рикард.

Юн поскользнулся на повороте дорожки.

Харри ушел, когда остальные еще стояли у могилы. Зашагал по безлюдному кладбищу в сторону Фрогнер-парка и внезапно услышал за спиной хруст снега.

Сначала он подумал, что там кто-то из журналистов, но, услышав частое, возбужденное дыхание, автоматически резко обернулся.

Оказалось, Рикард, который мгновенно остановился.

— Где она? — едва переводя дух, просипел он.

— Кто?

— Мартина.

— Я слышал, ей нездоровится.

— Да, нездоровится. — Грудь у Рикарда ходила ходуном. — Только вот дома ее нет. И ночью не было.

— Откуда ты знаешь?

— Не смей!.. — выкрикнул Рикард словно от боли, лицо его исказилось, будто он не контролировал собственную мимику. Потом он глубоко вздохнул и огромным усилием воли взял себя в руки. — Не смей! — прошептал он. — Я же знаю. Ты обманул ее. Запятнал. Она у тебя в квартире, верно? Но ты не можешь…

Рикард шагнул к Харри, тот машинально вынул руки из карманов.

— Послушай, я понятия не имею, где Мартина.

— Врешь! — Рикард сжал кулаки, и Харри, сообразив, что необходимо срочно найти правильные, успокаивающие слова, сказал:

— Сейчас тебе нужно принять в расчет кой-какие соображения, Рикард. Я не особенно проворный, но вешу девяносто пять кило, и мне случалось пробить кулаком дубовую дверь. А согласно статье сто двадцать семь Уголовного

кодекса, применение силы против должностного лица при исполнении карается как минимум шестью месяцами тюрьмы. Иначе говоря, ты рискуешь попасть в больницу. И в тюрьму.

Рикард свирепо смотрел на него.

— Мы еще увидимся, Харри Холе, — бросил он, повернулся и по снегу между надгробиями поспешил к церкви.

Имтиаз Рахим был в плохом настроении. Он только что повздорил с братом из-за того, стоит ли развесить на стене за кассой рождественские украшения. Имтиаз считал, что вполне достаточно продавать рождественские календари, свинину и другие христианские товары, незачем гневить Аллаха, соблюдая еще и эти обычаи неверных. Что скажут покупатели-пакистанцы? Но брат полагал, что надо думать о других клиентах. К примеру, о тех, что живут в доме напротив. Разве плохо придать колониальному магазину легкий оттенок христианства, в нынешнее-то время? Имтиаз все-таки одержал в жарком споре верх, но радости не испытывал.

Вот почему он тяжело вздохнул, когда колокольчик над дверью пронзительно звякнул и в магазин вошел высокий широкоплечий мужчина в темном костюме, направившийся прямо

к кассе.

— Полиция, инспектор Харри Холе, — сказал вновь пришедший, и на миг у Имтиаза мелькнула паническая мысль, уж нет ли в Норвегии закона, обязующего все магазины развешивать рождественские украшения.

— Несколько дней назад тут, возле магазина, стоял попрошайка, — продолжал полицейский. — Рыжеволосый, вот с такими усами. — Он провел пальцем по верхней губе и вниз к подбородку.

— Да, — сказал Имтиаз, — я его знаю. Он нам бутылки сдает.

— Как его зовут?

— Кляча. Или Бутылконос.

— Почему?

Имтиаз засмеялся. Настроение резко улучшилось.

— Так ведь он клянчит, верно? И бутылки носит…

Харри кивнул.

Имтиаз пожал плечами:

— Это мне племянник рассказал…

— Неплохая шутка. А имя?

— Не знаю. Зато знаю, где его можно найти.

Эспен Касперсен, как обычно, сидел с целой

стопкой книг в Дайкманской библиотеке на Хенрик-Ибсенс-гате, 1, когда вдруг заметил, что рядом кто-то стоит, и поднял голову.

— Холе, полиция, — сказал этот человек, усаживаясь по другую сторону длинного стола.

Эспен обратил внимание, что девушка на дальнем конце стола покосилась на них. Иной раз новые сотрудники просили его перед уходом открыть сумку. И дважды к нему подходили люди, просили уйти, потому что от него жутко воняет и они не могут сосредоточиться. Однако полиция обращалась к нему впервые. В смысле, здесь, а не когда он попрошайничал на улице.

— Что читаем? — спросил полицейский.

Касперсен пожал плечами. Он сразу понял, что рассказывать полицейскому о своем проекте — напрасная трата времени.

— Сёрен Кьеркегор? — Полицейский прищурясь глядел на корешки. — Шопенгауэр. Ницше. Философия. Философ, стало быть?

Эспен Касперсен фыркнул:

— Я ищу правильный путь. А тут не обойтись без размышлений о том, что значит быть человеком.

— Разве это не означает, что ты философ?

Эспен Касперсен взглянул на него. Пожалуй, он

его недооценил.

— Я говорил с бакалейщиком с Гётеборггата, — сказал полицейский. — По его словам, ты сидишь тут каждый день. А все остальное время попрошайничаешь на улицах.

— Таков мой выбор в жизни.

Полицейский достал блокнот, и Эспен Касперсен в ответ на его вопрос назвал свое полное имя и адрес местожительства — у двоюродной бабки на Хагегата.

— А профессия?

— Монах.

Эспен Касперсен удовлетворенно отметил, что полицейский даже бровью не повел, только кивнул:

— Ладно, Эспен. Наркотики ты не употребляешь, так почему попрошайничаешь?

— Потому что моя миссия — быть людям зеркалом, чтобы они могли посмотреть на себя и увидеть как большое, так и мелкое.

— И что же, по-твоему, большое?

Эспен уныло вздохнул, словно устал повторять очевидное:

— Милосердие. Делиться, помогать ближнему. Библия чуть не на каждом шагу твердит об этом. Но фактически приходится долго искать,

пока найдешь что-нибудь о добрачных половых сношениях, об аборте, гомосексуализме и праве женщин выступать на собраниях. Однако фарисеям куда проще громогласно рассуждать о второстепенном в Библии, нежели говорить и делать то большое и важное, к чему настоятельно призывает Писание: отдавать половину имения своего тому, кто не имеет ничего. Каждый день тысячи людей умирают, не услышав слова Божия, потому как эти христиане крепко держатся за свое земное достояние. Я даю им шанс задуматься об этом.

Полицейский кивнул.

Эспен Касперсен помедлил, потом спросил:

— А как ты узнал, что я не наркоман?

— Я видел тебя несколько дней назад на Гётеборггата. Ты попрошайничал, а я шел мимо с парнем, который дал тебе монету. Но ты взял ее и со злостью швырнул ему вдогонку. Наркоман никогда бы этого не сделал, даже с самой мелкой монетой.

— Я помню.

— Похожая история случилась со мной два дня назад в загребском баре, и я призадумался. То есть кое-что натолкнуло меня на размышления, но я отложил их до поры до времени. До сего-

дняшнего дня.

— У меня была причина бросить ту монету, — сказал Эспен Касперсен.

— Вот именно, — сказал Харри и положил на стол пластиковый пакетик, в котором лежал какой-то предмет. — Причина в этом?

Глава 28
Понедельник, 21 декабря. Поцелуй

Пресс-конференция состоялась в зале на четвертом этаже. Гуннар Хаген и начальник уголовной полиции сидели на возвышении, и голоса их гулко отдавались в большом голом помещении. Харри получил приказ присутствовать в зале, на случай если Хагену потребуется консультация касательно деталей расследования. Однако журналисты в основном задавали вопросы насчет драматического эпизода с выстрелом на контейнерном складе, и ответы Хагена варьировались между «без комментариев», «подробности я сообщить не могу» и «на этот вопрос мы предоставим ответить Отделу собственной безопасности полиции».

На вопрос, известно ли полиции, были ли у киллера сообщники, Хаген ответил:

— Пока нет, но мы над этим работаем.

По окончании пресс-конференции Хаген подозвал Харри к себе. Зал опустел, Хаген подошел к краю возвышения и, глядя на подчиненного сверху вниз, сказал:

— Я однозначно приказал всем инспекторам с сегодняшнего дня носить при себе оружие. Вы получили от меня разрешение, и где же ваше оружие?

— Я занимался расследованием, шеф, и не придал этому первоочередного значения.

— Так вот придайте. — Фраза гулко разнеслась по залу.

Харри медленно кивнул.

— Еще что-нибудь, шеф?

У себя в кабинете Харри сел за стол, глядя на пустое кресло Халворсена. Потом позвонил в паспортную службу на первом этаже и попросил составить справку о загранпаспортах, выданных семейству Карлсен. Гнусавый женский голос поинтересовался, не шутит ли он, и Харри сообщил личный номер Роберта, после чего через Управление регистрации населения и компьютер поиски быстро сузились до Роберта, Юна, Юсефа и Дорте.

— У родителей, Юсефа и Дорте, паспорта продлены четыре года назад. Юну загранпаспорт не выдавали. И… сейчас посмотрим… машина сегодня работает медленно… а-а, вот… У Роберта Карлсена есть загранпаспорт, выдан десять лет назад и скоро истекает, так что скажите ему…

— Он мертв.

Харри набрал внутренний номер Скарре и попросил немедленно зайти.

— Пока безрезультатно. — Скарре присел не в кресло Халворсена, а на край стола, не то случайно, не то от неожиданной деликатности. — Я проверил счета Гильструпов, никакой связи с Робертом Карлсеном или со счетами в Швейцарии. Единственный необычный момент: с одного из счетов компании было снято наличными пять миллионов крон, в долларах. Я позвонил Альберту Гильструпу и спросил, и он прямо ответил, что это ежегодная рождественская премия для портового начальства в Буэнос-Айресе, Маниле и Бомбее, обычно Мадс навещает их в декабре. Небольшой откат, так сказать.

— А как со счетом Роберта?

— Из поступлений — только жалованье, а в основном он все время понемножку снимал деньги.

— Телефонные звонки от Гильструпов?

— Роберту Карлсену никто не звонил. Но, просматривая звонки Гильструпов, мы нашли кое-что другое. Отгадай, кто без конца названивал Юну Карлсену, иной раз даже ночью?

— Рагнхильд Гильструп, — сказал Харри и увидел, как лицо Скарре разочарованно вытяну-

лось. — Что еще?

— Ничего. Если не считать, что обнаружился один знакомый номер. Мадс Гильструп звонил Халворсену в тот день, когда его порезали. Неотвеченный звонок.

— Хорошо, — сказал Харри. — Проверь-ка еще один счет.

— Какой?

— Давида Экхоффа.

— Командира? Что искать?

— Не знаю. Просто проверь.

Когда Скарре ушел, Харри набрал номер Судмедэкспертизы, и тамошняя сотрудница обещала без проволочек отослать факсом фотографию трупа Христо Станкича для опознания на номер загребской гостиницы «Интернациональ».

Харри поблагодарил, положил трубку и набрал номер этой гостиницы.

— Тут возник вопрос, как поступить с трупом, — сказал он Фреду. — Хорватские власти не знают человека по имени Христо Станкич, а потому не просят о выдаче.

Десять секунд спустя в трубке послышался ее вышколенный английский.

— Предлагаю новую сделку, — сказал Харри.

Клаус Туркильсен с Ословского регионального

узла компании «Теленор», собственно говоря, имел в жизни одну цель: пусть его оставят в покое. А поскольку весил намного больше нормы, постоянно потел и вечно брюзжал, желание его, в общем-то, исполнилось. По необходимости общаясь с людьми, он старался держать максимальную дистанцию. И потому большей частью сидел один, закрывшись в помещении с теплым оборудованием и охлаждающими вентиляторами; чем он там занимался, знали немногие, а то и вовсе никто, главное, он был незаменим.

Потребность в дистанции, возможно, и послужила причиной того, что он несколько лет практиковал эксгибиционизм и таким манером даже умудрялся получать удовлетворение с партнером, находящимся на расстоянии пяти — пятнадцати метров. Но в первую очередь Клаус Туркильсен хотел, стало быть, покоя. А на этой неделе хлопот у него хватало. Сначала этот Халворсен, которому приспичило контролировать связь с некой загребской гостиницей. Потом Скарре, которому понадобилась распечатка звонков между неким Гильструпом и неким Карлсеном. Оба они ссылались на Харри Холе, у которого Клаус Туркильсен, что ни говори, в большом долгу. И только поэтому он не бросил трубку, когда

позвонил сам Харри Холе.

— Вообще-то у нас есть специальная служба, которая отвечает на вопросы полиции, — проворчал Туркильсен. — Согласно инструкции, вам надо обращаться за помощью именно туда.

— Знаю, — сказал Харри, закрывая эту тему. — Я четыре раза звонил Мартине Экхофф и ответа не получил. Никто в Армии спасения не знает, где она, даже ее отец.

— Ну, родители всегда узнают последними, — заметил Клаус.

Сам он такого опыта не имел, однако подобные знания легко почерпнуть в кино. А Клаус Туркильсен ходил в кино очень и очень часто.

— Думаю, она отключила телефон, но, вероятно, ты можешь локализовать его для меня? Чтобы я хотя бы знал, что она в городе.

Клаус Туркильсен вздохнул. Из чистейшего кокетства, потому что он любил оказывать полиции мелкие услуги. Особенно не вполне легальные.

— Вот ее номер.

Через пятнадцать минут Клаус перезвонил и сообщил, что СИМ-карта ее, во всяком случае, не в городе. Сигнал приняли две базовые станции западнее Е-6. Он объяснил, где станции расположены и каков их радиус действия. Хар-

ри поспешно поблагодарил и попрощался, из чего Клаус заключил, что помог, и, довольный, вернулся к изучению сегодняшней программы кинотеатров.

Юн заперся в квартире Роберта.

Стены по-прежнему пахли табачным дымом, на полу возле шкафа валялась грязная футболка. Словно Роберт только что отлучился в магазин, за кофе и сигаретами.

Черную сумку, полученную от Мадса, Юн поставил возле кровати, включил отопление. Разделся догола, пошел в душ и стоял под горячим ливнем, пока кожа не покраснела и не покрылась пупырышками. Потом вытерся, вышел из ванной, не одеваясь, сел на кровать и стал смотреть на сумку.

Открыть ее он не решался. Так как знал, что там, под гладкой черной тканью. Погибель. Смерть. Юну казалось, он уже чует запах тлена. Закрыл глаза. Надо подумать.

Зазвонил мобильник.

Наверняка Теа, беспокоится, где он остановился. Сейчас он не в силах с ней говорить. Но телефон звонил, настойчиво, упорно, как китайская пытка водой, и в конце концов он схватил трубку и бросил в микрофон, слыша, что голос

дрожит от ярости:

— Что надо?

Ответа не последовало. Он взглянул на дисплей. Номер не высветился. Юн сообразил, что звонила не Теа.

— Алло, Юн Карлсен слушает, — осторожно сказал он.

Молчание.

— Алло, кто это? Я знаю, вы на линии, говорите…

От пальцев ног вверх по телу пробежали мурашки паники.

— Hello? Who is this? — услышал он собственный голос. — Is that you? I need to speak to you. Hello![53]

Щелчок, и связь прервалась.

Смешно, подумал Юн. Наверняка кто-то ошибся номером. Он сглотнул. Станкич мертв. Роберт мертв. И Рагнхильд. Все умерли. Только полицейский еще жив. И он сам. Юн буравил взглядом сумку и, чувствуя озноб, кутался в одеяло.

Когда Харри свернул с E-6 и по узким дорогам углубился в заснеженный сельский ландшафт, он бросил взгляд в вышину и увидел ясное звезд-

---

[53] Примечания: 53

Алло?.. Кто это? Это вы? Мне нужно с вами поговорить. Алло! *(англ.)*

ное небо.

Его охватило странное, щекотное ощущение, что скоро что-то случится. И, увидев, как по ясному небу впереди скользнула падучая звезда, он подумал, что если вправду существуют знамения, то, возможно, сейчас у него на глазах погибла планета.

Окна на первом этаже Эстгора освещены.

А зарулив во двор, он увидел электромобиль, и щекочущее предчувствие еще усилилось.

Харри направился к дому, глядя на следы в снегу.

Остановился у двери, припал к ней ухом. Изнутри доносились негромкие голоса.

Харри постучал. Три быстрых удара. Голоса умолкли.

Потом шаги и ее мягкий голос:

— Кто там?

— Харри… Холе. — Фамилию он назвал, чтобы не будить у возможного третьего лица подозрений, что у них с Мартиной чересчур доверительные отношения.

Некоторое время она возилась с замком, потом дверь открылась.

Первая и единственная мысль: до чего же хорошенькая! На ней была белая байковая рубашка с

расстегнутым воротом, глаза сияли.

— Я рада, — сказала она.

— Вижу, — улыбнулся Харри. — Я тоже рад.

В следующий миг она повисла у него на шее, он чувствовал ее учащенный пульс.

— Как ты меня нашел? — шепнула она ему в ухо.

— Современная технология.

Горячее тело, сияющие глаза, искренняя радость встречи — все это наполнило Харри ощущением нереального счастья, уютного сновидения, с которым ему совершенно не хочется вот так сразу расставаться. Но надо.

— У тебя гости? — спросил он.

— У меня? Нет…

— Мне показалось, я слышал голоса.

— Ах, это! — Она выпустила его из объятий. — Радио было включено. Когда ты постучал, я его выключила. Испугалась. А оказывается, это ты… — Она похлопала его по плечу. — Харри Холе.

— Никто не знает, где ты, Мартина.

— Ну и хорошо.

— Кое-кто тревожится.

— Да?

— В особенности Рикард.

— Забудь о Рикарде. — Мартина взяла Харри за руку, повела на кухню. Достала из шкафа голубую кофейную чашку. Харри отметил, что в мойке стоят две тарелки и две чашки.

— Вид у тебя не очень-то больной, — сказал он.

— Мне просто нужно было денек передохнуть от всего случившегося. — Она налила в чашку кофе, подала ему. — Черный, верно?

Харри кивнул. В кухне было жарко натоплено, и, прежде чем сесть за стол, он снял пиджак и свитер.

— А завтра рождественский концерт, и мне придется вернуться, — вздохнула Мартина. — Ты пойдешь на концерт?

— Ну, мне же обещан билет…

— Скажи, что пойдешь! — Мартина вдруг прикусила губу. — Я ведь взяла билеты в ложу для почетных гостей. В третьем ряду за премьер-министром. Но твой билет пришлось отдать другому.

— Ничего страшного.

— Ты бы все равно сидел один. Я должна работать за сценой.

— Тогда какая разница, пойду я или нет?

— Большая! — Она засмеялась. — Я хочу, чтобы ты пошел.

Она взяла его руку, и Харри смотрел, как ее маленькая рука сжимает и гладит его большую. В тишине он слышал шум крови в ушах — словно гул водопада.

— По дороге сюда я видел падучую звезду, — сказал он. — Странно, правда? Что гибель планеты означает счастье.

Мартина молча кивнула. Потом встала, не выпуская его руки, обошла вокруг стола, села боком к нему на колени, глядя в лицо. Обняла за шею.

— Мартина… — начал он.

— Тсс!

Она приложила палец к его губам. И, не отнимая пальца, наклонилась и легонько прижалась губами к его губам.

Харри закрыл глаза, ждал. Чувствовал тяжелые удары собственного сердца, но не шевелился. Думал, что ждет, когда ее сердце забьется в такт, но знал, собственно, лишь одно: надо ждать. Ее губы разомкнулись, и он машинально приоткрыл свои, прижал язык к нижним зубам. Палец ее на вкус раздражающе горький, от кофе и мыла, кончик языка прямо свербит. Ее рука крепче обхватила его шею.

Потом он почувствовал, как ее язык прижался к пальцу и с двух сторон коснулся его собствен-

ного, точно раздвоенный змеиный язык. Два полупоцелуя.

Внезапно она разжала объятия, прошептала на ухо:

— Не открывай глаза.

Харри откинул голову назад, борясь с соблазном положить руки ей на бедра. Секунда, другая, третья. Мягкая ткань коснулась руки, когда ее рубашка соскользнула на пол.

— Можешь открыть глаза, — шепнула она.

Харри повиновался. И замер, глядя на нее. Лицо боязливое и одновременно полное ожидания.

— Ты такая красивая, — сказал он странно сдавленным голосом. Полным смятения.

Она сглотнула. Потом ее лицо осветила торжествующая улыбка.

— Подними руки! — скомандовала она. И стянула с него футболку. — Ты ужасный. Красивый и ужасный.

Харри пронзила сладкая боль, когда она куснула его сосок. Одну руку она завела за спину, просунула ему между бедер. Он чувствовал на шее ее учащенное дыхание, меж тем как другой рукой она взялась за пряжку ремня. Положил руку на изгиб ее поясницы. И тут только ощутил, что она непроизвольно дрожит, едва заметно,

что вся напряжена, но старается скрыть дрожь. Ей страшно.

— Погоди, Мартина, — прошептал Харри. — Ты правда хочешь? Отдаешь себе отчет, во что ввязываешься?

С судорожным вздохом она выдавила:

— Нет, а ты?

— Нет. Так может быть, нам не стоит…

Девушка выпрямилась. Посмотрела на него с обидой, с отчаянием:

— Но я… я же чувствую, что ты…

— Да. — Харри погладил ее по волосам. — Я хочу тебя. С тех самых пор, как увидел в первый раз.

— Правда? — Она взяла его руку, приложила к своей горячей, разрумянившейся щеке.

Харри улыбнулся:

— Ну, может, во второй.

— Во второй?

— О'кей, в третий. Хорошая музыка требует времени.

— А я хорошая музыка?

— Вру. Все-таки в первый. Но это не означает, что я легкомысленный. Согласна?

Мартина улыбнулась. Потом начала смеяться. Харри тоже. Она уткнулась лбом ему в грудь. Смеялась взахлеб, стуча кулачком по плечу, и

только когда по коже побежали ручейки слез, Харри сообразил, что она плачет.

Юн проснулся оттого, что замерз. Так он решил. В квартире Роберта было темно, и другого объяснения он не нашел. Но вот в мозгу ожили воспоминания, и он смекнул: то, что он принял за последние обрывки сна, вовсе не сон, а реальность. Он действительно слышал, как в замке повернулся ключ и дверь отворилась. И сейчас в комнате кто-то дышит.

С ощущением дежавю, повторяющегося кошмара, он стремительно повернулся.

У кровати стоял человек.

Юн задохнулся, когда клыки смертельного страха вонзились в плоть, вгрызлись до костей. Он был на все сто процентов уверен, что этот человек желает его смерти.

— Stigla sam, — сказал пришелец.

Юн знал не очень много хорватских слов, но кой-чего все-таки нахватался в Вуковаре, достаточно, чтобы понять: «Я здесь».

— Ты всегда был одиночкой, Харри?

— Пожалуй.

— Почему?

Харри пожал плечами:

— Я никогда не отличался особой общительностью.

— И всё?

Харри выпустил к потолку колечко дыма, чувствуя, как Мартина обнюхивает его свитер и шею. Они лежали в спальне на кровати, она под периной, он на перине.

— Бьярне Мёллер, мой бывший начальник, говорит, что такие, как я, выбирают путь наибольшего сопротивления. По его словам, все дело в нашей «окаянной натуре». Поэтому в итоге мы всегда остаемся в одиночестве. Не знаю. Я люблю быть один. И возможно, мало-помалу полюбил себя в образе одиночки. А как насчет тебя?

— Лучше ты рассказывай.

— Почему?

— Не знаю. Мне нравится слушать, как ты говоришь. Интересно, как можно любить себя в образе одиночки?

Харри глубоко затянулся. Задержал выдох, думая, как было бы здорово, если б он умел выдуть из дыма фигуры, которые бы все объяснили. Потом все-таки выдохнул и хрипло прошептал:

— По-моему, необходимо найти в себе что-нибудь достойное любви, иначе не выжить. Кое-кто говорит, одиночество асоциально и эгоистич-

но. Зато ты независим и никого не потянешь за собой, если пойдешь на дно. Многие боятся одиночества. А меня оно делало свободным, сильным и неуязвимым.

— Сильным? Одиночество?

— Да. Как говорил доктор Стокман: «Самый сильный человек на свете — это тот, кто наиболее одинок!»[54]

— Сначала Зюскинд, теперь Ибсен?

Харри фыркнул.

— Эти строки обычно цитировал мой отец. — И со вздохом добавил: — Когда мама была жива.

— Ты сказал: *делало* тебя неуязвимым. А теперь уже нет?

Пепел сигареты упал на грудь, но Харри не стал его смахивать.

— Я встретил Ракель и… Олега. Они привязали меня к себе. И я вдруг осознал, что и в моей жизни есть другие люди. И они нужны мне. — Харри снова затянулся, огонек сигареты ярко вспыхнул. — Хуже того, возможно, и я нужен им.

— Ты потерял свободу?

— Да. Да, я потерял свободу.

Оба лежали, молча глядя в темноту.

---

[54] Примечания: 54
Ибсен Г. Враг народа. Перевод А. и П. Ганзен.

Мартина ткнулась носом ему в плечо.

— Ты очень их любишь, правда?

— Правда. — Харри притянул ее к себе. — Я их люблю.

Когда она заснула, Харри тихонько встал, укутал ее периной. Взглянул на ее часы. Ровно два ночи. Вышел в коридор, надел сапоги, отпер дверь и вышел в звездную ночь. По дороге в уборную присматривался к следам, пытаясь припомнить, шел ли снег с воскресного утра.

Света в уборной не было, но он зажег спичку и сориентировался. А пока спичка догорала, увидел две буквы, вырезанные на стенке под пожелтевшим портретом монакской княгини Грейс. И подумал в темноте, что кое-кто сидел здесь, как он сейчас, с ножиком в руках и старательно вырезал незатейливое объяснение: «Р. + М.».

Выйдя из уборной, он заметил движение возле сенного сарая. И замер. В ту сторону вели следы.

Харри помедлил. Вот оно, опять. Ощущение, что сию минуту что-то произойдет, что-то предопределенное, чему он не может воспрепятствовать. Сунул руку за дверь уборной, схватил лопату, которую там приметил. И зашагал по следам к углу сарая.

Остановился там, покрепче обхватил черенок.

Собственное дыхание гремело в ушах. Он перестал дышать. Вот сейчас. Сейчас. Харри выскочил из-за угла с лопатой наперевес.

Впереди, по ослепительно белому снегу, волшебно сверкающему в свете луны, бежала к лесу лисица.

Он грузно привалился к стене сарая, судорожно перевел дух.

Когда в дверь застучали, он машинально отпрянул назад.

Неужели его обнаружили? Человек по ту сторону двери не должен сюда войти.

Он проклинал собственную неосторожность. Бобо отругал бы его за такой непрофессионализм.

Дверь заперта, но все же он огляделся по сторонам, высматривая, чем бы воспользоваться, если пришелец как-то сумеет ворваться в квартиру.

Нож. Хлебный нож Мартины, которым он только что резал хлеб. На кухне.

Новый стук в дверь.

Еще есть пистолет. Без патронов, конечно, хотя напугать разумного человека вполне может.

Проблема в том, что он сомневался в разумности пришельца.

Этот человек приехал на машине, припарко-

вался возле дома Мартины на Соргенфригате. Он не видел его, пока случайно не подошел к окну и не скользнул взглядом по автомобилям у тротуара. Тогда-то и заметил в одном из них неподвижную фигуру. А когда фигура шевельнулась, наклонилась вперед, чтобы лучше видеть, понял, что оплошал. Что его обнаружили. Отошел от окна, выждал полчаса, потом опустил рольгардины и погасил весь свет в квартире Мартины. Она сказала, что лампы выключать не обязательно. Отопление в квартире регулирует термостат, а поскольку девяносто процентов энергии электролампы — это тепло, экономия, достигнутая выключением света, уйдет на обогрев, ведь термостат почувствует потерю тепла.

«Элементарная физика», — пояснила она. Лучше бы объяснила, что происходит сейчас. Кто там — безумный жених? Ревнивый поклонник, которому дали отставку? Во всяком случае, это не полиция, потому что за дверью снова послышался вой, горестный, отчаянный, прямо мороз по коже дерет.

— Мар-тина! Мар-тина! — Несколько неразборчивых слов по-норвежски и чуть ли не со всхлипом: — Мартина…

Он понятия не имел, как парень зашел в подъ-

езд, однако теперь услыхал хлопанье других дверей и чей-то голос. В быстрой чужой речи уловил уже знакомое слово: полиция.

Соседняя дверь захлопнулась.

Человек на площадке горько застонал, пальцы заскребли по двери. И наконец донеслись удаляющиеся шаги. Он облегченно вздохнул.

День выдался долгий. Утром Мартина отвезла его на железнодорожную станцию, и он электричкой добрался до города. Там первым делом прямо на вокзале зашел в турагентство и купил билет на завтра, на последний вечерний авиарейс до Копенгагена. Тамошний сотрудник никак не отреагировал на норвежскую фамилию, которую он назвал: Халворсен. Заплатил он наличными из бумажника Халворсена, поблагодарил и ушел. Из Копенгагена он позвонит в Загреб, договорится, чтобы Фред прилетел туда с новым паспортом. Если повезет, на Рождество он будет дома.

В трех парикмахерских, куда он заходил, ему сказали, что перед праздником у них очереди по записи. В четвертой кивком показали на молоденькую девчонку, которая, потерянно сидя в углу, жевала резинку. Ученица, сообразил он. После нескольких тщетных попыток объяснить, чего хочет, он показал ей фотографию. Она пе-

рестала жевать, посмотрела на него из-под густо накрашенных век и спросила на английском, почерпнутом из передач MTV: «You sure, man?»[55]

Потом он на такси доехал до Соргенфригате, отпер квартиру Мартины полученным от нее ключом и стал ждать. Несколько раз звонил телефон, в остальном все было спокойно. До тех пор, пока он по дурости не подошел к окну освещенной комнаты.

Он повернулся, собираясь возвратиться в комнату.

И тут в дверь снова замолотили. Воздух задрожал, лампа над головой закачалась.

— Мар-тина!

Он услышал, как человек за дверью опять с разбегу бросился на дверь, которая чуть ли не прогнулась внутрь.

Еще дважды прозвучало ее имя, еще дважды он налетал на дверь. Затем послышались быстрые шаги вниз по лестнице.

Он прошел в комнату, стал у окна, увидел, как парень выбежал из подъезда. А когда тот отпирал машину и на него упал свет фонаря, он узнал его. Тот, что помог ему с ночлегом в Приюте. Никлас,

---

[55] Примечания: 55
Ты уверен? *(англ.)*

Рикард… что-то в таком роде. Взревел движок, машина быстро скрылась во мраке.

Через час он уже спал и видел во сне места, где когда-то бывал, а проснулся от топота ног на лестнице и шлепков газет, брошенных к дверям.

Харри проснулся в восемь. Открыл глаза и принюхался к шерстяному одеялу, которое частью прикрывало лицо. Запах кое о чем напомнил, и он отбросил одеяло. Спал он крепким сном без сновидений и проснулся в странно приподнятом, прямо-таки радостном настроении.

Он прошел на кухню, поставил кофе, умылся прямо здесь, над мойкой, тихонько напевая «Morning Song» Джима Стерка. Небо над низкими холмами на востоке рдело, словно девушка, последние звезды блекли и исчезали. Таинственный, новый, нетронутый мир раскинулся за кухонным окном, белый и радостный уходил к горизонту.

Харри порезал хлеб, нашел сыр, налил в стакан воды, а в чистую чашку — дымящийся кофе, поставил все на поднос и отнес в спальню.

Растрепанные черные волосы разметались по подушке, дыхания почти не слышно. Он поставил поднос на ночной столик, сел на край кровати и стал ждать.

Аромат кофе потихоньку распространялся по комнате.

Она задышала неровно. Приоткрыла глаза. Увидела его, потерла лицо и потянулась замедленными, смущенными движениями. Словно бы включилось реле — ее глаза светились все ярче, на губах заиграла улыбка.

— Доброе утро, — сказал Харри.

— Доброе утро.

— Завтрак?

— Хм. — Она все улыбалась. — А ты не будешь?

— Я пока погожу, обойдусь вот этим, если не возражаешь. — Он достал сигареты.

— Ты много куришь.

— Как всегда после срыва. Никотин притупляет тягу.

Она пригубила кофе.

— Разве не парадоксально?

— О чем ты?

— Ну, что ты, который так боялся несвободы, стал алкоголиком.

— Н-да. — Он открыл окно, закурил и лег на кровать рядом с ней.

— Ты этого боишься со мной? — спросила она, прижимаясь к нему. — Что я сделаю тебя несвободным? И поэтому… не хочешь… заняться со

мной любовью?

— Нет, Мартина. — Харри затянулся, скривил лицо, неодобрительно взглянул на сигарету. — Потому, что тебе страшно.

Он заметил, как девушка замерла.

— Мне страшно? — с удивлением переспросила она.

— Да. И на твоем месте я бы тоже боялся. Я вообще никогда не мог понять, как женщины решаются делить постель и дом с людьми, которые физически целиком и полностью их превосходят. — Он затушил сигарету в тарелке на ночном столике. — Мужчины никогда бы не пошли на такой риск.

— Почему ты думаешь, что мне страшно?

— Я чувствую. Ты берешь инициативу на себя, хочешь командовать. Главным образом потому, что боишься того, что может случиться, если ты позволишь командовать мне. Это понятно, только я не хочу, чтобы ты это делала, если тебе страшно.

— Но ты не можешь решать, хочу я или нет! — с жаром воскликнула она. — Даже если мне страшно.

Харри посмотрел на нее. А она вдруг обняла его, уткнулась лицом ему в шею.

— Наверно, ты считаешь меня чудачкой.

— Вовсе нет.

Она крепко прижалась к нему.

— Что, если мне всегда будет страшно? — прошептала она. — Что, если я никогда… — Она замолчала.

Харри ждал.

— Что-то произошло, — сказала она. — Я не знаю что.

Харри ждал.

— Ну, то есть знаю. Меня изнасиловали. Здесь, много лет назад. Сломали.

Холодный вороний крик с опушки нарушил тишину.

— Ты хочешь…

— Нет, я не хочу говорить об этом. Да и говорить-то не о чем. Столько лет прошло, со мной уже все в порядке. Просто… — она опять прижалась к нему, — мне чуточку страшно.

— Ты заявляла?

— Нет. Духу не хватило.

— Знаю, это трудно, и все-таки надо было заявить.

Она улыбнулась:

— Да, я слышала, что это необходимо. Ведь подвергается риску другая девушка, верно?

— Это не шутки, Мартина.

— Извини, папочка.

Харри пожал плечами.

— Не знаю, оправдывают ли себя преступления, но знаю, что они повторяются.

— Потому что это сидит в генах, да?

— Я точно не знаю.

— Ты не читал данные по анализу усыновлений? Из них следует, что дети преступных родителей, растущие в нормальной семье вместе с другими детьми и не знающие о своем усыновлении, имеют гораздо больше шансов стать преступниками, чем другие дети в семье. Поэтому, должно быть, ген преступности все-таки существует.

— Да, я читал, — кивнул Харри. — Вполне возможно, что модели поведения наследственны. Хотя я скорее склонен считать, что задатками преступника в той или иной мере обладает каждый.

— По-твоему выходит, все мы — запрограммированные рабы привычки? — Мартина пальцем пощекотала Харри под подбородком.

— По-моему, мы всё включаем в одну сложнейшую вычислительную задачу — и желание, и страх, и напряжение, и алчность, и прочее. А мозг работает — замечательная машина, он никогда

почти не ошибается и потому каждый раз дает один и тот же ответ.

Мартина приподнялась на локтях, сверху вниз посмотрела на Харри:

— А как же мораль и свободный выбор?

— Они тоже учтены в условии задачи.

— Стало быть, по-твоему, преступник всегда…

— Нет. Тогда я не смог бы делать свою работу.

Она провела пальцем по его лбу.

— Так люди все же могут меняться?

— Я, во всяком случае, надеюсь. Что люди учатся.

Она прислонилась лбом к его лбу.

— Чему же можно научиться?

— Можно научиться… — начал Харри, но умолк, потому что Мартина прикоснулась губами к его губам, — не быть одиноким. Можно научиться… — кончик ее языка скользнул изнутри по его нижней губе, — не бояться. И можно…

— Научиться поцелуям?

— Да. Только не тогда, когда девушка едва проснулась и на языке у нее противный белый налет…

Ее ладонь шлепнула его по щеке, и смех зазвенел точно льдинки в стакане. Теплый язычок нырнул ему в рот, она набросила на него перину,

стащила свитер и футболку, прижалась теплым со сна, мягким телом.

Харри просунул руку ей под рубашку, провел ладонью по спине, почувствовал, как лопатки шевельнулись под кожей, а мышцы напряглись и снова расслабились, когда она прильнула к нему.

Он осторожно расстегнул ее рубашку и, глядя ей в глаза, скользнул ладонью по ее животу, по ребрам, по нежной коже и захватил пальцами твердый сосок. Она обдала его теплым дыханием, поцеловала приоткрытыми губами. А когда прижала его руку к бедрам, он понял, что на сей раз не сможет остановиться. Да и не хочет.

— Звонок, — сказала она.

— Что?

— Телефон у тебя в кармане, вибрирует. — Она засмеялась. — Потрогай…

— Извини. — Харри вытащил телефон из кармана, перегнулся через нее, положил его на ночной столик. На ребро, дисплеем к себе. Попробовал не обращать внимания, но опоздал. Увидел, что звонит Беата. — Черт… Минуту.

Он сел, глядя в лицо Мартины, которая тоже смотрела на него, пока он слушал Беату. Это лицо было как зеркало, оба словно играли пантомиму.

Не видя себя, Харри все равно видел свой страх, свою боль, свое смирение, отраженные в чертах девушки.

— Что случилось? — спросила она, когда он отложил телефон.

— Он умер.

— Кто?

— Халворсен. Сегодня ночью. В два часа девять минут. Когда я стоял возле уборной.

Часть четвертая
Милость

Глава 29
Вторник, 22 декабря. Командир

Самый короткий день в году. Но для инспектора Харри Холе этот день, еще толком не начавшись, оказался невообразимо долгим.

После известия о смерти Халворсена он вышел на улицу. По глубокому снегу добрел до опушки, сел там и стал смотреть, как разгорается день. Надеялся, что мороз остудит, смягчит или хотя бы притушит чувства.

Через некоторое время он вернулся в дом. Мартина вопросительно посмотрела на него, но ни слова не сказала. Харри выпил чашку кофе, поцеловал ее в щеку и сел в машину. В зеркале Мартина, стоявшая на крыльце скрестив руки на груди, казалась еще миниатюрнее.

Харри поехал домой, принял душ, переоделся, трижды перебрал бумаги на журнальном столике и в итоге с недоумением бросил это занятие. В который уже раз с позавчерашнего дня глянул на запястье, но часов-то не было. Достал из ночного столика мёллеровские. Идут. Ладно, послужат пока. Он поехал в Полицейское управление,

припарковался в гараже рядом с хагеновским «ауди».

Поднимаясь по лестнице на седьмой этаж, он слышал голоса, шаги, смех. Но едва дверь убойного отдела закрылась за ним, все стихло, будто звук разом отключили. Встречный сотрудник только молча посмотрел на него, покачал головой и пошел дальше.

— Здравствуй, Харри.

Он обернулся. Туриль Ли. Помнится, раньше она не называла его по имени.

— Как ты? — спросила она.

Харри хотел ответить, но вдруг понял, что голоса нет.

— Мы тут подумали, что после утреннего совещания надо бы собраться, помянуть его, — быстро сказала Туриль Ли, словно желая помочь ему.

Харри благодарно кивнул.

— Может, свяжешься с Беатой?

— Конечно.

У двери кабинета Харри остановился, но, сделав над собой усилие, все-таки вошел.

В кресле Халворсена, покачиваясь взад-вперед, сидел человек, вроде бы ждал.

— Доброе утро, Харри, — поздоровался Гуннар Хаген.

Харри, не ответив, повесил куртку на вешалку.

— Мне очень жаль… Что тут скажешь…

— Зачем вы здесь? — Харри сел.

— Хотел выразить мои соболезнования по поводу случившегося. Я, конечно, сделаю это на утреннем совещании, но решил сначала принести их вам. Джек ведь был вашим ближайшим сотрудником.

— Халворсен.

— Простите?

Харри подпер голову руками.

— Мы звали его просто Халворсен.

Хаген кивнул:

— Ну да, Халворсен. И еще, Харри…

— Я думал, разрешение лежит дома, — сказал Харри, не поднимая головы. — Но оно пропало.

— Ах, это… — Хаген поерзал, словно сидел неудобно. — Я не об оружии хотел сказать. В связи с сокращением расходов на командировки я распорядился представлять мне на подпись все счета. И как выяснилось, вы летали в Загреб. Не припомню, чтобы я давал разрешение на поездку. А коль скоро норвежская полиция выполняла там следственные действия, то это вообще грубое нарушение всех инструкций.

Нашли наконец, подумал Харри, по-прежнему

не поднимая головы. Долгожданный проступок. Формальный повод вышвырнуть пьяницу инспектора туда, где ему самое место, — к нецивилизованным гражданским. Харри пытался осознать, что чувствует. Но испытывал только облегчение.

— Завтра мое заявление об уходе будет у вас на столе, шеф.

— Не понимаю, о чем вы, — сказал Хаген. — Я исхожу из того, что никаких следственных действий в Загребе *не* проводилось. Ведь это бы поставило всех нас в крайне неловкое положение.

Харри посмотрел на начальника.

— Полагаю, вы совершили небольшую ознакомительную поездку в Загреб.

— Ознакомительную?

— Да. Без конкретной задачи. Вот вам мое письменное согласие на вашу устную просьбу об упомянутой командировке в Загреб. — Машинописный лист перелетел через стол и лег перед Харри. — Таким образом, проблема закрыта. — Хаген встал, подошел к стене, где висела фотография Эллен Йельтен. — Халворсен — уже второй напарник, которого вы потеряли, верно?

Харри кивнул. В тесной безоконной комнатуш-

ке повисла тишина.

Потом Хаген кашлянул и сказал:

— Вы видели кусочек кости у меня на столе? Я купил его в Нагасаки. Это копия кремированного мизинца Ёсито Ясуды, знаменитого японского комбата. — Он обернулся к Харри. — Обычно японцы кремируют умерших, но в Бирме приходилось хоронить их, потому что было их слишком много, а полная кремация занимает около десяти часов. Поэтому они отрезали у покойника мизинец, кремировали его и отсылали домой, родным. Весной сорок третьего, после решающего сражения при Пегу, японцам пришлось отступить и укрыться в джунглях. Командир батальона Ёсито Ясуда просил свое начальство позволить ему в тот же вечер пойти в контрнаступление, чтобы забрать останки погибших. Ему отказали, противник имел слишком большой перевес, и в тот же вечер он, стоя в слезах у костра, сообщил своим солдатам о решении командования. Но, увидев безнадежность на лицах людей, осушил слезы, взял штык, положил на пень свою руку, отрубил мизинец и бросил в костер. Солдаты возликовали. Командованию рассказали об этом, и на следующий день японцы в полном составе пошли в контрнаступление.

Хаген вернулся к столу Халворсена, взял в руки точилку для карандашей, долго смотрел на нее.

— В первые дни здесь я как начальник допустил ряд ошибок. И насколько мне известно, некоторые из них, возможно, послужили причиной гибели Халворсена. Я хочу сказать… — Он положил точилку и глубоко вздохнул. — Мне бы хотелось воодушевить вас, как сумел Ёсито Ясуда. Только я понятия не имею, как это сделать.

Харри не знал, что сказать. И потому молчал.

— В общем, Харри, я хочу, чтобы вы нашли того или тех, кто стоит за этими убийствами. Вот и всё.

Оба старались не смотреть друг на друга. Хаген сплел ладони, будто комкая тишину.

— Но сделайте мне одолжение, Харри, носите оружие. В смысле, покажите пример другим. Хотя бы до Нового года. Потом я отменю распоряжение.

— Хорошо.

— Спасибо. Я выпишу вам новую бумагу.

Харри кивнул, Хаген направился к двери.

— А чем оно кончилось? — спросил Харри. — Японское контрнаступление?

— Ах, это. — Хаген обернулся с кривой усмешкой. — Оно захлебнулось.

Хьелль Атле Урё работал на полицейском матскладе в подвале управления уже девятнадцать лет и нынче утром, заполняя купон футбольного тотализатора, размышлял о том, не слишком ли дерзко пометить крестиком победу «Фулема» в выездном матче против «Саутгемптона» на второй день Рождества. Купон надо отослать в букмекерскую контору с Осхёугом, когда тот пойдет обедать, так что время поджимает. Поэтому, услышав звонок, он вполголоса чертыхнулся.

Кряхтя, Урё поднялся на ноги. В свое время он играл в первой лиге за «Шейд», имел за плечами долгую футбольную карьеру без травм и потому до сих пор с обидой думал о том, что в результате на первый взгляд безобидного растяжения, полученного в товарищеском матче спортивного общества полиции, и теперь, десять лет спустя, приволакивает правую ногу.

У стойки ждал мужчина со светлыми волосами, собранными в коротенький хвостик.

Взяв у него разрешение, Урё прищурил глаза, посмотрел на буквы, которые словно уменьшались в размере. На минувшей неделе, когда он сказал жене, что хотел бы на Рождество телевизор побольше, она предложила ему наведаться к окулисту.

— Та-ак, Харри Холе, «смит-вессон тридцать восемь»… — Урё уковылял в арсенал, подыскал там табельный револьвер, который предыдущий владелец содержал в порядке. И тотчас подумал, что надо вернуть на склад оружие полицейского, порезанного на Гётеборггата. Прихватил кобуру, положенные три коробки патронов и вернулся к стойке. — Распишитесь в получении, вот здесь. — Он ткнул пальцем в бумагу. — И предъявите удостоверение.

Тот уже выложил удостоверение на стойку, взял ручку и расписался, где велено. Урё взглянул на удостоверение Харри Холе и на подпись. Знать бы, остановит ли «Фулем» Терри Генри.

— Стреляйте только по плохим парням, не забудьте, — сказал Урё, но ответа не получил.

Хромая, он вернулся к своему купону, думая, что молчаливость инспектора, пожалуй, вовсе не удивительна. В удостоверении стояло «убойный отдел», а ведь тот полицейский вроде тоже оттуда.

Харри припарковал машину на Хёвикодден, возле центра Хени Унстад, и от красивого кирпичного здания спустился по отлогому склону к воде.

На льду, в стороне островка Снарё, виднелась

одинокая черная фигура.

Харри осторожно попробовал ногой льдину, прибитую ребром к берегу. Она с хрустом проломилась. Харри громко окликнул Давида Экхоффа, но тот не пошевелился.

Харри чертыхнулся, прикинул, что командир вряд ли весит намного меньше, чем он сам, пробрался через береговые торосы и осторожно поставил ногу на предательскую, присыпанную снегом поверхность. Держит. Короткими быстрыми шагами он двинулся по льду. Расстояние оказалось больше, нежели казалось с берега, и когда Харри наконец разглядел, что фигура в волчьей шубе, сидящая на раскладном стуле возле лунки и сжимающая в рукавице удочку, действительно командир Армии спасения, догадался и почему тот его не слышал.

— Вы уверены, что лед надежный, Экхофф?

Давид Экхофф обернулся и сначала посмотрел на сапоги Харри.

— В декабре лед на Осло-фьорде надежным не бывает, — отозвался он, выдохнув серое облако морозного пара. — Поэтому рыбачить надо в одиночку. А я всегда пользуюсь ими. — Он кивнул на лыжи у себя на ногах. — Чтобы распределить вес.

Харри медленно кивнул. Ему уже чудилось, будто лед под ногами потрескивает.

— В штаб-квартире сказали, что я найду вас здесь.

— Единственное место, где я слышу собственные мысли. — Командир подергал удилище.

Рядом с лункой лежала газета, а поверх нее — банка с наживкой и нож. На первой полосе сообщение, что с первого дня Рождества ожидается потепление. О смерти Халворсена ни слова. Видимо, выпуск ушел в печать раньше.

— Есть о чем поразмыслить? — спросил Харри.

— Н-да. Мы с женой сегодня на рождественском концерте принимаем премьер-министра. И на этой же неделе подпишем с Гильструпом договор о продаже недвижимости. В общем, подумать есть о чем.

— Вообще-то я хотел задать вам всего один вопрос, — сказал Харри, сосредоточенно стараясь равномерно распределить вес на обе ноги.

— Слушаю вас.

— Я поручил своему сотруднику, Скарре, проверить, не было ли переводов с вашего счета на счет Роберта Карлсена и наоборот. Их не было. Но Скарре обнаружил другого Карлсена, который регулярно переводил деньги на ваш счет. А именно

Юсефа Карлсена.

Давид Экхофф даже бровью не повел, только пристально смотрел на черную воду в лунке.

— А вопрос у меня вот какой. — Харри пристально смотрел на Экхоффа. — Почему последние двенадцать лет вы каждый квартал получали восемь тысяч крон от отца Роберта и Юна?

Экхофф дернулся, словно на крючок попалась крупная рыба.

— Так как же?

— Это действительно важно?

— Думаю, да, Экхофф.

— Только пусть все останется между нами.

— Не могу обещать.

— Тогда я не могу рассказать.

— Что ж, в таком случае придется забрать вас в Полицейское управление, чтобы вы дали письменные объяснения.

Командир поднял голову, прищурил один глаз и испытующе посмотрел на Харри, словно прикидывая, насколько силен потенциальный противник.

— Вы полагаете, Гуннар Хаген это одобрит? Что вы притащите меня туда?

— Посмотрим.

Экхофф хотел что-то сказать, но не стал, будто

чувствуя решимость Харри. А Харри подумал, что вожак становится вожаком не благодаря грубой силе, а благодаря способности правильно оценить ситуацию.

— Ладно, — сказал Экхофф. — Но это долгая история.

— Время у меня есть, — сказал Харри.

Сквозь подошвы сапог уже проникал холод.

— Юсеф Карлсен, отец Юна и Роберта, был моим лучшим другом. — Экхофф устремил взгляд куда-то в сторону Снарё. — Мы вместе учились, вместе работали, имели большие амбиции и, как говорится, подавали большие надежды. А самое главное — мечтали о могучей Армии спасения, вершащей дело Господне на земле. Победоносной. Понимаете?

Харри кивнул.

— По служебной лестнице мы тоже поднимались вместе, — продолжал Экхофф. — И мало-помалу Юсефа и меня стали считать соперниками, претендующими на то место, какое я занимаю сейчас. Вообще-то я думал, что должность не так уж важна, мне казалось, нами движет мечта. Но когда выбор пал на меня, с Юсефом что-то произошло. Он как бы сник. Н-да, трудно сказать, ведь и себя самого толком не знаешь, возможно,

и я бы реагировал так же. Тем не менее Юсеф получил ответственную должность главного управляющего, но, хотя мы по-прежнему общались семьями, все как-то изменилось… — Экхофф искал слова. — Былая близость исчезла. Юсеф что-то затеял, что-то скверное. И осенью девяносто первого я и наш главный бухгалтер, Франк Нильсен, отец Рикарда и Теа, обнаружили, в чем дело. Юсеф совершил растрату.

— И что произошло?

— По правде говоря, у нас в Армии маловато опыта с такими вещами, и мы с Нильсеном пока помалкивали, сначала хотели решить, что делать. Конечно, Юсеф обманул мои ожидания, но одновременно я видел причинную связь, в которой присутствовал и я сам. Ведь в ситуации, когда выбрали меня, а его отвергли, я наверняка мог бы действовать… деликатнее. Так или иначе, в тот период с кадровым пополнением в Армии спасения обстояло не ахти как, да и отношение к нам было отнюдь не столь благосклонным. В общем, средств на скандал мы не имели. От родителей мне достался летний домик в Южной Норвегии, которым мы пользовались редко, потому что большей частью проводили отпуск в Эстгоре. Короче говоря, я спешно продал домик

и выручил достаточно денег, чтобы покрыть растрату, прежде чем о ней узнают другие.

— Вы? Вы покрыли растрату Юсефа Карлсена из собственных средств?

Экхофф пожал плечами:

— Другого выхода не было.

— Не каждый день начальники лично…

— У нас необычная организация, Холе. Мы работаем во имя Господа. Тогда все касается тебя лично.

Харри медленно кивнул, думая о косточке на столе Хагена.

— И тогда Юсеф Карлсен оставил свою должность и вместе с женой уехал за границу. А об этой истории никто не узнал?

— Я предложил ему менее ответственный пост, — сказал Экхофф. — Но он, разумеется, не мог согласиться. Ведь возникла бы масса вопросов. Насколько я помню, они живут в Таиланде. Недалеко от Бангкока.

— Стало быть, история про китайца-крестьянина и змеиный укус — чистый вымысел?

Экхофф с улыбкой покачал головой:

— Нет. Юсеф действительно был скептиком. И эта история глубоко его потрясла. Он сомневался, как все мы порой.

— Вы тоже, командир?

— Да. Сомнение — тень веры. Если ты не способен сомневаться, то не можешь верить по-настоящему. Тут как с храбростью, инспектор. Неспособный бояться не может быть храбрым.

— А деньги?

— Юсеф настоял, что выплатит мне ту сумму. Не потому, что желает себя реабилитировать. Сделанного не воротишь, да и зарабатывает он недостаточно, чтобы когда-нибудь расплатиться. Думаю, это епитимья, которая, как он чувствует, идет ему на пользу. Так почему я должен отказать ему в этом?

Харри опять кивнул.

— Роберт и Юн об этом знали?

— Понятия не имею. Я никогда об этом не упоминал. И считал своим долгом позаботиться об одном — чтобы проступок отца никак не помешал сыновьям делать карьеру в Армии. Прежде всего Юну. Взять хотя бы теперешнюю продажу недвижимости. В первую очередь дома на Якоб-Оллс-гате, а позднее кое-чего еще. Возможно, Гильструп даже выкупит Эстгор. Десять лет назад для подобной сделки нам бы понадобилось множество консультантов. Но, имея в Армии таких компетентных специалистов, как Юн, мы можем

не привлекать сторонних консультантов.

— Значит, этой продажей занимался Юн?

— Нет-нет, конечно, решение принимал Руководящий совет. Но без проведенной им подготовительной работы и убедительных выводов, я полагаю, мы бы вряд ли рискнули пойти на эту сделку. Юн для нас — человек перспективный. Идущий, так сказать, в ногу со временем. И наилучшее доказательство тому, что отец Юна не мешает ему, — тот факт, что он и Теа Нильсен будут сегодня вечером сидеть по другую руку от премьер-министра. — Экхофф наморщил лоб. — Кстати, я пытался сегодня связаться с Юном, однако он не отвечает. Вы, случайно, не говорили с ним?

— Увы. Если Юна нет…

— Простите?

— В смысле, если Юна не будет, если убийца выполнит свой план, кто займет место Юна?

Давид Экхофф вскинул даже не одну, а обе брови.

— Сегодня вечером?

— Я имею в виду его должность.

— Ах вот вы о чем. Я не открою никакой тайны, если скажу, что это будет Рикард Нильсен. — Он усмехнулся. — Вы же сами тогда твердили, что

усматриваете параллели между Юном и Рикардом и мною и Франком.

— Такое же соперничество?

— Где люди, там всегда соперничество. В Армии тоже. Надо надеяться, что по большому счету толика соперничества ставит человека на то место, где он приносит максимум пользы себе и служит общему делу. Ну что же… — Командир выбрал леску из лунки. — Полагаю, я ответил на ваш вопрос, Харри. Если надо, Франк Нильсен подтвердит историю о Юсефе, однако думаю, вам понятно, почему я не хочу предавать ее огласке.

— Раз уж мы заговорили о секретах Армии, у меня есть еще один, последний, вопрос.

— Выкладывайте, — нетерпеливо сказал командир, собирая в сумку рыбацкое снаряжение.

— Вам известно, что двенадцать лет назад в Эстгоре случилось изнасилование?

Харри исходил из того, что способность мимики Экхоффа скрывать изумление имеет предел. А поскольку сейчас этот предел наверняка существенно превзойден, он понял, что для командира это явно неожиданность.

— По-моему, вы ошибаетесь, инспектор. В противном случае это ужасно. О ком идет речь?

Харри надеялся, что собственное его лицо ни-

чего не выдаст.

— По долгу службы я обязан сохранить имя в тайне.

Экхофф потер рукавицей подбородок.

— Разумеется. Однако… срок давности по этому преступлению, наверно, уже истек?

— Как посмотреть, — ответил Харри, глядя на берег. — Идемте?

— Нам лучше уйти порознь. Тяжесть.

Харри кивнул.

Благополучно добравшись до берега, он обернулся. Задул ветер, и снег, точно дым, клубился над поверхностью льда. Казалось, Экхофф идет по облакам.

Стекла автомобиля на парковке уже затянуло тонким слоем белого инея. Харри сел за руль, запустил мотор, включил обогрев на полную мощность. На холодные стекла пахнуло теплом. Он сидел, дожидаясь, пока иней стает, и вдруг подумал о том, что говорил Скарре. Мадс Гильструп звонил Халворсену. Харри достал визитную карточку, которая так и лежала в кармане, набрал номер. Тщетно. Он уже хотел спрятать телефон в карман, когда раздался звонок. Звонили из гостиницы «Интернациональ».

— How are you?[56] — спросил женский голос на безупречном английском.

— Сносно, — ответил Харри. — Вы получили?..

— Да, получила.

Он глубоко вздохнул.

— Это он?

— Да, — со вздохом отозвалась она.

— Вы совершенно уверены? В смысле, не очень-то легко опознать человека по…

— Харри?

— Да?

— I'm quite sure.

Харри догадывался, учительница английского могла бы объяснить ему, что, хотя это «quite sure» буквально переводится как «довольно уверена», в данном контексте оно означает «совершенно уверена».

— Спасибо, — сказал он, заканчивая разговор и в глубине души надеясь, что она права. Потому что сейчас начнется.

И действительно началось.

Когда он включил дворники, которые принялись разметать в стороны растаявший иней, телефон снова зазвонил.

---

[56] Примечания: 56
Как поживаете? *(англ.)*

— Харри Холе.

— Это Михолеч, мать Софии. Вы сказали, что я могу позвонить, если…

— Да?

— Кое-что случилось. С Софией.

Глава 30
Вторник, 22 декабря. Молчание

Самый короткий день в году.

Так написано на первой полосе «Афтенпостен», которая лежала перед Харри на столе в приемной травмопункта на Стургата. Он взглянул на стенные часы. И только потом вспомнил, что на руке наконец-то вновь есть часы.

— Сейчас доктор вас примет, Холе! — окликнула женщина из окошка, которой он изложил свое дело: ему необходимо поговорить с врачом, а именно с тем, кто несколько часов назад принимал Софию Михолеч и ее отца. — Третья дверь справа по коридору!

Харри встал, прошел мимо молчаливых пациентов.

Третья дверь справа. Случай, конечно, мог бы направить Софию во вторую дверь справа. Или в третью слева. Но нет, оказалась третья справа.

— Привет, я так и понял, что это вы, — улыбнулся Матиас Лунн-Хельгесен, вставая и протягивая руку. — Чем могу помочь на сей раз?

— Дело касается пациентки, которая побывала

у вас сегодня утром. София Михолеч.

— Ну что ж. Садитесь, Харри.

Харри не стал обращать внимание на дружеский тон собеседника, сам он не желал поддерживать этот тон, не из гордости, а просто потому, что оба будут испытывать лишь неловкость.

— Мне позвонила мать Софии и сказала, что проснулась утром от плача Софии. Она пошла в комнату к дочери и нашла Софию в синяках и в крови. Дочь сказала, что гуляла с подругами, а по дороге домой поскользнулась на льду, упала и расшиблась. Мать разбудила отца, и он повез дочку сюда.

— Возможно, так и было, — сказал Матиас. Он сидел облокотившись на стол, словно выказывая искренний интерес.

— Но мать считает, что София лжет. Когда отец с дочерью уехали, она осмотрела постель. Кровь была не только на подушке. Но и на простыне. «Внизу», как она выразилась.

Матиас хмыкнул. И этот звук выражал не подтверждение и не отрицание, они специально отрабатывают его на занятиях по психотерапии. Интонация в конце повышается, как бы предлагая пациенту продолжать. Именно с такой интонацией хмыкнул и Матиас.

— Сейчас София заперлась в своей комнате. Плачет, но говорить отказывается. И по словам матери, от нее ничего не добьешься. Мать звонила ее подругам. Ни одна из них Софию вчера не видела.

— Понятно. — Матиас потер переносицу. — И вы хотите, чтобы я ради вас нарушил врачебную тайну?

— Нет, — сказал Харри.

— Нет?

— Не ради меня. Ради них. Ради Софии и ее родителей. И ради других, кого он уже мог изнасиловать или собирается изнасиловать.

— Сильно сказано! — Матиас улыбнулся, но улыбка погасла, оставшись без ответа. Он кашлянул. — Как вы понимаете, Харри, я должен подумать.

— Ее изнасиловали сегодня ночью или нет?

Матиас вздохнул:

— Харри, врачебная тайна…

— Я знаю, что такое врачебная тайна, — перебил Харри. — Я тоже обязан хранить служебную тайну. И если прошу вас в данном случае нарушить ее, то вовсе не потому, что отношусь к этому несерьезно, а потому, что совершено тяжкое преступление и есть опасность, что оно повторится.

Если вы доверитесь мне и моей оценке, буду вам очень признателен. Если нет, живите с этим как можете.

Сколько раз ему приходилось твердить это в подобных ситуациях, думал Харри.

Матиас моргнул, открыл рот.

— Достаточно кивнуть или покачать головой, — сказал Харри.

Матиас Лунн-Хельгесен кивнул.

Подействовало.

— Спасибо. — Харри встал. — Как у вас с Ракелью и Олегом? Все хорошо?

Матиас Лунн-Хельгесен снова кивнул и чуть заметно улыбнулся в ответ. Харри наклонился, положил руку ему на плечо:

— Счастливого Рождества, Матиас.

Последнее, что Харри увидел уходя, было: Матиас Лунн-Хельгесен поник на стуле, словно побитый.

Свет догорающего дня пробивался сквозь оранжевые облака над елями и крышами домов на западной окраине самого большого норвежского кладбища. Харри прошагал мимо памятника югославам, павшим на войне, мимо участка рабочей партии, надгробий премьер-министров Эйнара Герхардсена и Трюгве Браттели к участку Армии

спасения. Как и ожидал, Софию он нашел у самой свежей могилы. Закутанная в просторную куртку-дутик, она сидела прямо на снегу.

— Здравствуй, — сказал Харри, садясь рядом.

Он закурил и выпустил сизое облачко дыма навстречу ледяному ветру, который тотчас унес его прочь.

— Твоя мама сказала только, что ты ушла и взяла с собой цветы, купленные отцом. Так что догадаться было несложно.

София молчала.

— Роберт был хорошим другом, верно? Ты могла довериться ему. Поговорить с ним. Он не насильник.

— Это сделал Роберт, — едва слышно прошептала девушка.

— Твои цветы лежат на могиле Роберта, София. Я думаю, тебя изнасиловал кто-то другой. И сегодня ночью это случилось снова. Наверно, он вообще делал это не раз.

— Оставьте меня в покое! — выкрикнула она и встала.

Держа в одной руке сигарету, Харри другой рукой схватил ее за плечо и резко дернул вниз, усадил на снег.

— Тот, кто лежит здесь, мертв, София. А ты жи-

ва. Слышишь? Ты жива. И если думаешь жить дальше, нам сейчас необходимо схватить его. Чтобы положить этому конец. Посмотри на меня. Посмотри на меня, говорю!

София вздрогнула от внезапного окрика и машинально посмотрела на него.

— Я знаю, тебе страшно, София. Но даю слово, я его поймаю. Непременно. Клянусь.

Ее взгляд ожил. Если он не ошибся, в глазах ее забрезжила надежда. Он ждал. И она что-то невнятно прошептала.

— Что ты сказала? — Харри наклонился к ней.

— Кто мне поверит? Кто мне поверит теперь… когда Роберта нет в живых?

Харри осторожно положил руку ей на плечо.

— Попробуй. Расскажи. И мы посмотрим.

Оранжевые облака мало-помалу наливались багрянцем.

— Он угрожал разрушить всю нашу жизнь, если я не стану делать, как он велит, — тихо сказала София. — Угрожал позаботиться, чтобы нас вышвырнули из квартиры и выслали из страны. Но нам некуда возвращаться. А если я расскажу — кто мне поверит? Кто… — Она осеклась.

— …кроме Роберта, — докончил Харри и умолк в ожидании.

Адрес Харри нашел на визитной карточке Мадса Гильструпа. Решил к нему наведаться. И прежде всего спросить, зачем он звонил Халворсену. Судя по адресу, придется проехать мимо дома Ракели и Олега, который тоже располагался на Хольменколлене.

Поравнявшись с их домом, он не сбросил скорость, только взглянул на подъездную дорожку. Последний раз он видел возле гаража джип «чероки» и решил, что машина принадлежит доктору. Сейчас там стояла только машина Ракели. В комнате Олега горел свет.

Харри гнал по узким, с крутыми поворотами, проездам среди самых дорогих ословских вилл, потом дорога распрямилась, пошла вверх по откосу, мимо белого символа города — Хольменколленского трамплина. Внизу раскинулись столица и фьорд, где между заснеженными островами парили сквозистые клубы морозного тумана. Короткий день, собственно только восход да закат, жмурился; внизу, в городе, уже давно зажигались огни, словно предрождественские свечи при обратном отсчете.

Он собрал почти все кусочки мозаики.

Четырежды позвонив в дверь гильструповской виллы и не получив ответа, Харри сдался. А ко-

гда возвращался к машине, от соседнего дома к нему подбежал мужчина и спросил, не знакомый ли он Гильструпа. Он, мол, не хочет лезть в частную жизнь, но утром они слышали грохот, донесшийся из этого дома, а Мадс Гильструп недавно потерял жену, так, может, стоит вызвать полицию? Харри вернулся к дому, разбил окно возле входной двери — и тотчас сработала сигнализация.

Под ее хриплые завывания Харри быстро прошел в гостиную. Вспомнив об отчете, посмотрел на часы, вычел две минуты, про которые говорил Мёллер. Пятнадцать часов тридцать семь минут.

Мадс Гильструп, без одежды, затылок начисто снесен.

Он лежал на боку на паркете, перед освещенным экраном, и казалось, будто дробовик с красным прикладом растет у него изо рта. Ствол длинный. Судя по положению тела, Мадс нажал на спуск большим пальцем ноги. Для этого требовалась не просто хорошая координация движений, но сильная воля к смерти.

Сигнализация неожиданно смолкла, и Харри услышал шорох проектора, бросавшего на экран застывшую дрожащую картинку — крупным планом новобрачные, идущие к алтарю. Лица,

белозубые улыбки, белое платье невесты — в пятнышках крови, присохшей к экрану.

На салонном столике, под пустой коньячной бутылкой, прощальное письмо. Совсем короткое:

«Прости меня, отец. Мадс».

Глава 31
Вторник, 22 декабря. Воскресение

Он посмотрел на себя в зеркало. Когда они в один прекрасный день, возможно в будущем году, выйдут утром из домика в Вуковаре, будет ли это лицо таким, какое соседи встречают улыбкой и приветом? Знакомым, надежным? И добрым.

— Отлично, — сказала женщина за спиной.

Он решил, что она имеет в виду смокинг, в котором он стоял перед зеркалом в прокатном ателье, а по совместительству химчистке.

— How much?[57] — спросил он.

Расплатившись, он обещал вернуть смокинг завтра до полудня и вышел в серый сумрак. Еще раньше он нашел кафе, где можно выпить кофе и недорого поесть. Теперь оставалось только ждать. Он посмотрел на часы.

Начиналась самая долгая ночь. Когда Харри уезжал с Хольменколлена, сумрак подернул стены домов и все вокруг серым флером, но не успел он добраться до Грёнланна, а парки уже утонули

---

[57] Примечания: 57
Сколько с меня? *(англ.)*

во тьме.

Из дома Мадса Гильструпа Харри позвонил в оперчасть уголовной полиции, попросил прислать криминалистов. И уехал, ничего не трогая.

Поставил машину в гараже Полицейского управления, поднялся к себе. А оттуда позвонил Туркильсену:

— Мобильный телефон моего коллеги Халворсена исчез, а мне необходимо знать, оставлял ли Мадс Гильструп для него сообщение.

— А если оставлял?

— Я хочу его услышать.

— Не могу, это прослушка, — вздохнул Туркильсен. — Вам нужен наш центр по связям с полицией.

— Для этого потребуется постановление, а у меня нет времени. Какие будут идеи?

Туркильсен немного подумал.

— У Халворсена есть компьютер?

— Он передо мной.

— Впрочем, нет, забудьте.

— А что вы имели в виду?

— Ну, можно получить доступ ко всем сообщениям на мобильном через сайт «Теленор Мобиль», только для этого, понятно, надо знать его пароль.

— Владелец мобильника сам выбирает пароль?

— Да, но без пароля можно рассчитывать лишь на огромное везение…

— Попробуем, — сказал Харри. — Назовите адрес сайта.

— Потребуется огромное везение, — повторил Туркильсен. Судя по тону, он к такому везению не привык.

— Чутье говорит, что я знаю пароль, — отозвался Харри.

Зайдя на сайт, он вписал в окошко пароль: «Лев Яшин». Ошибка, доступа нет. Ладно, укоротим до «Яшин». В точку! Восемь сообщений. Шесть от Беаты. Одно с какого-то номера в Трёнделаге. И одно с мобильного телефона, номер которого стоял на визитной карточке в руке Харри. Мадс Гильструп.

Харри кликнул «воспроизведение», и из динамика компьютера послышался металлический голос человека, которого он менее получаса назад обнаружил мертвым в его собственном доме.

Когда сообщение отзвучало, последний кусочек мозаики лег на свое место.

— Что же, в самом деле никто не знает, где находится Юн Карлсен? — по телефону спросил Харри

у Скарре, спускаясь по лестнице Полицейского управления. — В квартире Роберта проверял?

Он открыл дверь матсклада, хлопнул ладонью по звонку на стойке.

— Я звонил туда, — ответил Скарре. — Безуспешно.

— Поезжай туда. Если не откроют, зайди в квартиру. О'кей?

— Ключи у криминалистов, а уже пятый час. Обычно Беата задерживается, но сегодня… Халворсен и все такое…

— Забудь про ключи. Ломик захвати.

Харри услышал шаркающие шаги, и со склада вышел человек в рабочем халате, лицо в сетке морщин, на кончике носа очки. Не удостоив Харри взглядом, он взял со стойки разрешение на оружие.

— А допуск? — спросил Скарре.

— Не требуется, старый еще действует, — соврал Харри.

— Правда?

— Если кто спросит, скажешь, что я приказал. Идет?

— Идет.

Человек в синем халате хмыкнул. Покачал головой и вернул бумагу Харри.

— Я перезвоню попозже, Скарре. Похоже, тут возникли сложности…

Харри сунул бумагу в карман, недоуменно взглянул на кладовщика.

— Дважды получать оружие нельзя, Холе, — сказал тот.

Харри не вполне понял, о чем толкует Хьелль Атле Урё, но почувствовал, как по затылку пробежали горячие мурашки. И догадался, что́ они означают. Потому что чувствовал их не впервые. Кошмар не кончился. А только начался.

Жена Гуннара Хагена разгладила платье и вышла из ванной. Муж ее стоял в коридоре перед зеркалом и пытался завязать черную бабочку. Она остановилась, зная, что он вот-вот раздраженно зафырчит и попросит помощи.

Утром, когда позвонили из управления и сообщили, что Джек Халворсен умер, Гуннар сказал, что у него нет ни настроения, ни права идти на концерт. И она поняла, что ему предстоит неделя долгих размышлений. Порой она думала, понимает ли кто-нибудь, кроме нее, как тяжело Гуннар переживает такие вещи. Однако днем начальник полиции попросил Гуннара все-таки присутствовать на концерте, поскольку Армия спасения решила почтить кончину Джека Хал-

ворсена минутой молчания и в таком случае полицию, естественно, должно представлять начальство Халворсена. Но она видела, что Гуннар вовсе не рад, серьезность тесным шлемом стиснула его голову.

Гуннар засопел и сорвал с себя бабочку.

— Лисе!

— Я здесь, — спокойно сказала она, подошла, протянула руку. — Дай-ка!

Телефон на столике под зеркалом громко зазвонил. Гуннар нагнулся, взял трубку:

— Хаген.

Она слышала далекий голос на другом конце линии.

— Добрый вечер, Харри, — сказал Гуннар. — Нет, я дома. Мы с женой идем сегодня в Концертный зал, и я ушел пораньше. Есть новости?

Лисе Хаген увидела, как незримый шлем еще сильнее сдавил его голову, пока он слушал собеседника, долго, не перебивая. Потом наконец сказал:

— Да! Я позвоню в оперчасть и подниму всех по тревоге. Подключим к разыскной операции весь доступный персонал. Я скоро выезжаю на концерт и пробуду там несколько часов, но мобильник будет работать в режиме вибрации, так

что звонить можно.

Он положил телефон.

— Что случилось? — спросила Лисе.

— Звонил один из моих инспекторов, Харри Холе. Он только что был на матскладе, хотел получить оружие по разрешению, выданному мной сегодня утром. Взамен пропавшего после взлома в его квартире. Как выяснилось, сегодня же утром кто-то получил на складе оружие, предъявив первое, пропавшее, разрешение.

— Плохо дело… — сказала Лисе.

— Да уж, — буркнул Гуннар Хаген. — Увы, это еще не самое скверное. У Харри есть подозрение насчет того, кто мог это сделать. Он позвонил в Судмедэкспертизу, и подозрение подтвердилось.

К своему ужасу, Лисе увидела, как лицо мужа покрылось серой бледностью. Словно последствия того, о чем рассказал Харри, открылись ему только теперь, когда он сам сказал жене:

— Анализ крови человека, которого застрелили на контейнерном складе, свидетельствует, что он не тот, кого вырвало рядом с Халворсеном. Не тот, кто испачкал кровью его пальто. И лежал на подушке в Приюте. Словом, застрелили не Христо Станкича. Если Харри прав, то Станкич по-прежнему в городе. И вооружен.

— Но тогда… тогда он, стало быть, продолжает выслеживать того бедолагу… как бишь его?

— Юна Карлсена. Да. Поэтому мне необходимо позвонить в оперчасть уголовной полиции и мобилизовать весь доступный персонал на поиски обоих — Юна Карлсена и Станкича. — Он прижал руки к глазам, словно именно там сосредоточилась боль. — И только что с Харри связался полицейский, который, разыскивая Юна, вошел в квартиру Роберта Карлсена.

— Да?

— Похоже, там была потасовка. Постельное белье… в пятнах крови, Лисе. Ни следа Юна Карлсена, только под кроватью складной нож с пятнами черной, засохшей крови на лезвии.

Он отнял руки от лица, в зеркале она увидела, что глаза покраснели.

— Все это очень скверно, Лисе.

— Понимаю, Гуннар, дорогой. Но… но кого же тогда застрелили на контейнерном складе?

Гуннар Хаген с трудом сглотнул комок в горле:

— Мы не знаем, Лисе. Знаем только, что он жил в контейнере и в крови у него обнаружен героин.

— Господи, Гуннар…

Она положила руку ему на плечо, попыталась

перехватить в зеркале его взгляд.

— Он воскрес из мертвых в третий день, — прошептал Гуннар Хаген.

— Что?

— Спаситель. Мы убили его ночью в субботу. Сегодня вторник. Третий день.

Мартина Экхофф была так хороша, что у Харри дух захватило.

— Привет, это я! — сказала она глубоким контральто, какое запомнилось ему с первой встречи в «Маяке».

Тогда она была в армейской форме. А сейчас стояла перед ним в простом элегантном платье без рукавов, черном и блестящем, как и ее волосы. Глаза казались еще больше и темнее обычного. Кожа белая, нежная, словно прозрачная.

— Наряжаюсь, — засмеялась девушка. — Смотри.

Она подняла руку невероятно мягким жестом, почти танцевальным, продолжением другого, не менее грациозного движения, как показалось Харри. На ладони ее лежала белая слезка-жемчужина, блеснувшая в тусклом свете из прихожей ее квартиры. Вторая жемчужина украшала ушко.

— Заходи. — Мартина шагнула назад и отпустила дверь.

Харри переступил порог и очутился в ее объятиях.

— Как хорошо, что ты пришел. — Она притянула его голову к себе, теплое дыхание обвеяло ухо, когда она прошептала: — Я все время о тебе думала.

Харри закрыл глаза, крепко обнимая ее, чувствуя тепло маленького, по-кошачьи мягкого тела. Второй раз за эти сутки он стоял вот так, держа ее в объятиях. И не хотел отпускать ее, знал, что этот раз — последний.

Сережка лежала у него на щеке, под глазом, словно уже остывшая слеза.

Он высвободился.

— Что-то не так? — спросила она.

— Давай сядем. Надо поговорить.

Они прошли в комнату, Мартина села на диван. Харри стал у окна, глянул на улицу:

— Кто-то сидит внизу в машине, смотрит на твое окно.

Мартина вздохнула:

— Это Рикард. Ждет меня, отвезет в Концертный зал.

— Хм. Ты знаешь, где Юн, Мартина? — Харри пристально смотрел на ее отражение в оконном стекле.

— Нет. — Она перехватила его взгляд. — Ты полагаешь, что я по какой-то причине должна это знать? Раз так спрашиваешь, а? — Голос звучал отнюдь не ласково.

— Мы только что взломали квартиру Роберта, которой, по-видимому, пользовался Юн, — ответил Харри. — И обнаружили окровавленную постель.

— Этого я не знала, — сказала Мартина, похоже с неподдельным изумлением.

— Знаю, что не знала, — кивнул Харри. — Суд-медэкспертиза сравнила кровь. Иначе говоря, все ясно. И я совершенно уверен, к каким выводам они пришли.

— Юн? — выдохнула она.

— Нет. А ты, верно, на это надеялась?

— Почему ты так решил?

— Потому что изнасиловал тебя Юн.

В комнате повисла глухая тишина. Харри затаил дыхание и услышал, как она судорожно вдохнула и, прежде чем воздух наполнил легкие, снова выдохнула.

— Отчего ты так думаешь? — спросила она с едва заметной дрожью в голосе.

— Ты ведь сказала, что случилось это в Эстгоре, а насильников, что ни говори, не так уж много. Юн

Карлсен — один из них. Кровь в постели Роберта принадлежит девушке по имени София Михолеч. Вчера вечером она пришла в квартиру Роберта по приказу Юна. Квартиру она открыла ключом, который в свое время получила от Роберта, своего лучшего друга. Юн изнасиловал ее, а потом избил. Она рассказала, что такое случалось.

— Случалось?

— По словам Софии, Юн впервые изнасиловал ее прошлым летом. В квартире Михолечей, когда родителей не было дома. Он явился туда под предлогом осмотра помещений. Такого рода инспекция входит в его обязанности. И именно он решает, за кем останутся квартиры.

— По-твоему, он ей угрожал?

Харри кивнул:

— Он сказал, что семью вышвырнут из квартиры и вышлют из страны, если София откажется выполнять его приказы и держать язык за зубами. Что счастье и несчастье Михолечей в его руках. И зависит от ее покорности. Бедная девочка не видела иного выхода и подчинилась. Но когда поняла, что беременна, ей понадобилась помощь. Понадобился друг, которому можно довериться, старший друг, который, не задавая вопросов, сумеет организовать ей аборт.

— Роберт… — сказала Мартина. — Боже мой, она пошла к Роберту.

— Да. И хотя она не назвала имени, он явно понял, что это Юн. Я тоже так думаю. Ведь Роберт знал, что Юн и раньше насильничал, верно?

Мартина не ответила. Она свернулась калачиком на диване, подобрала ноги, руками обхватила голые плечи, словно озябла или хотела спрятаться внутри себя.

Наконец она заговорила, но так тихо, что Харри слышал тиканье мёллеровских часов.

— Мне было четырнадцать. Когда он это делал, я думала, что если сосредоточусь на звездах, то увижу их сквозь крышу.

Харри слушал, как она рассказывала про жаркий летний день в Эстгоре, про игру с Робертом, про злой взгляд Юна, потемневший от ревности. И как дверь уборной открылась и на пороге возник Юн со складным ножом брата. Насилие и боль затем, когда она лежала там и плакала, а он ушел в дом. И недоумение, что птицы тотчас снова запели.

— Но хуже всего было не само насилие. — От слез голос Мартины звучал глухо, но глаза оставались сухими. — Хуже всего было, что Юн знал. Знал, что я и без угроз буду молчать. Что никогда

не проговорюсь. Знал, что я знаю: если даже я предъявлю изорванную одежду и мне поверят, все равно причина и вина останутся под сомнением. Вдобавок речь шла о лояльности. Неужели именно я, дочь командира, втяну наших родителей и всю Армию в катастрофический скандал? И все эти годы, когда я видела Юна, он смотрел на меня, как бы говоря: «Я знаю. Знаю, как ты дрожала от страха, а потом плакала, тихо, чтоб никто не слышал. Я знаю и вижу каждый день твою молчаливую трусость». — Первая слезинка сбежала по ее щеке. — Вот за что я так его ненавижу. Не за то, что он меня изнасиловал, это я бы еще смогла простить. А за то, что он все время показывал мне, что знает.

Харри сходил на кухню, оторвал от рулона бумажное полотенце, вернулся в комнату, сел рядом с Мартиной.

— Не испорти макияж. — Он протянул ей полотенце. — Премьер-министр, и все такое.

Она осторожно промокнула глаза.

— Станкич был в Эстгоре, — сказал Харри. — Ты отвезла его туда?

— О чем ты говоришь?

— Он был там.

— С чего ты взял?

— Запах.

— Запах?

Харри кивнул.

— Сладкий, парфюмерный запах. Первый раз я учуял его, когда открыл Станкичу дверь квартиры Юна. Второй — в Приюте, в его комнате. И третий — когда сегодня утром проснулся в Эстгоре. Запах въелся в шерстяное одеяло. — Он смотрел Мартине прямо в глаза. — Где Станкич, Мартина?

Она встала.

— Думаю, тебе пора идти.

— Сначала ответь.

— Я не обязана отвечать, потому что ничего не сделала.

Мартина была уже у выхода из комнаты, Харри догнал ее, заступил дорогу, взял девушку за плечи:

— Мартина…

— Мне надо успеть на концерт.

— Он убил одного из ближайших моих друзей, Мартина.

Лицо ее было замкнутым, жестким, когда она сказала:

— Наверно, не стоило становиться у него на пути.

Харри опустил руки, будто обжегся.

— Ты не можешь позволить ему вот так просто убить Юна Карлсена. Как насчет прощения? Вроде бы у вас принято прощать?

— Ты веришь, что люди могут измениться, — сказала Мартина. — А я не верю. И не знаю, где Станкич.

Харри посторонился, она прошла в ванную и заперлась там. А он так и стоял.

— И ты ошибаешься насчет того, как у нас принято, — громко послышалось из ванной. — Речь не о прощении. Мы такие же, как все. Речь о спасении, верно?

Несмотря на мороз, Рикард вышел из машины и стоял, прислонясь к капоту. Харри мимоходом кивнул ему, но ответа не получил.

Глава 32
Вторник, 22 декабря. Исход

На часах была уже половина седьмого, но в убойном отделе кипела работа.

Улу Ли Харри застал возле факса. Бросил взгляд на поступающее сообщение. Отправлено из Интерпола.

— Что происходит, Ула?

— Гуннар Хаген обзвонил всех и вызвал в отдел. Здесь поголовно все. Будем брать этого, который убил Халворсена.

В голосе Ли сквозила решимость, которая, как Харри подсказала интуиция, отражала настроение, царившее этим вечером на седьмом этаже.

Харри прошел к Скарре. Тот стоял у стола и быстро, громко говорил в телефон:

— Мы можем устроить тебе и твоим ребятам большие неприятности, очень большие, Аффе. Если ты не поможешь и не пошлешь своих на улицу, то мигом окажешься на первом месте в нашем разыскном списке. Ясно? Итак, хорват, среднего роста…

— Волосы светлые, собраны в хвостик, — сказал

Харри.

Скарре поднял голову, кивнул начальнику.

— Волосы светлые, собраны в хвостик. Если что, сразу звони. — Он положил трубку. — Прямо как на войне, всех мобилизовали для участия в операции. Впервые вижу такое.

Харри хмыкнул.

— Есть что-нибудь насчет Юна Карлсена?

— Ничего. Правда, его подруга, Теа, сказала, что они договорились встретиться вечером в Концертном зале. У них места в ложе для почетных гостей.

Харри взглянул на часы.

— У Станкича еще полтора часа, чтобы сделать свое дело.

— Это как же?

— Я звонил в Концертный зал. Все билеты распроданы еще четыре недели назад, и без билета внутрь никого не впускают, даже в фойе. Иными словами, если Юн войдет в Концертный зал, он в безопасности. Позвони в «Теленор», узнай, работает ли сегодня Туркильсен и может ли он отследить мобильник Карлсена. Да, позаботься, чтобы возле Концертного зала было достаточно полицейских, с оружием и с ориентировкой. Потом позвони в канцелярию премьер-министра и

предупреди насчет усиленных мер безопасности.

— Я? — Скарре опешил. — В… канцелярию премьер-министра?

— А то, — сказал Харри. — Ты же теперь большой мальчик.

У себя в кабинете Харри набрал один из шести телефонов, какие помнил наизусть.

Пять остальных были — телефон Сестрёныша, родительского дома в Уппсале, мобильника Халворсена, старый домашний номер Бьярне Мёллера и уже отключенный номер Эллен Йельтен.

— Ракель.

— Это я.

Он услышал, как она выдохнула:

— Я так и подумала.

— Почему?

— Потому что думала о тебе. — Она тихонько засмеялась. — Так-то вот. А что?

Харри зажмурился.

— Я мог бы завтра повидаться с Олегом. Я ведь обещал сказать когда.

— Отлично! Олег обрадуется. Ты заедешь за ним? — Чувствуя, что он медлит, она добавила: — Мы одни.

Харри и хотелось и не хотелось спросить, что

она имеет в виду.

— Постараюсь быть около шести.

Как сообщил Клаус Туркильсен, мобильный Юна Карлсена находился где-то на восточной окраине Осло, в Хёугеруде или в Хёйбротене.

— Толку от этого, считай, никакого, — сказал Харри.

Примерно час он беспокойно ходил по комнатам, прислушивался к разговорам, потом надел куртку и сказал, что поедет в Концертный зал.

Незаконно припарковав машину в одной из улочек поблизости от Виктория-террасе, он прошел мимо Министерства иностранных дел, спустился по широкой лестнице на Руселёкквейен и свернул направо, к Концертному залу.

По большой открытой площадке перед стеклянным фасадом, съежившись от холода, спешили нарядно одетые люди. У подъезда стояли двое плечистых мужчин в черных пальто, с наушниками в ушах. А вдоль фасада на некотором расстоянии друг от друга шестеро полицейских в форме держали под наблюдением дрожащую публику, которая не привыкла видеть городскую полицию, вооруженную автоматами.

В одном из людей в форме Харри узнал Сиверта Фалькейда и подошел к нему:

— Я и не знал, что «Дельту» тоже подключили.

— Нас не вызывали, — сказал Фалькейд. — Я сам позвонил в оперчасть и спросил, нужна ли наша помощь. Он ведь был твоим напарником, верно?

Харри кивнул, достал из кармана пачку сигарет, предложил Фалькейду. Тот покачал головой.

— Юн Карлсен на появлялся пока?

— Нет, — ответил Фалькейд. — Когда подъедет премьер-министр, в почетную ложу мы всех подряд пускать не станем. — В эту минуту ко входу подкатили два черных автомобиля. — Кстати, вот и он.

Харри увидел, как премьер вышел из машины и его быстро препроводили к подъезду, а когда дверь открылась, успел заметить в проеме кое-кого из встречающих — широко улыбающегося Давида Экхоффа и далеко не радостную Теа Нильсен, причем оба были в форме Армии спасения.

Он закурил.

— Черт, ну и холодина, — сказал Фалькейд. — Ноги совершенно окоченели, голова тоже.

«Я тебе завидую», — подумал Харри и, докурив сигарету до половины, сказал:

— Он не придет.

— Похоже на то. Будем надеяться, что он еще не

нашел Карлсена.

— Я имею в виду Карлсена. Он понял, что игре конец.

Фалькейд посмотрел на великана-следователя, которого считал подходящим кандидатом для «Дельты», пока до него не дошли слухи о злоупотреблении алкоголем и необузданном нраве.

— Какой игре? — спросил он.

— Долго рассказывать. Пойду в зал. Если Юн Карлсен все же появится, возьмите его под стражу.

— Карлсена? — Фалькейд аж растерялся. — А как же Станкич?

Харри бросил сигарету, которая зашипела в снегу и погасла, и медленно, будто обращаясь к самому себе, проговорил:

— Н-да… в самом деле, как же Станкич?

Он сидел в полумраке, поглаживая пальцами лежащее на коленях пальто. Из динамиков струились негромкие переборы арфы. Узкие лучи точечных ламп скользили по публике — вероятно, так предполагалось создать напряженное ожидание перед началом концерта.

По передним рядам пробежало движение, когда в зал вошла группа людей, человек десять — двенадцать. Некоторые порывались встать, однако

тотчас послышался шепот, тихие голоса, и народ опять уселся. В этой стране явно не выказывали политикам подобных почестей. Вновь пришедших проводили к местам в трех рядах впереди него, которые пустовали на протяжении тех тридцати минут, что он сидел тут в ожидании.

Он приметил одного мужчину в штатском, с проводком возле уха, но полицейских в форме здесь не было. Количество полицейских снаружи опять-таки не вызывало тревоги. Он думал, их будет гораздо больше. Ведь Мартина сказала, что на концерте ожидают премьер-министра. С другой стороны, количество полицейских не имеет значения. Он же невидим. Еще более, чем обычно. Он удовлетворенно огляделся. Мужчин в смокингах много, не одна сотня. Ему уже представлялась неразбериха. И простой, но быстрый отход. Он побывал здесь накануне и наметил путь отступления. А напоследок, перед тем как войти сегодня в зал, проверил, что окна в мужском туалете не заперты. Простенькие окна легко открывались, были достаточно велики и располагались достаточно низко, чтобы в два счета вылезти на наружный карниз, а оттуда спрыгнуть вниз, на крышу одного из припаркованных автомобилей. Быстро надеть пальто и

прямиком на оживленную Хокон-VII-гате, затем две минуты сорок секунд быстрым шагом — и он на перроне станции «Национальный театр», где с двадцатиминутным интервалом курсировали поезда, следующие в аэропорт. Он сядет на тот, что отходит в 20.19. Перед тем как уйти из туалета, он сунул в карман пиджака две таблетки дезодоранта.

У входа в зал пришлось снова предъявить билет. Он с улыбкой покачал головой, когда билетерша о чем-то спросила по-норвежски и кивнула на его пальто. Взглянув на билет, она указала ему место в ложе для почетных гостей, которая представляла собой просто четыре ряда в середине зала, отмеченные красной лентой. Мартина объяснила ему, где будут сидеть Юн Карлсен и его подруга Теа.

Вот они, наконец-то. Он посмотрел на часы. Шесть минут девятого. Зал погружен в полумрак, а свет со сцены слишком яркий, чтобы разглядеть лица гостей, но тут вдруг их осветил один из подвижных точечных прожекторов. Он лишь на секунду увидел бледное страдальческое лицо, однако не сомневался: эта женщина сидела на заднем сиденье автомобиля рядом с Юном Карлсеном, тогда, на Гётеборггата.

Похоже, впереди возникла какая-то заминка, но в конце концов все расселись по местам. Он стиснул под пальто рукоять револьвера. В барабане шесть патронов. Непривычное оружие, спуск потуже, чем у пистолета, однако он весь день тренировался и освоился с этой штукой.

Точно по мановению незримой руки, в зале воцарилась тишина.

Какой-то человек в мундире вышел вперед, судя по всему, приветствовал собравшихся и сказал что-то еще, побудившее зал встать. Он тоже встал, глядя на окружающих, которые молча склонили голову. Должно быть, кто-то умер. Потом человек в мундире произнес еще несколько слов, и все сели.

Затем наконец-то поднялся занавес.

Харри стоял в темноте за кулисой, глядя, как занавес скользит вверх. Свет рампы не позволял ему видеть публику, но она была там, дышала словно огромный зверь.

Дирижер взмахнул палочкой, и хор Ословского 3-го корпуса запел псалом, который Харри слышал в храме:

Стяг спасенья развевайся,

Священный поход начался.

— Извините, — послышалось за спиной.

Харри обернулся и увидел молодую женщину в очках и наушниках.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Полиция, — ответил Харри.

— Я помощник режиссера. Будьте добры, не стойте на дороге, вы мешаете.

— Я ищу Мартину Экхофф, — сказал Харри. — Она здесь?

— Она вон там. — Помреж кивнула на хор.

Харри тотчас увидел Мартину. Она стояла в заднем ряду, на самой верхней ступеньке, и пела с серьезным, чуть ли не страдальческим выражением на лице. Словно пела об утраченной любви, а не о борьбе и победе.

Рядом с ней Рикард. В отличие от Мартины на его губах играла блаженная улыбка. И лицо сейчас, когда он пел, было совсем другим. Ни следа замкнутости и робости, глаза у парня сияли, он, похоже, всей душой верил в то, о чем пел, верил, что весь мир вместе с ними будет служить во имя Господа делу милосердия и любви к ближнему.

К своему удивлению, Харри заметил, что пение и текст не оставили слушателей равнодушными.

Когда они закончили, сорвали аплодисменты и направились за кулисы, Рикард изумленно

взглянул на Харри, однако промолчал. А Мартина, заметив его, опустила взгляд и хотела обойти его стороной, но Харри оказался проворнее и заступил ей дорогу:

— Даю тебе последний шанс, Мартина. Пожалуйста, не отвергай его.

Она тяжело вздохнула:

— Я же сказала, что не знаю, где он.

Харри схватил ее за плечи, яростно прошептал:

— Ты пойдешь под суд как соучастница. Тебе вправду хочется доставить ему такую радость?

— Радость? — Она устало улыбнулась. — Там, куда он попадет, радостей нет.

— А как же псалом, который ты только что пела? «Кто милосердья полон и грешнику подлинный друг». Это ничего не значит, пустые слова?

Она не ответила.

— Я понимаю, это ведь потруднее, чем то прощение, какое ты, любуясь собой, раздаешь в «Маяке». Беспомощный наркоман, обворовывающий безымянных людей, чтобы утолить неодолимую жажду, — разве он сравнится с прощением, дарованным человеку, действительно в нем нуждающемуся? Настоящему грешнику, которому прямая дорога в ад?

— Перестань. — В ее голосе дрожали слезы, когда она попыталась оттолкнуть его в сторону.

— Ты еще можешь спасти Юна, Мартина. Дать ему новый шанс. И себе тоже.

— Он к тебе пристает, Мартина? — спросил Рикард.

Харри сжал правую руку в кулак, приготовился, не отрывая взгляда от глаз Мартины, мокрых от слез.

— Нет, Рикард, — сказала она. — Все хорошо.

Харри, по-прежнему глядя на нее, услышал удаляющиеся шаги. Со сцены донеслись звуки гитары. Потом фортепиано. Харри узнал песню. Он слышал ее в тот вечер на Эгерторг. И по радио в Эстгоре. «Morning Song». Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

— Они оба погибнут, если ты не поможешь мне положить этому конец, — добавил Харри.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что Юн в пограничном состоянии, им движет бесконтрольная ярость. А Станкич ничего не боится.

— Хочешь внушить мне, будто изо всех сил стараешься спасти их, потому что такая у тебя работа?

— Да. И потому, что я обещал матери Стан-

кича.

— Матери? Ты говорил с его матерью?

— Я поклялся, что постараюсь спасти ее сына. Если я не остановлю Станкича сейчас, его застрелят. Как того парня на контейнерном складе. Поверь мне.

Харри посмотрел на Мартину, потом повернулся и пошел прочь. Он был уже возле лестницы, когда за спиной раздался ее голос:

— Он здесь.

Харри оцепенел.

— Что?

— Я отдала Станкичу твой билет.

В тот же миг на сцене вспыхнул свет.

Силуэты сидящих впереди резко проступили на фоне каскадов яркого света. Он съехал поглубже в кресле, осторожно поднял руку, положил короткий ствол на спинку кресла перед собой, так что свободно мог выстрелить в спину человека в смокинге, слева от Теа. Он выстрелит дважды. Потом встанет и, если надо, выстрелит в третий раз. Но уже знал, что такой нужды не будет.

Спуск вроде куда мягче, чем днем, но это из-за адреналина. Так или иначе, он больше не боялся. Спуск уступал нажиму пальца, достиг точки, где сопротивление прекращается, полмиллиметра

ничейной полосы, можно расслабиться, а палец продолжает нажим, возврата нет, теперь все отдано во власть неумолимых законов и случайностей механики.

Человек в смокинге, в спину которого скоро ударит пуля, повернулся к Теа, что-то сказал.

В ту же секунду мозг отметил две вещи: Юн Карлсен, как ни странно, в смокинге, а не в форме Армии спасения, и физическое расстояние между Теа и Юном до странности велико. В Концертном зале с громкой музыкой влюбленные склонились бы поближе друг к другу.

Мозг отчаянно пытался повернуть вспять уже начатое движение, нажим указательного пальца на спуск.

Грянул гром.

От оглушительного грохота у Харри зазвенело в ушах.

— Что? — крикнул он Мартине, стараясь перекрыть внезапный гром ударных и на миг совершенно оглохнув.

— Он сидит в девятнадцатом ряду, в трех рядах за Юном и премьер-министром. Место двадцать пятое. В середине. — Она попыталась улыбнуться, но губы слишком сильно дрожали. — Я добыла для тебя самый лучший билет, Харри.

Харри посмотрел на нее. А в следующую секунду бегом устремился прочь.

Юн Карлсен заставлял ноги двигаться к перрону Центрального вокзала в быстром темпе, но спринтером он никогда не был. Автоматические двери, испустив затяжной вздох, закрылись, и серебристый поезд, направлявшийся в аэропорт, тронулся. Опоздал. Юн со стоном поставил чемодан, скинул с плеча рюкзачок и плюхнулся на одну из дизайнерских скамеек на перроне. Черную сумку он держал на коленях. Следующий поезд через десять минут. Ничего страшного, время у него есть. Сколько угодно, целое море. Лучше бы даже иметь его чуток поменьше. Он смотрел в черный зев туннеля, откуда появится следующий поезд. Когда София ушла и он на рассвете все-таки заснул в квартире Роберта, ему приснился сон. Дурной сон, где на него неподвижно смотрел глаз Рагнхильд.

Он взглянул на часы.

Концерт уже начался. А бедняжка Теа без него, в полном недоумении. Как и все остальные, кстати говоря. Юн подышал на руки, но мороз так быстро остудил влажный воздух, что руки еще больше замерзли. Все правильно, иначе он поступить не мог. Обстоятельства осложнились,

вышли из-под контроля, оставаться здесь слишком рискованно.

Сам виноват, наделал ошибок. Ночью потерял самообладание с Софией, а ведь должен был это предвидеть. Напряжение требовало выхода. Рассвирепел он оттого, что София принимала все без слова, без звука. Только смотрела на него отрешенным, замкнутым взглядом. Как бессловесный жертвенный агнец. И он ударил ее по лицу. Кулаком. Кожа на костяшках пальцев лопнула, и он ударил снова. Сглупил. Чтобы не видеть, прижал ее лицом к стене и только после эякуляции сумел успокоиться. Слишком поздно. Глянув на нее, когда она уходила, он понял, что на сей раз объяснениями вроде «налетела на дверь» или «упала, поскользнувшись на льду» родители не удовольствуются.

Второй причиной, принудившей его к отъезду, стал вчерашний безмолвный звонок. Он проверил, откуда звонили. Оказалось, из загребской гостиницы. Из «Интернационаля». Непонятно, каким образом они выяснили номер его мобильника, он же нигде не зарегистрирован. Зато понятно, что́ это означает: хотя Роберт мертв, они считают заказ невыполненным. У него-то был совсем другой расчет, и он недоумевал. Возможно,

они пошлют в Осло нового исполнителя. Стало быть, надо уезжать.

Билет он купил в спешке — до Бангкока, через Амстердам. На имя Роберта Карлсена. Как и тот, по которому в октябре летал в Загреб. И как и тогда, в кармане у него лежал загранпаспорт брата, выданный десять лет назад. Сходство между ним и человеком с паспортной фотографии отрицать невозможно. А что за десять лет внешность молодого человека претерпевает изменения, пограничникам на паспортном контроле объяснять не надо.

Купив билет, он съездил на Гётеборггата, собрал чемодан и рюкзак. До отлета оставалось еще десять часов, поэтому надо отсидеться в укрытии. И он спрятался в одной из армейских «частично меблированных» квартир в Хёугеруде, от которой у него были ключи. Квартира эта уже два года пустовала, пострадала от протечек; всей мебели — диван с креслом, где набивка на спинке сбилась комками, да кровать с испещренным пятнами матрацем. Именно сюда он приказал Софии являться каждый вторник, в шесть вечера. Кой-какие пятна оставлены ею. А кой-какие им, когда он сидел тут в одиночестве. И тогда все время думал о Мартине. Это было точно го-

лод, утоленный всего лишь раз, и с той поры он непрерывно искал тогдашнее ощущение. И только теперь наконец нашел, с пятнадцатилетней девочкой-хорваткой.

Потом однажды осенью к нему явился возмущенный Роберт и сказал, что София все ему выложила. Юн так рассвирепел, что еле-еле сумел сдержаться.

Все это до ужаса… унизительно. Как в тот раз, когда отец, обнаружив на простыне пятна от семени, выпорол его, тринадцатилетнего мальчишку, ремнем.

А когда Роберт пригрозил рассказать обо всем армейскому руководству, если хоть раз увидит его поблизости от Софии, Юн понял, что ему остается только одно. И имел в виду вовсе не отказ от встреч с Софией. Потому что ни Роберту, ни Рагнхильд, ни Теа не понять, что одно лишь это давало ему избавление и огромное удовлетворение. Через несколько лет София станет слишком взрослой, придется искать другую. Но до поры до времени она будет его маленькой принцессой, светом его души и огнем чресл, — такой была Мартина, когда магия впервые свершилась той ночью в Эстгоре.

Перрон заполнялся людьми. Может, все и обой-

дется. Может, следует выждать неделю-другую и вернуться. К Теа. Он достал телефон, отыскал ее номер и отстучал эсэмэску: «Отец заболел. Вечером вылетаю в Бангкок. Завтра позвоню».

Отослал сообщение, хлопнул ладонью по черной сумке. Пять миллионов крон в долларах. Отец обрадуется: наконец можно будет выплатить долг и стать свободным. «Я беру на себя грехи ближних. Несу им избавление».

Он смотрел в туннель, в черную глазницу. 20.18. Где поезд?

Где Юн Карлсен? Глядя на спины впереди, он медленно опустил револьвер. Палец подчинился, соскользнул со спускового крючка. Лучше не думать, насколько близок он был к тому, чтобы выстрелить. Но теперь он знает точно. Юна Карлсена здесь нет. Не пришел он. Вот почему, когда они там рассаживались, возникла заминка.

Музыка стала спокойнее, щетки шуршали по барабанам, гитарист легонько перебирал струны.

Он увидел, как подруга Юна Карлсена нагнулась, как плечи ее шевельнулись, будто она что-то искала в сумке. На секунду-другую замерла с опущенной головой. Потом встала, он следил, как она порывисто, нетерпеливо пробиралась между

рядами людей, которые вставали, пропуская ее. И в ту же минуту сообразил, что надо делать.

— Excuse me, — сказал он и встал, не обращая внимания на укоризненные взгляды людей, которые с деланым усилием и вздохами поднимались на ноги.

Он думал только об одном: последняя возможность достать Юна Карлсена — как можно скорее покинуть зал.

Очутившись в фойе и услышав, как обитая дверь закрылась и музыка вмиг оборвалась, он тотчас замер. Девушка ушла недалеко. Стояла у колонны посреди фойе, с телефоном в руках, набирала сообщение. Двое мужчин в костюмах разговаривали у другой двери зала, а две гардеробщицы с отсутствующим видом сидели на стульях за стойкой. Он проверил: пальто по-прежнему укрывало револьвер — и уже хотел направиться к девушке, как вдруг услыхал справа топот бегущих ног. Повернулся и успел увидеть долговязого мужчину с лицом в красных жилках и широко раскрытыми глазами, который мчался прямо к нему. Харри Холе. Черт, время упущено, пальто помешает направить револьвер на полицейского. Он отпрянул к стене, когда рука полицейского схватила его за плечо, и совершен-

но растерялся, когда Холе рванул на себя дверь зала и исчез внутри.

Он уткнулся головой в стену, крепко зажмурился. А когда медленно выпрямился, увидел, что девушка, переминаясь с ноги на ногу, прижимает к уху телефон, а на лице у нее написано отчаяние. Он шагнул вперед, стал прямо перед ней, слегка отодвинул пальто, чтобы она увидела револьвер, и медленно, отчетливо произнес:

— Please come with me[58]. Или мне придется убить вас.

Он увидел, как ее глаза почернели, когда зрачки расширились от страха; телефон упал на пол.

Продолжая звонить, телефон с коротким стуком упал на рельсы. За мгновение до того, как увидел на дисплее номер Теа, он подумал, что звонит тот же, кто вчера вечером молчал в трубку. Это наверняка была женщина, хоть и не сказала ни слова, сейчас он уже не сомневался. Она, Рагнхильд. Стоп! В чем дело? Он сходит с ума? Надо сосредоточиться на дыхании. Ни в коем случае нельзя терять над собою контроль.

Он изо всех сил стиснул черную сумку, меж тем как к перрону подходил поезд.

---

[58] Примечания: 58
Прошу вас, идемте со мной *(англ.)*.

Двери со вздохом скользнули в стороны, он вошел в вагон, поставил чемодан в багажную стойку, нашел свободное место.

Пустое кресло зияло, словно дыра от выбитого зуба. Харри всматривался в лица по обе стороны от этого кресла, но они были слишком старые, слишком молодые или не того пола. Вернувшись к первому креслу девятнадцатого ряда, он присел на корточки подле седовласого старика:

— Полиция. Мы…

— Что? — громко переспросил старик, поднеся ладонь к уху.

— Полиция, — тоже громко повторил Харри. Он заметил, что чуть впереди мужчина с проводком возле уха встрепенулся и заговорил, наклонясь к лацкану пиджака. — Мы ищем человека, который, по-видимому, сидел в середине этого ряда. Вы не видели, кто-нибудь выходил?

— Что?

Пожилая дама, судя по всему спутница старика, наклонилась к Харри:

— Он только что вышел. Из зала. Прямо посреди песни… — Последние слова она произнесла таким тоном, будто решила, что именно поэтому полиция его и разыскивает.

Харри бегом метнулся обратно к двери, распах-

нул ее, промчался через фойе и вниз по лестнице в вестибюль, к выходу. Увидел снаружи спину в форменной куртке и еще с лестницы крикнул:

— Фалькейд!

Сиверт Фалькейд обернулся, увидел Харри и открыл дверь.

— Вот только что тут не выходил мужчина?

Фалькейд покачал головой.

— Станкич в здании, — сказал Харри. — Поднимай тревогу.

Фалькейд кивнул, поднес ко рту лацкан куртки.

Харри поспешил назад, в фойе, заметил на полу маленький красный мобильник и спросил у гардеробщиц, не выходил ли кто из зала. Они посмотрели друг на друга и хором ответили «нет». Он спросил, есть ли другие выходы, кроме лестницы.

— Только запасный, — сказала одна.

— Да, но дверь там громко хлопает, мы бы слышали, — добавила другая.

Харри стал у дверей зала, скользнул взглядом слева направо, пытаясь прикинуть, как можно уйти. Если на сей раз Мартина сказала правду, то здесь в самом деле был Станкич? И немедля сообразил, что она не лгала. Сладкий запах еще висел

в воздухе. Парень, на которого он едва не налетел у входа в зал. А еще сообразил, как он ушел.

Когда Харри распахнул дверь мужского туалета, навстречу хлынул ледяной воздух из открытого окна. Он прошел к окну, посмотрел вниз, на карниз и на парковку, хлопнул ладонью по подоконнику:

— Черт! Черт!

Какой-то звук в одной из туалетных кабинок.

— Алло! — окликнул Харри. — Кто здесь?

В ответ вода в писсуаре со злобным бульканьем ушла в сток.

И снова этот звук. Вроде всхлипа. Харри глянул на дверцы — на одной красный сигнал «занято». Он лег на пол и, увидев ноги в туфлях-лодочках, крикнул:

— Полиция! У вас все в порядке?

Всхлипывания смолкли.

— Он ушел? — спросил дрожащий женский голос.

— Кто?

— Он сказал, чтобы я сидела тут пятнадцать минут.

— Ушел.

Дверца открылась. Теа Нильсен сидела на полу, между унитазом и стеной, макияж растекся по

лицу.

— Он грозил убить меня, если я не скажу, где Юн, — сквозь слезы проговорила она, будто просила прощения.

— И что вы ему сказали? — спросил Харри, помогая ей подняться и сесть на крышку унитаза.

Она захлопала глазами.

— Теа, что вы ему сказали?

— Юн прислал эсэмэску. — Отсутствующим взглядом она смотрела на стену туалета. — Написал, что его отец заболел и что вечером он улетает в Бангкок. Представляете? Именно сегодня вечером.

— В Бангкок? Вы сказали об этом Станкичу?

— Сегодня вечером мы должны были встречать премьер-министра. — По щеке Теа скатилась слезинка. — А он даже на мой звонок не ответил…

— Теа! Вы сказали Станкичу, что Юн вечером улетает?

Она кивнула, как лунатик, будто это совершенно ее не касалось.

Харри вышел в фойе, где Мартина и Рикард разговаривали с человеком, в котором он узнал одного из телохранителей премьер-министра.

— Отбой! — громко сказал Харри. — Станкича в здании уже нет!

Все трое обернулись к нему.

— Рикард, там ваша сестра, будьте добры, позаботьтесь о ней. А вас, Мартина, прошу со мной.

Не дожидаясь ответа, он подхватил девушку под руку, ей пришлось чуть ли не бежать вместе с ним по лестнице к выходу.

— Куда мы? — спросила она.

— В аэропорт.

— А я-то зачем?

— Будешь моими глазами, дорогая Мартина. Высмотришь для меня невидимку.

Он всматривался в свое отражение в окне вагона. Лоб, нос, щеки, рот, подбородок, глаза. Старался понять, в чем секрет. Но ничего особенного над красной шейной косынкой не углядел, только бесстрастное лицо, глаза да волосы, такие же черные на фоне стен туннеля между Центральным вокзалом и Лиллестрёмом, как ночь за окном.

Глава 33
Вторник, 22 декабря. Самый короткий день

Ровно за две минуты тридцать восемь секунд Харри с Мартиной добежали от Концертного зала до перрона станции «Национальный театр», где еще через две минуты сели на скорый поезд, который шел в Лиллехаммер с остановкой на ословском Центральном вокзале и в аэропорту. Конечно, электричкой быстрее, зато ждать не пришлось. Они заняли последние два свободных места в вагоне, полном солдат, едущих домой на рождественскую побывку, и студенческих компаний в колпаках рождественских гномов, с пакетами вина.

— Что происходит? — спросила Мартина.

— Юн в бегах, — коротко ответил Харри.

— Он знает, что Станкич жив?

— Юн бежит не от Станкича, а от нас. Знает, что изобличен.

Мартина смотрела на него широко открытыми глазами:

— В чем изобличен?

— Толком не знаю, с чего начать.

Поезд подъехал к перрону Центрального вокзала. Харри выглянул наружу — ни следа Юна Карлсена.

— Началось с того, что Рагнхильд Гильструп предложила Юну два миллиона крон, чтобы он помог Гильструпам купить часть армейской недвижимости, — сказал он. — Юн отверг ее предложение, так как не верил, что она будет молчать. Однако же за ее спиной связался напрямую с Мадсом и Албертом Гильструпами. Потребовал пять миллионов и поставил условие: Рагнхильд не должна знать об этом. Они согласились.

Мартина открыла рот от изумления:

— Откуда тебе это известно?

— После смерти Рагнхильд Мадс Гильструп не выдержал, сломался. И решил разоблачить весь этот сговор. Он позвонил в полицию по номеру, указанному на визитной карточке Халворсена. Халворсен не ответил, но Мадс оставил сообщение на ответчике. И несколько часов назад я его прослушал. В частности, он говорит, что Юн потребовал заключить письменный договор.

— Юн любит порядок, — тихо сказала Мартина.

Поезд отошел от станции, мимо дома началь-

ника вокзала, покатил по серым восточным районам, мимо задних дворов, разбитых велосипедов, бельевых сушилок с пустыми веревками, закопченных окон.

— Но при чем здесь Станкич? — спросила Мартина. — Кто заказал Юна? Мадс Гильструп?

— Нет.

Поезд нырнул в черное ничто туннеля, и в темноте голос ее был едва внятен за перестуком колес:

— Рикард? Только не говори, что Рикард…

— Почему ты решила, что это Рикард?

— В ту ночь, когда Юн меня изнасиловал, именно Рикард нашел меня в уборной. Я сказала, что споткнулась впотьмах и упала, но видела, что он не поверил. Он помог мне добраться до кровати, никого не разбудив. И хотя он никогда ничего не говорил, меня не оставляло ощущение, что он видел Юна и понял, что произошло.

— Хм, вот, значит, почему он так тебя защищает. Видно, любит по-настоящему.

Она кивнула.

— Наверно, потому-то я… — И осеклась.

— Да?

— Потому я и не хочу, чтобы заказчиком оказался он.

— Ну что ж, твое желание исполнено. — Харри посмотрел на часы. Через пятнадцать минут они будут в аэропорту.

Мартина в смятении взглянула на него:

— Ты… ты ведь не хочешь сказать…

— Что?

— Ты не хочешь сказать, что отец знал об изнасиловании? И что он… он…

— Нет, твой отец здесь ни при чем. Убийство Юна Карлсена заказал…

Внезапно поезд вынырнул из туннеля — черное звездное небо раскинулось над белой сверкающей землей.

— …сам Юн Карлсен.

Женщина в форме авиакомпании САС улыбнулась, блеснув отбеленными зубами, протянула Юну билет и нажала кнопку перед собой. Над головой звякнул звонок, и следующий клиент устремился к турникету, выставив перед собой, точно мачете, талончик с номером очереди.

Юн повернулся лицом к огромному залу отлетов. Он бывал здесь раньше, но никогда не видел столько народу, как сейчас. Гул голосов, шагов, радиообъявлений поднимался к высокому, как в церкви, своду. Полная надежд какофония, мешанина языков, обрывки непонятных фраз.

Домой к Рождеству. Прочь отсюда к Рождеству. Недвижные очереди на регистрацию, словно сытые удавы, извивались между ограждениями.

Дыши, твердил он себе. Время есть. Они ничего не знают. Пока не знают. А может, вообще не узнают. Он стал за пожилой дамой и, когда очередь продвинулась сантиметров на двадцать, нагнулся, помог даме переставить чемодан. Она обернулась, благодарно посмотрела на него, и он разглядел, что кожа у нее тонкая, бледная, как у мертвеца, туго обтягивающая череп.

Он улыбнулся в ответ, и дама наконец-то отвернулась. Но в гуле голосов живых людей ему все время слышался ее крик. Невыносимый, нескончаемый крик, пытающийся заглушить рев электромотора.

Когда очутился в больнице и узнал, что полиция обыскивала его квартиру, он подумал, что они могли найти в ящике его договор с «Гильструп инвест». Тот, который гласил, что Юн получит пять миллионов крон, если Руководящий совет одобрит сделку, и был подписан Албертом и Мадсом Гильструпами. Поэтому, когда полиция отвезла его на квартиру Роберта, он рванул на Гётеборггата забрать этот документ. И там застал Рагнхильд. Она не слышала его, потому что вклю-

чила пылесос. И сидела с договором в руках. Она увидела. Увидела его грехи, как мать увидела на простыне пятна семени. И, как и мать, Рагнхильд унизит его, уничтожит, расскажет всем. Расскажет отцу. Она не должна видеть. Он отнял у нее глаза, думал Юн. Но она по-прежнему кричит.

— Попрошайки милостыню не отвергают, — сказал Харри. — Такова природа вещей. Я понял это в Загребе. Вернее, меня вдруг осенило. Когда мне вдогонку бросили норвежскую двадцатикроновую монету. Я смотрел, как она волчком вертелась на полу, и вдруг вспомнил, что накануне наши оперативники глубоко в снегу возле углового магазина на Гётеборггата нашли хорватскую монету. Они автоматически связали ее со Станкичем, который уходил этим путем, когда Халворсен истекал кровью выше по улице. Я по натуре скептик, а уж когда смотрел в Загребе на ту монету, мне показалось, какая-то высшая сила нарочно кое-что демонстрировала. Когда я впервые встретил Юна, попрошайка бросил ему вдогонку монету. Помню, я тогда удивился: попрошайка отверг подаяние. А вчера разыскал этого попрошайку в Дайкманской библиотеке и показал ему монету, найденную оперативниками. Он подтвердил, что швырнул вслед Юну

заграничную монету, вполне возможно эту самую. Пожалуй, впрямь именно ее.

— Так Юн, наверно, бывал в Хорватии. Разве нельзя?

— Можно, конечно. Странно только, что, по его словам, он никогда в жизни не бывал за границей дальше Дании и Швеции. Я справился в паспортной службе, и действительно, загранпаспорт Юну Карлсену не выдавали. Зато десять лет назад был выдан паспорт на имя Роберта Карлсена.

— Может быть, Юн получил монету от Роберта?

— Ты права. Монета ничего не доказывает. Но она заставляет меня пораскинуть мозгами. Что, если Роберт в Загреб не летал? Что, если там побывал сам Юн? У Юна были ключи от всех квартир, какие Армия спасения сдает внаем, в том числе и от квартиры Роберта. Что, если он украдкой взял паспорт брата, поехал под его именем в Загреб, а там, опять-таки выдав себя за Роберта Карлсена, заказал убийство Юна Карлсена? Но изначально планировал убить Роберта.

Мартина задумчиво рассматривала свой ноготь.

— Но если Юн хотел убить Роберта, то почему заказал собственное убийство?

— Чтобы создать себе идеальное алиби. Даже если Станкич будет схвачен и сознается, сам Юн останется вне подозрений. То, что как раз в этот день Юн и Роберт поменялись дежурствами, предстанет как роковая случайность. Станкич просто выполнял свои инструкции. Когда же Станкич и Загреб задним числом обнаружат, что убили заказчика, у них не будет причин выполнять задание и убивать Юна. Счет-то оплачивать некому. Вообще план прямо-таки гениальный. Юн мог наобещать Загребу любую сумму, какую там запросят, ведь расчетный адрес перестанет существовать. Как и единственный человек, который мог доказать, что в тот день в Загребе был не Роберт Карлсен, и, вероятно, мог бы представить алиби на момент заказа, — Роберт Карлсен. План являл собой логически замкнутый круг с программой самоликвидации, иллюзия змеи, кусающей собственный хвост, саморазрушающаяся конструкция, полностью исчезающая по выполнении задачи, не оставляя зацепок.

— Порядок превыше всего, — сказала Мартина.

Двое студентов затянули застольную песню, для пробы на два голоса, под аккомпанемент громкого храпа одного из солдат.

— Но почему? — спросила Мартина. — Почему

ему понадобилось убивать Роберта?

— Потому что Роберт был угрозой. По словам капрала Руэ, Роберт грозил «уничтожить» Юна, если тот опять приблизится к некой женщине. Сначала я думал, что речь шла о Теа. Но ты права, Роберт не питал к ней особых чувств. Юн утверждал, будто брат с ума сходил по этой девушке, чтобы впоследствии все выглядело так, словно у Роберта был мотив желать ему смерти. Но Роберт имел в виду не Теа, а Софию Михолеч. Пятнадцатилетнюю хорватку, которая сегодня все мне рассказала. О том, что Юн регулярно принуждал ее к сексу, угрожая вышвырнуть ее семью из армейской квартиры и из страны, если она станет артачиться или кому-нибудь скажет. Но когда забеременела, она обратилась к Роберту, который помог ей и обещал остановить Юна. К сожалению, Роберт не пошел ни прямо в полицию, ни к руководству Армии спасения. Видимо, считал, что это семейная проблема, и не хотел выносить сор из избы. Как я понимаю, у вас в Армии спасения так принято.

Мартина смотрела на заснеженный ночной пейзаж, призрачно мелькавший за окном.

— Таков был план, — сказала она. — И что же пошло насмарку?

— То же, что и всегда, — ответил Харри. — Погода.

— Погода?

— Если бы загребский рейс в тот вечер не отложили из-за снегопада, Станкич улетел бы домой и уже там узнал бы, что, к сожалению, убил заказчика, тем бы все и кончилось. Но Станкич поневоле задерживается в Осло на ночь и обнаруживает, что убил не того человека. Но он не знает, что Роберт Карлсен назван им как заказчик, и продолжает охоту.

Из динамика послышалось:

— Аэропорт Гардермуэн, платформа справа.

— И теперь ты будешь ловить Станкича?

— Это моя работа.

— Ты его убьешь?

Харри посмотрел на нее с немым вопросом.

— Он же убил твоего товарища.

— Это он тебе сказал?

— Я сказала, что вообще ничего знать не хочу, и он ничего мне не рассказывал.

— Я полицейский, Мартина. Мы берем людей под стражу, а приговор выносит суд.

— Вот как? Почему же ты в таком случае не поднял всех по тревоге? Почему не предупредил полицию в аэропорту, почему сюда не мчится

этот ваш спецназ с включенными сиренами? Почему здесь один ты?

Харри не ответил.

— Ты даже не рассказал никому все то, что рассказал мне, верно?

За окном возникли гладкие серые стены станционного зала.

— Наша остановка, — сказал он.

Глава 34
Вторник, 22 декабря. Распятие

Между Юном и стойкой регистрации оставался всего один человек, и тут он почуял. Сладковатый мыльный запах, о чем-то смутно напомнивший. О чем-то совсем недавнем. Он закрыл глаза, напрягая память.

— Следующий, пожалуйста!

Юн ринулся вперед, поставил чемодан и рюкзак на транспортер, а билет и паспорт положил на стойку перед загорелым мужчиной в белой форменной рубашке.

— Роберт Карлсен, — прочитал тот и взглянул на Юна, который утвердительно кивнул. — Два места. А это ручная кладь? — Он сделал жест в сторону черной сумки.

— Да.

Мужчина полистал билет и паспорт, пробежался пальцами по клавиатуре, и скрипучий принтер выплюнул бумажные ленты, сообщавшие, что багаж следует в Бангкок. И в этот миг Юн вспомнил, откуда ему знаком этот запах. Секунда в дверном проеме его квартиры, последняя

секунда, когда он чувствовал себя в безопасности. Человек, стоявший на площадке, сказал по-английски, что должен кое-что сообщить, а затем поднял черный пистолет. Усилием воли он подавил желание обернуться.

— Счастливого пути, Карлсен, — сказал мужчина за стойкой с мимолетной улыбкой, протягивая ему билет и паспорт.

Юн торопливо направился к очередям перед контролем безопасности. Пряча билет во внутренний карман, быстро глянул назад.

Он посмотрел на него в упор. И на миг в голове мелькнула безумная мысль, что Юн Карлсен узнал его, но взгляд Юна уже скользнул прочь. Правда, вид у Карлсена испуганный, и это внушает тревогу.

Он чуть-чуть опоздал захватить Юна Карлсена у стойки регистрации. А теперь надо спешить, так как тот уже стал в очередь к контролю безопасности, где все и вся просвечивали и револьвер неминуемо обнаружат. Необходимо все закончить по эту сторону.

Глубоко вздохнув, он расслабил пальцы, обхватившие рукоять оружия.

По обыкновению, больше всего ему хотелось застрелить объект прямо здесь и сейчас. Но даже

если удастся скрыться в толпе, аэропорт закроют, проверят документы поголовно у всех пассажиров, и он не только не попадет на копенгагенский рейс, который вылетает через сорок пять минут, но и угодит на ближайшие двадцать лет за решетку.

Он зашагал следом за Юном Карлсеном, глядя ему в спину. Действовать надо быстро и решительно: подойти к нему, ткнуть револьвером в ребра и предъявить ультиматум, коротко и ясно. Затем спокойно провести его через суматоху зала отлетов на крытую парковку, укрыться за автомобилем, выстрел в голову, труп под машину, выбросить револьвер до контроля безопасности, выход 32, рейс на Копенгаген.

Он уже начал вытаскивать револьвер и был в двух шагах от Юна Карлсена, когда тот неожиданно вышел из очереди и быстрым шагом направился в другой конец зала. Do vraga! Он повернулся и двинул следом, заставляя себя не бежать и мысленно повторяя: он тебя не видел.

Юн твердил себе: бежать никак нельзя, ведь сразу станет ясно, что он понял, что раскрыт. Он не узнал противника в лицо, но этого и не требовалось. На нем была красная косынка. Спускаясь по лестнице в зал прилетов, Юн чувствовал, как

обливается потом. Внизу он свернул в противоположную сторону, а очутившись вне поля зрения тех, кто на лестнице, сунул сумку под мышку и побежал. Лица встречных людей проносились мимо, с пустыми глазницами Рагнхильд и ее нескончаемым криком. Он сбежал вниз по другой лестнице, и внезапно люди исчезли, он был один, вокруг только промозглый холодный воздух да эхо его собственных шагов в широком коридоре, плавно уходящем вниз. Понятно, коридор ведет на парковку. Он помедлил. Глянул в черный глаз камеры наблюдения, словно ожидая ответа. Дальше впереди светилась табличка над дверью, словно его собственное изображение: мужчина, стоящий по стойке «смирно». Укрытие. Неприметное. Можно там запереться. И выйти только перед самым отлетом.

Он услышал гулкий отзвук быстрых, приближающихся шагов. Бросился к туалету, открыл дверь, вошел. Туалет сиял белым светом — именно так он представлял себе небеса, отверзающиеся перед умирающим. Учитывая, что туалет находился на отшибе, размеры его были непомерно велики. Пустые ряды белых раковин выстроились в ожидании по одну сторону, по другую — такой же белый ряд кабинок. Дверь за спиной закрылась,

замок с легким металлическим щелчком вошел в гнездо.

В тесной комнате охраны ословского аэропорта воздух был неприятно жаркий и сухой.

— Вон он, — сказала Мартина.

Харри и двое охранников на стульях сначала посмотрели на нее, потом на сплошную стену мониторов, куда она показывала.

— Который? — спросил Харри.

— Этот. — Мартина шагнула ближе к монитору, на котором виднелся безлюдный коридор. — Я видела, как он прошел. И совершенно уверена: это он.

— Камера установлена в коридоре, ведущем на парковку, — сказал один из охранников.

— Спасибо. Дальше я один, — сказал Харри.

— Погодите, — возразил охранник. — Здесь международный аэропорт, и, кроме полицейского удостоверения, необходимо разрешение…

Он осекся. Харри вытащил из-за пояса револьвер:

— Полагаю, этого пока достаточно? — Ответа он ждать не стал.

Юн слышал, что кто-то зашел в туалет. Но теперь доносился только шум воды в белых кап-

левидных раковинах за дверцей кабинки, где он заперся.

Он сидел на крышке унитаза. Сверху кабинки открытые, а внизу дверь доходит до самого пола, поэтому ноги подбирать незачем.

Шум воды утих, послышалось журчание.

Кто-то мочился.

Первая мысль: это не Станкич, не может человек быть настолько хладнокровным, чтобы мочиться перед убийством. Затем он подумал, что отец Софии, наверно, не лгал, когда рассказывал о Маленьком Спасителе, которого можно задешево нанять в загребской гостинице «Интернациональ»: он не знает страха.

Юн отчетливо услыхал негромкий треск застегиваемой молнии и снова водяной оркестр в белом фаянсе.

Затем, как по мановению дирижерской палочки, все стихло, и тотчас послышалось журчание воды из крана. Человек мыл руки. Тщательно. Завернул кран. Снова шаги. Легкий щелчок двери. Металлический.

В кабинку постучали.

Три раза, слегка, но чем-то твердым. Стальным.

Кровь отхлынула от головы. Он не шевелился,

закрыл глаза и затаил дыхание. Но сердце билось. Где-то он читал, что у некоторых животных ухо улавливает стук сердца перепуганной жертвы, так они ее и находят. Не считая биения сердца, абсолютная тишина. Он крепко зажмурил глаза и подумал, что если сосредоточится, то увидит сквозь потолок холодное, ясное звездное небо, увидит незримую, но успокаивающую логику и план планет, увидит смысл целого.

И тут грянул неизбежный шум.

В лицо ударила волна воздуха, и на миг он подумал, что это от выстрела. Осторожно открыл глаза. На месте замка торчали щепки. Перекошенная дверь висела на одной петле.

Человек перед ним распахнул пальто, под которым был черный смокинг и рубашка, такая же ослепительно белая, как стены за его спиной. На шее красный шелковый шарфик.

Одет к празднику, подумал Юн.

Он втянул в легкие запах мочи и свободы, глядя на скорченную фигуру в кабинке. Неуклюжий, страшно перепуганный парень, дрожащий в ожидании смерти. В других обстоятельствах он бы спросил себя, что мог натворить этот человек с тусклыми голубыми глазами. Но на этот раз он знал. И впервые с тех пор, как за рождественским

обедом ликвидировал отца Джорджи, он испытает удовлетворение. И ему больше не страшно.

Не опуская револьвер, он взглянул на часы. До отлета тридцать пять минут. Он видел камеру слежения в коридоре. Значит, и на парковке тоже есть камеры. Дело надо делать здесь. Вытащить его из этой кабинки, затолкать в другую, застрелить, запереть кабинку изнутри, перелезть через стенку и уйти. Юна Карлсена не найдут, пока аэропорт не закроется на ночь.

— Get out![59] — скомандовал он.

Юн Карлсен сидел словно в трансе и не шевелился. Он взвел курок, прицелился. Юн Карлсен медленно вышел из кабинки. Остановился. Открыл рот.

— Полиция. Опусти оружие.

Харри, сжимая обеими руками револьвер, целился в спину человека в красном шелковом шарфике; дверь за спиной закрылась с металлическим щелчком.

Человек не опустил револьвер, по-прежнему метил в голову Юна Карлсена. Он сказал по-английски, со знакомым выговором:

— Hello, Harry. У вас удобная визирная линия?

---

[59] Примечания: 59
Выходи! *(англ.)*

— Превосходная, — ответил Харри. — Прямо тебе в затылок. Опусти оружие, я сказал.

— А откуда мне знать, что вы вооружены, Харри? Револьвер-то ваш у меня.

— У меня тот, что принадлежал коллеге. — Харри видел, как палец лег на спуск. — Джеку Халворсену. Которого ты зарезал на Гётеборг-гата.

Человек перед ним оцепенел.

— Джеку Халворсену, — повторил Станкич. — Почему вы решили, что это был я?

— Твоя ДНК в рвоте. Твоя кровь на его пальто. И свидетель, который стоит перед тобой.

Станкич медленно кивнул:

— Понимаю. Я убил вашего коллегу. Но если вы так думаете, то почему еще не пристрелили меня?

— Потому что мы разные, ты и я, — сказал Харри. — Я не убийца, а полицейский. Так что, если ты сейчас положишь револьвер, я заберу только половину твоей жизни. Ровно двадцать лет. Выбирай, Станкич. — Мышцы плеч у Харри уже начали болеть.

— Tell him![60]

---

[60] Примечания: 60
Расскажи ему! *(англ.)*

Харри понял, что Станкич крикнул это Юну, только когда Юн как бы очнулся.

— Tell him!

Кадык у Юна ходил вверх-вниз, точно поплавок.

— Юн? — сказал Харри.

— Я не могу…

— Он вас застрелит, Юн. Говорите.

— Не знаю, чего вам от меня надо…

— Послушайте, Юн. — Харри не сводил глаз со Станкича. — Ни одно слово, сказанное вами под дулом револьвера, нельзя использовать в суде против вас. Понимаете? Как раз сейчас вы ничего не теряете.

Твердые гладкие стены помещения отозвались неестественно резким и громким эхом движущихся металлических деталей и пружин, когда человек в смокинге взвел курок.

— Подождите! — Юн выставил руки вперед. — Я все расскажу.

Через плечо Станкича он перехватил взгляд полицейского. И понял, что тот все знает. Возможно, уже давно. Полицейский прав: он ничего не теряет. Что бы ни сказал, против него это не используешь. А самое странное — он хотел рассказать. По сути, только этого и хотел.

— Мы стояли возле машины и ждали Теа, — начал Юн. — Полицейский слушал сообщение с автоответчика. Я уловил, что оно от Мадса. И все понял, когда полицейский сказал, что это признание и ему надо связаться с вами. Понял, что меня вот-вот изобличат. У меня был Робертов складной нож, и я среагировал инстинктивно.

Он воочию видел, как пробовал заблокировать руки полицейского за спиной, но тот сумел высвободить одну и прикрыть горло. Юн пырял и пырял ножом эту руку, но до шейной артерии добраться не мог. В ярости он швырял полицейского из стороны в сторону, как тряпичную куклу, и все пырял, пырял, пока нож не вошел в грудь, тут полицейский судорожно вздохнул и обмяк. Он поднял с земли его мобильник, сунул в карман. Оставалось нанести последний удар.

— Но Станкич помешал? — спросил Харри.

Юн уже взмахнул ножом, чтобы перерезать бесчувственной жертве горло, когда услышал крик на чужом языке, поднял голову и увидел, что к ним бежит человек в синей куртке.

— У него был пистолет, и мне пришлось бежать, — сказал Юн, чувствуя, как признание очищает его, освобождает от бремени. Увидел, как Харри кивнул, увидел, что белокурый ве-

ликан понял его. И так растрогался, что горло перехватило от слез, когда он продолжил: — Он выстрелил, когда я вбежал в подъезд. И чуть не попал. Чуть меня не убил, Харри. Он сумасшедший киллер. Вы должны застрелить его, Харри. Мы должны схватить его, вы и я… мы…

Он увидел, как Харри медленно опустил револьвер и сунул его за пояс брюк.

— Что… что вы делаете, Харри?

Великан-полицейский застегнул пальто.

— Ухожу в рождественский отпуск, Юн. Спасибо за рассказ.

— Харри! Подождите…

Уверенность в том, что сейчас произойдет, за секунду-другую высушила его горло и рот, он с трудом выдавил:

— Мы можем поделить деньги, Харри. Слушайте, можно ведь поделить на троих. И никто ничего не узнает.

Но Харри уже повернулся и по-английски сказал Станкичу:

— Думаю, в сумке достаточно денег, чтобы многие из «Интернационаля» построили дома в Вуковаре. А мама твоя, возможно, пожертвует немного апостолу в соборе Святого Стефана.

— Харри! — Крик Юна звучал как предсмерт-

ный крик. — Все люди заслуживают нового шанса, Харри!

Полицейский, уже взявшись за ручку двери, остановился.

— Загляни в свое сердце, Харри. Ты наверняка найдешь частицу прощения!

— Проблема в том… — Харри потер подбородок. — Я прощением не занимаюсь.

— Что? — Юн опешил.

— Спасение, Юн. Избавление. Вот мое дело. Мое тоже.

Когда Юн услышал, как дверь за Харри с металлическим щелчком закрылась, увидел, как человек в смокинге поднял револьвер, и уставился в черную глазницу дула, ужас обернулся физической болью, и он уже не понимал, кто кричит — Рагнхильд, он сам или кто-то другой. Но перед тем как пуля пробила ему лоб, Юн Карлсен сформулировал вывод, к которому шел долгие годы сомнений, стыда и отчаянных молитв: ни криков, ни молитв никто не слышит.

Часть пятая
Эпилог

Глава 35
Вина

Харри вышел из подземки на Эгерторг. Настал малый сочельник[61], и народ спешил мимо в поисках последних подарков. И все же казалось, на город уже снизошел рождественский покой. Об этом свидетельствовали лица людей, улыбавшихся удовлетворенно, поскольку они успешно завершили подготовку к Рождеству, или же устало и смиренно. Мужчина в комбинезоне-дутике медленно прошагал мимо, покачиваясь, усмехаясь и выпуская из круглых розовых щек морозный пар. Правда, заметил Харри и лицо, полное отчаяния. Бледная женщина в тонкой черной кожаной куртке с дырой на локте, переминаясь с ноги на ногу, стояла у стены возле мастерской часовщика.

Молодой человек за прилавком оживился при виде Харри, поспешил отпустить клиента, которым занимался, и исчез в подсобке. Вернулся он с дедовскими часами, гордо положил их на прилавок.

---

[61] Примечания: 61
23 декабря.

— Ходят! — сказал Харри, приятно удивленный.

— Все можно починить, — ответил молодой человек. — Только заводите аккуратно, не перетягивайте пружину. Механизм — штука чувствительная. Попробуйте завести, сами почувствуете.

Харри принялся заводить часы, ощущая трение металла о металл и сопротивление пружины, и вдруг заметил, как взгляд молодого часовщика оцепенел.

— Простите, — сказал он, — можно спросить, откуда у вас эти часы?

— От деда, — ответил Харри, удивленный неожиданным благоговением в голосе собеседника.

— Не эти. Вот эти. — Часовщик указал на запястье Харри.

— Их я получил в подарок от прежнего начальника, когда он уходил от нас.

— Н-да… — Молодой человек наклонился к левому запястью Харри, внимательно разглядывая часы. — Без сомнения, не подделка. Щедрый подарок, ничего не скажешь!

— Вот как? А что в них необычного?

Часовщик недоверчиво посмотрел на Харри:

— Вы правда не знаете?

Харри покачал головой.

— Это «Ланге-один Турбийон» фирмы «А. Ланге и сыновья». На задней крышке вы найдете серийный номер, который скажет, сколько экземпляров таких часов было выпущено. Если мне не изменяет память, их сто пятьдесят. У вас на руке одни из самых шикарных часов, какие когда-либо изготовлялись. Конечно, большой вопрос, насколько благоразумно носить их. Строго говоря, при нынешней рыночной стоимости эти часы лучше держать в банковском сейфе.

— В банковском сейфе? — Харри посмотрел на непримечательные с виду часы, которые несколько дней назад выбрасывал в окно. — Выглядят они не слишком изысканно.

— В том-то и дело. Их выпускали только с обычным черным кожаным ремешком, с серым циферблатом, ни брильянтов, ни грамма золота. Хотя то, что выглядит как заурядная сталь, на самом деле платина. Однако главная их ценность — инженерное ремесло, доведенное до уровня высочайшего искусства.

— Надо же. И сколько, по-вашему, они стоят?

— Не знаю. Но у меня дома есть каталоги с аукционными ценами на редкие часы, могу завтра принести.

— Мне достаточно округленной цифры.

— Округленной?

— Ну, приблизительной.

Молодой человек выпятил нижнюю губу, покачал головой. Харри ждал.

— Я бы, во всяком случае, не продавал их меньше чем за четыреста тысяч.

— Четыреста тысяч крон? — невольно вырвалось у Харри.

— Нет-нет. Четыреста тысяч долларов.

Выйдя из мастерской, Харри уже не чувствовал ни холода, ни усталой сонливости, которая по-прежнему сидела во всем теле после двенадцатичасового сна. И толком не обратил внимания на женщину с запавшими глазами, в тонкой кожаной куртке, со взглядом наркоманки, которая подошла к нему и спросила, не с ним ли она разговаривала несколько дней назад и не знает ли он чего о ее сыне, она не видела его уже четыре дня.

— Где его видели последний раз? — машинально спросил Харри.

— А как ты думаешь? Ясное дело, на Плате.

— Как его зовут?

— Кристоффер. Кристоффер Ёргенсен. Эй! Ты слушаешь?

— Что?

— Ты что, под кайфом?

— Извини. Тебе надо взять его фотографию, пойти в Полицейское управление и подать заявление о розыске. Это на первом этаже.

— Фотографию? — Она расхохоталась. — У меня есть фото, где ему шесть лет. Как думаешь, годится?

— А поновее нет?

— Кто бы стал его снимать?

Мартину Харри нашел в «Маяке». Кафе было закрыто, но администратор Приюта впустил Харри с черного хода.

Он отыскал девушку в прачечной, расположенной за складом одежды, она стояла спиной к двери, опорожняя стиральную машину. Чтобы не напугать ее, он тихонько кашлянул.

Мартина повернула голову, а он смотрел на ее лопатки и затылок, думая о том, откуда в ней эта мягкая грация. И сохранится ли она навсегда. Девушка выпрямилась, наклонила голову набок, отвела от лица прядку волос и улыбнулась:

— Привет тебе, о Харри!

Она стояла всего в шаге от него, опустив руки. Он долго смотрел на нее. На по-зимнему бледную, но как бы странно светящуюся изнутри кожу. На чуткие, напряженные ноздри, удивительные

глаза с каплями зрачков, с виду похожими на частичное лунное затмение. На губы, которые она бессознательно сначала поджала, чтобы увлажнить, потом сомкнула, мягкие и влажные, будто после поцелуя. Барабан сушилки урчал.

Они были одни. Мартина глубоко вздохнула, чуть откинула голову назад. До нее всего лишь шаг.

— Здравствуй, — сказал Харри, не двигаясь с места.

Она дважды моргнула. Потом быстро и слегка смущенно улыбнулась, повернулась к столу и начала складывать вещи.

— Я скоро закончу. Подождешь?

— Мне надо написать отчеты до наступления праздников.

— Завтра мы устраиваем здесь рождественский обед, — сказала она, полуобернувшись к нему. — Нет желания прийти помочь?

Он покачал головой.

— Другие планы?

На столе рядом с ней лежала «Афтенпостен». Целая полоса отведена солдату Армии спасения, найденному вчера вечером в туалете ословского аэропорта Гардермуэн. Газета цитировала комиссара Гуннара Хагена, который заявил, что

полиции неизвестен ни убийца, ни мотив, однако здесь явно просматривается связь с убийством на Эгерторг, случившимся на минувшей неделе.

Поскольку жертвы были родными братьями, а подозрения полиции пали в первую очередь на неопознанного хорвата, газеты уже изощрялись в домыслах насчет возможной кровной мести. «Верденс ганг» указывала, что семья Карлсен неоднократно проводила отпуск в Хорватии и, учитывая хорватскую традицию кровной мести, подобное объяснение как бы напрашивается. Передовица «Дагбладет» предостерегала от предвзятостей, подчеркивая, что не стоит стричь хорватов под одну гребенку с преступными элементами среди сербов и косовских албанцев.

— Я приглашен к Ракели и Олегу, — сказал Харри. — Только что заходил с подарком для Олега и получил от них приглашение.

— От них?

— От нее.

Продолжая складывать вещи, Мартина кивнула, словно он сказал что-то такое, над чем надо бы поразмыслить.

— Значит, вы…

— Нет, — сказал Харри. — Не значит.

— Она по-прежнему с тем другим? С врачом?

— Насколько я знаю, да.

— Ты не спросил? — Харри услышал в ее голосе обиду.

— Это не мое дело. Он наверняка празднует Рождество со своими родителями. Вот и все. А ты здесь будешь?

Она молча кивнула, аккуратно складывая вещи.

— Я зашел попрощаться.

Она опять кивнула, но не обернулась.

— Прощай, — сказал Харри.

Мартина замерла. Плечи чуть заметно задрожали.

— Ты поймешь. Сейчас тебе, может, и не верится, но со временем ты поймешь, что иначе быть… не могло.

Она обернулась. В глазах стояли слезы.

— Я знаю, Харри. И все же мне бы этого хотелось. Пусть ненадолго. Разве это так много?

— Нет. — Харри криво усмехнулся. — Некоторое время все было бы замечательно. Но лучше расстаться сейчас, не дожидаясь, когда станет больно.

— Так ведь уже больно, Харри. — Первая слезинка покатилась по щеке.

Если б Харри не знал историю Мартины Эк-

хофф, он бы подумал, что столь молодая девушка никак не может знать, что такое боль. Но сейчас ему вспомнились слова матери, которые он слышал от нее в больнице: жизнь без любви пуста, но еще более пуста жизнь без боли.

— Я пойду, Мартина.

И он действительно ушел — к машине, припаркованной у тротуара, постучал в боковое стекло, которое немедля скользнуло вниз.

— Она стала большой девочкой, — сказал он. — Не знаю, надо ли теперь так ее опекать. Знаю, ты все равно будешь, просто хотел тебе сказать. И пожелать счастливого Рождества и удачи.

Рикард вроде бы хотел что-то сказать, но в конце концов только кивнул.

Харри зашагал в сторону «Эйки». В воздухе уже чувствовалась оттепель.

Халворсена похоронили на третий день Рождества. Шел дождь, талая вода бурными ручьями бежала по улицам, снег на кладбище стал серым и тяжелым.

Харри вместе с другими нес гроб. Перед ним шел младший брат Джека. Харри догадался по походке.

После они собрались в ресторане «Валькирия», в народе известном как «Валька».

— Идем-ка со мной. — Беата повела Харри к столику в углу. — Все пришли.

Харри кивнул. Думая о том, что нет Бьярне Мёллера. И вестей от него никто не имел.

— Мне нужно кое-что выяснить, Харри. Поскольку дело так и не раскрыто.

Он посмотрел на нее. Лицо бледное, осунувшееся от горя. И хотя трезвенницей ее не назовешь, сейчас в бокале была минеральная вода. Почему бы это? Если б мог, он бы сегодня оглушил себя до бесчувствия.

— Дело не закрыто, Беата.

— Харри, по-твоему, у меня нет глаз? Дело передано остолопам и недоумкам из уголовной полиции, которые только бумажки перекладывают да чешут в затылке, потому что мозгов у них нет.

Харри пожал плечами.

— Но ведь ты раскрыл дело, верно? Ты знаешь, что произошло, только никому не говоришь.

Харри пригубил кофе.

— Почему, Харри? Почему так важно, чтоб никто не узнал?

— Я собирался рассказать тебе. Через некоторое время. Убийства заказывал в Загребе не Роберт. А сам Юн.

— Юн? — Беата недоверчиво воззрилась на него.

Харри рассказал ей про монету и про Эспена Касперсена.

— Но мне нужно было знать наверняка. И я пошел на сделку с единственным человеком, который мог опознать Юна как того, кто приезжал в Загреб. Я дал матери Станкича номер мобильника Юна. Она позвонила ему в тот вечер, когда он изнасиловал Софию. По ее словам, сначала он ответил по-норвежски, но она молчала, и тогда он заговорил по-английски, спросил: «Is that you?» — видимо, решил, что звонит Маленький Спаситель. Затем она связалась со мной и подтвердила, что именно этот голос слышала в Загребе.

— Она была совершенно уверена?

Харри кивнул:

— Она сказала «quite sure». Юн говорил с акцентом, который ни с чем не спутаешь.

— А что ты предложил ей взамен?

— Позаботиться о том, чтобы наши не расправились с ее сыном.

Беата отпила большой глоток воды, словно информация застряла в горле и надо ее запить.

— Ты? Обещал?

— Я поклялся, — сказал Харри. — А сейчас я скажу то, что ты должна знать. Халворсена убил не Станкич. Его убил Юн Карлсен.

Беата изумленно смотрела на него. Глаза ее наполнились слезами, и она с горечью прошептала:

— Это правда, Харри? Или ты говоришь так только затем, чтобы мне стало легче? Ты ведь думаешь, я не смогу жить, зная, что преступник ушел от наказания?

— Ну что ж. У нас есть складной нож, найденный под кроватью в квартире Роберта на следующий день после того, как Юн изнасиловал там Софию. Если ты без шума попросишь Судмедэкспертизу проверить, соответствует ли кровь на лезвии ДНК-профилю Халворсена, думаю, твоя душа обретет покой.

Беата смотрела в бокал.

— Я знаю, в отчете написано, что ты заходил в туалет, но никого там не видел. А мне думается, ты видел Станкича, но не стал его останавливать.

Харри не ответил.

— По-моему, ты никому не сказал, что тебе известно о вине Юна, так как не хотел, чтобы кто-нибудь помешал Станкичу выполнить заказ.

Убить Юна Карлсена. — Голос Беаты дрожал от ярости. — Но если ты воображаешь, что я скажу тебе за это спасибо, то ошибаешься.

Она со стуком поставила бокал на стол, несколько человек оглянулись. Харри молча ждал.

— Мы полицейские, Харри. Блюстители закона, а не судьи. И ты, черт побери, вовсе не мой персональный спаситель, понятно?

Харри судорожно вздохнул, провел тыльной стороной руки по глазам, смахивая слезы. Спросил:

— Ты закончила?

— Да. — Беата с вызовом посмотрела на него.

— Я сам толком не знаю, что побудило меня поступить именно так. Мозг — странная машина. Возможно, ты права. Возможно, я способствовал случившемуся. Но должен сказать тебе, что действовал я вовсе не ради твоего спасения, Беата. — Харри залпом допил кофе и встал. — А ради собственного.

За несколько праздничных дней дождь дочиста промыл улицы, снег полностью сошел, а когда настал Новый год с небольшим морозцем и легким пушистым снежком, зима словно бы взяла новый и более удачный старт. Олег получил в подарок горные лыжи, и Харри поехал с ним на лыжню

Виллерлёйпа и для начала показал поворот из плуга. На третий день в машине по дороге домой Олег спросил, скоро ли они испробуют ворота.

У гаража стояла машина Лунн-Хельгесена, поэтому Харри высадил Олега у подъездной дорожки и поехал домой. Лег на диван и, глядя в потолок, стал слушать пластинки. Старые.

На второй неделе января Беата сообщила, что беременна и что ребенок, ее и Халворсена, родится в начале лета. Задним числом Харри подумал, что вконец ослеп.

Вообще в январе у Харри было время поразмыслить, поскольку проживающая в Осло часть человечества как будто бы решила сделать перерыв и не убивать друг друга. Вот он и прикидывал, не перевести ли Скарре к себе, в комнату 605, в просветконтору. Обдумывал, что делать с остальной своей жизнью. И размышлял о том, узнаёт ли человек когда-нибудь, правильно ли и справедливо ли поступал, пока жил.

Только в конце февраля он заказал билет в Берген.

В городе на семи холмах по-прежнему стояла осень, снега не было, а на Флёйене Харри не оставляло ощущение, будто окутавшие их тучи те же, что и прошлый раз. Бьярне он нашел во

флёйенском ресторане.

— Говорят, ты теперь все время тут сидишь, — сказал Харри.

— Я ждал, — ответил Бьярне Мёллер, допивая пиво. — Ты не очень-то спешил.

Они вышли на улицу, стали у балюстрады смотровой площадки. С прошлого раза Мёллер вроде бы еще побледнел и исхудал. Глаза ясные, но лицо отечное, руки дрожат. Харри грешил больше на таблетки, чем на спиртное.

— Я не сразу понял, что ты имел в виду, — сказал Харри. — Ну, когда ты говорил, что надо отследить деньги.

— Разве я был неправ?

— Прав. Конечно. Просто я сперва думал, ты говоришь о моем расследовании. А не о себе.

— Я говорил обо всем, Харри. — Ветер то бросал длинные пряди волос в лицо Мёллеру, то сдувал их в сторону. — Кстати, ты не рассказал, удовольствовался ли Гуннар Хаген раскрытием дела. Вернее, его нераскрытием.

Харри пожал плечами:

— Давид Экхофф и Армия спасения уберегли от мучительного скандала, который мог нанести ущерб их репутации и работе. Альберт Гильструп потерял единственного сына, невестку и кон-

тракт, который, вероятно, спас бы семейное состояние. София Михолеч и ее семья возвращаются домой в Вуковар. Они получили поддержку от нового тамошнего благотворителя и будут строить дом. Мартина Экхофф встречается с молодым человеком по имени Рикард Нильсен. Короче говоря, жизнь идет своим чередом.

— А ты как? Встречаешься с Ракелью?

— Время от времени.

— А что с тем врачом?

— Я особо не допытываюсь. Сами разберутся.

— Она хочет, чтобы ты вернулся, да?

— По-моему, ей бы хотелось, чтобы я был способен жить так, как живет он. — Харри поплотнее запахнул куртку и прищурясь глянул на раскинувшийся внизу город. — Иной раз мне и самому этого хочется.

Повисло молчание.

— Я отнес часы Тома Волера к молодому часовщику, который знает толк в подобных вещах. Помнишь, я в тот раз рассказывал, как меня мучил кошмар о «Ролексе», который все тикал и тикал на отрубленной руке Волера?

Мёллер кивнул.

— Я получил объяснение, — сказал Харри. — У самых дорогих в мире часов ход регулируется

системой «Турбийон» с частотой двадцать восемь тысяч колебаний в секунду. Поэтому секундная стрелка внешне плавно скользит по циферблату. Причем механизм таков, что тикают эти часы громче других.

— Да, «Ролекс» — часы хоть куда.

— Однако у Волера марка «Ролекс» использовалась как камуфляж. На самом деле его часы — «Ланге-один Турбийон». Один из ста пятидесяти экземпляров. Той же серии, что и твой подарок мне. Последний раз, когда «Ланге-один Турбийон» выставляли на аукцион, исходная цена составляла три миллиона крон.

Мёллер кивнул, по его губам словно бы скользнула едва заметная улыбка.

— Вот так вы платили сами себе? — спросил Харри. — Часами за три миллиона?

Мёллер застегнул пальто, поднял воротник.

— Они стабильны в цене и не так бросаются в глаза, как дорогие автомобили и дорогие произведения искусства. Их легче провезти контрабандой, чем наличные деньги, и отмывать не нужно.

— И часы обычно передаривают.

— Именно.

— Так что же произошло?

— Это долгая история, Харри. И как многие трагедии, началась она из самых благих побуждений. Нас было несколько человек, и все мы хотели внести свою лепту. Навести порядок там, где правовое общество потерпело неудачу. — Мёллер надел черные перчатки. — Кое-кто говорит, так много преступников разгуливает на свободе, потому что, мол, система правопорядка похожа на крупноячеистую сеть. Только это сравнение ошибочно. Напротив, сеть тонкая, с мелкими ячейками, она отлавливает мелочь, а напора крупной рыбы не выдерживает, рвется. Мы хотели стать второй сетью, такой, что остановит акул. Среди нас были не только полицейские, но и юристы, политики, чиновники, которые видели, что наша социальная структура, законодательство и правовая система совершенно не готовы противостоять международной организованной преступности, хлынувшей в страну, когда мы открыли границы. Полиция не обладала полномочиями, позволяющими на равных вести игру с нарушителями закона. Поэтому впредь до обновления законодательства приходилось действовать скрытно.

Мёллер покачал головой, устремив взгляд в пелену тумана.

— Однако там, где все наглухо закрыто и засекречено, всегда заводится гниль. Так вышло и с нами: сначала эти бациллы внушили нам, что надо контрабандой ввозить оружие, чтобы не допустить превосходства противника в этой области. Дальше — больше: мы начали продавать оружие, чтобы финансировать свою деятельность. Явный парадокс, но те, кто протестовал, быстро обнаружили, что гниль одержала верх. Затем мы стали получать подарки. На первых порах мелкие. Якобы в порядке поощрения, стимула. С намеком, что отказ от подарка будет воспринят как отсутствие солидарности. На самом же деле это была лишь очередная фаза разложения, коррупция, которая незаметно засасывала тебя в трясину, и в конце концов ты сидел по уши в грязи. И ведь на попятную не пойдешь, слишком у них много компромата на тебя. А хуже всего, что ты знать не знал, кто такие эти «они». Наша сеть состояла из небольших ячеек, которые поддерживали между собой связь через контактных лиц, дававших клятву молчать. Я не знал, что Том Волер один из нас, что именно он организовал контрабанду оружия и что вообще существовал некто с кодовым именем Принц. Пока вы с Эллен не докопались. Тогда-то я понял, что мы

давным-давно забыли свою изначальную цель, что давным-давно нами движет один-единственный мотив — жажда личного обогащения. Что я коррупционер. И тоже виновен в том… — Мёллер глубоко вздохнул, — что погибли такие полицейские, как Эллен Йельтен.

Клочья и пласты облаков вихрились вокруг, скользили мимо — казалось, Флёйен летит.

— И в один прекрасный день мне стало невмоготу. Я попытался уйти. Они предложили мне альтернативу. Весьма простую. Но за себя я не боюсь. Боюсь только, что они навредят моей семье.

— Поэтому ты уехал от них?

Бьярне Мёллер кивнул.

— И эти часы подарил мне, чтобы положить этому конец? — Харри вздохнул.

— Я не мог выбрать никого другого, Харри, только тебя.

Харри кивнул. В горле стоял комок. Он думал о том, что́ Мёллер сказал прошлый раз, когда они стояли здесь, на вершине горы. Как странно сознавать, что всего в шести минутах от центра второго по величине норвежского города человек может заблудиться и погибнуть. И точно так же можно находиться, так сказать, в средоточии правопорядка и вдруг сбиться с пути и стать тем,

против кого борешься. А еще он думал о большой вычислительной задаче у себя в голове, о множестве больших и малых промежуточных решений, которые привели к тем последним минутам в ословском аэропорту.

— А вдруг я не так уж отличаюсь от тебя, шеф? Что, если я скажу, что мог бы оказаться на твоем месте?

Мёллер пожал плечами:

— Случайности и нюансы — вот что отличает героя от преступника, так было всегда. Порядочность — добродетель ленивого и лишенного фантазии. Без нарушителей закона, без непокорности мы бы по сей день жили в Средневековье. Я проиграл, Харри, просто проиграл. Я во что-то верил, но ослеп, а когда прозрел, был уже насквозь коррумпирован. Так происходит постоянно, на каждом шагу.

Съежившись от ветра, Харри подыскивал слова. А когда наконец заговорил, голос звучал чуждо, устало:

— Извини, шеф. Не могу я повязать тебя.

— Ладно, Харри, об остальном я позабочусь сам. — Мёллер говорил спокойно, чуть ли не утешал. — Я просто хотел, чтобы ты всё увидел. И понял. И возможно, извлек урок. Вот и всё.

Харри всматривался в непроглядный туман, тщетно стараясь выполнить просьбу своего начальника и друга — увидеть всё. Аж слезы брызнули от напряжения. А когда обернулся, Бьярне Мёллера рядом не было. И он крикнул в туман его имя, хоть и знал, что Мёллер прав: вот и всё. Но ему казалось, все же стоит позвать его по имени.